

Кирилл  Шатилов

Солнечный АЛЬБИОН



*Честный путеводитель
по Великобритании
и Ирландии*

best-repetitor.jimdo.com

Кирилл Шатилов

Солнечный Альбион

*Честный путеводитель
по Великобритании и Ирландии*

(Использованы фотоиллюстрации автора)

Издание 2-е, исправленное и дополненное



ВСПЛУЩЕНИЕ

Эта книга для тех, кто любит думать и путешествовать. Её автор, побывавший во многих уголках света, от Швеции до ЮАР и от Японии до Бразилии, в живой и познавательной форме описывает свои странствия по Англии, Уэльсу, Шотландии и Ирландии. Прочитав её, вы, наконец, узнаете:

- ✓ как получить английскую визу и не получить воспаление мозга;
- ✓ кого берут в лондонские таксисты и почему у них левостороннее движение;
- ✓ сколько зарабатывает и тратит королева;
- ✓ как поступить в Оксфорд и что творится в Итоне;
- ✓ зачем целуют ирландские камни;
- ✓ кто, когда, а главное — зачем построил Стоунхендж;
- ✓ зачем устроили Великий пожар, и кому это было нужно;
- ✓ чем английский язык отличается от шотландского, ирландского и валлийского;
- ✓ в каких соборах вкуснее готовят;
- ✓ как правильно пить «Гиннесс», из чего варят самогон в Ирландии и в чём особенность шотландского виски;
- ✓ что случилось с «Титаником»;
- ✓ отчего шотландцы едят хаггис;
- ✓ почему фамилию «Шекспир» нужно писать в кавычках;
- ✓ чего нельзя купить в самом большом магазине Европы;
- ✓ и многое, многое другое...

Книга богато иллюстрирована авторскими фотографиями¹ и представляет собой не столько путеводитель, сколько интересного и остроумного спутника в путешествии по стране, которую когда-то ошибочно назвали Туманным Альбионом. Даже если вы никогда прежде не собирались его посетить, после прочтения этой книги вы непременно захотите увидеть всё своими глазами.

¹ Полный набор фотографий из этой поездки можно увидеть на сайте best-repetitor.jimdo.com в разделе «Фото»

Глава 1 - Из которой вы узнаете о том, зачем для поездки в Англию нужно знать английский язык и иметь стальные нервы

- Ваши билеты? – спросила не то бледная индуска, не то загорелая таджичка, почти упираясь мне в лицо своим изрядно выпуклым животом с форменной бляшкой кондуктора лондонских ж/д.

Билетов у нас с женой не было.

- А можно купить? – невинно поинтересовался я, для пущей убедительности доставая красную королеву² и пребывая в наивной уверенности, что её нам хватит надолго.

- Конечно, - охотно согласилась девушка. – С вас сорок восемь.

Не знаю, какой на дворе курс британского фунта сейчас, уважаемый читатель, но тогда он стоил в среднем пятьдесят рублей. Таким образом, пятнадцатиминутная поездка от аэропорта Хитроу (*Heathrow*) до вокзала Пэддингтон (*Paddington*), находившегося неподалёку от нашей будущей гостиницы почти в центре Лондона, обошлась нам в без малого 2 400 рублей на двоих. Правда, поезд был не регулярный, а «экспресс», в вагоне было удобно и просто, под потолком невозмутимый обозреватель вещал с экрана телевизора об очередных революционных преобразованиях не то в экономике, не то в социальной жизни своих соотечественников, а позади были долгие месяцы сборов и волнений. Вероятно, поэтому от банкноты я избавился с лёгкостью, за две жалкие монетки сдачи поблагодарил с улыбкой и вернулся к камере, которой то и дело запечатлевал отрезки нашего многообещающего маршрута...

Мысль наведаться в Англию принадлежала моей жене Алине. К тому времени я уже побывал там раз десять, из которых лишь однажды – в качестве туриста, а так в основном с командировочными целями: то в головной офис одной уважаемой международной фирмы, расположенный в симпатичном местечке Милтон Кинс (*Milton Keynes*)³ под Лондоном, где находилось всё руководство

² Банкнота в 50 фунтов имеет светло-красный оттенок, а портрет королевы на британских купюрах – вещь обязательная (здесь и далее примечания автора)

³ «Википедия» сегодня называет Милтон Кинс *“a large town”*, то есть «большой маленький город». Городок этот примечателен не только тем, что я когда-то провёл там довольно много времени, но и своим быстрым развитием. Фактически, это своеобразный жилой комплекс, состоящий из городков Блетчли (*Bletchley*), Вулвертон (*Wolverton*) и Стоуни Стратфорд (*Stony Stratford*) и ещё пятнадцати деревенок и ферм. Насколько мне известно, Милтон Кинс до сих пор не получил официального статуса города – *“city”*, однако его жители называются *“citizens”*. Находится в 45 милях (72 километрах) к северо-западу от Лондона.

нашего отдела маркетинга, то непосредственно в Лондон на очередной не бог весть какой важный семинар по Интернет-продвижению, то ещё зачем-нибудь. Одним словом, когда мысль о поездке в Англию возникла, я сразу же решил её как следует уложить.

- Поедем по всей стране, - сказал я. – Одной Англии будет мало. Давай уж тогда заглянем заодно в Уэльс, Ирландию и Шотландию. И не вдвоём, потому что либо такая поездка выльется в копеечку, либо мы где-нибудь основательно застрянем, а в группе. Но только не в нашей, а в буржуйской. Чтобы гид был местный и вещал на родном, английском. Тогда впечатления от поездки будут наиболее полными.

Алина со вздохом согласилась, сообразив, что я в очередной раз перетянул одеяло на себя, потому что общение на английском – не совсем её стихия. Однако моим вкусам она доверять привыкла, да и две недели вдали от любимой плиты и подрастающих чад выглядели не так уж плохо в любом случае.

Жизненный опыт с завидным постоянством доказывает нам правоту расхожего представления о том, что наше земное бытие есть ничто иное, как зебра. Черная полоса сменяет белую, и наоборот. Разумеется, это отнюдь не повод для грусти. Если для пессимистов тут коренится причина сказать, что наверняка будет хуже, для оптимистов, как вы понимаете, в чехарде полос, напротив, скрывается грядущее счастье: если сегодня плохо, то завтра обязательно будет хорошо.

Я на подобную программу нашего жизненного тренажёра смотрю ещё более философски. Неотвратимость расплаты, равно как и воздаяния (эвон меня как на высокопарности потянуло!), на мой взгляд, должно возвращать мыслящего человека к понятию «золотой середины», то есть того гармоничного состояния души, при котором в белой полосе мы видим неизбежность черной, в черной – белой и т.д. А когда же радоваться жизни, спросит встрепещенный читатель. В том-то и дело! Радоваться жизни нужно и можно всегда.

Именно поэтому я не слишком отчаивался, начиная готовиться к путешествию по Британским островам и памятуя о прошлых поездках, когда достаточно было заглянуть в маленькое посольство на Софийской набережной, практически без очереди (если мне не изменяет память) забрать парочку бланков для спокойного заполне-

ния в домашней обстановке, вернуться, подождать час-другой, пока тебя впустят внутрь, сдать документы, ответить на какой-нибудь ничего не значащий вопрос и уйти восвояси, чтобы дня через два забрать паспорт уже с визой. Гораздо сложнее тогда, в 90-е годы, было этот паспорт получить в «родном» ОВИРе.

Потом английское посольство перебралось на склон холма в районе Смоленской набережной, что тоже не вызвало у отъезжающих больших осложнений, поскольку принцип подачи документов нисколько не изменился, зато внутри появились в огромном количестве «посадочные места», где можно было тихо и мирно дожидаться своей очереди на «собеседование», следя за табло со сменяющимися друг друга номерами, один из которых соответствовал тому, что ты получил при входе, а окошек для общения с русско-английскими сотрудниками стало не два и не три, а добрый десяток. Причем почти все они работали одновременно. Каких-нибудь сорок минут, и ты выходил на улицу уверенный в завтрашнем дне, точнее, в дне, когда тебе нужно будет вернуться, чтобы с гордым видом посидеть в том же помещении, но теперь уже лишь для того, чтобы забрать визу, ловя на себе завистливые взгляды «сдающих».

Обо всём этом я поначалу не думал. Потому что действовать нужно было издалека, с поиска интересного (то есть, максимально длинного и всеохватывающего) маршрута, а заодно и туроператора (как мы изначально условились – местного), который бы этот самый маршрут предложил.

Как ни странно, даже после беглого знакомства с существующими на английском туристическом рынке предложениями выяснилось, что выбор не так уж велик. И по части маршрутов и по части операторов, их предлагающих. С первым я угадал сразу, со вторым сперва думал, что промахнулся, но потом понял, что, как водится, всё к лучшему. Однако давайте не будем забегать вперёд...

Лучший из найденных маршрутов назывался незатейливо *“Wonders of Britain and Ireland”* («Чудеса Британии и Ирландии»), занимал 12 дней, и одна из устраивавших нас дат отъезда из Лондона приходилось на 24-е апреля, а цифру 24 я почему-то люблю с детства. Чисто же географически выглядел он следующим образом:

- 1-й день: Лондон – Виндзор – Стоунхендж – Бат – Кардифф⁴
- 2-й день: Кардифф – Пембрук – Уотерфорд⁵
- 3-й день: Уотерфорд – Бларни – Кэнмаре
- 4-й день: Кэнмаре – «Кольцо Керри» – Лимерик
- 5-й день: Лимерик – Голуэй – Дублин
- 6-й день: Дублин
- 7-й день: Дублин – Ливерпуль
- 8-й день: Ливерпуль – Озерный край – Эдинбург⁶
- 9-й день: Эдинбург
- 10-й день: Эдинбург – Йорк
- 11-й день: Йорк – Ковентри – «Страна Шекспира»
- 12-й день: «Страна Шекспира» – Блейдон – Стратфорд-на-Эйвоне – Оксфорд – Лондон



Сухим списком сей маршрут смотрится довольно сжато, однако, если удосужиться провести линию, соединяющую все эти точки на карте, то получится очень даже приличное кольцо, захватываю-

⁴ Это уже Уэльс, точнее, его столица

⁵ А это уже территория Ирландии, которая Республика, а не Северная, т.е. не часть Великобритании

⁶ Который, как вы знаете, является столицей Шотландии

щее юг Англии, перерезающее Уэльс, затем Ирландское море, огибающее южную, западную и северную части республиканской Ирландии, возвращающееся в Уэльс, взлетающее в Шотландию и снова падающее обратно, через всю центральную Англию, в объятья Лондона. Круг замыкается.

По-французски, как вы знаете, «круг» - это «тур» (откуда, в частности, название велосипедных гонок «Тур де Франс»). Французский после прихода в Англию Вильгельма Завоевателя не одну сотню лет портил английский. Английское «кольцо» (оно же «ринг») удержалось, а вот французское стало тем самым «туром», которое легло в основу столь любимого нами теперь слова «туризм». Таким образом, “*tour*” в английском языке – это путешествие по кругу. Зачем я это говорю? На всякий случай. Вдруг вы не знаете, что известное вам слово “*trip*” – это тоже «путешествие», но только «туда и обратно». А “*journey*” – путешествие долгое и тоже, как правило, соединяющее две точки маршрута. Ну, про “*voyage*” все слышали, что это французское словечко стало означать в английском языке исключительно «путешествие по воде», так что упомяну его здесь лишь для порядка. А вот последнее из этого перечня и часто употребляемое слово “*travel*” интересно тем, что фактически не имеет множественного числа. Хотя, конечно, это неписанное правило иногда нарушается. Особенно теми, кто читал или хотя бы видел английский оригинал романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», название которого пишется “*Gulliver’s Travels*”. По словам интеллигентных англичан, это – единственное выражение, в котором “*travels*” пишется в форме множественного числа.

Однако я отвлёкся...

Возвращаясь к туризму, нелишним будет напомнить любознательному читателю, что первыми туристами в полном смысле этого слова, то есть, путешественниками ради удовольствия, а не, например, странствующими из сугубо религиозных соображений пилигримами, стали именно англичане. Первым официальным туристическим агентством в мире сегодня признана компания *Cox & Kings*. Она открылась аж в 1758 году.

К сожалению, найденное мною путешествие предлагала не она, а сразу несколько лондонских контор, о серьёзности которых я мог судить лишь по внешнему виду их сайтов. Цены у всех были примерно одинаковые – 1 799 фунтов (примерно 90 000 руб.) с человека за 12 дней путешествия и включали переезды, ночёвки в гости-

ницах, завтраки, а кое-где даже ужины как возможность сперва по-лучше познакомиться с участниками группы, потом отведать мест-ной кухни, а в конце – достойно попрощаться. Перелёт туда-сюда, проживание в Лондоне до и после тура, соответственно, выходили за рамки этой суммы.

Всё бы было неплохо, но я, при всей своей юной прыти и за-дорности, человек старой закалки. И после никого, кроме, похоже, меня, не научившего опыта дефолта 1998 года знаю, что в банк можно идти только с одной целью – его ограбить. Больше там де-лать нечего. Если вы вынуждены получать зарплату на пластмассо-вый прямоугольник, мой вам дружеский совет: снимайте её в тот же день, когда капнут деньги. Второго шанса может просто не быть.

Иными словами, мне теперь стоило подумать о том, как ука-занную в ценнике сумму перевести в Англию да ещё так, чтобы по-лучивший её потом не сделал удивлённого лица и не сказал «А вы кто такой?».

Не хочу никому делать лишнюю рекламу, но опыт подсказывал мне, что самый простой способ – это воспользоваться услугами «Вестерн Юнион». Подробности можете сами уточнить на их сайте, а на словах скажу, что пользуюсь ими не один десяток лет (хотя, нет, наверное, как раз десяток) и до сих пор никаких проблем не имел. Конечно, приходится платить комиссию, но она всегда от-крытая и ты знаешь, сколько у тебя берут за перевод. Любой «чих» с пластиковой карточкой тоже стоит денег, но про них банки гово-рят очень мелким шрифтом, а владельцы гибкой пластмассы поче-му-то предпочитают до поры до времени не задумываться.

Короче, я решил действовать испытанным способом, а именно – налаживать личные отношения с людьми. Поэтому я просто сел и написал лаконичное письмо директору того самого английского агентства, чей сайт показался мне наиболее серьезным и симпатич-ным.

Директора звали Джоди (*Jody*). Хотя имя Джоди является про-изводным от имени *Judah*, то есть, Иуда, и даётся англосаксами мальчикам, но иногда и девочкам, а писаться при желании может и *Jodey*, и *Jodi*, и *Jodie*, я решил этому товарищу поверить. Интересно было наблюдать, как меняется его отношение ко мне по мере того, как от первого и-мейла с общим вопросом я перешёл к конкретным датам и цифрам, а в итоге перевёл-таки стартовую сумму. Он пове-

рил в то, что это не розыгрыш с моей стороны, и сосредоточился. Я же скрестил пальцы и стал ждать подтверждения брони на поездку, а заодно и официальной бумаги от агентства, которая явилась бы в английском посольстве неоспоримым доказательством того, что такая-то семейная пара направляется в путешествие по Альбиону, но в означенный срок вернётся домой, и не станет зачем-то просить политического убежища. Английский футбол я любил, однако покупать футбольный клуб, честное слово, пока не собирался.

Джоди искренне отказывался понимать, зачем мне нужны какие-то подтверждающие бумаги. Я попросил его не думать, а просто прислать что-нибудь, что говорило бы о цели моей поездки. Например, счёт, то есть, инвойс, где было бы сказано, что я заплатил такую-то сумму и рассчитываю получить за это такой-то объём радостей. Для меня это было бы двойной страховкой: и посольство в курсе чистоты моих намерений, и я, если что, всегда смогу обратиться в какой-нибудь гаагский трибунал с просьбой наказать обманщиков.

Наконец, счёт был получен. Он не содержал перечня городов и гостиниц по маршруту (на что я очень рассчитывал), зато содержал то, что меня лишний раз убедило в правильности «личных связей». Выяснилось, что вместо кочующей по Интернету суммы в 1 799 фунтов я должен буду в итоге заплатить «всего» 1 500 за человека, поскольку Джоди давал нам с женой скидку практически в 600 фунтов. Не зря говорят, мол, будь проще, и люди к тебе потянутся.

Во-вторых, в счёте отразился настоящий туроператор, организуемый «Чудеса Британии и Ирландии». Им оказалась некая компания с испанским названием «Трафальгар». Почему с испанским? Ну, как мы все слышали, Трафальгарская битва произошла в 1805 году у мыса Трафальгар, что составляет часть Атлантического побережья именно Испании. В итоге сей битвы Наполеон, как говорят, отказался от высадки в Англии, Англия получила статус «хозяйки морей», вице-адмирал Горацио Нельсон героически погиб, в его честь воздвигли колонну, а стоит она теперь под охраной чёрных львов посреди Лондона на Трафальгарской площади. Кстати, имейте в виду, что произносить это слово на английский манер надобно «трафáлга» с ударением на среднее «а». Ну, на тот случай, если будете в тамошних местах или решите воспользоваться паролками и явками.

Что же до моих тогдашних мытарств, то они, оказывается, только начинались.

В свои планы я посвятил сотрудницу соседней с нашим домом турфирмы, от которой мы всей семьёй уже не один год колесили по свету. Ведь нам с женой нужно было долететь до Лондона, прожить там несколько дней, чтобы акклиматизироваться и хотя бы бегло осмотреть город (кстати, «бегло» получается в случае Лондона всегда, даже если вы проводите в нём месяц), а потом повторить всё то же самое в обратной последовательности после возвращения из тура и благополучно добраться до нелюбимой, но родной Москвы.

Тут то я и узнал, что, оказывается, теперь ни в какое английское посольство идти не нужно, но зато и вместо меня никто моими документами на визу заниматься не будет. Потому что теперь у них всё по-взрослому – через Интернет. А непосредственно оформлением занимается вообще некое уполномоченное российское агентство. Я сразу почувствовал, что эта преграда может оказаться похуже перевода денег чужим людям за кордон. К счастью, я, как обычно, начал беспокоиться загодя, точнее, в ноябре, а отъезд, если вы помните, наметил на конец апреля. А потому, пока знакомая подбирала для нас лондонскую гостиницу, почти спокойно отправился в он-лайн выяснять, что к чему.

Первое, что вам стоит знать, оформляясь в Англию, это то, что ваши документы будут мурыжить порядка двух месяцев. Могут и дольше. Но едва ли меньше. Конечно, наверняка есть обходные пути и какие-нибудь особо «приближенные к телу» агентства, которые сделают это быстрее, но эти строки я пишу для обычных людей. Так что готовьтесь. В смысле, заранее.

Во-вторых, уже одно ваше желание посетить родину мистера Бина будет стоить вам денег. Даже если вам откажут в визе, и вы туда никогда не поедите. Потому что консульский сбор в любом случае вами должен быть переведён на их счета до сдачи документов. В то время, о котором с нервной дрожью вспоминаю я, за одного человека потомки Сильвера требовали выложить без малого 3 800 рублей (порядка 120 долларов США).

В-третьих, учите английский язык. Поскольку по указанному адресу вас встретит в Интернете международный сайт (англоязычный, разумеется), на котором вам сначала придется найти Россию, пройти по ссылке на сайт упомянутого уполномоченного агентства, прочитать там кучу грустной информации насчёт правил оформле-

ния виз, сроков и т.п., а потом снова вернуться на международный сайт и заполнить там анкету.

«Заполнить анкету», согласитесь, звучит элементарно. А теперь послушайте, что это означает в данном случае.

Первым делом, вы создаёте прямо там собственный аккаунт. Задача нехитрая, но только учтите, что логин и пароль срабатывают не всегда. У меня после первой попытки он во второй раз уже загружаться отказался, так что пришлось начинать всё сначала. Что именно «всё»? А вот что.

В режиме он-лайн после создания аккаунта вас встречает весёленькая анкета. Она появляется на экране блоками, так что поначалу вы даже не знаете, сколько в ней вопросов. Но по мере заполнения ваши волосы постепенно встают дыбом, и вы осознаёте, что тех документов, которые сейчас лежат рядом с вами на столе, точно не хватит. Вам нужно знать всё про своих родителей, про себя, про спутников (если вы едите не один), про детей, (причем неважно, едут ли они или остаются грустить дома), про ваш военный билет, про ваш институт, про все ваши работы, про все ваши бывшие и ныне здравствующие паспорта (причем и заграничные, и внутренние), про ваши счета, одним словом, имейте при себе любые справки из роддомов, ЗАГСов, отделов кадров, банков и т.п. Как человек доверчивый и наивный, я сразу всех справок при себе не имел, а потому закрыл на сайте тот первый свой аккаунт... и никогда больше не смог в него попасть.

Наконец, вооружённый спустя несколько дней до зубов (как мне казалось), я снова посетил неприступный сайт, создал свеженький аккаунт (сперва только для себя, поскольку жена — это другой человек, т.е. ещё один аккаунт) и начал заполнять блок за блоком.

Забыл упомянуть: анкету невозможно распечатать. То есть, возможно и даже нужно, но только после того, как вы её всю заполните. Поэтому поначалу вы идёте буквально по минному полю, пользуясь исключительно собственным наитием, и кормите себя надеждой, что тамошние Бонды не станут докапываться до каждой запятой.

Уж коль скоро я эту задачу осилил, причём два раза (за себя и за жену) скажу сразу, что вопросов в анкете больше 100. Значительно больше 100. Вопросы на английском, так что и ответы ожидаются на нём же. Посему повторяю: учите язык! Либо ищите в той же сети всякие агентства, специализирующие на отъёме денег у

безграмотного и ленивого населения, которое английского не знает. Анкету они заполняют за вас, но за свои услуги возьмут далеко не одну тысячу ваших кровных.

В процессе заполнения я каким-то чудом научился анкету ещё и сохранять. Или вдруг логин с паролем нашли общий язык. Не знаю, но в свой аккаунт мне удалось войти повторно, когда я скремлился и заставил себя купить принтер. До этого у меня его не было и даже не намечалось. Потому что читать умные книги я давно научился с экрана телефона, «таблетки» или на худой конец компьютера, а 2-3 страницы в год всегда распечатывал за пять копеек на стороне. Но сейчас передо мной была проблема глобального масштаба, и я понял, что решать её нужно так же глобально. Последней каплей было то, что кроме анкеты (один экземпляр посылаете им в он-лайне, другой вы распечатываете на 20 страницах и сдаёте с остальными документами, кажется, в одном экземпляре, хотя, быть может, и в двух, чего с радостью не помню) нужно было предоставить в посольство копии всех страниц всех паспортов. Повторяю: всех страниц всех паспортов. Причём не просто так, а чтобы копии страниц были на обеих сторонах листов. Причём, опять не помню, но, кажется, по два разворота на страницу. Одним словом, так, чтобы вы громко взвыли от всей этой английской дури и подумали: а оно мне нужно?

Отступить я был не намерен. Не мог же я обмануть трепетные ожидания жены.

Принтер был куплен, а вместе с ним и сканнер. Потому что до сих пор любезные копировщики и печатники, узнав о выпавшем на мою долю задании, всё посчитали и выставили за свой труд такую сумму, что я понял – пора делать инвестиции в настоящее и будущее.

Потеряв дня два на фигурное копирование и распечатывание пустых паспортных страниц, я на одном дыхании проделал всё вышеописанное ещё раз для жены и, когда последняя анкета исчезла в недрах киберпаутины, с ужасом выяснил две вещи: во-первых, в собственной анкете я указал название своей улицы, но забыл печатать номер дома и квартиры, и, во-вторых, принтер упорно не хотел распечатывать анкеты из Интернета. Доходил до страницы под номером 9, выплёвывал несколько пустых листов и затихал. В этот момент я подумал, что застрелюсь или сделаю ещё что-нибудь по-

хуже. Когда сталкиваешь с бредом, это неприятно. Но когда он оказывается бесконечным, это невыносимо.

Я израсходовал довольно большой запас бумаги и чуть не выбросил новенький принтер, когда меня осенила примитивная идея. Кстати, имея дело с проблемами, вызванными происками буржуев, очень важно думать как можно примитивнее. Знаете, от чего, оказывается, зависело качество распечатки? Не поверите! Оказывается, нужно было заполнять и открывать анкету в майкрософтовском «Эксплорере», а я, панимашь, дурак эдакий, уже лет 10 как эту тупую и медленную программу постирал из всех компьютеров и с удовольствием пользовался «Оперой» и «Хромом» на пару. Так вот, когда решите поехать в Англию, установите у себя «Эксплорер», потряните стариной. К счастью, чудо случилось во второй раз, и логин с паролем на моём анкетном аккаунте снова узнали друг друга. Анкеты были распечатаны. Обе. Правда, на одной не хватало номера дома и квартиры, но тут что в колодце: плюнешь – не поймашь. Я был рад, что хоть что-то кончилось, как в далёком 1989 году, когда получил по марксизму-ленинизму с третьего захода «тройку» и не вылетел из МГУ. Потому что сдуру сказал громко на лекции по данному предмету, мол, «интеллигентный человек не мог сделать революцию». Сейчас это звучит забавно, а тогда злобные преподаватели с кафедры КПСС сговорились и решили меня «прокатить». Пришлось перед третьей попыткой сдачи учить ленинские формулировки в буквальном смысле наизусть, чтобы ответить даже не на «5», а на все «6». Только тогда мне со скрипом ковырнули в зачётке выстраданную «тройку»...

Я покривлю душой, если оставлю вас с ощущением, будто оформление виз – вещь беспробудно грустная и отвратительная. Под конец тоннеля мелькнул и лучик света: оказывается, преодолевшим все тернии заполнения анкет предоставлялась возможность самостоятельно выбрать не только дату, но и время подачи этих опостылевших кип документов в вышеуказанное уполномоченное агентство. Кажется, я даже всплакнул от счастья. Мы с женой выбрали дату буквально на той же неделе, согласовали время и стали ждать.

Причиной спешки было не только наше желание побыстрее отделаться хотя бы от части бюрократической ноши, но и вкрадчивая информация на сайте того же агентства о том, что в конце февраля деньги за подачу (3 800 руб. с человека) должны будут выплачи-

ваться не непосредственно в кассу при сдаче документов, а заранее, безналичным переводом. При моей любви к банкам и тем процентам комиссии, за которые в средние века тогдашних «банкиров» прилюдно казнили на площадях⁷, эта перспектива стала последней каплей. Я решил любой ценой успеть до захлопывания окошка человеческих касс. Потому что с принтерами, сканнерами, «Эксплорерами», справками и справками справок и т.п. мы уже незаметно входили в февраль.

Когда наступил день подачи документов, я уже устал нервничать. Мы просто приехали на станцию метро «Спортивная» и отправились с картой наперевес искать заветное здание в Большом Саввинском переулке⁸. Единственной светлой мыслью в моей всклокоченной голове было воспоминание о том, что неподалеку оттуда находится роддом, где не так давно на свет появился мой младший сын.

В 9 часов 8 минут утра 21-го февраля мы вошли в здание Британского визового центра и были вознаграждены талончиком под номером 1A74. От сердца отлегло, когда я увидел, что нахожусь внутри каре из множества окошек, и что буквально в каждом сидит улыбающаяся девушка, а таких как мы, пришедших и запыхавшихся, не такая уж и толпа. Думаю, ждать нам пришлось минут пять. Номерок на табло высветился, мы подошли к указанной стойке, и я по очереди сгрузил на ту сторону все необходимые бумаги. Девушка пробежала по ним внимательным, но незаинтересованным взглядом, дала два новых талончика на получение виз (с возможностью отслеживания их готовности опять-таки через Интернет) и отправила дальше по кругу – в кассу. Пересчитывая деньги, кассирша подтвердила информацию о скором закрытии этой опции и переходе на он-лайн платежи, и пожелала нам удачи.

Круг закончился на сотруднице, которая вежливо попросила сперва испачкать отпечатками больших пальцев экран какого-то невзрачного приспособления, а затем посмотреть, не моргая, в глаз безликой камере, чтобы наши роговицы (а может, сетчатки, а может и ещё что, не знаю) навсегда остались в анналах британской разведки.

К теме британской слежки и безопасности я ещё вернусь, а на тот момент это было всё. Счастливые, мы покинули визовый центр.

⁷ В мусульманских странах, насколько мне известно, ссудный процент до сих пор вне тамошнего закона.

⁸ Недавно посольство сменило агентство, так что всё стало ещё хуже и дольше.

Спустя месяц с небольшим я вернулся туда в гордом одиночестве и без проблем и лишних вопросов получил два здоровенных, плотно заклеенных пластиковых пакета с никому больше не нужными справками и распечатками. На дне каждого из пакетов таился паспорт с визой. Рубикон был перейдён, гордиев узел разрублен, иерихонские трубы умолкли. Теперь нас ждал перелёт и окончательное выяснение того, состоится ли наше главное путешествие или Джо-ди уже где-то далеко-далеко, на Гавайях, гуляет на наши денежки и пьёт водку за здоровье доверчивых русских.

Глава 2 – Из которой вы узнаете, что такое лондонский аэропорт Хитроу, и вынесете для себя несколько важных уроков по пользованию местным транспортом

Когда на подлёте к Лондону самолёт начнёт снижаться, то есть примерно за полчаса до ожидаемой посадки, не считите за труд и постарайтесь провести это время, выглядывая в иллюминатор. Особенно, если ваш рейс утренний, и за окошком светло. Сперва вы наверняка поразитесь красоте проплывающих мимо облаков, потом будете долго гадать, что там под вами, уже суша или ещё вода, потом увидите странные белые полосы, словно застывшие в воздухе напряжённым роем и лишь через прицел мощной видеокамеры или фотоаппарата с трудом разберёте, что это на самом деле стоящие прямо в воде современные ветряки, преобразующие ветер в энергию. А может быть, и нет, но, скорее всего, да. Кстати, быть хорошим пассажиром и путешественником одновременно невозможно. Я, например, никогда не слушаюсь правил и при любом заслуживающем внимания моменте включаю оптику. Обычно бортпроводникам до этого дела нет. Зато потом всегда будет, чем полюбоваться. Так что мой вам совет: никогда не теряйте времени, мол, ничего, как-нибудь в следующий раз. Следующего раза может не быть.

Наконец, вы точно уверитесь в том, что под вами суша. Аккуратно разлинованная, плоская, сверкающая зеркальной прожилкой какого-то ручейка. Довольно трудно осознать, что под вами «та самая» Темза. Каюсь, я почему-то всегда раньше думал, что при впадении Темзы в море стоит известный порт Дувр (*Dover*). На самом деле они не имеют друг к другу никакого отношения, а известным этот порт стал лишь потому, что исторически к нему удобнее и быстрее всего было подплывать через пролив Па-де-Кале, поскольку до мыса Грис-Нё (что на французской территории) здесь всего 34 км.

Откуда на самом деле вы подлетаете к Лондону, знает наверняка разве что командир вашего самолёта. Думаю, многое зависит от того, какой компанией вы летите и где ей дали надлежащий коридор. Потому что впереди аэропорт Хитроу, а это вообще отдельная песня.

Но сначала вы ни о чём таком не думаете, а просто наслаждаетесь открывающимся под крылом видом. Облака расступаются, показывая воду, воду сменяет суша, облака при этом никуда не исчезают, а сопровождают вас всю дорогу и уходят куда-то вверх лишь перед самой посадкой. Пока же вы внезапно обнаруживаете, что видите дома. Причём не просто дома, а снова – «те самые» дома. Если вы удосужились перед поездкой почитать соответствующие книги, посмотреть фильмы, полазить по карте (особенно приятно это сегодня делать в компьютере с трехмерными спутниковыми картами), одним словом, подготовились (а это непременно условие успешного и не праздного путешествия), то, находясь на борту снижающегося самолёта, оказываетесь как будто в датском «Леголенде», где всё узнаваемо, всё рядом, всё миниатюрно и удивительно.

Вот из горстки небоскрёбов высунулось гордое веретено стеклянного «Огурца» (он же «Корнишон», он же «Башня Мэри-Экс», он же «Здание Свисс Рэ»), которого в мои первые прилёты сюда не было и в помине и которое сегодня является чуть ли не символом современного Лондона.



А вон незаметно кружит над Темзой «Лондонский глаз» - огромное белое колесо обозрения возле самого берега, после сооружения которого в канун нового тысячелетия все уважающие себя

английские города почли своим долгом возводить и у себя нечто подобное.

Чуть дальше за изгибом реки – ажурная скрепка Тауэрского моста, открытого немногим более ста лет назад и, на мой взгляд, являющаяся настоящей визитной карточкой английской столицы.

Непосредственно рядом с ней – крепость, давшая мосту своё незатейливое имя: лондонский Тауэр, то есть «башня». Эдакий местный кремль, воздвигнутый уже упомянутым выше французским завоевателем Вильгельмом. Собственно, основных башен в нем две: Кровавая и Белая, последняя из которых, насколько мне известно, считается самым древним из сохранившихся зданий в Лондоне.

Что там бликует на солнце? Ба, это же белёсая тюбетейка собора св. Павла! Пятого по счёту собора на этом месте. Хотя четвёртый, 150-метровой высоты, можно было запросто восстановить после Великого пожара, власти решили распилить бюджет 1675 года на пару с архитектором Кристофером Реном и построить новый, вероятно, наименее затратный, поскольку два первых проекта, под которые, наверное, и брались деньги, были отклонены.

И конечно, с высоты птичьего полёта вы всегда узнаете наиболее примечательное строение на Темзе – желтые палаты Парламента с изящной башней Биг-Бен, названной так то ли в честь самого большого из шести тамошних колоколов (13,7 тонны), то ли в честь Бенджамина Каунта, популярного в 50-е года XVIII века боксёра-тяжеловеса. Как бы то ни было, с сентября 2012 года Биг-Бен официально переименован в «башню Елизаветы» в честь 60-летнего правления сей живучей дамы.

Об этих и многих других достопримечательностях мы ещё вволю поговорим, а пока имеет смысл пристегнуть ремни и приступить к посадке.

Совсем скоро невдалеке от паука площади перед Букингемским дворцом начинает выстилаться вечнозелёная вереница парков: Сент-Джеймс парк, Грин-парк, Гайд-парк, Кенсингтон-гарденс. Где-то там, между двумя последними, на уровне змеиного хвоста пруда Серпентайн нас поджидает наша гостиница – *London Elizabeth*.

Самолёт снижается ещё и ещё, и ты начинаешь в большом количестве замечать то, чего потом почти невозможно отыскать с земли: футбольные стадионы. В Барселоне стадион заброшен на

гору и про него все знают. В Мадриде он притулился возле одной из самых оживлённых автострад. В Рио-де-Жанейро новый двухсоттысячный «Маракана»⁹ заброшен подальше от пляжей, но всё равно его хочется и можется найти. А вот лондонские стадионы приятно удивили меня именно в этот раз, потому что я их наконец-то узрел.

Между прочим, я считаю, что с самолётом (или экипажем, или маршрутом, или погодой) нам повезло, потому что из всех предыдущих раз, что я садился в Хитроу или Гэтвике (втором по величине лондонском аэропорте), лишь однажды мне посчастливилось так же содержательно провести последние минуты полёта. Было это на борту британских авиалиний, стояла ночь, и командир решил откровенно «поприкалываться». Он стал заваливать машину то на одно крыло, то на другое, делая плавные петли прямо над городом, чтобы насладиться зрелищем игрушечной иллюминации в настоящем 3D исполнении могли пассажиры обеих сторон. При этом он шутил, рассказывал о том, что мы должны под собой видеть в данный момент и был явно доволен собой и нашей искренне восторженной реакцией.

О чём нужно помнить, когда стюардесса объявляет что, мол, мы приступили к снижению и через столько-то минут совершим посадку в аэропорту такого-то города? Правильно: о том, что эти несколько минут легко могут превратиться в полчаса, час, а то и больше. И дело подчас вовсе не в нелётной погоде, как частенько бывает в Москве, когда, покружив над «Шереметьево», вы в конце концов оказываетесь садящимся в питерском «Пулково», и не в шасси, которое отказывается выходить, и его вытрясают за счет резких падений самолёта в пике, сменяющихся взмываниями и так до бесконечности (что я имел счастье пережить на подлёте к Екатеринбургу, причём в салоне сидел окруженный охраной один не слишком популярный и потный от волнения политик на букву Б, так что было сомнение, а не подстроен ли весь этот аттракцион специально для того, чтобы избавиться от него ценой наших пассажирских жизней).

Когда приближаешься к Хитроу, нужно помнить, что с земли вся эта картина выглядит следующим образом: первый самолет скатывается с посадочной полосы и рулит к «шлангу», второй уже

⁹ Комментаторы на чемпионате мира 2014 года, проводившемся в Бразилии, говорили, что он вмещает порядка 75 000 человек, однако мой тамошний гид за 15 лет до этого утверждал, что все 200 000.

касается бетона своими круглыми лапками, третий выполняет последний вираж и следует за ним по пятам, четвёртый готовится выполнить этот манёвр через несколько секунд, пятый уже выпустил шасси, шестой – на финишной прямой, а седьмой гордо выныривает следом за ним из-за туч. Я понятно выразился? В любой момент времени вы сразу (!) видите от пяти до семи самолётов в постоянном движении. Когда второй сменит первый, из-за туч вынырнет восьмой. Когда восьмой станет первым, на его нынешнем месте будет пятнадцатый или шестнадцатый. И так постоянно, 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. При одной-единственной посадочной и одной-единственной взлётной полосе, между прочим.

Я не был в Атланте. Пекинский аэропорт помню главным образом изнутри. Хитроу стоит за ними на третьем месте в мире по пассажиропотоку: почти 70 миллионов человек в год. А вот по числу пассажиров международных он на законном первом месте. На всякий случай сравните, сколько китайцев живёт в Китае, с 62 миллионами жителей Великобритании. Почувствовали разницу?

Похоже, удача сопутствовала нам всю дорогу, потому что наш самолётчик лихо встрял в общий поток и скоро под отвратительное хлопанье в ладоши мягко закачался по гостеприимной полосе.

Привыкнуть к Хитроу невозможно. Аэропорт и в самом деле оправдывает своё название, которое мне всегда хотелось прочесть как «хитрый» (тогда как буквально его можно перевести «вересковый ряд» - “*heath row*”). Не так давно он состоял из четырёх терминалов. В марте 2008 года был добавлен пятый. Сейчас идёт перестройка 2-го, который раньше назывался «Восточным».

Если вы летите из Москвы «Аэрофлотом» (крайне не рекомендую), вас посадят, скорее всего, на 4-ом. Если британскими авиалиниями, то на 5-ом. Если «Трансаэро» из Домодедово, то обычно на 1-ом. Поэтому для меня каждый прилёт сюда или вылет отсюда оказывается непохожим на предыдущий. Иной раз ты попадаешь в большой зал, сплошь перегородженный лабиринтом турникетов. Иногда ты спускаешься куда-то в маленький отстойник и стоишь на крутой лестнице, обозревая толпу внизу и выискивая знакомые лица (временное проведение того стоит, потому что увидеть здесь можно кого угодно, вплоть до мировых знаменитостей).

Как-то раз я прибыл сюда с коллегами из легального тогда игорного бизнеса, так паспортисты вежливо предложили нам посидеть в удобных креслах и мурыжили наши документы почти час,

вероятно, считая, что мы – крупные представители «русской» мафии. Уж чего, спрашивается, им по этому поводу переживать, если представители этой самой мафии чуть не каждый день получают у них политическое убежище, а в плане самого аэропорта, посмотрев на него через Интернет сверху, можно безошибочно узнать очертания гексаграммы, то есть шестиугольника, то есть вылитый «Меген Давид», то есть «щит» – он же «звезда» – Давида. Потому что в 1950-е годы Хитроу с высоты птичьего полёта так и выглядел. Вообще же его историческое начало уходит в 1929 год, когда здесь располагалось маленькое лётное поле, называвшееся «Великим Западным Аэродромом» (*Great West Aerodrome*). После войны его стали называть «Лондонским аэропортом», а потом переименовали в честь местного хутора.

На сей раз мы долго брели возбуждённым гуськом по узкому коридору, поравнялись с очередью разноцветных во всех отношениях туристов, гордо проследовали мимо, полагая, что нас ждут где-то в другом месте, были остановлены резким окликом темнокожей англичанки и узнали, что эта очередь и наша тоже. Очередей такой длины я не помнил с советских времён. Поэтому достал камеру и решил это безропотное унижение запечатлеть. А заодно большущий предупреждающий знак «Пандус!» (*caution ramp*), потому что в одном месте коридора, действительно, на полу виднелся крохотный выступ. Тут в бой со мной вступила истая арийка, которая строго-настрого запретила мне даже думать о том, чтобы что-нибудь здесь снимать, хоть на камеру, хоть на телефон. Обычная реакция тех, кто не привык, чтобы их фронт работ снимали, потому что снимать, собственно, нечего.

Очередь шла не то чтобы прытко, но двигалась довольно постоянно, без задержек, так что минут через двадцать-тридцать мы подошли к очередному потомку Шивы, он ударил по нашим паспортам печатью и сверкнул снежными белками глаз, которые не увидели оснований «не пушать».

Из Хитроу попасть в Лондон можно разными путями. Раньше меня чаще всего встречали вежливые водители, присланные здешними коллегами или друзья на автомобилях. Поэтому, оказавшись перед выбором в этот раз, я несколько растерялся. Можно было взять дорогое такси (фунтов 65, т.е. 3 с лишним тысячи рублей), можно было найти подходящий автобус, можно было сесть на поезд электрички или метро (но с двумя даже небольшими чемодана-

ми, согласитесь, это не слишком удобно). Поэтому я действовал интуитивно и выбрал ту самую опцию, с которой и начал это повествование: поезд-экспресс, отходящий с определённой платформы каждые 15 минут и находящийся в пути ровно столько же (для сравнения, метро идёт, пожалуй, минут 40, если не больше). Особенно подкупило меня в рекламе этой услуги название конечной (и единственной на маршруте) станции – вокзал Пэддингтон, куда нам, собственно, и было нужно.

Прежде чем попасть на соответствующий ярус аэропорта, откуда, судя по указателям, отходил экспресс, мы дважды проехали на вместительном лифте, отказывавшемся слушаться команд кнопок и предпочитавшем подбирать одних и тех же пассажиров с разных этажей, в результате чего мы все быстро перезнакомились. Следом за хохочущей от этой чехарды мамашей с коляской мы вышли где-то вниз и обнаружили, что чутьё и здесь нас не подвело: перед нами была характерная невзрачная платформа с уходящими в стену трубами туннелей. На платформе, как обычно, людей было мало (для меня всегда было и остается загадкой, куда здесь деваются означенные 70 миллионов пассажиров, но когда я её разгадаю, думаю, наступит настоящий конец света, поэтому я не тороплюсь), зато я обнаружил автоматы, продававшие билеты во все стороны, на все зоны и для всех видов железнодорожного транспорта.

Любить пользоваться автоматами я перестал тогда, когда у нас в Москве закрылась выдача пяточков на метро. Общение с людьми – вот что стало нравиться мне больше. Как покажет дальнейшее, я был прав в своих привязанностях, а тогда мне даже не захотелось читать сумасшедшие подписи под всеми этими кнопочками и прорезями.

- Пойдём так, - сказал я притихшей жене и повёл её по гораздо более понятным указателям, обещавшим скорую встречу с экспрессом.

Алина вообще человек специфический и при всей своей красоте и весёлости в новых местах зажимается, куксится, и только спустя довольно долгое время ты узнаешь, как же на самом деле ей всё там понравилось. Поэтому в тот момент я предпочитал на неё даже не смотреть, а тянул за собой свой чемодан на колёсиках и думал о том, что, как и всюду в мире, в Лондоне можно жить на широкую ногу, чувствовать себя туристом, платить за всё большие деньги и считать столицу Англии дорогой «как Москва», а можно смешаться

с местными аборигенами и следовать правилу «когда в Риме – поступай как римлянин».

Если вы приехали сюда на день-два, мой вам совет: подождите 9:30 утра (по будним дням или в любое время в выходные) и купите «проездной билет одного дня» (*one day travelcard*), который позволит вам круглые сутки пользоваться и автобусами, и метро, и трамваями, и электричками. Разумеется, в черте Лондона и в рамках тех зон, которые вы решили освоить. Всего этих зон в городе шесть. Если вам достаточно центра, то покупайте проездной за зоны 1 и 2. Не буду вводить вас в заблуждение относительно цен, которые могут измениться, когда вы соберётесь последовать моему совету, но на текущий момент, чтобы вы просто почувствовали разницу, скажу, что проездной на день и две зоны стоит 7 фунтов (350 рублей за бесконечное количество пересадок на всех вышеуказанных видах транспорта), тогда как одна поездка на автобусе вам обойдется минимум в 2,20, а в метро – в 4 фунта.

Не спутайте “*one day travelcard*” с тем, что называется “*London Pass*” или “*London Travelcard*”. Последнее удовольствие вам обойдется в 54 фунта, правда, будет включать посещение всяческих достопримечательностей. Которые, во-первых, вы за один день не обойдёте, а во-вторых, того, на мой взгляд, не стоят, поскольку всё наиболее интересное в Лондоне (вроде Национальной и Портретной галерей, галереи Тейта, собрания Уоллеса и всяческих музеев) бесплатно. Это вам не Париж!

Что касается нас, то мы собирались провести в Лондоне всего две ночи, то есть, по сути, полтора дня, а за это время гораздо интереснее совмещать полезное с приятным и обходить достопримечательности пешком.

Нужную платформу я нашёл с такой лёгкостью, будто всю жизнь на ней бомжевал. Экспресс подошел к ней через две минуты. Мы смело сели без билетов на свободные места, коих было много (увы, скоро выяснилось, что задом наперёд относительно движения, но пересаживаться уже не хотелось), и дальше состоялся короткий диалог с кондукторшей, закончившийся облегчением моего кошелька на 48 фунтов и ощущением, что отделались мы хоть и дороговато, но по-человечески.

В отличие от иллюминатора самолёта в большие и чистые окна поезда смотреть хотелось постольку поскольку. Ни на какие обзорные выси экспресс не взлетал, а исправно делал своё дело: катил по

какой-то промзоне, катил, действительно, быстро и ровно через четверть часа дал понять открывшимися дверями, что дальше не пойдёт.

Мы вышли на перрон и оказались в Лондоне.

Глава 3 - В которой мы увидим из окна гостиницы Гайд-парк и отправимся на первую прогулку по Лондону

Если раньше, году в 1989, любой выезд за границу сопровождался приятным культурным пусть не шоком, но уж точно моральной встряской, теперь ощущение, будто спишь и видишь всё во сне, почему-то отсутствует напрочь. Ну, Лондон, значит, Лондон. Пэддингтонский вокзал? Пусть будет Пэддингтонский вокзал.

Вообще вокзалы я не люблю. Попробуйте прогуляться поблизости от, скажем, Белорусского вокзала в Москве, и вы быстро поймёте, почему. В Лондоне, конечно, никто не будет кричать вам в ухо и предлагать все радости жизни, а под ногами хлюпать вечная жижа, однако и здесь хочется воспользоваться платформой по её прямому назначению – побыстрее от неё уйти. Разве что по токийскому вокзалу можно ходить полдня и не сильно заскучать, но лишь потому, что он на вокзал не похож вовсе: так, многоэтажный магазин с ресторанами.

Прямо с платформы, миновав полк покинутых велосипедов, мы вышли через широкие ворота на залитую солнцем улицу и сразу же попали под грибной дождь. Пришлось первым делом надевать наши брезентовые ручной работы шляпы, которые я в своё время купил для подобных нужд в порту Кейптауна, что в ЮАР. Поскольку хожу я в очках, а зонтик при чемодане и плечевых сумках с оптикой – вещь неудобная, широкие поля непромокаемой шляпы – то, что доктор прописал.

Район, где приютился Пэддингтонский вокзал, очарователен. Как и многие лондонские районы, расположенные между центром (которого, по сути, не существует) и окраинами (которые во всём мире одинаковые – спальные районы, будь то Стокгольм, Вена, Париж или Питер). Когда в 1773 году один тогдашний историк писал, что «Лондон являет собой два города (*cities*), один городок (*borough*) и сорок шесть древних деревень (*villages*)», Пэддингтон был как раз одной из этих последних. Как и всюду в нормальных городах, к которым нельзя не отнести Лондон, здесь много зелени, уютных садиков перед рядами разнофасадных и оттого никогда не утомляющих взгляд домов, мало пешеходов и мало машин. Хотя

вообще-то в Лондоне машин наверняка ничуть не меньше, чем в вечно стоящей в пробках Москве. Когда-то они тоже сделались здесь проблемой, но местные власти приняли разумные меры, и теперь обилие транспорта почти не сказывается ни на дорогах, ни на чистоте воздуха.

В поисках гостиницы мы не спеша двинулись по Праед-стрит, переходящей в Крейвен-роуд. Со свойственной мне самоуверенностью я решил, что без труда смогу выйти к заветному треугольнику улиц, на одной из граней которого находилась наша гостиница. Без труда и без карты. В мою память навсегда врезался случай, когда я впервые попал в Париж и ехал от аэропорта в обычном рейсовом автобусе. После очередного поворота я наткнулся взглядом на табличку с названием улицы, не поверил своим глазам и бросился к водителю, умоляя его на родном ему французском остановиться и выпустить меня – мы как раз проезжали мою гостиницу по адресу Рю Блянш, 3. Водитель, разумеется, со свойственной парижанам вздорностью и не подумал останавливаться, чтобы облегчить жизнь какому-то сумасшедшему попрошайке, так что мне потом пришлось шлёпать с чемоданом в гору от самой церкви св. Троицы.

Вот и теперь, очень живо представляя себе план этого участка города, я смело шествовал впереди, попутно рассказывая жене о том, что при всей своей привлекательности Пэддингтон вошёл в английскую историю, точнее, язык далеко не с самой радужной стороны. Так, например, в знаменитом словаре Уэбстера упомянуты три слэнговых оборота, навеянных Пэддингтоном, причём все они связаны с таким нужным родом человеческой деятельности, как казнью преступников через повешение. «Пэддингтонская ярмарка» (*Paddington Fair*) или «Пэддингтонский ярмарочный день» (*Paddington Fair Day*) означают как раз таки публичную казнь на виселице, а выражение «сплясать пэддингтонскую присядку» (*to dance the Paddington frisk*), собственно, и означает быть повешенным.

Конечно, по адресу Бошам Лодж, 19, здесь жил известный поэт викторианской эпохи Роберт Браунинг, но именно на Праед-стрит, в больнице св. Марии в 1874 году химик по имени Олдер Райт впервые синтезировал такую гадость, как героин. Правда, там же, спустя полвека, сэр Александр Флеминг значительно подправил карму больницы и сумел изолировать пенициллин, за что удостоился Нобелевской премии.

По мере того, как мы, мило беседуя, удалялись от вокзала, я всё с большей грустью начинал понимать, что заблудился в трёх соннах. Нужная улица мыслилась уже где-то рядом, Гайд-парком почти пахло, однако вокруг по-прежнему были лишь беззаботные домики. Пришлось останавливаться и сверяться с картой. Как назло пропали обычно столь повсеместные указатели улиц. Когда же мы дошли до первого, оказалось, что я даже на карте не очень точно понимаю, где нахожусь. Поинтересовался у встречного работяги, где находится Гайд-парк. Он махнул рукой в сторону, но мне этот его жест показался не очень уверенным. Спросил ещё кого-то. Махнули в другую сторону. Мы пошли дальше. При этом я делал независимый вид, останавливался и то и дело включал камеру и щелкал фотоаппаратом. Кто знает, может, мы сюда больше не успеем заглянуть.

Потом дорогу спросили у меня. Полная дама с американским акцентом слегка растеряно улыбалась и чётких указаний услышать уже не мечтала. Похоже, она искала Гайд-парк дольше нас.

Втроём мы поплутали ещё немного. Всюду были дома, скверики и пабы, но они нам сейчас только мешали. Я не сказал важного: дома в Лондоне, особенно жилые, это не отдельные постройки, а двух-трех этажные шкафчики, глядящие на вас стройным рядом подъездов с колоннами, крылечками и ступеньками. Иногда, чтобы обойти подобный дом, приходится идти довольно далеко. Что мы и делали, всякий раз надеясь обнаружить за углом заветный зелёный простор Гайд-парка.

Наконец, мы его нашли! Для этого, оказывается, нужно было просто отчаяться. Он всё время был рядом, о чём свидетельствовало моё чутьё и вырываемая ветром карта. Просто решил поиграть с нами в прятки.

Я окончательно сверился с местностью и радостно повёл жену... в противоположную от гостиницы сторону. Почему так получилось, не знаю до сих пор. Мы вырулили с Брук-стрит и пошли по Бейсуотер-роуд. Бейсуотер-роуд тянется вдоль всей северной границы Гайд-парка. Заблудиться на ней невозможно. Если, конечно, знать, что свернул с Брук-стрит. Но это я знаю теперь, а тогда мне показалось, что мы даже не дошли до станции метро «Ланкастер Гейт» – ближайшего ориентира нашей гостиницы. Шли мы, правда, подозрительно долго. Спихватился я лишь тогда, когда впереди за-

метил контуры Мраморной Арки, знаменовавшей собой конец парка. Пришлось останавливаться, ругаться на себя и идти обратно.

Если по прямой от выхода из вокзала Пэддингтон до гостиницы “*London Elizabeth*” метров 500, то мы в тот день плутали никак не меньше километров трёх. К чести жены стоит сказать, что подобные испытания она выносит стоически: мы же гуляли...

Ошибившись в выборе поворота в последний раз и свернув на Уэстборн-стрит, вместо того, чтобы спокойно дойти до нужной нам Ланкастерской Террасы, мы зачем-то обошли высотный, вероятно, гостиничный комплекс «Ланкастер», и я издалека увидел заветную надпись над типичным для постоянных дворов подобного типа бельевым крылечком с двумя колоннами и плоским козырьком.

Поймите меня правильно, я вовсе не хочу никому делать рекламу (хотя занимался этой ерундой больше 20 лет своей трудовой деятельности). Название гостиниц здесь и дальше я привожу лишь затем, чтобы ничего не придумывать, придерживаться фактов и давать вам возможность выбирать, если вы когда-нибудь захотите проехаться по тем же городам и весям.

В подтверждение своих слов сразу скажу, что второй раз я в “*London Elizabeth*” не останавлиюсь. При том, что это гостиница на 100% типичная для Лондона, с английской атмосферой, континентальным завтраком и даже уютным камином в районе стойки администратора (в просторечье – “*reception*”).

Вы подходите к стойке, вам радостно улыбаются, разглядывают ваш ваучер, находят ваше имя, просят заполнить три строчки в гостевой анкете, сообщают, что завтрак с семи до десяти (ну, или около того), дают ключ от номера на третьем этаже и уже вслед извиняются за то, что «как раз сегодня лифт по техническим причинам не работает». Протискиваясь по безумно узкой да ещё и витой лестнице с чемоданами, вы понимаете, что «третий этаж», это на самом деле здешний четвёртый, поскольку их первый – это наш второй, а наш первый – это их «земляной» (*ground floor*). Чтобы закрыть эту тему, замечу, что мы пробыли в гостинице две ночи и формально три дня, однако лифт так никто и не включил.

В отношении гостиниц я крайне неприхотлив. Немногие номера остались у меня в памяти. Помню свою первую настоящую гостиницу на окраине крохотного датского городка Миддelfарт, куда я попал в качестве переводчика с датского, потому что мой приятель-датчанин был в это время занят и благородно уступил мне

своего клиента, которым оказался один тогдашний рыболовецкий гигант во главе с настоящим датским мультимиллионером. Тот номер имел по площади метров сто квадратных, посредине него стояла кровать «на четверых», а вместо ванной было две ванн и два душа, где одновременно могла бы резвиться вся команда по водному поло или фигурному плаванию, причём вместе с дублирующим составом. Помню номер в том же Кейптауне, где во всю стену было стекло, а под тобой – этажей 30 и роскошный вид на Столовую гору. Помню пятизвёздочную гостиницу в Париже, в шаге от Вандомской площади и Тюильри, где в номер нужно было протискиваться бочком, а через кровать буквально переступать – такое там всё было, мягко говоря, миниатюрное. Помню полукруглый номер в гостинице «Принц», что в японском местечке Хаконе, славящемся своими горячими источниками. Окно выходило на живописнейшее озеро Асиноко, и утром, вглядываясь в легкую дымку над водой и слушая капель дождя, хотелось поскорее умереть от щемящей радости гармонии с природой.

Лестница, по которой мы поднимались, поскрипывала здесь аж с 1850 года. Когда-то тут хаживало семейство лорда Батлера, который в недавнем прошлом занимал крупные государственные должности, а нынче заседает в Палате Лордов. Во время второй мировой здесь квартировали польские лётчики. Лордом я никогда не был, польской крови во мне маловато, однако если бы не лифт и два чемадана, я тоже чувствовал бы себя, как дома.

Особенно нас позабавил ключ, точнее, здоровенная деревяшка, приделанная к нему цепочкой. Мы (да и вы, наверное) успели привыкнуть к тому, что с некоторых пор ключи представляют собой пластиковую карточку, которую сперва нужно сунуть в прорезь рядом с ручкой, а потом вставить в такую же прорезь в стене, чтобы номер понял, что ты в него вошёл и дал тебе возможность пользоваться электричеством.

Средняя стоимость номера в “*London Elizabeth*” составляет порядка 100 фунтов за ночь (5 000 руб.)¹⁰. В это включается обычный санузел с неудобным душем в коротенькой ванной, узенький проулок коридора, комната с кроватью, застеленной одним общим одеялом, и окно, выходящее на оживлённейший перекрёсток, движение на котором не прекращается ни днём не ночью. Закрывать же окно совсем не хочется, потому что тогда становится слишком

¹⁰ Цены и курсы приводятся актуальными на 2012 год.

жарко и душно. Зато без проблем ловится Интернет, а если высунуть голову подальше, то справа открывается замечательный вид на один из входов в Гайд-парк. При желании номера могут стоить и более 300 фунтов, называться «королевскими», «имперскими» и т.п., однако и плюсы и минусы останутся ровно теми же: близость парка и несмолкаемый шум.

Глава 4 - О Гайд-парке, Мраморной Арке, Оксфорд-стрит и, конечно, о виселицах

Когда мы пришли в себя, расположились, обменялись первыми впечатлениями и посмотрели на часы, было начало второго. При отстающей разнице с Москвой в 4 часа это означало, что обед наш остался в самолёте, а тот, что предвидится, будет скорее московским ужином. Наскоро закусив домашне-самолётной заначкой с местным чайком, мы решили, что до первых позывов голода времени ещё предостаточно, а потому закрыли чемоданы, посмотрели на голубое небо с белыми облачками, я выслушал очередную колкость насчёт моей привычки таскать с собой зонтик, который нам здесь наверняка никогда не пригодится, и первая прогулка по Лондону началась.

Не знаю, кого как, а меня Гайд-парк разочаровал ещё при первом знакомстве. Впервые я услышал о нём в школе, на уроке не слишком любимого мною тогда английского языка, в связи с тем, что там есть один уголок и этот уголок называется Уголком Ораторов. Мол, собираются интересные люди, выступают друг пред другом, режут правду-матку и никто их не ловит и не сажает. В наивное советское время представлять подобное было крайне интересно, однако сам парк виделся мне парком, то есть чем-то вроде парка Филёвского – эдакого цивилизованного леса с дорожками для прогулок. В действительности же Гайд-парк оказался широким полем, на котором деревья растут, но весьма выборочно, так что ни о каком лесе речи нет и быть не может. Зато дорожки есть. И даже специальные, для лошадей, на которых тут изредка катаются ученики местной школы верховой езды.

История парка начинается с 1536 года, когда известный своими шестью женитьбами и отделением англиканской церкви от римской католической король Генрих VIII отнял поместье Гайд у каноников Вестминстерского аббатства. Территория парка была закрыта, там водились лоси и устраивались королевские охоты. Дальше истории расходятся во мнениях. В одной книге мне доводилось читать, что парк открыл для публики Яков I. В другой первым его «открывателем» значится Джеймс I (правда, он пускал туда лишь ограни-

ченное количество дворян), а окончательным – Карл I в 1637 году. Вильгельм Оранский решил поселиться здесь со своей молодой женой, но выбрал для дома место подальше от людей, на краю Гайд-парка. С помощью вездесущего Кристофера Рена в конце XVII века там возник Кенсингтонский дворец, ставший свидетелем многих интересных событий. Например, в 1714 году в нём внезапно скончалась королева Анна – говорят, от переедания. А в 5 утра 20 июня 1837 года именно здесь принцесса Виктория Кентская узнала, что стала венценосной особой. Теперь её именем названа одна из самых интересных эпох на Британщине – 64 года бессменного правления королевы Виктории.

Сегодня половину дворца по-прежнему занимают под резиденцию члены королевской семьи. Вторая половина милостиво открыта для туристов. Английские короли и королевы обожают делать вид, что у них постоянная нехватка денег и им приходится подрабатывать таким вот нехитрым способом.

Наши планы не были наполеоновскими. Нам предстоял ещё полный световой день завтра (нужно было только выделить часок-другой, чтобы отметить в агентстве и уточнить время отъезда), ночь и утро. После возвращения из тура в нашем распоряжении оставалась большая часть вечера, ещё одна ночь и несколько часов до вылета. Поэтому для первого знакомства я предложил жене программу в пределах пешей досягаемости: по Гайд-парку до Оксфорд-стрит – длиннющей торговой улицы Европы; потом заход в собрание Уоллеса (которое, готовясь к поездке, углядела именно Алина); оттуда марш-бросок до музея Мадам Тюссо и квартиры Шерлока Холмса, благо они рядом; в какой-то момент обед (он же ужин); ну, а потом – как получится.

Если вы сейчас посмотрите на карту и сочтёте, что это – ерундовое расстояние и осилить за полдня можно в принципе гораздо больше, спешу вас предостеречь как человек, который знает, что такое проехать почти 400 километров за два дня на велосипеде с запада на восток Дании и ещё заскочить по пути переночевать у друга по переписке. Не забывайте, что в путешествии не стоит ставить перед собой цель увидеть вообще всё, но то, что увидишь, нужно осмыслить, запомнить и, конечно же, запечатлеть в цифре. И при этом очень желательно, чтобы вы получали от этого процесса удовольствие.



Гайд-парк. Вид на Змеиное озеро.

Итак, мы вошли в Гайд-парк в том месте, где озеро (или пруд) Серпентайн («змеиное») являет собой естественную границу между ним и Кенсингтон-гарденс. Повсюду лавочки, фонтаны, праздная публика, резвящиеся собаки, голосистые дети и шустрые белки.

Откуда взялось название Змеиное? Кто-то считает, что виной тому кривая форма озера. Другие указывают на зеленоватый оттенок воды. Не знаю. Рептилии в Англии с её королевской историей вообще в почёте.

Раньше озеро искусственно подпитывалось речкой Уэстборн. Потому что до распоряжения королевы Каролины, жены Георга II, его тут вообще не было. В 30-е годы XVIII века оно так появилось, причём задало своей формой тон многим другим рукотворным озёрам в Англии, которые до того принято было делать прямыми. В связи с развитием Пэддингтона уже в начале XIX века речку пришлось спрятать под землю, то есть пустить по трубам. Если вы спуститесь сегодня в метро на станции «Слоун Скуза» (она же «Слоун-сквер», если по-простому), то увидите серую прямоугольную трубу, идущую прямо над крышами электричек. Это и есть остатки Уэстборн. Какое-то время воду в Змеиное озеро зака-

чивали аж из Темзы, но теперь времена изменились и были найдены возможности поддерживать его за счет подземных скважин.

Печальную известность Змеиное озеро получило в 1816 году, когда из него выловили тело утонувшей беременной жены знаменитого поэта Перси Биши Шелли. Впоследствии аура озера подправилась: на его кривых берегах стали проводить выставки и королевские торжества, а летом 2012 года вокруг него носились, высунув языки, олимпийцы.

Гайд-парк встретил нас Итальянским садом, пять фонтанов которого окружены статуями в классическом стиле. Одна из них выделяется бронзовым отливом и являет собой Эдварда Дженнера (*Edward Jenner*), изобретателя такой, на первый взгляд, безобидной штуки как вакцинация. На второй взгляд прививки выглядят ничёмными, а на третий – опасными. Старина Эдвард заражал людей коровьей оспой. За это в его честь в Лондоне назвали целый институт. А нынешний муж королевы как-то во всеуслышание признался, что если реинкарнация существует, то в следующей жизни он хотел бы вернуться на землю смертоносным вирусом и сократить человечество до заветного миллиарда.

Пройти парк насквозь мы собирались на следующий день, так что сразу от Итальянского сада взяли налево и через травяные лужайки, детские площадки и вольеры для выездки (где, кстати, упражнялись на потеху прохожих юные конники), заигрывая с кокетливыми белками и восхищаясь стойкости вековых деревьев (у нас бы такие давно спилили, чтобы застроить Гайд-парк гаражами, торговыми центрами и мечетями) дошли до Уголка Ораторов.

История этого местечка уходит говорливыми корнями в неспокойный XIX век. Ещё Карл Мордехай (он же Маркс) видел первые признаки английской революции в выступлении рабочего люда против так называемого билля о воскресной торговле, запрещавшего продавать и покупать товары в воскресенье, тогда как для простого народа это был единственный выходной.

Наивно полагать, что Уголок Ораторов является тем местом, где и сегодня можно высказывать всё, что думаешь, и тебе за это ничего не будет. На самом деле он очень похож на Интернет с его социальными сетями. Попробуй написать то, что кому-то почему-то не понравится или будь чуть более усердным в размещении своих объявлений, и тебя легко и быстро забанят с подачи анонимных злопыхателей. Сколько раз я туда заходил и каждый раз меня не

покидало ощущение, что в Уголке Ораторов выступают не прирождённые демосфены, а профессиональные провокаторы, алкоголики или в лучшем случае небуйные сумасшедшие.

Наиболее колоритным персонажем в тот день был одетый в чёрную мантию судьи белозубый негр с целым набором красно-белых английских флажков. Пониже живота у него висел плакат с перечнем неких расовых кодов, которыми будто бы пользуется тайная полиция, а сам он то и дело вскидывал руку в нацистском приветствии. Всего кодов перечислялось семь. Так аббревиатуре IC1 соответствовал «белый европеец» и белый квадратик, IC2 – «тёмный европеец» и розовато-пороссячий квадратик, IC3 – «чёрный» и квадратик Малевича и т.д. Под кодом IC7 скрывался некий серый цвет, о котором было написано, что его представитель «неизвестен» (*unknown*).



Персонаж из Уголка Ораторов. Безобидный. Призывает к терпимости.

Если вы думаете, что в Уголке Ораторов толчётся много народа, то вы ошибаетесь. На раскладных лесенках или коробках из-под пива стояло человек пять, зевая между ними прохаживалась от силы сотня – вот и вся гулянка. Полиции в форме поблизости не было, в штатском – не считал. Чувствовалось, что всем эта псевдо

свободная дребедень порядком осточертела, и ораторы с большей охотой занялись бы здесь приторговыванием матрёшками или канарейками. Кабы кто позволил...

Не вдохновившись, мы свернули к выходу из Гайд-парка, который гордо преграждала розовато-белая Мраморная Арка (*Marble Arch*). Что она такое и зачем понадобилась здесь, на пересечении Бейсуотер-роуд и Парк-лейн, но как-то неуклюже, в сторонке, сбочку?



Начнём с того, что до 1851 года она стояла перед Букингемским дворцом. Придумал её в 1825 году «наш Джон» – архитектор Джон Нэш (*John Nash*). Раньше проходить под ней имели право лишь особы королевских кровей да королевская конная артиллерия.

При первом же взгляде на арку понимаешь, что без плагиата здесь не обошлось. В самом деле, если вы бывали в Париже, то видели точно такую же, только гораздо более симпатичную Триумфальную Арку (не на Площади Звезды, а в парке Тюильри, что перед Лувром), а если и Рим вам не чужд, то вы наверняка помните арку Константина рядышком с Колизеем.

Как водится, начатое в 1827 году строительство обошлось в копейку и три года спустя было просто-напросто заморожено. Вероятно, в ком-то всё-таки проснулась совесть. Не Сочи же – Лондон,

однако. Через два года строительство возобновилось и завершилось за год ценой отказа он многих «наворотов».

Изначально планировалось, что, как и в Париже, арку будет венчать некая скульптурная композиция. В данном случае это должен был быть мемориал в честь победы при Ватерлоо и морских баталий Нельсона. Сегодня тот проект можно увидеть в форме макета в музее Виктории и Альберта, сделанные, но не установленные скульптуры и фриз украсили сам Букингемский дворец, а барельеф Росси, посвящённый Европе и Азии, использовался в убранстве Национальной галереи. Статуя Георга IV обрела покой на одном из пьедесталов Трафальгарской площади.

Воздух раньше в Лондоне был плохим, загрязнённым (во что с трудом верится сегодня, когда всё производство, верфи и т.п. вынесены подальше, на Кудыкину гору), и мрамор арки быстро утратил свою изначальную белизну. Тогдашние журналы писали, что она «обесцвечена дымом и сыростью и напоминает свои видом огромный кусок сахара в витрине кондитерской».

Гиды и популярные справочники расскажут вам историю о том, что арку переставили потому, что она оказалась слишком узкой для королевских экипажей. Не верьте. Или напомните им, что во время коронации в 1953 году золотая карета Елизаветы совершенно спокойно проехала под ней. Арку убрали в процессе сооружения нового восточного крыла Букингемского дворца в 1850 году. Вплоть до 1968 года в трёх маленьких комнатках внутри неё размещалось отделение полиции. Кстати, очень может быть, что в будущем урбанисты возьмут верх, и арку переставят ещё ближе к Гайд-парку, чтобы не мешалась на оживлённом перекрёстке.

Справа от арки стоит так называемое Тайбёрново дерево. Точнее, лежит. Точнее, его нет вовсе, а на его месте круглый вдавленный в землю камень с соответствующей надписью. Раньше здесь была деревенька Тайбёрн, которая в процессе истории стала местом казней (где только народ ни казнили!). Казни продолжались с начала XIV века вплоть до 1783 года. Примечательно, что 30 января 1661 года тут повторно «казнили» тело Оливера Кромвеля, эксгумированное из Вестминстерского аббатства.

Всё это я вспоминал под весёленький мотивчик «Ангелы маршируют» Луи Армстронга, который вполне музыкально наигрывал на электрогитаре пожилой негритеёнок в шапке-ушанке. Музыкант улыбался и корчил рожи, делая вид, будто не замечает, как его

снимают на большую профессиональную камеру двое телевизионщиков. Когда они стали брать у него интервью, мы тронулись дальше, нырнули в подземный переход и вынырнули уже на Оксфорд-стрит.

Как я уже упоминал, Оксфорд-стрит внушает уважение своей протяжённостью. Её длина – полторы мили, то есть порядка двух с половиной километров. Если же учесть, что все первые этажи и не только занимают свыше 300 магазинов, причём довольно серьёзных, не палаток, то прогулка по ней, тем более с девушкой, может занять не один день. К счастью, Алина оказалась здесь после Японии, Германии, Италии и прочих стран «не для слабонервных», а потому смотрела на витрины и предлагавшееся в них шмотьё более чем равнодушно. Нет, никто не спорит, вьетнамцы и камбоджийцы за десяток-другой лет получения заказов на изготовление «модной» одежды и обуви научились это делать неплохо, но только меня этот ширпотреб почему-то раздражает. И не только своими далеко не вьетнамскими ценами, но и грустным качеством. Лет двадцать назад итальянцы в Италии, особенно пожилые, выглядели импозантно и дорого. Два года назад я таких не увидел вовсе. Все стали носить какие-то чёрные дутые куртки. Даже в Милане.

Кстати, из Милана мы с Алиной, отчаявшись найти что-либо приличное хотя бы для детей, решили совершить своеобразный шоп-тур в соседнюю Швейцарию, куда прямо от замка Сфорца в определённые дни и часы отходит автобус с туристами, желающими купить то, чего они не смогли найти в «столице моды» и к тому же не по таким заоблачным ценам. Вас провозят замечательным маршрутом по живописным областям северной Италии, мимо озера Комо, пересекают границу и выпускают на несколько часов среди многоэтажных магазинов-городов. К слову сказать, за четыре часа мы успели в довольно быстром темпе обойти только один. Так вот, именно там на Алину снизошло прозрение. Поначалу у неё разбежались глаза от обилия выбора и названий производителей, но её вечно скептически настроенный муж предложил пари: если хоть на одной из понравившихся ей вещей не будет написано «сделано в Китае» или «во Вьетнаме», он... проиграет. В итоге проиграл я, потому что на самых дорогих и не таких уж ужасных курточках было написано «сделано в Турции».

Когда на вас нет шор предубеждений, воспитанных рекламой, вы не пропадёте даже на Оксфорд-стрит. На моё предложение не

отказывать себе ни в чём и ради удовольствия заглянуть в какой-нибудь магазинчик, если, разумеется, захочется, Алина ответила мне взглядом, полным неподдельного удивления.

Когда-то Оксфорд-стрит называлась Тринобантина и связывала Хэмпшир с Колчестером. Я имею в виду времена римлян, построивших здесь, на Темзе, первое поселение и давших ему имя Лондиниум¹¹. С XII века и вплоть до 1729 года она называлась Тайбёрн-роуд (не столько в честь одноименных виселиц возле Мраморной арки, сколько в честь протекавшей здесь речушки), Аксбридж-роуд, Вустер-роуд и Оксфорд-роуд. В конце XVIII века все здешние поля прикупил эрл Оксфордский, превратив бывшую дорогу из тюрьмы Ньюгейт к Тайбёрнову дереву в место для гуляний и маскарадов. Позже здесь стали в большом количестве открываться магазины.

На Оксфорд-стрит с грустью понимаешь, что нынешний Лондон уже не тот, что был при Оскаре Уайльде или сэре Конан Дойле. Водоразделом стала вторая мировая с её бомбёжками. Гитлер терпеть не мог пьянчужку Черчилля (хотя зачем-то позволил ему не проиграть, когда такая возможность у него была), а пострадал город. За небольшим исключением по-настоящему старые здания здесь (в Лондоне вообще, не на Оксфорд-стрит) – это первые этажи. Остальное надстраивалось позже.

Как вы уже могли понять, Мекка для шопоголиков не была главным пунктом нашего маршрута. Где-то здесь, неподалёку, на задворках, точнее, на площади, названной по имени города моей некогда любимой футбольной команды (о как завернул!), скрывалось нечто гораздо более интересное – коллекция Уоллеса. Засмотревшись на низкорослую публику и обманчивое разнообразие магазинов, мы прошли нужный поворот налево, но решили не возвращаться, а прогуляться дворами.

¹¹ Некоторые лингвисты, в частности Сабак (*Sabak*) считают, что «Лондиниум» – это искажённое греческое «Ладон». Если вы знакомы с античной мифологией, то знаете, что так звали одного из титанов, превращённых в столбового дракона, который сторожил яблоки просвещения на сокральном дереве, принадлежавшем нимфам Гесперидам. Убить его удалось лишь Гераклу.

Глава 5 - В которой я буду разглагольствовать об искусстве, навещать Холмса, позировать среди мировых знаменитостей и облущаться лазером

В Лондоне, как и в любом туристическом городе, вас ждут приятные контрасты. Стоит вам отметиться там, где «не побывать нельзя», и зайти за угол, как вы оказываетесь в другом мире, где вас никто не ждёт, а потому ничто не мешает вашему восприятию. Находясь, скажем, в Венеции (только, заклинаю вас, не летом!), нельзя не увидеть площадь Сан-Марко, это очевидно. Но если вы не пройдёте по Славянской набережной дальше, куда не доходят ленивые туристы, и не свернёте через три моста на улицу Гарибальди, где в многочисленных ресторанчиках сидит сугубо местная публика, понимающая толк в венецианской кухне и потому никогда не ужинающая в дорогих «одноразовых» ресторанах для приезжих вокруг моста Реальто, боюсь, вы никогда не почувствуете настоящую Венецию.

До этой поездки я, к стыду своему, про собрание Уоллеса не знал, хотя кичился тем, что побывал (и не раз) во всех основных галереях России, Италии, Франции, Англии, Испании, Германии, Португалии и даже Японии. Правда, я не застал открытой галереей в Мюнхене, а также не бывал в США и потому не знаком с экспозицией нью-йоркского музея Метрополитен, но в остальном, как мне казалось, в моём послужном списке нет крупных белых пятен. Оказалось, что есть. Молодец, Алина!

Пока мы шли, теперь уже после очередного поворота сверяясь с картой и читая на каждом перекрёстке надписи “*Look right*” под ногами, сделанные белой краской специально для глупых пилигримов с континента, привыкших, что сперва нужно смотреть налево, а потом направо, потому что в Англии, как вы знаете, наоборот, так вот, проделывая эти нехитрые упредительные телодвижения, я размышлял о том, как же хорошо, что где-то на свете ещё сохранились частные коллекции, которые можно увидеть и почувствовать.

Вы когда-нибудь бывали в Третьяковской галерее? Смеею надеяться, что если вы заинтересовались этой книгой, то склонны к любознательности, а потому, да, бывали. Но я очень не уверен, что вы застали её в том виде, в каком она была до «реставрации», когда

оригинальное здание надстроили, а экспозицию расширили, растянули и перевесили. Потому что мне посчастливилось побывать там с отцом задолго до её раскурочивания, начавшегося в 1986 году и продолжавшегося без малого десять лет. Не знаю, сколько раз за это время Павел Михайлович перевернулся в гробу. Когда галерея открылась снова, остались лишь картины – духа не было. И уже не будет. А ведь для подобных коллекций очень важно не только то, что именно вставлено в раму, но и где это произведение висит, рядом с чем и т.п. Для правильного восприятия важна «рука хозяина», если она была. Особенно, когда раньше среди всего этого торжества искусства жили живые люди, когда нынешняя галерея в прямом смысле слова была их домом.

Второй раз я ощутил чарующую домашнюю атмосферу, когда, тоже с отцом, шёл по уютным коридорчикам дворца Питти во Флоренции и остановился в маленькой гостиной, со стен которой на нас смотрели сразу пять работ Рафаэля (на самом деле их там восемь, но выделялись пять). А вокруг были стулья, диванчики и всякая домашняя утварь, нужная для повседневности. Рафаэль присутствовал здесь не для вздохов умиления, а просто – для красоты. И это лишь усиливало впечатление.

От Хартфорд-хауса я был вправе ожидать чего-то подобного. Именно в нём на протяжении всей своей 70-летней жизни Ричард Сеймур-Конуэй, он же 4-й маркиз Хартфордский собирал со всего мира произведения искусства, которые вместе с домом завещал своему внебрачному сыну – сэру Ричарду Уоллесу. Вдова последнего, собственно, и передала всю коллекцию английской нации. Женщиной она была, судя по всему, умной, а потому в завещании выдвинула одно очень простое условие: ни один из предметов собрания ни при каких обстоятельствах не должен покидать стен Хартфорд-хауса, даже на время.

Весьма примечательно, что первозданности Палатинской галереи Питти мы тоже обязаны женщине – герцогине Анне Марии Луизе, завещавшей в 1743 году всех своих Рафаэлей, Тицианов, Рубensoв, Тинторетто, Липпи, Боттичелли и Веронезе с Ван Дейками городу Флоренции.

В коллекции Уоллеса также присутствуют два полотна Тициана, четыре – Рембрандта, три – Рубенса, четыре – Ван Дейка, двадцать два – Каналетто, есть там и Франс Хальс, и Мурильо, и Веласкес, и англичане вроде Гейнсборо и Рейнолдса, и французские ху-

дожники. Ценители искусства вообще, а не только живописи, найдут там красивую мебель, фарфор, скульптуры, миниатюры, европейское и восточное оружие с доспехами и произведения из золота.

Когда мы, наконец, отыскивали зелёный скверик, называющийся Манчестерской площадью и вошли в белокаменный свадебный торт подъезда (это сравнение вырвалось у меня самопроизвольно, но я решил его оставить, поскольку трёхэтажное здание и в самом деле похоже на торт, аппетитно присыпанный кофейной пудрой, и в таком случае выдающееся во дворик крыльцо с колоннами – начинка конфет «Птичье молоко»), нас ждали две новости: хорошая и не очень. Вход был, как и всюду в государственных галереях Англии, бесплатным, однако мне почему-то запретили пользоваться видеокамерой. Фотоаппарат под рестрикцию, к счастью, не попадал, если я обещал не пользоваться вспышкой. А зачем, спрашивается, мне вспышка, если у меня одна из последних моделей «Соньки»? Даже её предшественницы позволяли мне украдкой снимать разных спящих в Шанхае Будд, (которых снимать запрещается строго) снимать в полутьме, с рук, но при этом результат без всякой вспышки получался чётким и ярким.



«Торт» с коллекцией Уоллеса.

Описывать странствия по музеям и галереям – дело неблагодарное. Если уж репродукции трудно назвать даже бледной тенью оригиналов, то чего стоит образ, облечённый в слова. Это надо видеть. А видеть, действительно, надо.

Могу разве что поделиться своим опытом восприятия картинных галерей. Заглядывая в новый зал, я обычно выхожу на середину и осматриваюсь. Как правило, одна-две работы сразу привлекают внимание. К ним я подхожу в первую очередь. Остальное осматривается в процессе неспешного хождения вдоль стен. Очередь следующей залы наступает только после полного круга по предыдущей. До сих пор у меня это не получалось в двух местах: у «голландцев» в Эрмитаже, потому что там очень хочется рассмотреть каждую мордашку каждой крохотной коровки на поле и каждый конёк маленького бегунка по заледеневшему каналу, да в вилле Боргезе, потому что в ней такая концентрация вечного, что подбираешь челюсть только тогда, когда выходишь на бодрящий¹² римский воздух.

Вообще же восприятие искусства – вещь сугубо индивидуальная и каждый волен иметь свои особые предпочтения в силу собственного вкуса. Или его отсутствия.

Мне, например, нравятся музеи, где целый зал посвящён чему-то одному. Например, статуе Давида во флорентийской Академии, или пролёт лестницы – Нике Самофракийской в Лувре. У Уоллеса можно найти зал, где, кроме стеклянных шкафов по стенам с доспехами и оружием, в центре стоит бронированный конь с рыцарем – и больше ничего. В Дрезденской галерее (как и в Эрмитаже) такого не встретишь: там выставлено всё и сразу. И это притупляет восприятие.

Кстати о доспехах. Недавно я столкнулся по этому поводу с двумя новыми теориями. По одной, все доспехи, что мы видим сегодня в музеях – новодел. Причина тому – их качество. Слишком хорошее. Не в смысле того, что на них почти нет царапин (что, согласитесь, тоже довольно подозрительно), но в смысле физической невозможности изготавливать идеально гладкие нагрудники и замечательно округлые шлемы с помощью молотка и наковальни. Для подобной работы нужен не молоток, а пресс, который появился гораздо позже рыцарей.

¹² Речь, разумеется, не о лете, а о декабре, когда только и можно получать удовольствие от прогулок по вечному городу при +10° в легкой кофте или рубашке.

По другой версии следует, что концом доспехов стало появление арбалета. Потому что из него стреляли железными болтами не бог весть с какого расстояния, а практически в упор, поскольку натягивать арбалет для нового выстрела – целая канитель, так что логичнее сделать такой выстрел один, но уж наверняка. Метров же с тридцати железный болт прошивает доспех на раз, превращая его в ненужную консервную банку, а незадачливого хозяина – в бездушную оболочку. Как любитель пострелять из обычного корейского (деревянного) лука на своём деревенском участке я, увы, не понаслышке знаю, что даже обычная стрела со стальным наконечником, срикошетив о мишень в 35 шагах, пролетает ещё шагов десять в сторону и насквозь прошивает железный лист забора. Не забывайте при этом, что таким образом, действительно, можно было легко обрушить культуру в серость средневековья, поскольку под дорожными рыцарскими доспехами скрывались не абы кто, а цвет тогдашней аристократии. Благодаря изобретению арбалета нужда в доспехах отпала, они заняли место в коллекциях, а развитие военного дела пошло своим чередом, без них. Если это так, то век рыцаря в доспехах длился на самом деле не несколько столетий, как нам рассказывают, а от силы лет пятьдесят.

На обеих теориях я вовсе не настаиваю, просто они мне показались занятыми и запомнились, а ежели логика последней оказалась вам странной, вспомните, почему с некоторых пор города перестали обносить неприступными стенами. Правильно, потому что были изобретены пушки, против которых эти стены всё равно бы не выстояли.

Не помню точно, но предполагаю, что на беглый осмотр уоллесовских богатств у нас ушло часа полтора. Думаю, было уже около четырёх вечера, поскольку я начинал испытывать неторопливо подползавшее чувство голода и спешить: в путеводителях говорится, что музей мадам Тюссо закрывается по выходным в 18:00, а я, честно говоря, хотел ещё застать открытой квартиру Холмса на соседней Бейкер-стрит.

Тянувшееся до сих пор праздной рысцой время внезапно перешло в галоп. К тому же пошел дождь. Сперва мелкий, но постепенно всё усиливающийся. Хотя пока ещё грибной, как утром.

До Пекарной (*baker* – пекарь, булочник) улицы мы дошли за три минуты, но от одноимённой станции метро, находящейся ровно между музеем мадам и квартирой детектива, нас отделяло пять

кварталов и шесть перекрёстков. Золотое правило «поспешай медленно» в нашем случае уже не годилось.

Сегодня, чтобы попасть в гости к мадам Тюссо, нужно свернуть на Мэрилебон-роуд, а когда в 1835 году открылась её первая постоянная выставка, она располагалась прямо на Бейкер-стрит.

Мы прошли мимо. Я всё-таки больше хотел попасть к Холмсу, а Алина была довольно безразлична к обоим достопримечательностям.

Сэр Артур поселил своего вечно живого героя по адресу Бейкер-стрит 221b. В тогдашнем 1890 году (и вплоть до 1930 года) нумерация домов по этой улице заканчивалась цифрой 85. Когда улица вытянулась дальше, к Риджентс-парку, здания с 219 по 229 в 1932 году заняла крупная финансовая компания «Национальное строительное общество Эбби». Вероятно, среди его начальников попался поклонник таланта Конан Дойла (или Холмса), потому что «Эбби» наняла постоянного секретаря, который (или которая) отвечал на письма, приходившие на адрес знаменитого сыщика. В 1990 на стене дома появилась синяя табличка, знаменующая в Англии официальное решение о том, что по такому-то адресу некогда проживал такой-то известный человек. Персонаж писателя обрёл статус «существовавшего». Осталось выяснить, где же именно. Начался пятнадцатилетний диспут между «Эбби» и «Музеем Шерлока Холмса» за право продолжать получать письма и отвечать на них от имени экстравагантного детектива. Закончился он лишь с закрытием «Эбби» (вызванным, правда, не столько происками музея, сколько финансовым положением и появлением новых хозяев) в 2005 году.

Музей расположен по нечётной (разумеется) стороне Бейкер-стрит между домами 237 и 241. Несложно догадаться, что фактически он занимает помещение в здании 239. Но на это никто уже не обращает внимания.

Когда мы подошли, несмотря на припустивший не на шутку дождь, перед входом на улице стояла и не двигалась небольшая очередь. Памятуя, как это было в первый и последний мой сюда визит, который состоялся году в 1994, я очереди удивился, а вышедшего наружу служку в псевдо полицейской форме спросил, нельзя ли всё-таки войти внутрь и купить билеты. Оказалось, что соседние стеклянные двери теперь и есть вход в кассу.

Я очень хорошо помнил, как поднимался следом за буквально несколькими посетителями по узкой деревянной лесенке с этажа на этаж, заходил в уютные комнатки, садился у камина в кресло, надевал «хозяйскую» шляпу с двумя козырьками, делал вид, что раскуриваю лежавшую тут же, на столике, трубку, чтобы получилась забавная фотография; а потом на верхнем, 5-м этаже с интересом рылся в сувенирной лавке. Тогда я деньги слегка экономил и лишних покупок себе не позволял и, честно говоря, надеялся восполнить этот пробел сейчас.

Не тут-то было!

Послушавшись «полицейского» мы в сомнениях вошли в помещение кассы и... оказались в лавке с бывшего 5-го этажа. Только теперь здесь ещё и билеты продавали. Сувениров было много, но — сплошь китайский ширпотреб, который и на книжную полку в кабинете ставить как-то совестно. В большом количестве продавалась знаменитая кепка Холмса с двумя козырьками. Сегодня она считается неотъемлемой частью образа лондонского сыщика, а ведь сам Конан Дойл никогда её не описывал. Возникла она лишь благодаря фантазии одного из иллюстраторов историй о Холмсе. Точно также как ставшую притчей во языцех фразу «Это элементарно, Ватсон!» вы ни в одном оригинальном рассказе не найдёте: она появилась лишь в первых экранизациях по мотивам произведений Конан Дойла.

Что до остальных экспонатов лавки, то позабавил нас лишь железный указатель с пальцем и строгой надписью: «Туалет сломан. Пользуйтесь дальним углом». Указатель был такой один, ценника не имел, так что я до сих пор прибываю в задумчивости, уж ни правду ли изрекала надпись...

Лавка с сувенирами произвела на меня гнетущее впечатление. Поэтому я сам предложил Алине никуда наверх не подниматься, никаких билетов не покупать, а поспешать за угол, смотреть на восковые фигуры знаменитостей. Я очень надеялся на то, что они нас развлекут и отвлекут от становившегося всё навязчивее чувства голода.

Здесь я должен пояснить, что за многочисленные поездки по миру мы с женой выработали некий традиционный подход к дневной трапезе. Будь то туповатый отдых на островах летом или познавательное путешествие по новой стране, обед — есть обед. Это не перекус бутербродом. Хочется найти эдакое заведение ресторанного типа, войти в него, облюбовать столик, изучить меню, сделать

заказ, а потом разговаривать, поглядывать в окно на прохожих (или на машины, или на волны, или на соседей) и наслаждаться разнообразием вкусовых ощущений. Иначе как-то неинтересно. Поэтому, не сговариваясь, мы решили пока терпеть, чтобы потом уж как следует «оторваться».

В оба предыдущих раза, когда я навещался к мадам Тюссо (*Tussaud*), накрапывал дождик. В первый раз он заставил длиннущую очередь прятаться под зонтиками, а бедный Чарли Чаплин шлёпал вдоль неё по лужам и пытался нас смешить. Во второй раз очередь была, но уже без Чаплина. Сегодня мы не застали ни Чаплина, ни очереди. Неужели в будущем я приду сюда и не обнаружу дождя?

Снова касса. Красные стены в поющих и пляшущих мониторах. Громкая музыка. И несколько человек, решивших провести вечер в компании восковых знаменитостей. Пока мы ждали, когда дойдут до нас, точнее, когда мы дойдём до мечущейся за прилавком девушки, я с грустью понял, что был здесь давно, почти двадцать лет назад. Тогда билет сюда стоил астрономические 8 фунтов с копейками. Теперь – 30. Без копеек. Правда, сейчас он включал какой-то непонятный “*Marvel Experience*”, но всё равно это было как-то слишком. Однако раз нету хлеба, давайте зрелищ! И мы смело шагнули в кабину лифта (уже с билетами, разумеется).

Мадам Тюссо, точнее, Анна Мария Гросхольц, заварила эту восковую кашу в 1777 году, когда создала из воска фигуру не кого-нибудь, а самого Вольтера. Этому ремеслу её научил бернский врач Филипп Куртиус, у которого мать Анны Марии работала экономкой. Потом у неё получились Жан-Жак Руссо и Бенджамин Франклин. Рассказывают, что, когда началась французская революция, она не дрогнувшей рукой подбирала возле гильотин головы известных деятелей, делала с них посмертные маски. В 1794 году рукастый доктор умер, и Анна Мария унаследовала всю его огромную коллекцию восковых фигур и последующие 33 года путешествовала по Европе, показывая её, разумеется, за деньги. Думаю, она бы немало удивилась, если бы узнала, сколько сейчас стоит посмотреть на работы её подражателей.

Собственно, мадам Тюссо она стала в 1795 году, взяв фамилию мужа. Теперь её шоу так и называлось – *Madame Tussaud's*. Франко-британская война застала её в Англии и, не имея возможности вернуться домой, она сперва странствовала по Великобритании и

Ирландии (как мы), а в 1835 году осела в Лондоне и открыла музей своего имени. Сегодня его филиалы есть в Лас-Вегасе, Голливуде, Нью-Йорке, Вашингтоне, Амстердаме, Париже, Берлине, Блэкпуле, Вене, Бангкоке, Гонконге, Джакарте, Шанхае, Токио и Сиднее.

Как оказалось, за прошедшее время изменились не только цены, не только расположение залов, не только стоящие в этих залах двойники новых знаменитостей, но и отношение к ним. И это, пожалуй, самое большое впечатление, которое я вынес после нашего визита. Раньше посетителей было такое же море (безлюдность на улице и в кассе оказались обманчивыми – все кружились внутри, где интересно), но вели они себя гораздо скромнее и почтительнее: какого-нибудь теннисиста Борю Беккера обходили стороной, Майкла Джексона фотографировали издалека, перед английским королевским семейством стояли чуть ли не по стойке смирно и позволяли себе расслабиться разве что в «Комнате ужасов» среди знаменитых убийц и насильников. Теперь – никакого пиетета! Фигуры знаменитых, а подчас и великих людей стали для публики не более чем большими игрушками. Мало какая из них стоит в гордом одиночестве. Индусы, китайцы, чукчи, белые, черные, рыжие, зеленые – все норовят запечатлеть себя рядом с ними. Кого-то тискают, над кем-то глумятся, кого-то целуют, кому-то делают «рожки». Самое грустное – смотреть на бывших звезд. Их уже никто не узнаёт, а потому их постепенно выставляют из залов в проходы, чтобы через годик-другой вообще убраться с глаз долой.

«Когда в Риме – поступай как римлянин». Я примерился к крошке Тому Крузу, запечатлел Алину с Одри Хепбёрн, поговорил о чём-то с задумчиво застывшим у стены Оскаром Уайльдом, вместе с Гитлером погрозил жене кулаком, сфотографировал её с Маргарет Тэтчер и под конец почувствовал себя стройняшкой рядом с грузным Генрихом VIII.

Нет, разумеется, до конца было ещё очень далеко.

Сперва нужно было пройти через упомянутую «Комнату ужасов» – лабиринт темных переходов, где в нишах по обеим сторонам стояли за решётками те, кто посвятил себя убийствам. Скажу сразу, нашего Чикатило там нет. А есть всякая местная «мелочь», имевшая в послужном списке не больше 20-30 жертв. Англичане вообще любят всякие кукольные ужастики. В Лондоне и многих других городах есть немало специально посвящённых этому музеев и подвалов.

После ужасов неподвижных нас решили напугать ужасами живыми. Вас снова загоняют в извилистый коридор, где плохо видно и из-за шума плохо слышно, вы идёте следом за кем-то, а в этот момент из-за угла на вас с воплем нападает какой-нибудь штатный зомби. Детям нравилось.



Уважаемый читатель, это мы не вам...

Следующим аттракционом раньше посещение музея Тьюссо заканчивалось. Вы садитесь в подобие лондонского кэба, и вас провозят сквозь историю Лондона, от римских поселенцев до современности. Музыка гремит, голос за спинкой кресла пафосно вещает, огромная голова Нельсона подмигивает единственным уцелевшим глазом, строители строят, кузнецы куют, «Шекспир» скребёт бумагу (о кавычках поговорим позднее), пожарные тушат Великий пожар, устроенный угольком из стоящей здесь же печи на Пудинглейн и т.п. Называется всё это «Дух Лондона» (*The Spirit of London*) и занимает немногим более пяти минут.

Пишу я эти строки, наверное, весьма сдержанно. Не верьте мне, это результат переживания. Потому что во время первого катания через «Дух Лондона» я визжал от восторга, как мальчишка.

Как оказалось, сегодняшний музей этим не ограничивается. Следуя за людским потоком, вы обходите громадную фигуру зелёного Халка (не путать со Шреком, который остался где-то внизу) и пристраиваетесь в хвост неожиданной толпы. Вам хочется есть, вам хочется на волю, вы совершенно не разделяете царящего вокруг возбуждения, но постепенно осознание безнадёжности даёт вам силы оглядеться внимательно и понять, что сейчас будет то, что значилось в билете как *“Marvel Experience”*. Рядом с вами стоят здоровенные корзины, заполненные очками. Рука машинально выхватывает первые попавшиеся. На закрытых дверях бежит информационная строка, напоминающая, что чего-то осталось ждать всего 13 минут. Нет, уже 12. Кроме живых людей, вокруг вас фигуры супергероев, фильмами про которых и сделала себе имя студия «Марвел». Наверняка даже вы помните заставку с быстрым-быстрым листанием страниц комиксов. Присматриваясь к рекламным плакатам на стенах, вы узнаете, что вам уготован некий сюрприз в формате 4D.

На 4D я ходил ради младшего сына в каком-то павильоне бывшего ВДНХ. Помню, что кресло ходило ходуном, пытаюсь попасть в такт происходящему на экране, а сам экран был виден как-то слишком блекло и размыто. Нечто подобное я был вправе ожидать и здесь. Алина стойчески выносила моё брзжание.

Наконец нас запустили в круглый зал, который с улицы выглядит как цирк с зелёной крышей, а на самом деле является бывшим планетарием. Мы сели в большие кресла где-то в заднем ряду, напялили очки и вместе со всеми задрали головы куда-то туда, где на потолке-экране уже начиналось действие.

Продолжалось оно не больше пятнадцати минут. Но за это время я напрочь забыл про то, что голоден, что устал от впечатлений, что я вообще где-то на далёком острове. Показывали забавный детский мультик. Несколько хороших героев во главе с Бэтменом спасали Лондон от плохих героев, которые решили взорвать памятник королеве Виктории перед Букингемским дворцом. Но беда в том, что когда где-нибудь разбивалась витрина, осколки стекла буквально вылетали из экрана и летели в орущую публику. Если кто-то по недоразумению падал в фонтан, меня обдавало настоящими мокрыми брызгами. Ну а когда похожий на Пушкина персонаж из «Людей X» втыкал во что-нибудь свои ногти-ножницы, в спину чувствительно впивалось что-то острое.

Когда зажгли свет, я тупо улыбался до ушей и не хотел вставать.

Как и всюду в уважающих себя заведениях, в музее мадам Тюссо вас перед самым выходом обязательно прогоняют через магазинчик с сувенирами. Вспомнив о голоде, я решил было не задерживаться, но тут мой взгляд упал на странного вида витрину, в которой были выставлены стеклянные кубики, треугольники и призмы, внутри которых опять таки в трехмерной изометрии улыбались ни разу не повторяющиеся лица людей. Именно эта неповторимость и заставила меня навести справки. Оказалось, что прямо здесь же, буквально за прилавком, всего через каких-то 5 минут можно получить на память такой же кубик или шарик с собственным портретом. Девушка по имени Джулия (это я вижу теперь по сохранившемуся чеку) усадила нас с Алиной на стул, её напарник поколдовал над обычным компьютером, и нам в глаза с разной частотой стал бить зелёный луч лазера. Позже, ожидая результата, я пронаблюдал за этим процессом со стороны. Просто лазерная линия пробегает несколько раз по вашему лицу, сканируя его, и в результате умная программа получает объёмную картину всех частей вашего «ландшафта». Выбранная вами же стекляшка вставляется затем в довольно внушительных размеров агрегат, и вы снаружи можете наблюдать, как другой лазер выжигает внутри то, что первый «увидел». Стоило это удовольствие 32 с половиной фунта. Гулять, так гулять, решил я и ещё за 10 фунтов купил специальную световую подставку под призму, которую с тех пор включал раза два, но кому какое дело, пусть будет!

На улице уже смеркалось. Зато дождь успел прекратиться, так что закатное солнце обещало завтра хороший день.

Глава 6 – В которой мы ужинаем обедом, говорим о кладбищах, гуляем в Риджентс-парке и под дождём возвращаемся в гостиницу

Наш подход к выбору ресторана (первичному, проходя мимо) до неприличия прост и своеобразен: есть в зале люди или нет. Если есть, то кто это: местные или туристы? Если в зале люди есть и они местные (а это любой в состоянии определить как по виду, так и по речи), можно заходить и прицениваться. Потому что когда людей нет – ну, тут без комментариев, и так всё понятно: мясо или рыбу завезли на прошлой неделе и до сих пор не пустили в ход, плита холодная, повара грустные и т.п. Если в ресторане много туристов – это вообще ни о чём не говорит. Если только туристы – скорее всего, вы просто оказались возле какой-нибудь достопримечательности. Помните, я говорил про мост Реальто в Венеции? Это был собирательный образ. Там владельцы смело рассчитывают на то, что народу будет всегда много. Одноразового. Вы входите туда потому, что он под носом, и потому, что там всегда кто-то есть (и ест), вас встречают, вам дают меню, вы привыкли (не дай бог!) к туристическим ценам, вы делаете заказ, вам что-то приносят, вы это едите, недоуменно переглядываетесь, потому что «это» не похоже на «то», что было в меню, и уж точно не стоит заломленной цены, но не будете же вы спорить и ругаться. Просто вы больше сюда не придёте. А хозяину ресторана это совершенно не важно: не придёте вы, придёт другой, такой же лох для очередной разводки. Местная же публика сюда и носа не кажет. У неё свои излюбленные места: подальше от достопримечательностей и пафосности, в неприметных с виду заведениях, где вкусно и недорого кормят, и где хозяева делают всё для того, чтобы вы стали их постоянным клиентом. Вы ведь наверняка сами заметили, что при всей любви к перемене мест, когда вы где-нибудь на отдыхе, на Канарах ли, на Майорке ли, в Болгарии или где ещё – вы всегда поначалу обедаете в разных местах, а к середине отдыха, если не раньше, останавливаетесь на одном-двух и до самого отъезда постоянно наведываетесь только туда. Человек по своей природе не любит выбор. Поэтому и будут вечно процветать заведения типа макдональдсов.

Разумеется, кроме свежести еды, совести цен и расторопности обслуживания, в ресторанах (барах, кафе и пр.) важно то невидимое, но сразу осязаемое, что зовется атмосферой. Почему на одной и той же улице, иногда в одном и том же доме, вы находите, скажем, три похожих друг на друга по своей кормящей сути заведений, но в одном будет «шаром покати», как говорят французы, в другом будет занят от силы один столик, а в третий – стоять очередь чуть ли не с улицы? Никогда такого не замечали? Потому что явление это встречается сплошь и рядом. Ответа я сформулировать не могу. И дело тут явно не только в мантре маркетологов: локейшн, локейшн, локейшн...

И ещё одним правилом я пользуюсь в поездках по заграницам: если ты запутался, глаза разбегаются, а есть хочется – иди в итальянский ресторан. Там тебя уж точно накормят чем-то, что ты сможешь съесть, не задавая лишних вопросов. В своё время это правило здорово нам помогло выжить в Японии, где поначалу, конечно же, хотелось вкушать всего местного, но очень скоро выяснилось, что настоящая японская кухня практически несъедобна в силу своей свежести, то есть сырости, и отсутствия соли и мяса. Те же сырые японские рыбные пельмешки, которые зовутся суси (а у нас – «суши»), пролезают в горло лишь с помощью на удивление вкусного разливного пива (типа «Кири»). Это вам не питерские японские рестораны, где «суши» подаются не только не сырые, но даже жареные, а потому вкусные. А в стране восходящего солнца принято есть рыбу утреннего улова. Если осталась вчерашняя, её скармливают узкоглазым кошкам. Так вот, в том же Токио мы с Алиной частенько прокладывали прогулочные маршруты таким образом, чтобы в пору обеда оказаться в молодёжном районе Сибуя, что возле парка Йойоги, где на одной из улочек второй этаж дома (а в Японии всегда нужно смотреть не столько вдоль, сколько поперёк домов, чтобы увидеть разные заведения) занимала обычная пиццерия. Там, кстати, было, помнится, смешное пиво, которое ставили на стол в огромных стеклянных кувшинах, так что по стаканам посетители его разливали себе сами.

Сейчас, на Бейкер-стрит, мы всё это вспомнили и потому не стали морить себя беготнёй в поисках «чего-нибудь эдакого». Мы просто вошли в заведение под итальянской вывеской, заняли столик у окна во всю стену и попросили меню.

Не буду утомлять читателя описанием нашей тогдашней трапезы. Причём не столько потому, что я её не особо хорошо помню (так, общий набор чего-то макаронного со свининкой под светлое местное пиво), сколько потому, что посещений ресторанов у нас впереди ещё вагон и две маленькие тележки. Ограничусь, пожалуй, ремаркой о том, что если вы не в ладах с английским, а меню не дублируется на русском (что в Лондоне пока ещё редкость, хотя и начинает попадаться), вы всегда можете попробовать поговорить с официантом по-русски. Как во всей Европе, в Англии, точнее, в Лондоне, фартуки в большом количестве носят украинцы, белорусы и молдаване. В нашем случае оказалась улыбчивая полька, но она неплохо говорила по-английски.

У страха, говорят, глаза велики. А у голода, перефразировал бы я, велик желудок. Как правильно заметила моя жена, когда хочется есть, не нужно сразу делать огромный заказ, набрасываться на всё, а потом не знать, куда девать то, что уже, извините, не лезет. Надо поесть интеллигентно – и примерно через двадцать минут голода как ни бывало.

Мы, конечно, устали. Пешая прогулка плюс два с половиной музея после очень раннего вылета, четырёхчасового перелёта, такого же по времени временного сдвига назад и даже по московским меркам позднего ужина (позже 19:00 я стараюсь ничего серьёзного не есть) давали о себе знать. Тем не менее, где бы я ни оказался, мне хочется первый день пережить достойно, вышибить, так сказать, клин клином и со следующего утра сразу влиться в новую жизнь. Не знаю, как вы, а я замечал, что акклиматизация тем сложнее, чем разница во времени меньше. Разницу в шесть или семь часов морально гораздо проще перенести, чем в два. Особенно трудно это дается при перелёте с запада на восток. Однажды я за 11 часов пролетел из голландского Амстердама в бразильское Рио, бросил вещи в гостинице и как ни в чём не бывало отправился в соседнюю харчевню вкушать местных деликатесов и знакомиться с народом.

Ну да ладно, что было, то было. Вернёмся к Лондону.

- Ты хочешь в гостиницу? – спросил я Алину, потому что устать самому – не так страшно, как утомить спутника, а тем более спутницу.

Ответ был получен отрицательный. При этом мы оба понимали, что в любом случае нам ещё предстоит обратная дорога. Конеч-

но, можно было взять кэб и пожалеть ноги, а заодно узнать местные расценки, но спешить с этим не хотелось. Гулять так гулять!

В Париже я считал своим долгом, кроме музеев, обойти все кладбища. Поскольку на них покоится, без преувеличения, весь свет мировой художественной интеллигенции. Чего стоит ощущение, когда, будучи застигнутым дождём на Пэр-Ляшез, ты прячешься под деревом, стоишь где-то в кустах, а когда дождь проходит, ты бросаешь взгляд на надгробную плиту – свидетельницу твоего будничного разговора с местным служкой – и видишь, что под ней с 1663 года лежит Жан-Батист Мольер! А когда ты уже побывал на Монмартрском и Монпарнасском кладбищах, то понимаешь, что нельзя не отправиться в парижские пригороды и не навеситить «русское кладбище» Сент-Женевьев-дэ-Буа, где покоится и Бунин, и известные белогвардейцы, и Нуриев, и Тарковский, и даже совсем мне не родственные (насколько я знаю свои корни) Шатиловы-Долгорукие.

В Лондоне, как мне кажется, к обязательным местам для знакомства, тем более, как в нашем случае, довольно быстрого и поверхностного, должны относиться парки. Один мы уже потоптали днём, так почему бы ни прогуляться по другому, тем более что вот он, поблизости, правда, для входа в него нужно ещё разок пройти по Бейкер-стрит мимо дома Холмса до конца. Я уже упоминал его выше. Помните? Конечно, Риджентс-парк!

Почему Риджентс (*Regent's*)? Потому что в 1811 году не кто иной как будущий король Георг IV, а тогда ещё принц-регент велел уже знакомому нам по Мраморной Арке Джону Нэшу разработать план окультуривания и застройки этого зелёного участка площадью в добрых 166 гектаров. До того времени нынешний парк служил выгоном для коров и местом для заготовки сена. Старина Нэш первоначально хотел отгрохать тут дворец для регента и виллы для его друзей, однако что-то опять у них не заладилось, так что ни дворец, ни большинство вилл построены не были. В 1835 году парк впервые стал открытым для простого люда, правда, только два дня в неделю.

Мы вошли в Риджентс-парк с юго-западной стороны и сразу оказались на берегу пруда. В справочниках он, как и Змеиный пруд в Гайд-парке, называется «озером» - *Boating Lake* (т.е. буквально «озеро для катания на лодках»).

Здесь мне невольно вспомнился Бангкок с его сумасшедшими улицами, заполненными всякими «тук-туками» и миллионами машин. Но если свернуть чуть в сторону и зайти во дворик, где спрятался какой-нибудь буддийский храм, сразу стихают все звуки, и ты ощущаешь себя в пещере отшельника.

Озеро, многочисленная крылатая живность на его поверхности, деревья, часть которых имела удивительного цвета розовую листву, и редкие праздные парочки с детьми или без – всё это сразу погружало в умиротворяющую атмосферу и оставшийся позади (а вообще-то вокруг) огромный город уходил на второй план.

В январе 1867 году на этом озере погибло сорок человек из двухсот, под которыми провалился лёд. Озеро сразу закрыли, осушили, довели глубину до смешных четырёх футов и только тогда открыли снова. Больше никаких крупных происшествий здесь не наблюдалось, кроме разве что взрыва бомбы, подложенной хулиганами-ирландцами возле эстрады, где в 1982 году играл оркестр. Погибло тогда семеро солдат.

В плане парка два кольца: внешнее – большое и кривое, и внутреннее – идеально круглое. Первое опоясывает парк по периметру,



а внутри второго расположен знаменитый цветочный садик королевы Марии – нечто вроде ботанического уголка. Сейчас за цветами присматривает Королевское Ботаническое Общество.

Кроме того, в парке примостился Лондонский зоопарк, мимо которого мы прошли, даже не обратив внимания и не почувствовав запаха. Вам, должно быть, небезынтересно будет узнать, что в 20-е годы прошлого века здесь жил лебедь по кличке Пух и чёрный медведь по кличке Винни. Что до меня, то зоопарки я искренне не люблю с детства, а этот, похоже, был к тому же ещё и закрыт.

Вообще же здесь созданы

все условия для занятия многими видами спорта, начиная с обычного бега трусцой и заканчивая футболом и регби.

Вокруг внутреннего кольца расположены весьма симпатичные домики – колледжи, где учатся обычные студенты. Это довольно трогательно, потому что в принципе Риджентс-парк является местом, где в девяти виллах живут довольно высокопоставленные особы, начиная с резиденции американского посла и далеко не заканчивая частным домом принца Болкиа (вообще у него больше десяти имён подряд) из Брунея. Одну из вилл (*Albany Cottage*) снесли и на её месте построили, разумеется, мечеть.

Можно также вспомнить, что в «высоком сером здании рядом с Риджентс-парком» Ян Флеминг разместил штаб-квартиру МИ6, на которую трудился (и, говорят, всё ещё трудится), не покладая рук, его непобедимый агент 007.

Любители «Шекспира» имеют возможность приходить сюда в тёплое время года – для них здесь открыт летний театр, а те, кому подавай что-нибудь попроще – потанцевать под музыку живых оркестров. Ну чем не Люксембургский сад!

Поплутав по парку, мы вышли через южный вход и снова углубились в пересечения лондонских улочек, надеясь за приятным разговором об увиденном рано или поздно добраться до дома, в смысле, до гостиницы. Если посмотреть на карту, то становится понятно, что идти нам нужно было строго по диагонали вниз и влево.

Скажу сразу, опережая ваши вопросы: нет, мы не заблудились. Прав был мой отец, считавший, что тот, кто ориентируется в Москве, сможет найти дорогу где угодно. Как-то в Риме я отплатил ему за уроки тем, что пешком довёл от Испанской лестницы до виллы Боргезе, ни разу не сбившись с пути, не заглянув в карту и не тормозя прохожих.

За всю обратную прогулку с нами случилось всего два незначительных события – незначительных, потому что вполне предсказуемых: мы попали под сильный дождь и забрели в арабский квартал. Дождь начался ещё на дорожках парка, но постепенно разошёлся не на шутку, хотя такой безнадёжности, какая смотрит на вас с неба в Питере или Москве, не было: так, облачка, тучки, снова облачка. Я вспоминал о сухом зонте, греющемся сейчас на дне чемодана в пустом номере, и зарекался впредь не слушать женщин в столь щекотливых мужских вопросах.

В Лондоне переждать дождь легко: повсюду обнаруживаются спасительные навесы. Мы остановились под тем, что принадлежал какому-то ресторанчику. При этом окна его были замутнены, так что своими спинами мы, я надеюсь, никому не испортили аппетит.

Как и всё не только хорошее, дождь довольно быстро закончился, и мы прибавили шагу. Если бы на баловство стихии ушло больше времени, я бы, вероятно, уговорил Алину зайти внутрь и позволить себе лёгкий полдник.

Арабский квартал (один из многих в этом терпеливом городе) подвернулся нам весьма кстати, потому что вечером блюдушие себя люди должны есть фрукты. Фрукты в арабском квартале были. Не фонтан, но есть можно.

Вот так, с пакетиком в руке, стеклянной призмой в кармане, фотоаппаратом и камерой под курткой во избежание попадания небесной влаги и первыми дорожными впечатлениями, мы через какие-нибудь полчала вошли в гостиницу и плюхнулись на диван перед камином на первом этаже. Лифт по-прежнему не работал. Ноги отказывались слушаться, и четвертый этаж представлялся рестораном «Седьмое небо», что на Останкинской башне.

Думаю, правда, я не так уж сильно устал: машины под открытым окном не давали мне заснуть всю ночь. Лет пятнадцать назад, когда я ещё не трудился, а работал, как большинство моих добрых читателей, от звонка до звонка, я бы этого шума даже не заметил.

Глава 7 – Второй день в Лондоне: английский завтрак и английская топонимика, Веллингтон, Букингемский дворец, Мэлл, Трафальгарская площадь, Национальная и Портретная галереи

На завтрак я спустился в домашних тапочках. Они у меня все – удобные – шлёпки без задника, но из того же мягкого войлока, из которого делают валенки. Жаль, что я не мог пойти в них на прогулку по Лондону...

В большинстве гостиниц Англии предлагаемое постояльцам по утрам делится на завтрак «континентальный» и «английский». В заведениях средней руки по умолчанию вы получаете доступ к «шведскому столу», где ваш выбор сводится к нескольким видам корнфлекса, булочек и сыра, к чему добавляются йогурт, компотного типа фрукты, холодные яйца и, может быть, какая-нибудь не слишком съедобная каша. «Английский» завтрак обычно заказывают отдельно. Если вы на него согласитесь, то получите большую тарелку с жареным беконом, подобием яичницы-глазуньи, парочкой сероватых свиных сосисок, жареным помидором и подозрительно чёрным кругляшом несъедобной котлеты, которая является собой кровяную колбасу. Иногда подкладывают штучки три шампиньонов.

Если вы остановились не в типичной английской гостинице, а в той, что принадлежит к международной сети, всё вышеперечисленное вы, скорее всего, получите в рамках «шведского стола» и выберете по своему вкусу.

Поскольку к английским завтракам я себя приучил заранее, в то утро мне не составило большого труда подкрепиться обоими типами. В подобных случаях грех теряться и смущаться. Вот когда вы где-нибудь в Амстердаме, и спускаетесь в пустую крохотную кухню, где ещё сонный хозяин неуверенными движениями ставит перед вами чашку уже прохладного кофе, булочку, яичко в подстаканнике, кусочек масла, кусочек сыра и напёрсток джема, а впереди у вас день беготни по достопримечательностям – вот тогда становится слегка грустно. Европа, конечно, разная, но среди её стран попадаются такие, где явно не слышали пословицу о том, что «завтрак надо есть самому, обед делить с другом, а ужин отдавать вра-

гу». Испанцы её точно не знают: пройдите часа в два ночи по улицам Мадрида и загляните в окошки ресторанов – все там, все едят, все усиленно запасаются перед сном калориями. Хотя, быть может, испанцы не спят. Как волки. Говорят, волку хватает часа крепкого сна в сутки. Правда, в течение этого часа его можно таскать за хвост – не проснётся. Наверное, поэтому никто из нас и не видел спящих волков.

Мы снова решили посвятить день пешей прогулке. С одним обязательным лирическим отступлением: нам нужно было зайти в контору «Графальгар», чтобы заявить о себе и уточнить завтрашний расклад. Потому что мы даже толком не знали, откуда и в котором часу отходит наш автобус. Агентство, судя по карте, располагалось на противоположном берегу Темзы, если перейти её по Вестминстерскому мосту, в шаге от вокзала Ватерлоо.

Кстати, вас никогда не смущало это двойное «оо» на конце? А должно было смутить. Хотя, как вы знаете, название это пришло из Бельгии, на месте англичан я бы его как-нибудь переименовал.

Англичане вообще довольно странно относятся к топонимам. Разумеется, по уровню отсутствия воображения им никогда не сравниться с американцами, которые все названия понадёргали «с миру по нитке» (кроме разных Йорков и Брайтонов, вы там у них найдёте не одну Москву, Одессу и Санкт-Петербург и т.п.). И всё-таки. Ну зачем, скажите на милость, в Лондоне 21 улица носит гордое имя Глостер-роуд, 32 – Мейнсфилд, 35 – Кавендиш, 66 – Орчард, 74 – Виктория и т.д. и т.п. Не верите? Откройте справочник «Лондон от А до Я».

Но это ещё полбеда.

Настоящая беда начинается, когда вы не просто читаете названия улиц, а ещё и вдумываетесь в их смысл. Чтобы не отвлекаться от главной темы, перечислю лишь несколько первых попавшихся на глаза: Лишайный переулок (*Shingles Lane*), авеню Обоженной ноги (*Burnfoot Avenue*), Терапия-роуд (*Therapy road*), переулок Жестокого удара (*Cold Blow Lane*), Сутулая улица (*Droop street*), Сточный переулок (*Gutter Lane*), площадь Холодной ванны (*Cold-bath square*), Мимолётная лужайка (*Glimpsing Green*).

Что же такого нехорошего с топонимом Ватерлоо? Ну, просто дело в том, что пишется он по-английски так – *Waterloo*. “*Water*” – это со школьной скамьи всем известная вода. А вот “*loo*” – это то,

чем англичане предпочитают заменять не очень любимое ими слово «туалет». Комментарии, не к столу будет сказано, излишни.

Собственно стол с остатками завтрака мы уже покинули, вернулись в номер, Алина взяла сумку, обречённо положила в неё зонт (мой, потому что своего у неё нет принципиально), мы ещё раз бросили взгляд на радостно-голубое небо и отправились... в Гайд-парк.

Сегодня мы пошли другим маршрутом и безжалостно пересекали его по диагонали, любуясь невозмутимостью природы, понедельничной суетой людей в одинаковых офисных нарядах, обтянутыми ногами сосредоточенных бегуний и никуда не спешащими бомжами. В одном месте дорогу преградил подозрительный бугорок конского навоза. В десяти шагах от него застыл, делая вид, что ничего не замечает, всадник на железной лошади – очередной мемориал жертвам войны.

Чуть дальше, слева, на белом постаменте стояла чёрная статуя обнаженного воина с мечом и щитом. Зовут воина Ахиллес. На постаменте надпись, сообщающая, буквально следующее: «Артуру, герцогу Веллингтону, и его отважным собратьям по оружию эта статуя Ахиллеса, отлитая из пушек, завоёванных при Сальманака, Виттории, Тулузе и Ватерлоо, посвящается их согражданами». Стоит она тут с 1822 года как дань памяти Артуру Уэллсли, 1-му герцогу Веллингтону (я бы всё-таки сказал Веллингтонскому, но, увы, традиция сильна), который, родившись в ирландском Дублине, стал английским фельдмаршалом, был участником наполеоновских войн, победителем при Ватерлоо и двукратным премьер-министром Великобритании (при Георге IV и Вильгельме IV). Известно, что этот памятник ему поставили восторженные женщины Англии. Памятник железный, вероятно, потому, что таково было прозвище Веллингтона. Пикантная подробность заключается в том, что это была первая статуя обнаженного мужчины, выставленная в Лондоне для всеобщего обозрения. Поначалу он был безупречно выверен анатомически, но потом общественность заставила прикрыть некую выдающуюся часть фиговым листком, тоже железным. Остаётся добавить, что листок этот дважды срывали: в 1870 и 1961 годах.

Ещё правее, на решётчатых воротах парка белый единорог обнимал красного льва с золотой гривой.

Через одну из трёх каменных арок, образующих южные ворота, мы вышли к началу улицы Пиккадилли, миновали конного Вел-

лингтона, прошли под Аркой Веллингтона же и двинулись по длинной аллее, неизвестно почему названной Холмом Конституции (*Constitution Hill*). Никакого холма и даже слабенького наклона нет и в помине. Зато в самом начале аллеи с 2002 года здесь стоят четыре довольно грубого вида квадратные колонны, а между ними – такого же песочного цвета гробики. Зрелище довольно неприятное, тем более что и на колоннах, и на гробиках значатся имена не людей, а целых стран. Официально это место называется Мемориальными Вратами и призвано символизировать объединенные силы Британской империи – Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Шри-Ланки, Африки и Карибских островов – которые сражались в обоих мировых войнах. Хорошо видна надпись, принадлежащая перу одного нигерийского поэта: *Our Future is Greater Than Our Past* (которую я бы с листа перевёл как «наше будущее офигеннее нашего прошлого»). Не знаю. У меня эти каменные гробницы родили впечатление противоположное тому, которого, наверное, хотели добиться авторы, и мне снова вспомнилась фраза мужа королевы насчёт реинкарнации и смертельного вируса.

Справа, за невысокой, но явно хорошо охраняемой стеной тянулся сад Букингемского дворца. Слева между вековыми деревьями просматривался Грин-парк. От остальных королевских парков Лондона его отличает отсутствие прудов (сорри, озёр), каких-либо построек и засилья памятников. Не так давно, веке в 17-м, когда эти места были лондонскими окраинами, здесь хозяйничали бандиты и воры. Век спустя их сменила мирная публика, приезжавшая на гулянья и фейерверки. Специально в преддверье одного из них в 1749 году Гендель написал свою «Музыку для королевского фейерверка». Здесь же храбрые аристократы стрелялись на дуэлях.

Преодолев «холм», которого здесь никогда не было, мы, наконец, увидели справа угол Букингемского дворца и решётку забора перед ним.

Что первое приходило на ум среднестатистическому советскому человеку при упоминании слова «Букингемский»? Ну, разумеется, герцог Букингемский, к которому с такой завидной стойкостью стремились за подвесками четыре мушкетёра Дюма-отца. Современного читателя «поколения некст» это упоминание вряд ли выведет из спячки, но я вовсе не для него стараюсь. Итак, если в вас жива ассоциация с Д'Артаньяном, вы молодец, но знайте: нынешнего дворца он не видел. И не потому, что не было Д'Артаньяна –

потому что в то время не было дворца. А был так называемый Букингемский дом, в котором и проживал Джон Шеффилд, он же 1-й герцог Букингема и Норманби. Потомок того Букингема, сэр Чарльз Шеффилд, продал в 1761 году поместье Георгу III за 21 000 фунтов, что на сегодняшний день соответствует 3 000 000 их же. Думаю, нынче у королевы за такие деньги купишь разве что право поносить одну из её шляпок. Как бы то ни было, имя Букингема осталось, но отныне оно принадлежало королевской обители.

Поначалу дом мыслился как место уединения. Георг продолжал жить во дворце Сент-Джеймс. Сюда же он переселил свою жёнушку, королеву Шарлоту, и здесь она родила ему 14 из их 15 детей.

Когда на троне удобно устроился Георг IV, наш незабвенный Джон Нэш, придворный архитектор, нашептал ему, что, мол, стоило бы из маленького и уютного домика сделать что-нибудь поприличнее. Как и всё, чего касалась загребушая рука Нэша, строительство дворца к 1829 году было приостановлено, а сам мастер удалён с глаз долой. Тут как раз умер Георг IV, и его наследник, Вильгельм (под тем же номером), велел заканчивать «стройку века» некоему Эдварду Блору. Одно время Вильгельм даже подумывал разместить здесь Парламент, поскольку оригинальный Парламент погорел в 1834 году. Не успел – умер. Ему на смену пришла легендарная королева Виктория, которая в 1837 году стала первым монархом, поселившимся в Букингемском дворце в качестве постоянного жильца. Увы, поначалу ей тоже не повезло, потому что вентиляция работала так плохо, а слуги оказались такими ленивыми, что дворец начал быстро превращаться в клоаку. Спас положение принц Альберт, за которого королева вышла замуж тремя годами позже. Он резко поменял персонал и нагнал рабочих, что почти на десять лет выправило ситуацию. Потом рабочих пришлось приглашать снова, правда, на этот раз для более приятной работы – расширения дворца, поскольку семья росла и хотела веселиться по-человечески – шумно, отчаянно и на просторе.

Жизнь всех смертных, будь то короли или рабочие, состоит из белых и чёрных полос. Чаша сия не миновала и Викторию. Когда в 1861 году Альберт благополучно умер, она надела скорбные одежды и удалилась от лондонской суеты в Виндзорский замок. Говорят, в 1864 году нашли приколотую к забору дворца записку, гласившую: «Данные представительные владения сдаются или продаются по причине чахнувшего бизнеса их владелицы».

Веселье вернулось во дворец лишь в 1901 году, когда королём Англии стал Эдвард VII на пару со своей женой, королевой Александрой. Через девять лет его сменил на престоле сын, Георг V, который оказался серьезнее отца и первым делом на пару со своим кузеном, Вильгельмом II Германским, соорудил на площади перед дворцом величественный мемориал в честь своей бабушки, королевы Виктории.

В то утро за решёткой дворцового забора по-прежнему велись какие-то дорожные работы. Негры (или просто очень загорелые англосаксы) в оранжевых безрукавках скучно слонялись между та-рахтящими тележками. Полная дама в сером плаще и явно домашних шлёпанцах трусила через двор на королевскую работу. Двое гвардейцев в высоких чёрных шапках, красных камзолах, черных коротковатых брюках и лакированных штиблетах прохаживались вдоль стен дворца, останавливались, задирали колено до подмышек, разворачивались и следовали обратно в свои полосатые конурки.

Сегодня, значилось на выставленном за воротами транспаранте, смены караула не будет. По техническим причинам. Вообще же церемония смены караула проводится в 11:30 через день, а в период с мая по июль – каждый день. Посмотреть есть на что, народу собирается много, так что будете проездом – рекомендую заглянуть. Смены караула устраиваются не только перед Букингемским дворцом, но также у дворца Сент-Джеймс, у Королевских конюшен, в Виндзоре, в Эдинбурге (где мы ещё бываем) и много где ещё. Сегодня на *iTunes* можно даже скачать приложение, которое обязуется показывать на вашем телефоне, где и что в этой связи происходит. Спешите, рано или поздно королевское семейство додумается, что за просмотр действия с любопытного народа пора брать плату. Практически 4D как-никак!

Прежде чем оставить позади Букингемский дворец, мы обошли вышеупомянутый памятник королеве Виктории. Он белый и роскошный. Говорят, на постамент ушло 2 300 тонн мрамора. В глаза бросается позолоченная крылатая фигура на его верхушке и четыре белых скульптуры по кругу. Та, что смотрит на дворец, являет собой Милосердие, та, что обращена к Грин-парку – ангела Правосудия, на противоположной стороне стоит ангел Истины, а сама королева Виктория смотрит на проспект, который называется Мэлл

(помните жуткие сигареты «Пэлл-Мэлл»?) и вдоль по которому мы теперь направлялись к Трафальгарской площади.

Проложен Мэлл был не так давно, в начале XX века специально для королевских торжеств и пышных церемоний. Если вам досуг сидеть у телевизора и смотреть свадьбы и похороны королевских особ (или ту же Олимпиаду 2012 года), вы наверняка его видели. Когда вы идёте по нему, то не можете не обратить внимание на то, что асфальт (или что там у них используется) имеет коричневатокрасный цвет. Сделано это было умышленно, чтобы всегда создавалось ощущение гигантского красного ковра. Строители добились такого эффекта, подмешивая в состав покрытия окись железа.

Лично мне это место симпатично прежде всего тем, что справа находится Сент-Джеймс парк – старейший из королевских парков Лондона. На сей раз я не преминул воспользоваться одной из его гостеприимных лавочек, чтобы заранее обезопасить ноги столь необходимыми в путешествиях пластырями. Кстати, носите их при себе всегда, как и зонтик.

В парке, разумеется, есть пруд с двумя островками – Западным и Утиным. С перекинутого через пруд Голубого моста открывается отменный вид на Букингемский дворец в обрамлении деревьев.

Пока мы делали вынужденную, но приятную передышку, я размышлял о том, что нас ждало, а именно – посещение Национальной галереи. Я знал, что там увижу, и видел перед собой парк таким, каким его запечатлели художники XVIII века. Конечно, он с тех пор несколько изменился, но по-прежнему узнаваем. Вспомнились полотна венецианских мастеров, которые запечатлевали родной город (Венецию) лет на двести раньше. Скажите, вы можете себе представить, что смотрите на картину, где изображены жилые дома, церкви и улицы с людьми, а в углу стоит выведенная кистью автора дата, скажем, 1567 год, после чего выходите из музея и видите... ту же улицу, те же дома и те же церкви? Сюрреалистическое ощущение! Если вы живёте в Питере, то кое-что, не такое, конечно, древнее, вы ещё сможете пережить (правда, если разобраться, то с петровских времён остался разве что дворец Меншикова – все остальное безжалостно перестроено). А вот если вас угораздило родиться в Москве, всё, увы, истории вокруг себя вам не увидать...

Обе стороны Мэлла часто украшают государственные флаги. Как-то я был здесь приятно удивлён, когда шёл радостный после покупки в местной лавочке ценных, но совсем недорогих гравюр

(кстати, времён закладки Питера), а вокруг меня колыхались попеременно красно-бело-синие полотнища – наши и ихние. Одно слово: масоны¹³ всех стран соединяйтесь!

Заканчивается Мэлл Адмиралтейской Аркой – величественным подковообразным зданием в четыре с половиной этажа и с тремя проёмами собственно арок. Почему я так неуверенно говорю об этажности. Да потому что на левой половине здания, до арок, вы насчитаете два ряда больших окон и ещё два ряда маленьких над ними, а на правой – два ряда средних и три маленьких.

В 1997 году в одной из арок на высоте чуть больше человеческого роста появился железный человеческий нос. К Гоголю он отношения не имеет, зато, говорят, является остроумным напоминанием о существовании повсюду (а в Лондоне это ощущается особенно) «большого брата».

До 2012 года в здании Арки размещались правительственные офисы. Сейчас права на него переданы какому-то девелоперу, и скоро здесь появится (или уже появилась) очередная дорогушая гостиница.

Оригинальным названием площади, на которую мы вышли через Адмиралтейскую Арку, было «площадь короля Вильяма Четвёртого». Нынешнее её имя предложил архитектор и землевладелец Тейлор, который решил увековечить в нём победу англичан над французами в Трафальгарской битве. За старую площадь в 20-е годы XIX века взялся Георг IV, который привлёк к работе... разумеется, уже полюбившегося нам Джона Нэша. В 1845 году её заканчивал сэр Чарльз Бэрри. Владеет площадью королева (по «праву короны»).

Центр площади занимает колонна адмирала Нельсона (который подмигивал нам здоровым глазом в музее мадам Тюссо). Замышлялась и строилась она отдельно от площади, но в последний момент оказалась там, где оказалась. По её поводу сэр Бэрри в июле 1840, когда фундамент уже остывал, высказался следующим образом:

- Мнение моё таково, что желательно оставить пространство полностью свободным от всяческих изолированных предметов искусства.

¹³ Почему я говорю такие «глупости»? А вы никогда не задумывались, отчего это «наш» флаг имеет теперь те же цвета, что и Нидерланды, и Франция, и Великобритания, и США, и Чехия, и Хорватия, и целый ряд других стран? Конечно, можно сказать, что в музыке тоже всего 7 нот. А можно посмотреть шире и навести справки. Найдёте 76 разных толкований. Ложных, как и задумано. Потому что правильным будет 77-е.

Не послушали. Поставили. Теперь она вместе с площадью тоже стала неотъемлемым символом Лондона. настолько важным, что германские нацисты вынашивали тайные планы перевозки колонны в Берлин.



Вид на Трафальгарскую площадь с лестницы Национальной галереи.

Кроме колонны Нельсона, охраняемой четырьмя чёрными львами, на площади заметны два больших фонтана. Это не те, что стояли здесь изначально и предназначались для того, чтобы не столько лить воду, сколько не давать собираться на площади «недовольным элементам» (и куда только смотрел сэр Бэрри!). Те, старые, были подарены Канаде и теперь находятся где-то в районе Оттавы. Последние перестроечные работы завершились в 2009 году, так что теперь, благодаря мощным насосам, струи бьют на высоту до 24 метров.

Раньше, до 2005 года, Трафальгарская площадь была знаменита своими попрошайками-голубями, чем напоминала площадь Сан-Марко в Венеции. Кто-то их подсчитывал и насчитал аж 35 000 единовременно. Голуби не только попрошайничали, но и исправно

гадили. Под этим предлогом их сначала было запрещено кормить (то есть продавать туристам семечки), а потом подъехали сокольничие со своими остроклювыми питомцами, и голубей как ветром сдуло.

Несмотря на фонтаны и колонну Нельсона, Трафальгарская площадь используется горожанами примерно так же, как Пушкинская и Красная в Москве вместе взятые. Тут народ и Новый Год встречает (обычно под норвежской елью, которую исправно поставляют власти Осло в благодарность за помощь во второй мировой), и политические митинги закатывает по поводу и без.

Нам повезло – сегодня площадь была свободна не только от голубей, но и от возбужденного люда. Маленькая толпа, правда, была. Это такие же, как мы, туристы ждали открытия Национальной галереи, т.е. 10 часов (по средам она открывается почему-то в 9:00). Лучше всего бывать тут в пятницу, потому что тогда галерея закрывается не в обычные 18:00, а на три часа позже.

Кстати, с точки зрения посещаемости, Национальная галерея считается 4-й по счёту в мире после Лувра, музея Метрополитен и Британского музея. В последнем я был однажды, по недоразумению: случилось в мой первый сюда приезд в середине 90-х, когда я был глуп и невежествен (даже больше, чем сейчас) и полагал, что Британский музей – это и есть Национальная галерея. Побродив по многочисленным залам всяких надтреснутых поделок (или подделок), я так и не нашёл ни одной стоящей картины, зато во второй свой приезд отыскал-таки не только настоящую Национальную галерею, но и находящуюся в ней же, только сбочку, с отдельного входа, Портретную галерею, куда теперь хожу обязательно всякий раз, когда такая возможность представляется. К чести Британского музея можно сказать, что, открывшись в 1753 году, он стал первым в мире публичным музеем.

Беда с Национальной галереей лично для меня в том, что там запрещается снимать на что бы то ни было. Интересно, что если в Италии я те же самые драконовские правила посылал куда подальше и украдкой снимал всюду до тех пор, пока меня не заставлял врасплох оклик очередного задремавшего зрителя, в Лондоне я почему-то свято чту их законы. Поэтому ни одного кадра я никогда там не делал, а просто таскал на шее всю технику и вздыхал. Вероятно, потому, что в Италии и вообще всюду в Европе ты за вход платишь и считаешь, что тебе никто ничего не должен, тогда как в

Великобритании вход в самые-самые сокровищницы искусства всегда бесплатный, и ты подчиняешься из благодарности.

Поскольку мы были тут не единственными русскими, работники галереи предупредительно выложили на прилавок планы экспозиции на русском языке. По сути, язык не нужен, поскольку главное – иметь под рукой сам план с расположением залов, однако сопутствующие тексты были переведены, а сам листок бумаги стоил 50 рублей, т.е. один фунт. Это я обнаружил уже при выходе, так что, сорри, ребята, пять червонцев за мной.

Призываю вас не ходить в музеи лишь затем, чтобы отметить-ся. Лучше не ходить вовсе. Но уж если тяга к прекрасному в вас жива, не делайте так, как мне когда-то пришлось делать, когда меня впервые привезли на жутком белорусском автобусе в Рим и сказали, что в моем распоряжении на всё про всё четыре часа. Никому таких гонок не пожелаю. Но, увы, это тогда зависело не от меня. Теперь же я почти всегда оказываюсь хозяином своего времени и стараюсь подходить к таким тонким вещам с толком.

В отличие от многих других государственных музеев в Европе, Национальная галерея зародилась вовсе не на костях той или иной национализированной королевской коллекции. Просто в 1824 году само британское правительство купило 38 полотен у наследников некоего Джона Джулиуса Ангерстейна. Причём родом этот Джон был из Питера. Долгое время считалось, что он приходится родным сыном не то Екатерины II, не то Елизаветы. Семейное же предание гласило, что настоящими его родителями была императрица Анна и лондонский делец (бизнесмен) Эндрю Томпсон. Во всяком случае, когда в возрасте пятнадцати лет Джон приехал в Лондон, его первым местом работы стала бухгалтерия Томпсона. Ясное дело – абы кого с улицы к деньгам не подпустят. Впоследствии он сделал карьеру в финансах и стал поручителем такого крупного банка как «Ллойдс». Банк занимался работоторговлей, и, говорят, у Джона тоже имелись соответствующие выгодные вложения где-то в Гренаде.

Деньги никогда не пахли, и на них-то предприимчивый Джон и приобрёл те первые 38 картин. Какие именно, увы, не знаю. Разве что «Похищение Сабинянок» Рубенса и «Воскрешение Лазаря» Пьетро, которая официально зарегистрирована в галерее под номером NG1. Интересно, что изначально купленные государством картины так никуда из его дома и не переехали и выставлялись для публичного обозрения прямо там же, на Пэлл-Мэлл, 100. Комнаты

покойного хозяина они покинули лишь в середине 1830-х, когда открылось нынешнее здание Национальной галереи, которое впоследствии достраивалось и расширялось – благодаря активности первых директоров и многочисленным частным пожертвованиям.

Судя по плану, в галерее 66 залов. Да и картин не так чтобы прямо-таки много – всего порядка 2 300. Ценна коллекция не размерами, а широтой охвата эпох, стран и имён представленных в ней мастеров. Залы расположены практически на одном этаже в хронологическом порядке, так что если следовать плану, то можно часа за два охватить всё европейское искусство, начиная религиозным аскетизмом середины XIII века и заканчивая разбродом и шатанием (иногда в хорошем смысле слова) 20-х годов века XX.

Мне совсем не хочется водить вас по залам галереи и высказывать свои мысли по поводу того или иного полотна. Дело это совершенно неблагодарное, потому что то, что не нравится мне, может понравиться вам, и наоборот. Поэтому мы даже с Алиной никогда по залам не ходим вместе. В крайнем случае, при входе в зал, я указываю на те картины, которые она должна не пропустить, и мы расходимся по разным стенам, либо встречаемся только при входе в следующий зал, и я интересуюсь, заметила ли она то-то и то-то. Когда у человека есть «вектор понимания» искусства, когда он знает, с чем сравнивать, можно быть за него спокойным. Если человек умеет писать буквы, он ещё не писатель. Потому что есть Толстой и Набоков. Если человек открывает рот, его ещё нельзя называть певцом, потому что певцами назывались Марио дель Монако и Шаляпин. Если человек рисует чёрный квадрат или круг, он ещё не художник, потому что был Караваджо, Босх и Нестеров. Вещь, на первый взгляд, элементарная, но её сегодня все забывают. А ведь настоящее искусство никуда не ушло, просто оно скромно стоит на своем месте, а не выпячивает себя с экранов телевизоров, в надежде побыстрее заработать сегодня, потому что в душе понимает: завтра про него никто даже не вспомнит. Правильно говорят, что о вкусах не спорят. Потому что либо вкус есть, либо его нет.

Но я отвлёкся.

Когда я пишу эти строки, то напоминаю комментатора спортивного матча. Ему хочется рассказать о том, что происходит на поле, однако он должен всё время себя осаживать, понимая, что зритель видит это и сам. Хороший комментатор ведёт как бы параллельный рассказ, говоря не о том «что», а о том «почему». Как

Сколз отдал пасс Гиггзу – это мы все видели. А вот ты мне, мил человек, расскажи, почему он решил пасовать, а не пробил сам. Так и я хочу и не хочу говорить о том, что вы прекрасно сможете увидеть сами, если проснётесь пораньше и придёте сюда со свежей головой и без необходимости куда-то мчаться дальше.

Как-то раз я был по-настоящему потрясён, когда зашёл в один из первых залов и обнаружил, что смотрю на совершенно современные полотна. В том смысле, что передо мной была такая яркость и насыщенность красок, что я не поверил глазам, когда узнал в авторе Рафаэля. То есть Рафаэля я, как вы уже поняли, узнаю сразу, но тем радостным произведениям, что висели на стенах, никак не могло быть 500 лет!

Я бросился к сторожу и получил лаконичный ответ, что эти картины недавно вернулись из реставрации. Я пришёл в восторг. Так приблизить к нам прошлое! Помнится, я даже огляделся в надежде увидеть, не мелькнёт ли где-нибудь среди посетителей красный берет маэстро.

Как оказалось впоследствии, Национальную галерею многие за подобный подход к реставрации ругают. Действительно, в большинстве даже самых известных собраний полотна выглядят если не древними, то старыми, а краски – приглушёнными. Местные же реставраторы традиционно не боятся убирать лак, налагавшийся как предохранительная мера ещё в XIX веке и делавший полотна темнее, нежели они были в реальности. Честь им и хвала, скажу я.

Не устали? Леонардо видели? Микеланджело видели? Рембрандта? Гейнсборо с Тёрнером (последнего лучше смотреть в галерее Тейта, неподалёку отсюда, на набережной Темзы)? Ренуара? Тогда давайте выйдем на улицу и пробежимся под дождём, который снова зарядил, налево, за угол, где спрятался почти незаметный вход в Портретную галерею.

Кажется, я где-то уже упоминал, что в любое путешествие стоит ехать уже подготовленным. Хотя бы в общих чертах. Так вот, в Портретную галерею разумно идти либо тогда, когда вы прекрасно знаете историю Великобритании, либо с целью ею проникнуться, чтобы узнать потом. Потому что посвящена она исключительно портретам тех англичан, которые снискали национальную или международную славу. Забегая вперёд, скажу, что одну из её «дочерних» галерей мы с вами посетим в Эдинбурге, но там она будет сосредоточена вокруг шотландцев. Думаю, это вполне логично.

Не падайте в обморок, когда, открыв план, увидите, что, в отличие от одноэтажной Национальной галереи, здесь вас ожидают шесть этажей. Фактически осмотра заслуживают три, причём довольно компактных. В помощь вам длинный эскалатор, на котором вы можете с комфортом подняться сперва на два пролёта, а потом чинно обходить залы и спускаться по лестнице вниз, обратно.

Портреты полезны тем, что перед ними хорошо думается. Глядя в хитрые глаза знаменитого портрета «Шекспира» можно задать ему вопрос:

- Ты был или не был?¹⁴

Монархи и писатели, учёные и поэты, общественные деятели и артисты, спортсмены и музыканты – неторопливо гуляя по этажам галереи, вы найдёте их всех. Узнаете ли? Это зависит исключительно от вашей эрудиции. Замечу, что английские знаменитости представлены тут не только в живописных полотнах, но также в бюстах и фотографиях.

Сверившись с телефоном (а был уже второй час) и, представив, сколько нам еще предстоит пройти, увидеть и сделать, не исключая привала на обед, мы решили, что вполне прониклись искусством, и поспешили к выходу.

¹⁴ Лично я получу свой ответ в Стратфорде-на-Эйвоне, но об этом позже.

Глава 8 – От Уайт-Холла до Вестминстерского аббатства под дождём

Когда мы вышли на улицу, дождь то накрапывал, то заряжал в полную силу. Большой китайский зонт, купленный на вокзале в Киото, я оставил в Москве, но и того складного, что был при нас, плюс широкополые брезентовые шляпы и непродуваемая куртка, вполне хватало, чтобы мои камеры чувствовали себя защищёнными.

Вернувшись на Трафальгарскую площадь и радуясь, что успели запечатлеть её утром, мы решительно двинулись по Белому Залу в направлении Парламента.

«Белым залом» (*Whitehall*) раньше назывался стоявший здесь огромный дворец, превосходивший размерами и Ватикан, и Версаль. Комнат в нем было 1 500, и жили в них английские монархи с 1530 по 1698 год, после чего дворец постигла участь большей части тогдашнего Лондона – он сгорел в Великом пожаре.

Теперь Уайт-Холл – это километровой длины проспект, по обеим сторонам которого находятся многочисленные правительственные здания. Фактически, сказать сегодня «Уайт-Холл» про Англию то же самое, что сказать «Кремль» про РФ: «Уайт-Холл решил», «Кремль постановил» и т.п.

Движение здесь двустороннее, однако середину проезжей части занимают два здоровенных каменных пенька-памятника. Первым по нашему ходу был чёрный, поставленный на попа кирпич, при внимательном взгляде на который создавалось впечатление, что это символ женской бани после взрыва водородной бомбы. Потому что никаких женщин не было, зато вокруг всего камня словно висела пустая женская одежда. Надпись золотом тоже не давала усомниться: *THE WOMEN OF WORLD WAR II* (женщины второй мировой). Таким вот интересным образом скульптор Миллс выразил своё к ним отношение. В 2005 году королева его открыла не без помощи баронессы Бутройд, которая в целях сбора средств на строительство лично приняла участие в английской телевизионной игре «Кто хочет стать миллионером».

За памятником женской бане стоит уже более изящный кирпич грязно-белого цвета и носящий гордое название Кенотаф. Кенотафом, как вы, должно быть, знаете, называется символическая могила, не содержащая тела умершего. Кенотаф на Уайт-Холл открылся в 1920 в честь англичан, павших в первую мировую. Теперь ежегодно, в Поминальное воскресенье, ближайшее к 11 ноября (когда в 1918 было заключено перемирие), здесь проходят военные парады. Интересно, что эту дату, вместе с Англией, отмечают в Новой Зеландии, Франции, Бельгии и Сербии.

Дойдя под зонтиком до того места, где Уайт-Холл незаметно переходит в Парламент-стрит, мы притормозили перед решёткой ворот справа, тщательно охраняемых нарядом мокрой полиции в ярко-зелёных безрукавках дорожных рабочих. За решёткой начиналась знаменитая Даунинг-стрит, проход на которую простым смертным закрыт. Потому что там, по адресу Даунинг-стрит 10, находится резиденция нынешнего первого лица британского правительства – 1-го Лорда Казначейства. Эту должность мы лучше знаем под названием «премьер-министр». Также мало знаем мы о том, что в соседнем доме под номером 11 квартирует отведённый ему срок 2-й Лорд Казначейства, иначе говоря, «канцлер казначейства», а совсем по-простому – министр финансов. И уж совсем мало кто догадывается о том, что в следующем доме (либо 12, либо 9) живёт скромный Главный Кнут – главный организатор партийной парламентской фракции, который следит за соблюдением партийной дисциплины, обеспечивает поддержку политики своей партии и присутствие членов фракции на заседаниях парламента. По-нашему – парторг.

Названа улица в честь её первого застройщика – сэра Джорджа Даунинга, служившего дипломатом еще при Оливере Кромвеле и Карле II. Традицию селить тут главу правительства зачал Георг II, когда в 1732 году отдал дом 10 премьер-министру Уолполу.

Решётка чугунная и надёжная. Возведена, разумеется, для «защиты граждан». Про какие-либо инциденты в этом месте последние 300 лет не сообщалось, однако охрана, как легко можно убедиться, неусыпная и серьёзная.

По Парламентской улице мы дошли – куда бы вы думали? – до Парламентской площади. С левой стороны вздымался Биг-Бен, начиная собой длинное здание Парламента.

Площадь не интересна тем, что на ней постоянно бомжуют какие-то не очень чистые демонстранты, очень похожие на людей, продавших свои паспорта за полущку гашиша. А вот интересна она тем, что на ней расположены памятники нескольким государственным деятелям, среди которых вы узнаете вставшего со стула Абрама Линкольна и Нельсона Манделу, показывающего руками, какого караса он давеча поймал.

Самой примечательной здесь фигурой я бы назвал Уинстона Черчилля в образе Евгения Леонова из «Джентльменов удачи». Правда, в своё время у архитектора Робертса-Джонса возникли проблемы из-за того, что его первоначальный Черчилль напоминал не кого-нибудь, а самого Бенито Муссолини. Знаете, что сделал скульптор, чтобы Муссолини стал похож на Черчилля? Сузил ему лоб.

Говорят, что статуя стоит там, где скромняга Черчилль сам за двадцать лет до её сооружения завещал её поставить.

Первыми бронзового толстяка с тростью полюбили птицы, благо его лысая голова ничем не прикрыта. Против них хотели бороться, натыкав премьеру в макушку булавок, но план почему-то не был одобрен. Как нам на следующий день пояснила наша гид, теперь статуя стоит под высоковольтным напряжением. Думаю, не только из-за птиц. До Черчилля не раз дотягивались руки демонстрантов, которые превращали его то в вампира с окровавленным ртом, то в Страшилу Мудрого с травой на голове.

Перейдя площадь, мы подошли к боковому входу в Вестминстерское аббатство. Известно оно двумя вещами: похороненными там английскими королями и тем, что на их надгробьях происходят коронации и другие официальные торжества. Не пошли мы туда по трём причинам: чтобы войти, нужно заплатить по 18 фунтов с носа; при этом там нельзя фотографировать; я там уже бывал.

Алина увлекла меня, не слишком энергично упиравшегося, в соседнюю церквушку св. Маргарет. Отдыхая на жёсткой лавке от ходьбы и дождя, я слушал величественные пассажи невидимого органиста и вспоминал о том, что покажу жене как-нибудь в следующий раз.

Любознательный читатель, вероятно, в курсе, что на самом деле Вестминстерское аббатство официально называется «Университетская церковь св. Петра в Вестминстере». Да-да, при всей своей помпезности это всего лишь церковь, которая имела статус собора

только в период с 1540 по 1550 год. Насколько я понимаю, такая церковь находится в непосредственной юрисдикции монарха, а не епархиального епископа. Начало её строительству в современном виде положил Генрих VIII, решивший здесь упокоиться.

Если вы сподобитесь войти внутрь и дойти почти до самых ходов, то увидите Стул Короля Эдварда – трон, на котором с 1308 года короновались все здешние короли и королевы (за исключением первой и второй Марии, которым его не доверили, заменив по разным причинам другими). Вырезал его из дуба в 1297 году некий Мастер Вальтер, получив за это тогдашними 100 шиллингов за работу. Здесь начинаются странности, поскольку в Англии шиллинги ввели только в середине XVI века. Выходит, расплачивались шиллингами шотландскими. Почему, спрашивается?

Последней, кто сидела на Стуле по делу, была нынешняя Елизавета II в 1953 году. Тогда под ней, между ножками Стула, лежала ещё одна странная вещь весом 152 килограмма – «Камень Судьбы» (*Stone of Destiny*), известный также как «Каменная подушка Якова» (*Jacob's Pillow Stone*), «Наследный Камень» (*Tanist Stone*) или «Скунский Камень» (*Stone of Scone*). Изначально камень принадлежал шотландцам и использовался в церемониях передачи власти. Эдвард I умыкнул его в Англию в 1296 году, где он оставался неотъемлемой частью Стула ровно 700 лет. Шотландцы о нём всё время помнили и возмущались. 15 ноября 1996 года высокие чины обеих частей Великобритании произвели долгожданный обмен (не знаю, на что, наверное, за так), и камень вернулся в Эдинбургский замок (где мы его с вами скоро узрим воочию и тогда поговорим подробнее). Правда, когда будет следующая коронация, смотрите внимательно: по условиям соглашения, на этот день камень должен вернуться на положенное ему место, чтобы охладить разгорячённые чресла нового правителя.

При всей внешней смехотворности, стоит серьёзно задуматься, что же такое есть в этом камне, чтобы к нему относились с таким пиететом – раз, и какова на самом деле роль шотландцев в английских королевских узах – два. Мне приходилось слышать всевозможные версии вплоть до того, что «Камень Судьбы» и есть священный Грааль. Не знаю, проживём – увидим.

В прошлый раз со мной в Вестминстерском аббатстве произошёл мистический случай, ощущение от которого я запомнил на всю жизнь. Я стоял над надгробьем какого-то из почивших лет 500 на-

зад королей, прислушивался к вещавшему поблизости чужому групповоду и то и дело поправлял сползавшую с плеча сумку, в которую при входе вынужден был убрать свою съёмочную технику. Взгляд мой расслабленно упал на железную табличку, вмурованную в бортик надгробья. А на табличке значилось будничное: «Будьте осторожны, опасайтесь воров». Пока я осознал, как это в одном из самых наблюдаемых мест страны пишут такое, причём не на тетрадном листке, а в железе, на века, то есть, совершенно отчаявшись исправить ситуацию любым другим методом, за моей спиной кто-то пробежал. Очень быстро, так что я никого толком не заметил. Зато заметил, что молния на моей сумке слегка приоткрыта. Вокруг были люди, но они чинно стояли и рассматривали оплаченные красоты.

Я моментально сунул руку в сумку, потому что вместе с техникой убрал туда довольно толстый и мешавший мне в кармане кошелёк.

Кошелек не было.

Я судорожно расстегнул сумку и проверил ещё.

Нет кошелька.

Чувствуя, что это конец (а сейфами в номерах гостиниц я не пользуюсь никогда, предпочитая держать наличные в запертых чемоданах, но тогда денег у меня было исключительно мало, так что я их все носил при себе), я метнулся в соседнюю дверь, куда мог убежать вор, и оказался в квадратной галерее, посреди которой, как это часто бывает в подобных соборах, был застелен зелёный газончик. Галерея просматривалась вся, но никто нигде от меня не прятался.

Я взял себя в руки и вернулся обратно.

Подозрительно посмотрел на окружающих. Меня никто не замечал.

Тогда я водрузил сумку на надгробье повыше и ещё раз чуть не вывернул её наизнанку.

Всё оказалось на месте! И техника, и кошелёк, которого я мигну назад здесь не находил. Вор мне почудился. Его нарисовало моё воображение, потрясённое вечным призывом опасаться карманников.

Место в Вестминстерском аббатстве, которое интересно лично мне, называется Уголок поэтов. Поистине, только в Англии, где

столько «уголков» (ораторов, поэтов и т.п.), могли изобрести футбол – единственную игру, насыщенную «угловыми»!

Первым здесь в 1556 году был похоронен Джеффри Чосер, написавший «Кентерберийские рассказы», которые считаются предтечей всей последующей английской литературы. Правда, покоиться здесь ему позволили вовсе не потому, что он был писателем (точнее, поэтом), а потому что он до последних дней занимал должность, скажем так, прораба в Вестминстерском дворце (не путать с аббатством). Через 43 года рядом с ним похоронили поэта Эдмунда Спенсера, и начало традиции было положено.

Когда будете стоять в Уголке поэтов или когда вам попадутся упоминания имен похороненных здесь людей искусства, имейте в виду, что это не совсем правда. Физически многие писатели и поэты упокоились в других местах, а здесь вы увидите лишь памятные таблички. Это вам всё-таки не Пэр-Ляшез. Поэтому давайте вместе посмотрим на тех, о ком вы наверняка слышали и чей прах действительно тут, у вас под ногами.

Про Чосера мы сказали. Будет время, почитайте. Оригинал «Кентерберийских рассказов» крайне сложен, поскольку он написан ещё до того, как английский язык приобрёл свои нынешние правила. И с ними-то легче не стало, но представьте, как было без них! Так что почитайте хотя бы в переводе. Вещь забавная.

Поэт и драматург Роберт Браунинг. О нём я упоминал, когда вышел с Пэджингтонского вокзала. Он дружил с Диккенсом и считался эдаким поэтом-философом. Даже в Россию заезжал. Но вообще-то жил в Италии, а умер в Венеции. На его месте я бы предпочёл, чтобы меня там и похоронили, однако ему было уготовано лечь в Вестминстерском аббатстве.

Сам Чарльз Диккенс тоже похоронен здесь. В завещании он не указывал, где бы хотел упокоиться, и просил только, чтобы церемония прошла скромно. Ранним утром 14 июня 1870 он и нашёл тут своё пристанище.

Не знаю, знакомы ли вы с Джоном Драйденом, но этот поэт, драматург, критик и баснописец сделал для английской литературы не меньше Ломоносова (ещё помните такого?) – для русского языка. В частности, он утвердил в качестве основного размера английской поэзии «александрийский стих». Много переводил и с латыни, и с французского. Писал и трагедии, и комедии. Период с 1660 по 1700 год принято называть «веком Драйдена». Его могилы вы про-

сто так не найдёте. Потому что на ней нет надписи. Найдите могилу его современника, поэта Абрама Коули: имя Драйдена начертано на надгробном камне сбоку.

Здесь же лежит композитор Гендель. Разговор о нём у нас ещё впереди.

Томас Гарди, «последний из представителей Викторианства», автор двадцати пяти произведений, среди которых и романы, и рассказы, и стихотворения, похоронен... в двух местах. Найдёте его могилу – знайте: тут покоится его прах. А вот сердце поэта легло в могилу его первой жены Эммы в городе Стинсфорде. Это раздвоение стало результатом компромисса между волей самого Гарди (который, разумеется, хотел быть с женой) и настойчивыми просьбами сэра Карлайла Кокерелла, его душеприказчика.

О писателе Киплинге вы и сами наверняка знаете предостаточно. Так что просто найдите его здесь.

Если имя актера Лоренса Оливье вам что-то говорит, он тоже тут. Мало того, что он считается одним из «самых-самых» артистов XX века, сыграв роли в огромном диапазоне от античной драмы до вполне современных фильмов, не говоря уже о «Шекспире», получив за Гамлета «Оскар» в далеком 1948 году. Мало того, что за его плечами 120 театральных образов и 58 полнометражных фильмов. Думаю, он единственный актёр, который умудрился сняться в фильме... после своей смерти. Дело в том, что через 15 лет после кончины мастера его лицо «собрали» по кадрам старых кинокартин и с помощью компьютерной реконструкции воссоздали в роли доктора Тотенкопфа («мёртвой головы») в дизельпанке «Небесный Капитан и Мир будущего».

Среди тех, кто здесь не похоронен, но чьи имена вы сможете узнать: писательница Джейн Остин (плитка в стене), один из моих любимых поэтов Уильям Блейк (бюст), все три сестры-писательницы Бронте (мемориальная табличка), единственный, а потому самый знаменитый шотландский поэт Роберт Бёрнс (бюст), конечно же, лорд Джордж Гордон Ноэл Байрон (камень в полу), Льюис Кэрролл (камень в полу), вечно юный поэт Джон Китс (табличка в стене), автор «Любовника леди Чаттерлей» писатель Д.Г.Лоуренс (камень в полу), написавший «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло (бюст), сильно повлиявший на «Шекспира» поэт Кристофер Марлоу (надпись на специальной витрине), Вальтер Скотт (о котором мы с вами поговорим отдельно, в Эдинбурге), сам «Шекспир» (па-

мятник), поэт Перси Биши Шелли (табличка в стене), Уильям Теккерей (бюст), Оскар Уайльд (надпись на витрине). Кстати, что касается этой самой «витрины», то имеется в виду стеклянный витраж, который был специально доделан в 1994, когда места для новых имён стало просто не хватать. Пространства на нём должно хватить ровно на 20 человек.

Не знаю, как вам, а мне после короткого отдыха снова захотелось на воздух, к Темзе.

Глава 9 – От Биг-Бена до Тауэра

Сказать, что погода в Лондоне переменчива – не сказать ничего. Об этом писали почти все, кто так или иначе упоминал этот город, а потому я не стану повторяться и замечу, что это не так. Иногда погода в Лондоне весьма устойчива. Особенно плохая.

Сейчас наш путь лежал к Вестминстерскому мосту.

Откуда вообще пошло название Вестминстер, которое гордо носит не только мост, но и дворец (он же Парламент), и аббатство, где мы только что побывали, и весь здешний район (так что на адресных табличках на домах вы тут прочтёте не «Лондон», а именно «город Вестминстер» - *The City of Westminster*)? Всё довольно просто. “*Minster*”, подскажет вам любой словарь – это «кафедральный собор» или «церковь при монастыре». Поэтому речь идёт всего лишь о «западной церкви». Другое дело, что поскольку последнюю тысячу лет этот район использовался сначала английским, а потом и британским правительством как штаб-квартира, это название фактически стало символизировать политическое сердце Лондона.

А вот экономическое его сердце, это как раз *The City of London*, которое часто сокращают просто до «Сити». Тема отдельная и о ней – чуть позже.

Пока же мы обходили здание Парламента, иначе говоря, Вестминстерский дворец. Сами англичане называют его «Палатами» (*Houses of Parliament*): Палату Общин и Палату Лордов. Если вы интересуетесь историей и читаете её английскую версию, стоит помнить, что под Вестминстерским дворцом понимаются два здания. Первое нынче зовется «Старый дворец» и стояло здесь со времён средневековья до 1834 года, когда его уничтожил локальный пожар, вспыхнувший, как говорят, от перегревшейся печки. Часть старого дворца сохранилась, в частности, Вестминстерский зал, и её включили в проект реконструкции, которая началась шесть лет спустя. Пользуясь случаем, король Вильгельм IV попытался переселить Парламент в почти достроенный Букингемский дворец, который был ему нелюб, однако щедрое предложение парламентарии отвергли. Новое здание, которое сегодня может увидеть любой, строилось 30 лет: то материалы не подвезли, то смета зашкаливала,

то оба ведущих архитектора умерли. Работы по внутренней отделке плавно перетекли в XX век. Потом грянула вторая мировая с её бомбардировками Лондона, так что в список исторического наследия ЮНЕСКО новый дворец попал лишь в 1989 году.

Во дворце несколько башен. Та, которую знают даже те, кто никогда в Лондоне не был, и которую мы сейчас обходили слева, называется отныне Елизаветиной Башней, хотя известна она как Биг-Бен. Она изящна и показывает время. Именно благодаря своей элегантности она кажется самым высоким зданием комплекса, однако на самом деле её 96 метров слегка уступают Башне Виктории, расположенной на противоположной стороне Парламента. В XIX веке точность семиметровых часов, обращённых на все четыре стороны света, казалась фантастической. Когда мы шли мимо, Биг-Бен ударил один раз, отсчитывая половину часа.



Напротив него, на противоположной стороне улицы, стоит странное здание. Большое, старое, не бросающееся в глаза и привлекающее к себе внимание разве что своеобразными шишками на крыше, которые легко принять за большие печные трубы (см. фото). Если я на него вам не укажу специально, вы его, пожалуй что, и не заметите — дом как дом. Примечательно, что лет пятнадцать назад его здесь не было и в помине. Потом тут появились леса, закрывшие выход из станции метро «Вестминстер», а когда их сняли — оно появилось. На гугловской карте его максимально закрывает круглый

значок лондонской подземки. Никакого описания. Когда мы на следующий день проезжали мимо на автобусе, я поинтересовался у нашей гидши, знает ли она о его предназначении, и получил ответ, мол, конечно, там сидит правительство. Спорить я с ней не стал.

Просто в своё время один из местных сотрудников фирмы, в которой я тогда работал, рассказал, что на самом деле через этот неприятный дом проходит вся электронная почта королевства. Чем там занимаются, можете додумать сами.

Вот и Вестминстерский мост через Темзу. С очень красивыми фонарями, даже ещё более впечатляющими, чем на набережной в Венеции: три зеленых плафона на зелёной ножке с золотым вкраплением орнамента. Вообще весь мост выдержан в зелёном цвете. Потому что такого цвета кожаные кресла в Палате Общин.

Соседний мост, сразу за Парламентом, называется Ламбет и выкрашен красной краской – в цвет сидений в Палате Лордов.

Вестминстерский мост недавно сильно отреставрировали, но вообще он был открыт в 1896 году и считается вторым по древности, после Лондонского. Для любителей статистики договорю, что в длину он имеет 252 метра, а в ширину 26, давая возможность в обе стороны ходить людям и ездить машинам.

Темза, над которой мы теперь шли, известна потому, что на ней стоит Лондон (кстати, Оксфорд тоже). 346 километров протяжённости делают её второй по величине в королевстве после Северна. Но кто из нас когда-нибудь вспоминает про Северн?

По-английски её название пишется *Thames*. При этом первый звук не шепелявится между зубами, как оно принято в подобных случаях, а звучит как обычное «т». Умные люди объясняют, что написание “*th*” было данью английского Ренессанса греческой античности, поскольку считалось, что племена древних кельтов пришли из области Эпир, что зажата между Грецией и Албанией. Римляне упоминали её в своих записях как *Tamesis*. В любом случае учёные сходятся во мнении, что, скорее всего, название реки означало «тёмная», и ссылаются при этом на древнеирландское “*teimen*” и санскритское “*tamas*”. В русском языке, кстати, у нас есть и «темень» и «тьма». Но откуда тогда концовка на “*s*”, спросите вы? И тут наш маленький исследовательский экспромт наталкивается на странный факт: в районе упомянутого Оксфорда эта же самая река называется *Isis*. Ничего не напоминает? Правильно: так на английском пишется имя египетской богини Изида, дамы достаточно загадочной, одновременно жены и сестры бога Озириса, которую изображали с коровьими рогами, между которыми висело солнце. В итоге мы получаем свой собственный перевод реки – «Тёмная Изида». Стоит запомнить. Не потому ли сами лондонцы обычно назы-

вают Темзу просто «рекой», а в хрониках приходивших сюда прежде купеческих кораблей она значилась как «Лондонская река»?

Если хотите почитать о Темзе поподробнее, рекомендую взять «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома Клапки Джерома, забавную повесть, которая первоначально замышлялась именно как путеводитель по реке и её достопримечательностям.

Слева от моста, на противоположном берегу, почти без остановки медленно вращается белое колесо «Лондонского глаза». Это колесо обозрения (одно время самое большое в мире) появилось здесь в 1999 году и было приурочено к концу тысячелетия. В официальных справочниках перед словами «лондонский глаз» вы всегда увидите ещё ряд слов. Это названия фирм, которые заключили на несколько лет спонсорский контракт. Сначала это были «Британские авиалинии», потом компания «Мерлин» (она же возится с воском в музее мадам Тюссо), сейчас – ещё кто-нибудь. Определённый коммерческий смысл в этом есть, поскольку колесо в год посещает три с половиной миллиона человек, делающих его, таким образом, самой популярной достопримечательностью во всём королевстве. Высота колеса 135 метров.

После официального открытия колеса оно еще почти 4 месяца стояло порожняком, так как возник ряд технических проблем.

Сколько сегодня стоит туда билет, не скажу, поскольку Алина наотрез отказалась его посещать. В своё время один круг в стеклянном яйце кабинки вместе с дюжиной восторженных индусов обошёлся мне фунтов в 12, и тогда это было дороже, чем сходить к тётушке Тюссо. Правда, как я слышал, сейчас в стоимость билета входит очередное 4D шоу в здании при колесе.

Критики сравнивают «Лондонский глаз» с парижской Эйфелевой башней: мол, теперь и богатый и бедный, и стар и млад могут подняться в небо и насладиться видом города. Насчёт бедных не знаю, но один раз подняться можно. Только не забудьте фотоаппарат.

Противоположный, южный берег Темзы я знаю плохо и не люблю. Наверное, я как всегда не прав, однако сдаётся мне, что он – сплошная промзона. Поэтому с меня вполне хватило того, что, перейдя мост, мы на втором же перекрестке свернули налево, на Йорк-роуд, и обнаружили, что наша «Графальгар» расположена в большом и просторном помещении за высокими витринными окнами прямо на первом этаже (простите, на земляном). Посетителей

не было, а за длинной стойкой суеилось множество английских дев в симпатичной форме. Я гордо предъявил ваучер и нас, о чудо, сразу же узнали, отметили как прибывших и сообщили, что завтра мы должны быть здесь же в семь утра, чтобы не опоздать на автобус. Ещё я выяснил, что нашу гидшу будут звать странным именем Мхаири Макларен. Признаться, я слегка взгрустнул, потому что отчётливо представил себе темнокожую дамочку с точкой во лбу и в длинном сари, понимать которую будет нетрудно, но неприятно, и которая едва ли покажет нам тайны маршрута «изнутри», как обещал проспект. Правда, любезная дева сказала, что на самом деле эта Макларен вроде бы не индуска и просит называть себя как-то вообще по-другому, так что нам просто стоит дожждаться завтра. Она же в ответ на мой вопрос о том, как отсюда проще доехать на автобусе до Тауэра, не поленилась забраться в Интернет и через минуту сообщила, что остановка нужного нам маршрута находится в пяти шагах вправо от выхода.

Через пять обещанных шагов остановка была, цифробуквенный номер на ней значился, и только я никак не мог взять в толк, почему Тауэр находится в одной стороне, а проходящие мимо автобусы следуют ровно в противоположную. Наконец, появился наш автобус, увы, одноэтажный, и я смело шагнул в распахнувшуюся дверь. Оказалось, что у нас нет билетов. Разумеется, их у нас не было, потому что я был готов ради такого случая озолотить водителя. Водитель отказался. Нет, говорит, вы должны купить билет, а потом входить. Мы вышли. Двери закрылись, и автобус уехал.

Аппарат, продававший билеты, стоял тут же. Если бы он был человеком, я бы его убил. Потому что бессмысленных надписей на нём было много, табло никакого, а сдачи он не выдавал. В Японии с иероглифами у меня получалось как-то проще и живее. Тут же было даже непонятно, а сколько, собственно, билет стоит. Потому что цена зависела от зоны и номера автобуса. И никаких подсказок! В итоге я подарил аппарату явно больше, чем он того заслуживал, вытащил из его сжатых челюстей два неказистых билетика, и мы стали ждать новую попутку, надеясь, что эта придёт двухэтажная.

Нашим чаяниям в тот день не суждено было сбыться. Второй автобус оказался таким же, что и первый, правда, показанные изда- лека билеты сделали своё дело, и водитель скупно кивнул. Мы прошли в самый зад салона, за спины громкоголосого семейства, чьё чадо всю дорогу висело на поручнях, и не менее бойкой китайской

парочки, ни на секунду не смолкавшей и не обращавшей ни малейшего внимания на происходящее за окном.

И здесь обнаружилось новое затруднение из разряда тех, которых в столицах мира типа Лондона просто не ожидаешь: автобус останавливался по вызову. Если никого не было на остановке и никто не собирался выходить, он тупо проезжал мимо. Как у нас в подмосковной деревне. Страшного в этом ничего не было, в любом случае незадолго до Тауэра мы должны были пересечь Темзу, но как-то это выглядело несерьезно, примитивно.

Сидеть же на втором этаже «двухпалубного» красного омнибуса гораздо интересней и поучительней. Хотя бы потому, что вочию видишь, как коротка человеческая жизнь. С такой высоты кажется, что все прохожие не пробегают у тебя перед носом, а точнёхонько попадают под передние колёса. Поначалу это захватывает дух, а через несколько минут становится нормой. Особенно хорошо кататься таким образом, когда у тебя в кармане «билет одного дня».

Помнится, я как-то заполнял подобной поездкой «в никуда» час свободного времени перед посещением очередного вечернего заведения и настолько расслабился, размышляя и слушая речи одного очень чёрного лондонца, умудрявшегося разговаривать с подружками по двум мобильникам одновременно, что не заметил, как водитель просигналил «в парк». Выскакивать пришлось чуть ли не на ходу. А я-то думал, что тихо сделаю круг и вернусь к исходной точке! Самое неприятное было то, что в том месте, где я спрыгнул и стал ждать нового красного жука (эпитет Оскара Уайльда), все мои новые друзья по несчастью оказались неграми. Добро пожаловать в Хэмпстед, белая обезьяна, читалось на их добродушных лицах.

Поездка по южной части Лондона, признаться, ничем особым не запомнилась, кроме ожидания Тауэрского моста. Мост хорош во всех отношениях. На него приятно смотреть, его удобно фотографировать, над ним интересно пролетать, а под ним – проплывать. Моим друзьям из Питера он наверняка навеет тоску по дому, потому что Тауэрский мост умеет ещё и подниматься (разводиться). Когда видишь его в первый раз, не можешь отделаться от ощущения, то он – ровесник Лондона или уж во всяком случае самого Тауэра, настолько его башни-близнецы, удерживаемые двумя шлейфами сзади и словно протянувшие друг к другу руки замечательно стилизованы. Вероятно, потому что среди пяти строивших его архитек-

торов не был замечен наш хороший знакомый – Джон Нэш. Кстати, дольше всего выбирали дизайн моста. В 1876 году был затеян конкурс, на который разные умельцы предоставили 50 проектов. Пока ругались и ссорились, прошло восемь лет. В итоге победил дизайн сэра Хораса Джонса, по совместительству городского архитектора и члена отборочной комиссии. Джонс умер через три года, а сменивший его Джордж Стивенсон взял да и заменил обычный кирпичный фасад моста на викторианско-готический. Казне постройка обошлась по тогдашним ценам в 1 184 000 фунтов, что сегодня потянуло бы на 100 миллионов. Последнюю цифру стоит запомнить и держать в голове до тех пор, пока мы с вами ни остановимся в задумчивости перед зданием шотландского Парламента в Эдинбурге.

Как и всё новое, Тауэрский мост был воспринят многими критиками конца XIX века в штыки. Его даже называли «самой абсурдной конструкцией, когда-либо перебрасывавшейся через стратегическую реку». Авторы обвиняли в «претенциозности и подмене фактов», скорее всего, имея в виду уже тогдашнее несоответствие дизайна современной эпохе. Что ж, зато вы его всегда узнаете и отличите от миллиона других мостов.

Тауэрский мост часто путают по названию с Лондонским мостом, который расположен следующим вверх по реке. Говорят, что купивший в 1968 году готовый под слом старый Лондонский мост Роберт Маккаллок (для перевозки в основанный им же городок в Аризоне), долгое время считал, что приобрёл Тауэрский мост.

Хотя в наши дни судоходность Темзы резко упала, поднимается мост порядка 1000 раз в год. Если у вас большая яхта и вы хотите профланировать на ней по Лондону, вам придётся уведомлять об этом за сутки. Но при этом за подъём моста денег с вас не возьмут.

В декабре 1952 года мост стал подниматься, когда к его середине подъезжал двухэтажный автобус RT 793 с номером JXC 156. Водитель Альберт не то Гюнтер, не то Гантон успел сориентироваться и нажал на газ. Преодолев 3 фута (чуть больше метра) зазора и упав с высоты в два метра на противоположную часть моста, которая еще не пришла в движение, автобус вместе с пассажирами отделался лёгким испугом.

5 апреля 1968 года лейтенант BBC Алан Поллок обиделся на своё командование, которое никак не отметило его 50-летие. Он сел на реактивный истребитель Хокер Хантер FGA 9 и на полной скорости промчался под аркой моста. Когда юбиляр сел, его немед-

ленно арестовали, а чуть позже списали «по медицине» без права обжаловать это решение в трибунале.

Летом 1973 года этот сомнительный подвиг дважды повторил биржевой брокер Пол Мартин, который осерчал на то, что его обвинили в мошенничестве. После двух пролётов под мостом, он попугал несколько небоскрёбов в Сити и взял курс на Озёрный край, где через два часа благополучно разбился насмерть.

В мае 1997 года Тауэрский мост стал причиной конфуза с приехавшим в Англию по делам Биллом Клинтоном, тогдашним президентом США. Плавающая баржа «Глэдис» подошла к мосту в назначенное время, и мост стал перед ней подниматься. Билл где-то засиделся, в итоге оказался не таким пунктуальным, как баржа, за что и поплатился: часть эскорта проехала по мосту, а часть осталась сзади. Вышел скандал, на что представитель Тауэрского моста заявил:

- Мы пытались связаться с Американским посольством, но они не брали трубку.

Последнее серьезное недоразумение произошло на мосту в мае 2009 года, когда несколько людей, спускавшихся в лифте по северной башне пострадали: лифт упал... правда, с высоты всего три метра.

На нас, к счастью, никто не падал, над нами никто не летал, и мы тихо и мирно прокатились по мосту через Темзу, любуясь необычным переплетением несущих тросов и мощными конструкциями башен. Мне вообще нравятся мосты, на которых что-то есть. Которые созданы не просто для перехода или переезда на другую сторону чего-то. Интересно, когда на мосту кипит жизнь, как, скажем, на Реальто в Венеции, где весь мост – сплошной магазин сувениров (увы, теперь почти сплошь китайских), или на Понте Веккьо во Флоренции, где я недавно видел старика, стоявшего на балкончике над Арно и поливавшего собственные цветы.

Остановок в автобусе не объявляли. Приходилось следить за дорогой и маленькой бегущей строкой над коморкой водителя, показывавшей ближайшую точку на маршруте. Когда я понял, что дальше ехать не имеет смысла и пора выходить, дружно встали все. Автобус опустел. Тауэр – есть Тауэр!

Вообще-то его официальное название – королевский Дворец и Крепость Её Величества. Как я уже упоминал раньше, начался он с Белой Башни (давшей Тауэру его нынешнее имя), которую в каче-

стве своей твердыни на завоеванных землях возвёл нормандский Вильгельм в 1078 году. Она должна была красноречиво давать понять, кто тут теперь хозяин. Постепенно Тауэр застраивался и в итоге превратился в комплекс из нескольких крупных зданий внутри двух concentрических кругов укреплений, окружённых рвом. Если вам попадутся старые рисунки этого места, Тауэр предстанет перед вами как каменный остров среди воды. Сейчас ров осушен, засажен гладенькой зелёной травой и ничем не напоминает о своём истинном предназначении.

За свою историю Тауэр служил и крепостью, и тюрьмой, и арсеналом (в смысле склада оружия, а не популярного футбольного клуба), и казначейством, и зверинцем, и Королевским монетным двором, и публичным архивом, и хранилищем королевских драгоценностей. Раньше именно отсюда, а не из почти соседнего Букингемского дворца, топали до Вестминстерского аббатства коронационные процессии. В XVI-XVII века фраза «послать в Тауэр» означала «посадить в тюрьму». Вопреки расхожему мнению и даже маленькой деревянной плахе, которую вам обязательно покажут во внутреннем дворе, за всё время существования Тауэра до XX века в нём было казнено всего семь человек.

История и молва вообще вещи странные. Например, было подсчитано, что за всё своё правление Иван Грозный был повинен в смерти порядка 4 000 человек. И за это его отлучили от церкви (хотя, говорят, что за обилие жён), а англичане вообще называют его *Ivan the Terrible* (Иван Ужасный). В то же время за одну Варфоломеевскую ночь в Париже погибло порядка 10 000 гугенотов, за что Карл IX был воспет Папой Римским.

Выше я сказал «до XX века», потому что в первую и вторую мировые Тауэр снова стал тюрьмой и свидетелем двенадцати казней – за шпионаж.

Не знаю, как вам, а мне всегда приятно смотреть на какие-либо предметы, а тем более – целые здания, и представлять себе, сколько людей и каких людей видели их своими глазами. Помнится, в Лувре меня чуть током не ударило от здорового чёрного шумерского камня, испещрённого клинописными текстами якобы первых законов человечества. Этот камень я ещё помнил по картинкам в учебнике истории за 5-й класс. Табличка гласила, что камню 5 000 лет. Для меня это была настоящая старина! Но шумеры шумерами, а Тауэр видели практически все великие мира сего, о которых вы

только можете подумать: короли, писатели, художники, музыканты. Хотя, конечно, сегодня, среди окружающей его мишуры рекламных баннеров и магазинчиков он производит впечатление построенного здесь специально, на потребу публике. На самом деле это, к счастью, не так.



Наиболее трогательная история об узниках Тауэра – история так называемых Принцев. Собственно, принцами они были настоящими, сыновьями Эдварда IV, и звали их Эдвард (12 лет) и Ричард (9). Когда отец их умер, лорд-попечитель, герцог Глостер, препроводил обоих в Тауэр, где должна была состояться коронация старшего. Было это в 1483 году. С тех пор братьев не видели. Поскольку трон занял сам герцог Глостер, ставший Ричардом III, подозрения в убийстве мальчиков пали на него. Никаких прямых улик так и не было

найдено. Кроме двух детских тел, найденных через двести лет под лестницей, ведущей к часовне. Кто были эти бедные дети, установить не удалось и поныне. Но для многих историков убийство наследного принца и его брата не подлежит сомнению.

В Тауэре вас встретят ещё две достопримечательности, о которых хорошо знать заранее, чтобы не удивляться. Первая достопримечательность облачена в чёрные (на самом деле тёмно-синие) сюртуки с красными прожилками, такие же плащи, если погода плохая, и такие же шляпы. Она также охотно разговаривает с вами и улыбается. Зовут её *Yeomen Warders* – сторожа или йоманы. Их часто путают с *Yeomen of the Guard*, то есть фактически королевскими телохранителями. И тех и других ещё называют Бифитерами (*Beefeaters*) – поедателями говядины. Почему? Именно поэтому – любили говядину и получали её за королевским столом вдоволь.

Даже иностранные гости, вроде графа Козимо из Тосканы, отмечали, что их рацион состоит главным образом из говядины в весьма изрядных количествах.

Всего в Тауэре 37 йоменов и один Главный страж (*Chief Warder*). Все они отставные военные старшего офицерского состава, прослужившие в армии не менее 22 лет. Также они все обязаны иметь медаль «За долгую службу и хорошее поведение». Раньше в йомены не брали бывших моряков, потому что они приносили присягу не короне, а Адмиралтейству. Нынешняя королева эту нестыковочку уладила, назначив своего супруга (который хочет возродиться вирусом) Лордом Адмиралом.

Если в Тауэре высокие гости, чёрная с красным форма йоменов меняется на красную с золотом. Форма эта уходит корнями ещё во времена Тюдоров и считается сами йоменами крайне неудобной.

Пока на службе, йомены живут внутри Тауэра, причём со своими семьями. Плата за постой вычитается у них из зарплаты, а кроме того, они вынуждены платить муниципальный налог. При этом они обязаны иметь жильё за стенами крепости, куда переберутся после ухода на пенсию.

Если вы добрались до Тауэра под вечер, дождитесь ровно 21:53 и станьте свидетелями «церемонии Ключей». В ней со всей серьёзностью разыгрывается сценка с караульным, который останавливает Главного стража и йомена-сторожа, уже заперевших ворота Тауэра, и вопрошает:

- Кто идёт?
- Ключи, - отвечает страж.
- Чьи ключи?
- Ключи королевы Елизаветы.
- Ключи королевы Елизаветы, проходите. Все хорошо.

После чего процессия с ключами идёт дальше, к лестнице, где её снова останавливают, стражник салютует оружием, Главный страж поднимает шляпу и говорит:

- Боже, храни королеву.
- Аминь, - заканчивает караульный.

И под звуки отбоя ключи уносятся на ночь в Королевские Палаты.

Остаётся лишь добавить, что подобные церемонии проводятся также в Эдинбурге и на Гибралтаре.

Второй достопримечательностью Тауэра являются его гордо вышагивающие по зелёным газонам вороны. Они здесь нужны исключительно в силу традиции, которая буквально говорит следующее: «Если вороны потеряются или улетят, Корона падёт, а с ней и Британия». Для благополучия Короны требуется шесть воронов. Есть и седьмой, но его держат «про запас». Традиция эта уходит корнями в валлийскую легенду о кельтском гиганте и боге Бране (т.е. Вороне) Благословенном, смертельно раненом в битве с ирландским королём, который плохо обошёлся с английской принцессой Бранвен. Бран завещал своим последователям отрубить ему голову и закопать её под Белым Холмом, на котором стоит Тауэр, причём лицом к Франции, чтобы она служила оберегом Британии от внешних вторжений. По другой легенде вороны появились в Тауэре после Великого пожара в 1666 году, когда люди стали уничтожать этих признанных любителей падали и кто-то шепнул Карлу II, что убивать всех воронов, мол, плохая примета. Поэтому Карл и припрятал шесть штук за высокими стенами. Впоследствии, когда ему сообщили, что вороны мешают астрономическим наблюдениям, он распорядился... перенести обсерваторию в Гринвич.

Для сохранения традиции, на чём бы она ни основывалась, бедным воронам подрезают крылья (точнее, одно крыло). Поэтому они и могут разве что разгуливать по Тауэру, делая вид, будто во все и не помышляют о полёте. У каждого на лапке цветная повязка, позволяющая их отличать. Тем более что у каждого ворона своё имя. Продолжительность их здешней жизни – более 40 лет. Ещё бы – им дают только свежее мясо (за что их ещё называют «настоящими Бифитерами»), рыбу, сыр и разные витамины. Тауэрские вороны считаются солдатами королевства, и каждый имеет свою аттестационную карточку. Как и солдат, воронов могут уволить. Как это, например, произошло однажды с вороном Джорджем, который 15 сентября 1986 года атаковал и разрушил телевизионную антенну. За нарушение дисциплины его списали в зоопарк Уэльса.

Поскольку английские власти наверняка знали, откуда в 2006 году взялся так называемый «птичий грипп», вороны Тауэра благополучно его пережили, и никто их убивать не стал. Просто заперли подальше от посторонних глаз в специальном крытом вольере, а когда дурь прошла, выпустили обратно.

Говорят, что некоторые вороны настолько умны, что умеют приветствовать гостей Тауэра типичным “*Good morning!*”. Не знаю, не слышал.

Когда мы покидали Тауэр по Биворд-стрит, нам вдогонку звучала заунывная шотландская волынка: уличный музыкант, одетый в килт и все остальные причиндалы «горца» на свой манер развлекал прохожих в этот не слишком погожий денёк.

Если вы возвращаетесь из Тауэра в центральный Лондон пешком, то можете выбрать два в равной степени познавательных маршрута. Для этого, обойдя симпатичную церковь Всех Святых, остановитесь и подумайте: хотите ли вы пройти через финансовый Сити и зайти в гости в собор св. Павла, или же прогуляться непосредственно вблизи Темзы (дойдя до моста Блэкфрайерс не слишком примечательными переулками) мимо прелестных (хотя и недоступных) садов Тэмпла и дальше по вечно зелёным бульварам хоть до самого Челси. В первом случае выбирайте широкую Грейт-Тауэр-стрит, во втором – Лоуэр-Темз-стрит.

Если бы не наш вынужденный заезд в «Трафальгар», мы бы и сегодня прошлись обоими маршрутами. Но, как я уже говорил и не устаю повторять: нельзя объять необъятное. Как человеку, жившему второй день в Лондоне, моей жене было интересно всё (не в смысле «Покажи мне всё!», а в смысле: «Давай посмотрим всё, что

сможем, дорогой»), я воспользовался случаем и послушался голоса эгоистического путешественника, который нашёптывал:

- Ты плоховато знаешь Сити. Иди туда.

И мы пошли по Грейт-Тауэр.

Открою небольшую тайну: какой маршрут из вышеуказанных вы бы ни выбрали, вам на пути повстречается одна и та же достопримечательность, которую стоит увидеть. Потому что она стала памятником тому событию, которое очень сильно повлияло на жизнь Лондона и которое мы с вами уже вспоминали дважды. Она так и назы-



вается – Памятник. То есть Монумент. Это колонна, самая, говорят, высокая из отдельно стоящих колонн в мире. Её высота равняется 62 метрам. Именно такое расстояние отделяет её от места, где в 1666 году в Пудинговом переулке (*Pudding Lane*) стояла та самая злосчастная печка, от которой начался Великий лондонский пожар.

Помните, когда мы шли по Пэлл Мэлл, я вспоминал, как видел на нём российские и английские флаги? Именно тогда и там я купил несколько старинных гравюр, одна из которых оказалась датирована 1703 годом и являла собой именно эту колонну. Сейчас, когда я пишу эти строки, она смотрит на меня со стены.

Ориентиром для её поисков вам должна служить станция метро «Монумент» и улица Монумент-стрит. Правда, зная всё это, я сам умудрялся проходить мимо. Потому что, в отличие от почти «прижизненной» гравюры, где она высится Александрийским столпом над трехэтажными домиками, сегодня колонна Монумента буквально затиснута в узенький проулок.

Некоторые гиды и путеводители могут вам сказать, что Монумент стоит в том месте, где Великий пожар остановился. Это неверно. Конец пожара отмечен Золотым Мальчиком. Но это не здесь, а в другом районе Сити, который называется Смитфилд, на Пай-корнер (то есть на Пироговом углу – *Pye Corner*)¹⁵. Мальчик отличается от знаменитого Писающего Мальчика в Брюсселе тем, что не писает. Хотя, на мой взгляд, тушение пожара таким образом было бы вполне символичным. Да и золота на лондонском мальчишке побольше. До пожара на месте Монумента стояла церковь св. Маргариты, первая из 87 сгоревших.

Шесть раз Монумент использовался по назначению: с него прыгали самоубийцы. Теперь его верхушка со смотровой площадкой превращена в ажурную клетку. Чтобы туда забраться, вам придется преодолеть 311 ступеней. Венчает колонну золотой шар, символизирующий побеждённые языки пламени. Изначально туда хотели водрузить статую короля Карла, на что скромный монарх резонно заметил:

- Не стоит. Не я начал пожар.

Возведённый под руководством Кристофера Рена Монумент обошелся тогда в 13 450 фунтов, из которых 11 300 были пожерт-

¹⁵ То, что начался пожар в Пудинговом переулке, а закончился на Пироговом углу, было расценено современниками как символ того, что главной его причиной стал порок чревоугодия.

вованы масоном Джошуа Маршаллом. Реставрация же колонны, проводившаяся в 2007-2009 годы, стоила казне 4,5 миллиона.

Практичные англичане мыслили колонну ещё и как научный инструмент. Думали приспособить в ней зенитный телескоп (чтобы определять положение звёзд относительно зенита), а её 62 метра использовать для экспериментов с притяжением и маятником. Присчитались: оживлённое движение на соседних улицах оборачивалось слишком сильной вибрацией почвы. Зато ступени имеют ровно по шесть дюймов в высоту, что позволяет делать замеры давления. Сегодня на колонне установлена 360-градусная панорамная камера. Если интересно, можете прямо сейчас зайти на сайт www.themonument.info и посмотреть, что происходит вокруг Монумента.

Кстати, насчёт пожаров. Я тут подумал, а знаете ли вы, почему Красная площадь в Москве называется Красной площадью? В школе нам глубокомысленно рассказывали, будто «красная» что площадь, что девица суть – «красивая». Оказывается, не совсем так. Раньше это место под стенами Кремля было сплошь застроено деревянными домами, которые имели обыкновение ярко гореть. Одно время получившаяся на их месте площадь даже так и называлась – Пожар. Ну, это так, мысли «по поводу». Не обращайтесь внимания. Идёмте дальше.

Ещё неизвестно, стал бы Лондонский пожар «великим», если бы произошёл не в Сити. Почему? Судите сами.

Лето 1666 года выдалось засушливым. После полуночи 2 сентября загорелась пекарня Томаса Ферринера. Домочадцы выбрались на крышу и оттуда – на соседний дом. Только одна из служанок побоялась это сделать и стала первой жертвой. А дальше начался настоящий фарс. Соседи попытались погасить пламя. Тщетно. Через час пожаловали приходские констебли и сказали, что вообще-то было бы неплохо от греха подальше снести соседние дома, чтобы не дать огню распространиться. Хозяева этих домов, разумеется, возразили. Решили звать тогдашнего лорда-мэра (запомните этот титул в связи с Сити, мы к нему ещё вернёмся), который один мог оспорить их протесты. Когда лорд-мэр с говорящей фамилией Бладуорт (*Bloodworth* – «крови достойный») прибыл, пламя уже хозяйничало над соседними домами, а ветер гнал его к складам бумаги на берегу Темзы. Пожарники поопытнее орали, что надо всё к такой-то матери сносить, пока не стало хуже. Бладуорт запаниковал

и отказался их слушать: мол, мы не можем, большинство тамошних зданий сдаются, а хозяев сейчас не найти. В итоге он сказал знаменитую фразу *“Pish! A woman could piss it out”*¹⁶ и благополучно удалился.

Вот какие раньше были мэры, не чета нынешним!

Начавшись в воскресенье, пожар устал и фактически сам погас только в среду. Было уничтожено 13 500 жилых зданий, не считая церквей, соборов и трёх городских ворот. При этом по официальным данным количество погибших в огне людей равнялось фантастической цифре 8. Причину случившегося современники видели и в чревоугодии, и в происках французов, и в католиках вообще. Не зря Монумент сравнивали впоследствии с перстом, грозящим небесам.

Существует и ещё одна версия. Накануне пожара, в 1665 году в Лондоне свирепствовала чума (тоже, разумеется, Великая). Она погубила ни много, ни мало 80 000 жизней, шестую часть всего населения Лондона. После пожара чума больше не возвращалась. Огонь стал своеобразным санитаром, поглотившим большую часть грязных хибар вместе с крысами и блохами. Может быть, нерадивый лорд-мэр выставил себя идиотом, исполняя чью-то волю?

От Монумента можно было идти дальше по Кэннон-стрит, однако мы взяли правее и пошли по Кинг-Уильям-стрит, в сторону станции метро «Банк».

Вы никогда не замечали, какие предприятия переживают все революции, кризисы, перестройки и прочие общественные потрясения? А я вам скажу точно – ломбарды. Причём они не только не исчезают, но даже не меняют тех зданий, в которых открылись десятки лет назад. Будет досуг, обратите внимание – забавно.

Это я к тому, что в центр мировых финансов, не сворачивая с Кинг-Уильям-стрит, вы попадаете по... Ломбард-стрит. Правда, путеводители вежливо заметят, что «ломбардом» улица эта названа в память об итальянских банкирах из Ломбардии, которые поселились здесь ещё в XIII веке. Не знаю, не знаю...

Полукруглое здание справа с красивым голубоватым куполом – Институт присяжных бухгалтеров Шотландии. Подробностей не знаю, но по данным самого Института его выпускники играют ведущие роли в 80% из 100 ведущих мировых компаний, зарегистри-

¹⁶ «Тьфу! Любая женщина это бы залила», если переводить на вежливый русский.

рованных на Лондонской Фондовой бирже. Которая, кстати, здесь же, справа, за круглым углом Института.

Только прежде чем мы посмотрим на него, давайте всё-таки установимся и попытаемся разобраться, где мы оказались и что такое *the City of London*.

Как мы только что имели неосторожность заметить, расчистке Сити от «всяких там людей» помог Великий пожар. Были хибары и крысы, а теперь – строй где угодно! Вот и прекрасный каменщик, сорри, я хотел сказать архитектор Кристофер Рен тут как тут. Мы с вами не вчера родились и видели на своём веку немало примеров того, как страшные «террористы», «халатность» или «стихийные» бедствия уничтожали что-то, на месте чего подозрительно быстро возникало нечто новое, для кого-то гораздо более выгодное.

Тем более что, говоря «сити», мы вовсе не должны иметь в виду «город». Лондонский Сити – это всего лишь одна квадратная миля (меньше 3 квадратных километров). Но миля очень и очень своеобразная.

Начать хотя бы с того, что упомянутый лорд-мэр Бладуорт, как и все его преемники, не имели и не имеют ничего общего с мэром Лондона. И это не стоит понимать так, как обычно говорится в популярных источниках типа английской «Википедии», что, мол, полномочия мэра Лондона гораздо шире полномочий лорда-мэра лондонского Сити. У меня есть большие сомнения в том, что мэр Лондона может вмешаться в дела Сити. Кишка тонка. Хотя бы потому, что за спиной лорда-мэра стоит организация с довольно странным названием – *The City of London Corporation*. Похоже, перед нами тот редкий случай, когда вещи названы своими именами. Ну, конечно же, не совет, не дума, не парламент, а чётко и ясно – корпорация!

Корпорация выбирает своего мэра сроком на один год. В задачи лорд-мэра входит представление «бизнесов» и содействие их развитию. А бизнес нынче в Сити один – финансы. Вот и думайте сами. Причём лорд-мэр фактически является в течение года хозяином расположенных в квадратной миле учреждений вне зависимости от того, кто ими реально владеет и где ещё их представительства разбросаны по миру. В такой политизированной стране, как Англия, лорд-мэр Сити полностью аполитичен и не состоит ни в одной партии. Подсчитано, что за год он выдаёт на гора порядка 800 речей и более 100 дней проводит в разъездах, посещая в сред-

нем 22 страны. Не правда ли, странное занятие для «градоначальника», если понимать всё буквально?

Живёт лорд-мэр в роскошном Мэншин-хаусе (буквально, «Особняк-дом», что англичанам почему-то глупым не кажется, а если кажется, то они помалкивают или привыкли), с фасада (да и размерами) очень похожем на Большой театр. Он здесь же, слева от нас. Постройку его замыслили сразу после Великого пожара (кто бы сомневался!), однако дотянули до 1752 года, когда новую резиденцию обновил некто сэр Криспин Гаскойн.

Важная деталь, которая снимает многие вопросы: когда мы пойдём с вами дальше и достигнем окраины Сити на Флит-стрит, в месте, называемом Тэмпл-бар (тамплиерская застава) и отмеченным постаментом с грифоном (этот символический образ мы, думаю, вспомним ещё не раз), а вы спросите меня, что он здесь делает, я расскажу вам о том, что именно тут по традиции правящий монарх должен просить у лорда-мэра позволения... войти в Сити.

Кроме лорда-мэра, в Сити сегодня официально живет 7 000 человек. Всего. Тогда как 400 лет назад одних погорельцев было больше ста тысяч. Зато на работу в Сити ежедневно приезжает 316 700 «белых воротничков»¹⁷. А где финансы, там и юристы. Они оккупировали север и запад Сити, включая мой любимый парковый комплекс Тэмпл, которым теперь можно любоваться разве что из-за решётки с набережной. Восточную часть Сити заняли страховщики. Неудивительно, что в 1994 году именно в этих направлениях Сити слегка «расширился» под предлогом того, что уж больно границы стали неровными.

Таким образом, мы теперь с вами понимаем, кто на самом деле выбирает себе мэра. Формально голосуют «бизнесы» и резиденты. Осталось только установить, кто такие эти 7 000 человек. Думаю, времени тратить не будем: и так всё предельно ясно.

Не стоит наивно думать, будто Корпорация исключительно контролирует (чуть не написал «крышует») тех, кто делает деньги в Сити. Она владеет многими предприятиями сама, причём на территории не только Большого Лондона (рынки, сады, парки и т.п.), но и Северной Ирландии. В Сити своя собственная полиция, не имеющая ничего общего со Скотланд Ярдом, и свои собственные... пожарные. Разумеется, а как же иначе! Второго пожара Корпорация не допустит.

¹⁷ По статистике 2012 года.

Не мы с вами первые всё это увидели. Редко, но случается, что к власти приходят порядочные люди. Одним из таких был британский премьер-министр Клемент Эттли (кстати, сомневаюсь, чтобы вы когда-нибудь это имя слышали). Умер он в год моего рождения, а премьерствовал с 1945 по 1951 в статусе лидера лейбористской партии. По поводу Сити он, в частности, писал: «Снова и снова мы видим, что в этой стране есть другая власть, нежели та, что заседает в Вестминстере. Лондонский Сити – удобное название для собрания финансовых интересов – способен противопоставить себя правительству страны. Те, кто контролируют деньги, могут и дома, и за рубежом преследовать политические цели, отличные от тех, которые были поставлены народом».

Полагаю, про Эттли мы ещё будем говорить, когда коснёмся личности Черчилля, на могилу которого заедем на обратном пути в Лондон. Пока же, в качестве короткой исторической справки, лишь напомним, что Эттли сменил его на посту премьер-министра, причём не когда-нибудь, а в 1945 году, когда, казалось бы, имя Черчилля-спасителя должно было быть у всех на устах. Победа Эттли стала исторической сенсацией. Кстати, именно он, а вовсе не толстяк Уинстон, представлял Британию на Потсдамской конференции. На фотографиях того времени Эттли, а не Черчилль скромно стоит рядом с Трумэнem и Сталиным.

Но об этом после, а сейчас нам важно заметить, что слова Эттли не расходились с делом: не прошло и года после его вступления в должность премьера, как он утвердил закон о национализации крупнейшего достояния Сити – Банка Англии.

С того места на Банковском перекрёстке (*Bank Junction*), где мы стояли, Банк Англии смотрелся как трехъярусная крепость. При этом почти театральные подъезды с колоннами по бокам здания были странным образом подняты на второй ярус. Нижняя часть представляла собой сочетание каменной кладки и тоже колонн, но производила впечатление вообще непроходимой.

В этом месте, то есть на Иголкопродевальной улице (*Threadneedle Street*), банк находится с 1734 года. За глаза его ещё называют «Старой Леди» (*The Old Lady*). Потому что во дворе здания живёт приведение Сары Уайтхэд, известной как Чёрная Монахиня.

Изначально банк размещался неподалёку отсюда, на улочке Уолбрук (мы туда сейчас как раз и направлялись). Примечательно, что когда в 1954 году там проводили реконструкцию, на месте

бывшего банка были обнаружены руины древнего храма Митры - одного из самых загадочных, неоднозначных и сегодня редко упоминаемых божеств Античности¹⁸. А ведь если копнуть поглубже, то окажется, что митраизм запросто мог стать той религией, которой стало христианство. Но об этом в другой раз.

Если с Федеральным Резервом США (вовсе не США) многое в последнее время прояснилось, то Банк Англии лично для меня пока остается интересной загадкой. С одной стороны, он, как мы уже вспоминали, был национализирован в 1946 году. С другой, в 1979 году канцлер казначейства объявил, что банку предоставляется полная независимость в проведении монетарной политики. Фактически Банк Англии выполняет функции центрального банка, включая печатание денег. Правда монополия на это у него есть только в Англии и Уэльсе. Оборот банкнот в Шотландии и Северной Ирландии он только регулирует. Вообще же в Великобритании печатать деньги имеют право аж 8 банков.

Банк Англии также является хранилищем золотого резерва. Не только англичан, но и многих других народов. Говорят, что подземные погреба занимают площадь большую, чем поверхность всех этажей «Башни 42» – одного из самых высоких здешних небоскрёбов, который с нашей позиции был тоже прекрасно виден. Говорят также, что ключи к этим погребам имеют метровую длину. Считается, что всего под землёй хранится 4 600 тон золота, стоимость которого в 2012 году оценивалась в 156 000 000 000 фунтов. Не густо. Но это официальные цифры. Исходя из них, Банк Англии занимает по этому показателю 15-е место в мире.

Пост главы банка называется «губернатор»¹⁹. Уже известно, что преемником нынешнего губернатора Мервина Кинга станет канадец Марк Карни, который занимает пост губернатора Банка Канады. Марк будет первым иностранцем, который возглавит Банк Англии. Вместо обычных 8 лет срока он проработает только 5 и будет просить британское гражданство. При чём тут Канада? А вы разве не знали, что Канада наравне с Австралией, Новой Зеландией и рядом других псевдо независимых государств²⁰ является консти-

¹⁸ Сегодня митрой называется шапка католического папы, больше похожая на рыбью голову с разинутой беззубой пастью – точь-в-точь как у священников на шумерских табличках. Есть митры и в остальном христианстве, но там они выглядят скорее как шишки или напёрстки.

¹⁹ Официальное название самого банка – Губернатор и Компания Банка Англии

²⁰ Набор стран, в которых Британская королева фактически является главой государства (кроме Великобритании), весьма примечателен. Привожу списком: Антигуа и Барбуда, Австралия, Багамские острова, Барба-

туционной монархией и де факто подчиняется Королеве? И гимна у них два: «О, Канада» и «Боже, спаси Королеву». Кстати, мне всегда было интересно, от чего или за что Елизавету нужно «спасать». Неужели она настолько согрешила (смайлик)?

Наконец, чтобы завершить описания финансового центра Лондона, Англии, а быть может и мира, посмотрим чуть правее и увидим здание с типичными классическими колоннами, больше похожее на римский Пантеон или даже скорее на церковь Мадлен в Париже. Это Лондонская Биржа.

Биржевая активность в Англии, как это часто случается, началась с большой неприятности: в 1551 году торговавшийся на территории нынешнего Бенилюкса от имени английской короны сэръ Уильям Данселл наделал ошибок, и правительство оказалось по уши в долгах. Вспомнили про молодого агента Томаса Грэшема, который отправился туда же в своё время на деньги отца и дяди, но преуспел и даже выполнял кое-какие поручения короля Генриха VIII. Грэшема призвали и расспросили. Он дал несколько советов, которые показались настолько дельными, что молодому человеку предоставили карт-бланш, мол, делай, что хочешь, только выручай, приятель.

Идея Грэшема состояла в том, чтобы разными методами, не всегда, разумеется, честными, поднять стоимость фунта стерлингов на антверпенской бирже. Через несколько лет с долгами Англии было покончено.

В 1565 году Грэшем испросил высочайшего разрешения построить на собственные деньги новую биржу – по образу и подобию той, что он изучил в Антверпене. Её открытие в 1571 году прошло при участии самой королевы Елизаветы I. По сей день в здании Лондонской Биржи принято объявлять о вступлении на престол очередного монарха.

На прощанье хочется лишь добавить, что современное здание было построено в 1884 году, а через одиннадцать лет во дворе биржи был обустроен первый в Великобритании общественный туалет. Правда, только для мужчин.

Теперь путь наш лежал к собору св. Павла. И пошли мы вовсе не по Уолбрук-стрит, как я собирался, а по улице Королевы Виктории. Собственно, обещанные руины храма Митры видны именно с

её стороны. Потому что Уолбрук – это вообще-то переводится как «ручей у стены». Раскопки стали заливаться водой, храм пришлось по кирпичикам разбирать и переносить на соседнюю улицу. Нам не повезло – ничего видно не было. Стройка, знаете ли. Лондон, как и любой крупный город мира, строится постоянно.

Во время первоначальных раскопок был найден фундамент здания, которое поначалу сочли древним христианским храмом. Однако в храме оказалось слишком много фигурок античных богов и надписи на латыни, и тогда решили, что здесь свои религиозные церемонии справляли римские солдаты. Митру узнали по традиционному горшку на голове, который похож на цветочный и называется фригийским колпаком. Примечательно, что во времена Великой Французской Революции этот колпак стал символом «свободы». Считается, что колпаки такой формы первоначально получали освобождённые рабы в Древнем Риме.

Кстати, вполне вероятно, что когда вы окажетесь здесь, храм Митры переберется обратно на Уолбрук-стрит: такие планы давно муссируются, но до сих пор почему-то не осуществлены.

Идя дальше по Куин-Виктория-стрит, не пропустите поворот направо, на большую улицу Кэннон-стрит. Иначе уйдёте к реке и никакого св. Павла не увидите. А он того стоит. Хотя его не очень удобно фотографировать: площадь вокруг него узковатая и сплошь перетянутая проводами. Но некоторые удачные ракурсы найти при желании можно.

Снова пошёл дождь, и мы ускорили шаги, чтобы найти под сводами собора долгожданное убежище и вытянуть ноги. Оказывается, я некоторые вещи помнил не такими, какими они были на самом деле. Во-первых, вход был не с улицы, хотя там расположен вполне гостеприимный портик, а с запада, то есть, собор нужно было обогнуть слева и зайти за угол. Во-вторых, я почему-то считал, что вход платный. Собственно, он и есть платный, если вы хотите пройти по всему собору и забраться под купол или в Галерею шёпотов, где, говорят, даже самый тихий звук слышен на противоположной стороне. Но и простым путникам вроде нас там можно вполне удобно расположиться на лавках, где во время служб сидят прихожане, оглядеться, отдохнуть и послушать органную музыку (если повезёт).

Что должен знать интеллигентный человек о соборе св. Павла? Построен Кристофером Реном в честь апостола Павла после Вели-

кого пожара (о, это всё мы уже проходили!). С 1710 и по 1962 год был самым высоким зданием в Лондоне при высоте 111 метров (запоминаем цифры). По занимаемой площади уступает лишь Ливерпульскому собору (там мы ещё с вами побываем и проверим). В нём отпевали Нельсона, Веллингтона и Черчилля. Тут справляла юбилеи королева Виктория. Здесь отмечались окончания первой и второй мировых войн. Здесь проходила свадьба бедной Дианы Спенсер (запомните её девичью фамилию, чтобы потом напомнить мне о ней, когда мы будем стоять на могиле Черчилля) и принца Чарльза. Нынешняя Елизавета отмечала тут своё собственное 80-летие и 60-летие правления. Церковь действующая, с ежедневными службами.



Единственная точка, откуда собор св. Павла виден не через паутину проводов.

Туристы и гиды обычно больше всего восхищаются куполом. Считается, что Кристофер Рен взял за его прообраз купол собора св. Петра в Риме. Вероятно. Чтобы продолжить этот ассоциативный ряд, сравните в Интернете эти два купола с куполом Капитолия в Вашингтоне. Связь думаю, здесь не только внешняя.

Когда вы входите в собор через западный фасад, то проходите через шесть пар колонн. По первоначальному замыслу Рена колонн должно было быть 11. Почему? Не знаю. Но почему-то эти единицы очень перекликаются с высотой собора (в метрах). Я вовсе не нумеролог, однако вот что весьма примечательно. В нашей недавней истории цифра 11 фигурировала далеко не с лучшей стороны дважды (может быть, вы вспомните ещё какие-нибудь связи, я же коснусь этой щекотливой темы очень кратко). 11 сентября рухнули башни-близнецы в Нью-Йорке. Американцы записали эту дату как 9/11, поскольку они ставят номер месяца перед датой. Так появилась новая цифра – 911, схожая с телефоном службы спасения. Ровно через 911 дней после 11 сентября 2001 года произошел взрыв поезда в Мадриде. И было это тоже 11-го, правда, марта²¹. Собственно, если 911 разложить на цифры и сложить (9+1+1), получатся те же 11. Конечно, это всё полная чушь, но, записав дату 11 марта на американский лад (а что такое «американский лад» и почему они пишут даты именно так, а не иначе, как и то, почему большинство американских президентов были масонами высоких степеней, мы здесь выяснять не будем), вы получите 3/11, то есть 311. Где-то мы эту цифру недавно встречали. Ах, да, это же количество ступеней внутри Монумента! Как говорится, ничего личного...

Конечно, нигде чёрным по белому не написано, что Кристофер Рен был, скажем, масоном. Однако известно, что одна из четырёх лож, образовавших Великую Ложу Англии, так называемая Ложа Древности № 2 (*the Lodge of Antiquity № 2*) примерно через сто лет после смерти архитектора стала утверждать, что он числился её Мастером. Не нам судить, как было на самом деле. Тем более что настоящих кукловодов никогда не видно, а куклы часто живут своей кукольной жизнью и не догадываются, что ими играют. Если эта тема вас заинтересовала, попробуйте поднять источники и присмотреться к фигуре главного помощника Рена при строительстве св. Павла – Николаса Хоскмора.

Кристофер Рен стал первым, кого похоронили в соборе. На стене над его могильным камнем написано по латыни: *Lector si monumentum requiris circumprice* (Читающий, если ты ищешь его памятник, оглянись вокруг).

²¹ 11 марта 2004 года = 11.3.2004 = 1+1+3+2+4 = 11

За свою 90-летнюю жизнь Рен построил множество доживших до наших времён зданий. Собор св. Павла и Монумент лишь наиболее известные из них.

От размышлений меня отвлекла Алина, которая сказала, что вообще-то всё хорошо, но пора двигаться дальше, если мы не хотим и второй наш лондонский обед превратить в ужин.

Улица, по которой мы пошли, называется Ладгейт Хилл. Сегодня никакого холма (*hill*) не ощущается, однако всегда считалось, что для постройки собора св. Павла была выбрана самая высокая точка Лондона. Пройдя по Ладгейт метров сто, бросьте взгляд в переулок справа. Это печально известная улочка Олд-Бейли. Сейчас там расположен Центральный уголовный суд, а раньше на его месте находилась Ньюгейтская тюрьма, перед воротами которой вплоть до 1868 года кое-кого публично вешали. Перед казнью преступникам разрешали позавтракать в харчевне «Сорока и пень» (*The Magpie and Stump*). Почему-то мы решили туда не идти, хотя есть уже весьма хотелось. Как оказалось впоследствии, правильно сделали: сейчас на месте «Сороки» какой-то заурядный сетевой бар. Правда, для меня «Олд-Бейли» навсегда связан с едой, потому что так называется один из сортов плотного английского пива, который я пробовал лишь однажды, оказавшись в Англии в командировке, связанной именно с обменом опытом по производству этого хмельного напитка. Подобно всем достойным дегустации сортам пива, «Олд-Бейли» пьётся как вкусный квас, после чего на душе становится тепло и весело, а ноги наотрез отказываются вставать из-за стола.

Ладгейт Хилл незаметно переходит во Флит-стрит – улицу, которая долгое время ассоциировалась с собирательным образом британской прессы.

Хотя “*fleet*” – это «флот», улица названа так в честь самой большой подземной речушки Лондона.

Первый печатный станок заработал здесь в 1500 году, а первая ежедневная газета – «Дейли Курант» – вышла в свет в 1702.

В таверне «Митра» (!), в доме под номером 37 бывали «Шекспир» и Бен Джонсон, его творческий соперник.

По адресу Флит-стрит 46 в 1786 году была опубликована ставшая впоследствии знаменитой книга о приключениях Барона Мюнхгаузена. Помните, кто её автор? Правильно, Рудольф Эрих Распе. Правда, тогда он печатался анонимно.

Когда-то Флит-стрит славилась уютными кофейнями и всевозможными салонами. В одном таком салоне работал брадобреем Сунни Тодд. Его считают одним из первых серийных убийц. В историю он вошёл благодаря опять-таки литературе. Вы сами его наверняка видели, если смотрели в 2007 году снятый по мюзиклу фильм с Джонни Деппом в главной роли.

Сегодня Флит-стрит откровенно захирела. Редакции газет разбежались кто куда, а их место заняли скучные (но прибыльные) юридические фирмы.

В том месте, где Флит-стрит переходит в следующую улицу – Стрэнд, находится местечко, называемое Тэмпл-бар. Здесь «бар» означает не то, что вы подумали, а «барьер», тот самый, который в стародавние времена позволял регулировать торговые потоки. И не пущать монарха в Сити без позволения лорда-мэра (помните?). Таких преград между Сити и остальным городом было возведено в середине века несколько, но Тэмпл-бар из их числа выделяется своей значимостью, поскольку здесь сталкивались интересы Сити и Вестминстера как центра политического. А кто прославился своей «бескорыстной» помощью торговцам и странникам? Конечно, тамплиеры. Вот и их церковь до сих пор стоит тут неподалёку.

Раньше Тэмпл-бар был отмечен большущей аркой, возведенной Кристофером Реном. Потом арка стала мешать потокам транспорта, и в 1878 году уже известная нам Корпорация приняла решение арку демонтировать. Её аккуратно разобрали и два года хранили, пока предприимчивый пивовар Генри Мо, уступив настоятельным просьбам жены, ни выкупил все камушки и не восстановил арку в первоизданном виде при въезде в своё поместье в Хертфордшире. В 1984 году трест Тэмпл-бара выкупил её у треста Мо за символический 1 фунт и с грехом пополам восстановил на площади Патерностер (Отче наш) рядом с собором св. Павла.

На место же оригинальных ворот был поставлен пьедестал с весьма выразительным грифоном, которого считается правильнее называть драконом. Как мы с вами знаем из мира сказок и фэнтези, разница между обоими товарищами не столь велика – оба заняты тем, что охраняют сокровища. Только дракон – это дракон, то есть рептилия, а грифон – сочетание льва и орла, царей хищников и пернатых.

Кстати, учёные, изучавшие Тору, пришли к выводу, что внешне бог иудейского народа всё-таки больше похож именно на грифона.

На пьедестале изображены королева Виктория и принц Уэльский, которые последними прошли под аркой Рена.

Глава 11 – Стрэнд, Ковент-Гарден, Черинг-Кросс и Сохо, а также несколько советов тем, кто любит ночную жизнь

Прощавшись с Тэмпл-баром до самого Дублина (потерпите и вы), мы ступили на мокрый асфальт Стрэнда. Поскольку мой первый иностранный язык датский, я всегда точно знал, что “*strand*” – это «пляж». Как выяснилось, и на английской почве я был недалёк от истины: раньше, когда не было такого количества домов, эта улица и в самом деле тянулась вдоль Темзы. Более того, оказывалось, в XIII веке здесь проживало большое количество именно датчан.

Изначально Стрэнд был улицей дворцов (как если бы Стрельна стала частью Питера). Со временем дворцы ветшали, перестраивались и сносились. Так, например, дворец Савой, считавшийся самым роскошным особняком Англии XIV века, был значительно попорчен крестьянскими восстаниями и стал сперва больницей для бедняков, а потом его и вовсе снесли. Теперь на его месте гостиница «Савой». Открытая в 1889 году она стала первой в Англии гостиницей с электрическим освещением, лифтами, ванными внутри номеров и постоянной холодной и горячей водой.

Как оно частенько бывает, когда дворцы срыли, а их обитатели перебрались к западным границам Лондона, в Вест-энд, район Стрэнда поплохел, но не зачах окончательно и даже повеселел. Здесь открылись всевозможные кофейни, дешёвые таверны и появились недорогие женщины – как во плоти, так и на сценах разных более или менее приличных шоу.

В XIX веке на Темзе началось строительство набережной, точнее, насыпи или дамбы (*Victoria Embankment*). Река в этом месте сузилась метров на 50, зато домов теперь было больше, и селиться в них стало даже престижно. Среди новой публики начали мелькать лица уважаемых литераторов – от Диккенса до Теккерея.

«Сегодня Стрэнд известен также своими магазинами». Мне это заявление популярных путеводителей не слишком понятно, поскольку магазины в Лондоне, особенно в центре, практически на каждом шагу. Хотя здесь есть одна вывеска, которую я бы вам показал с присказкой, поскольку она мне интересна как человеку, в прошлой жизни сдуру возглавлявшему отделы маркетинга в разных

коммерческих конторах. Я имею в виду вывеску “*Twinings*” на магазине, торгующем здесь чаем аж с 1706 года. Магазин является самым старым налогоплательщиком в Лондоне, а название – самым старым и никогда не менявшимся логотипом. В мире.

Уличный указатель манил. Он обещал, что если мы в этом месте свернём направо, то окажемся с уютным райончике Ковент-Гарден. Раньше я частенько заходил туда, потому что заприметил там обменник с самым выгодным в известном мне Лондоне курсом для замены зелёных долларов на разноцветные фунты. Теперь, когда фунты можно без труда купить и у нас, а спрос на доллары упал, я потерял к нему интерес. Забегая вперёд, скажу, что теперь его там больше нет. Быть может, переехал.

Для кого-то Ковент-Гарден ассоциируется с уличными актёрами, для кого-то – с блошиным рынком, для кого-то – с оперным театром, для кого-то – с маленькими кафе, пабами и магазинчиками. И все эти ассоциации верны. И потому сюда обязательно стоит зайти каждому, пусть даже мимоходом, как это сделали мы.

Ключом к пониманию истории этого места оказывается улочка, сохранившая с давних времен свое говорящее название – Лонг Акр или Длинный Акр. До середины XVI века монастыри владели здесь садами и огородами. Генрих VIII, как я уже упоминал выше, разобрался с монастырями по-свойски и отобрал эти земли для более светских нужд. Его сын, Эдвард VI передал сады в ведение семейства Расселл, которые стали усердно окапываться и застраиваться. Не забывайте, что в то благословенное время тут по-прежнему были городские окраины.

Поначалу здесь, как водится, стали селиться состоятельные вельможи, но потом, с появлением рынка, аристократия решила не искушать судьбу и убралась восвояси, а на её место пришли владельцы кофеен, таверн и проститутки. В XVIII веке это был уже известный район «красных фонарей». Был даже издан «Перечень дам Ковент-Гардена», своеобразный «справочник для джентльменов». Стоит сказать, что некоторые имена вроде Бесшабашной Бетти (*Betty Careless*) или Джейн Дуглас (*Jane Douglas*) вы до сих пор можете обнаружить с подробными описаниями их «подвигов», например, в той же «Википедии».

По мере того, как торговля овощами и телом в Ковент-Гардене процветала, разрастался и Лондон. Внезапно выяснилось, что подвозить продукты по застроенным улочкам сложно и невыгодно. На

дворе уже стоял XX век. Надо было что-то делать. Почувствовав неладное, жители состарившегося района взмолились, чтобы их дома в один прекрасный день не поносили. Поскольку Ковент-Гарден всё-таки не Арбат, жителей пожалели, и кончилось всё тем, что убрали сам рынок. Над центральным зданием площади, выполнявшем ранее его функции, поколдовали и после реконструкции в 1980 году открыли как обычный торговый центр с той лишь разницей, что сохранили итальянское очарование его исторической галереи. Кстати, сама площадь называется тоже по-итальянски – Пьяцца.

Чтобы картинка Ковент-Гардена сложилась у вас окончательно, напомню, что именно здесь начинается история знаменитой цветочницы Элайзы Дулиттл, героини пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион», более известной как мюзикл «Моя прекрасная леди».

Когда я стал фотографировать на одном из прилавков симпатичные маленькие машинки, стоявший рядом негр замахал руками и оттеснил меня, заявив, что снимать его добро ни в коем случае нельзя. Помнится, раньше атмосфера тут была поприветливей. Мы сделали круг по рынку, заглянули в битком набитые или, наоборот, пустые кафешки и решили отсюда выбираться.

Увидев недалеко станцию метро «Лестер-сквер», я как всегда подумал о нечитабельности английского языка. Сейчас, когда я его преподаю в свободное время в качестве частного репетитора, то сразу объясняю ученикам, что мы имеем дело с «английской китайщиной». Почему так грубо? Не люблю вводить людей в заблуждение. Что делают китайцы, когда им нужно прочесть надписи, записанные иероглифами? Они их разве читают? Нет. Они их узнают! То же самое и с английским языком. Иначе почему слова “*put*” и “*cup*” мы должны читать «пут» и «кап», и не одинаково – пут-куп или пат-кап? Или почему “*give*” – это «гив», а “*five*” – это «файв»? А как вам понравится, когда одна-единственная буква меняет огласовку всего слова. Например, слово “*laughter*” (смех) читается «лафтер», но если добавить “*s*”, то получится “*slaughter*” (бойня), которое читается «слотер»? Потому что английские слова в большинстве своем нами тоже не читаются, а узнаются. При чём тут «Лестер-сквер», спросите вы? При том, что если вы вздумаете прочесть по буквам оригинальное написание “*Leicester*” – вас просто не поймут.

Задумавшись, я отвлёкся от слежения за дорогой, и когда Али-на сказала «Давай зайдём сюда», указывая на симпатичный итальянский ресторанчик, даже не заметил, на какой это произошло улице. Я был уверен лишь в том, что до моей любимой Черинг-Кросс-роуд мы ещё не дошли.

Оказавшись сидящими у большого окна, мимо которого пробегала, проезжала или чинно шествовала жизнь вечерующего Лондона, мы принялись за неспешный обед. Алина заказала себе нечто рыбное, ну, а я по привычке – безобидную лазанью. Нам просто хотелось есть, а всякие изыски местной кухни мы намеревались дегустировать позже, непосредственно в поездке.

Для утоления жажды я для нас обоих избрал ещё более безобидный, чем моя лазанья, ирландский сидр. Пить пиво за каждым обедом утомительно и скучно. Эль я пробовал в Англии и, кажется, в Бельгии или Голландии, но его вкус сразу же показался мне «недоделанным» – ни пиво, ни вода, так, нечто среднее, отдающее огурцом. Зато однажды во Франкфурте я послушался своего местного друга Дэниса, и мы опорожнили на двоих несколько литровых бокалиц яблочного сидра, после чего я проникся к этому блаженному напитку искренней симпатией. Больше него я люблю разве что ледяное и ещё не забродившее белое вино, которым меня однажды угостили на французской винодельческой ферме под Кейптауном. Никакого алкоголя, сплошное торжество нежного ягодного вкуса и спасительная прохлада живительной влаги!

Час, отведённый на обед, приблизил наступление вечера, так что когда мы вышли на Черинг-Кросс-роуд, витрины магазинов уже включили свою обольстительную иллюминацию.

Название улицы (и обступившего её района) произошло от двух слов. В старо-английском “*cierring*” означал «изгиб», и относился к близлежащему изгибу Темзы. А «крест» (*cross*) здесь появился ещё в XIII веке, когда Эдвард I увековечил память своей покойной жены Элеоноры деревянным крестом, долгое время стоявшем на том самом месте, где сейчас перед вокзалом «Черинг-Кросс» возвышается его каменный преемник. Мне же самому больше нравится производить название этой улочки от английского слова “*cherry*” – вишня, она же черешня. Хотя этимология и ложная, зато вкусная и приятная.

Однако приятнее всего на Черинг-Кросс-роуд то, что до недавнего времени эта улица была Меккой для любителей чтения. Почти

во всех домах нижние этажи были заняты книжными лавками. Англичане всё-таки не американцы (и не русские эпохи ЕГЭ), а потому всегда много и охотно читали. Здесь от пуза можно было порыться как в книжном антиквариате, так и в специализированных собраниях, часть которых уходила глубоко в подвалы, тогда как другая занимала целые здания.

Взять, к примеру, самый известный из магазинов – «Фойлс» (*Foyles*). В свое время он вошел в «Книгу рекордов Гиннесса» сразу по двум номинациям: самая большая протяжённость книжных полок (50 километров) и самый большой ассортимент. Ходили упорные слухи, будто здесь при желании можно найти любую изданную на английском языке книгу. Другое дело, что найти её физически не представлялось возможным. Новые названия стояли вперемешку с поддержанными, никакой системы учёта, посетители переставляли книги с места на место, а немногочисленный персонал не успевал возвращать их обратно. Одним словом, я там провёл немало времени, наслаждаясь путешествием по корешкам и обложкам, но так никогда ничего и не купил. Сейчас, когда бывшей владелицы – Кристины Фойлс – уже нет в живых, магазин, говорят, заметно модернизируется. Не знаю, мы в тот вечер до него не дошли.

А дошли мы лишь до площади Кембриджского Цирка (*Cambridge Circus*), на которой с конца XIX века стоит театр «Палас». Сколько бы я раньше ни приезжал в Лондон, на броском фронте театра всегда рекламировался один и тот же мюзикл – *Les Misérables* («Отверженные») по роману не подозревавшего ни о чём подобном писателя Виктора Гюго. В общей сложности он продержался на сцене «Паласа», можете себе представить, целых 19 лет! До него тут 8 лет шёл мюзикл «Иисус Христос – суперзвезда». Кстати, сегодня, насколько мне известно, театр принадлежит знаменитому Эндрю Ллойд Уэбберу. А огоньки на фронте сливаются теперь в надпись “*Singing in the Rain*” («Поющие под дождем»).

Мне вообще Черинг-Кросс-роуд показалась в тот вечер какой-то наиграно весёлой и покинутой. Не людьми, а той атмосферой, которая царила здесь раньше. За всё время, что мы шли по ней, мне удалось показать Алине лишь одну витрину книжного магазина, уже закрытого. Остальные витрины зазывали главным образом перекусить. Обычно в таких случаях говорят: «А что вы хотели? Жизнь не стоит на месте. Всё развивается». Развиваться то развивается, только сдаётся мне, что дегенерация – это тоже развитие...

Свернув перед театром «Палас» на трудно произносимую Шэфтсбери-авеню, мы направились в сторону другого «цирка» – Пиккадилли (название это ещё пишут с одним «к», хотя в оригинале их два). Как можно легко догадаться по обилию афиш, эта улица слывёт средоточием театральной жизни Лондона. Здесь расположено шесть театров и два кинотеатра. А названа он так в честь филантропа, графа Шэфтсбери, который, чем мог, старался помогать местной бедноте. Интересно, чем? Потому что в честь него на Пиккадилли-сёркус стоит статуя не кого-нибудь, а Эроса.

По правую руку от нас в тёмную глубь переулков уходил славящийся своей ночной жизнью район Сохо. Собственно, уходил он и по левую, но там он уже был не столько Сохо, сколько полноценный Чайна-таун.

Название Сохо, как считается, происходит от соответствующего клича, которым охотники средневековой Англии сопровождали свои деяния. Охотники отсюда давно ушли, но атмосфера жертвы и преследователя осталось. Дальнейший рассказ я посвящаю «юношам, обдумывающим житьё», поскольку некоторые вещи им лучше знать по чужому опыту.

Побывав в Сохо впервые в середине 1990-х, я, как оказалось, застал чуть ли ни его расцвет. Был я молод и горяч, мне хотелось всё увидеть, всё испытать, а потому запретные плоды притягивали мой неокрепший ум (и плоть, разумеется) весьма сильно и настойчиво. В те годы на этом небольшом участке города концентрировалась не просто ночная жизнь столицы, а самая злая её разновидность: проститутки, секс-шопы, пип-шоу, стриптизы и много чего ещё. Со своим сугубо эстетским восприятием эротики и наготы, я пришёл в восторг, обнаружив здесь целый настоящий театр – с фойе, гардеробом, лестницами, баром и уютным залом, где во время представлений собирались не только задумчивые мужчины, вроде меня тогдашнего, но вполне приличные супружеские пары любых возрастов, весёлые компании сослуживцев, одним словом, совершенно будничная публика за исключением детей. Во-первых, потому что представления были поздние, а во-вторых, потому что на протяжении полутора часов с коротким антрактом на сцене выступали совершенно обнажённые актрисы. Ничего пошлого, красивая музыка, красивые декорации и наряды, красивые, в конце концов, тела. Стоил билет фунтов 10-15, в стоимость входил один напиток, который я цедил до самого финала, чтобы ко мне невзначай

не подошёл какой-нибудь излишне расторопный официант с предложением «повторить». Одним словом, я с первого же посещения почувствовал, что случайно нашёл нечто замечательное. Потому что посещением этого театратора – а назывался он *Raymond Revuebar* – я развлекал себя потом ещё дважды. В результате чего стал свидетелем того, как всё хорошее почему-то обязательно деградирует. Ибо во второй раз на сцене уже то и дело возникали совсем не одетые мужчины, что производило на приличную публику шокирующее впечатление, а в третий всё представление заняло от силы полчаса, после чего было объявлено, что желающие могут остаться, потому что теперь можно познакомиться с актрисами поближе – начиналось то, что обычно в таких местах зовётся «консумацией». За дополнительные и весьма немалые деньги, разумеется. Кто в зале остался, не знаю, потому что ушёл я среди первых, но далеко не последний. Как потом оказалось, это был мой прощальный вечер в *Raymond Revuebar*. Через несколько лет, как пишут в Интернете, аренда в Сохо выросла, и очень многие заведения подобного типа (хотя вообще-то «подобных» ему не было ни в Амстердаме, ни в Гамбурге, ни в Барселоне) тихо закрылись.

Не знаю, почему в Париже захирел район Пляс Пигаль, но в судьбе Сохо, думаю, не последнюю роль сыграла смерть в 2004 году его негласного владельца – Пола Рэймонда, фамилия которого и дала имя вышеописанному театру. В «Википедии» он представлен как «издатель журналов для мужчин», хотя предполагаю, что в реальной жизни он просто был хозяином всей здешней недвижимости (и движимости). Когда его не стало, включились другие «силы», и постепенно Сохо стал спокойнее, проще и зауряднее.

Что касается моего негативного опыта, которым я хотел на всякий случай с вами поделиться (даже если вы не юноша и не обдумываете житиё), то сводится он к отчаянной драке в этом самом Сохо, эпицентром которой оказался ваш покорный слуга. Алгоритм событий сводился к следующему. Шел я по Сохо, гляжу – вывеска: какое-то не совсем приличное шоу. Ну, интересно же! При входе сидит интеллигентная старушка, принимает деньги. Мило разговариваем, я беру билет и спускаюсь по узкой лесенке в подвальное помещение. И ничто не говорит мне поначалу, что здесь может произойти примерно то же недопонимание, которое произошло со мной однажды в Бангкоке, когда в одном гоу-гоу баре в Патпонге мне принесли такой счёт за стакан лимонада, что я устроил фор-

менный скандал и остался цел лишь потому, что восемь местных вышибал дышали мне, извините, в пупок. Так вот, протискиваюсь я в подвал и оказываюсь в комнатёнке пять на пять или и того меньше, в которой уже есть какие-то посетители, барная стойка и кровать-сцена. На билет, как водится, получаю какую-то гадкую колу и чего-то жду. Пока я жду, ко мне подсаживается чёрная дама с подбитым глазом и полупустым бокалом в руке, а на противоположной стороне «сцены» происходит шумный разговор между официантом и двумя посетителями, которые резко встают и в сердцах уходят. Вскоре после этого счёт принесли и мне. Лишь тогда до меня дошло, что уроды живут не только в Бангкоке. Чтобы вы понимали, о чём я: мой напиток вместе с билетом тянул фунта на три, а с меня требовали больше сотни. На мой вопрос «почему?» мне было указано на бокал моей «собеседницы». Осознание неизбежной развязки заставило меня эту развязку приблизить. Я, что называется, вспылил. Негритянка полетела в сторону бара с новым фингалом, официант распластался на кровати, и всё бы было хорошо, но оказалось, что из пяти или шести оставшихся посетителей все пять или шесть были заодно. Мне в жизни везло часто. Повезло и на сей раз. Потому что драться, а тем более с превосходящими силами, я не люблю по простой причине — я ношу очки. В тот вечер я был в короткой, но толстой куртке. Пока я продирался через ноги и кулаки обратно к узкой лесенке, куртка очень удачно задралась мне на голову и закрыла лицо. Я видел только пол, но за счёт этого машинально делал то, что имеет смысл делать в любой драке — подставлял под удары лоб, наше самое твёрдое (без смеха) место, об которое можно очень сильно повредить кулак. Страхивая с себя преследователей, я преодолел лестницу и вырвался на ночную улицу. Очков на мне не было. Однако это не помешало мне увидеть дежурившую поблизости полицейскую машину. Вытирая с разбитого носа кровь, я её окликнул. Ничего не произошло. Я пошёл к ней навстречу, окликая всё громче и настойчивее. И тут меня ждало второе прозрение: полицейские включили мотор и преспокойно... уехали. Пока я смывал в ближайшей луже кровь и размышлял, что делать дальше, меня самого окликнули. Какой-то прохожий подобрал мои очки. Они были совершенно целы и лишь немного погнуты. Закончилось то приключение тем, что меня пустила к себе в дом некая юная пара, которая как раз переезжала на другую квартиру. Воспользовавшись их умывальником, я обнаружил, что лишь

слегка поцарапал нос сбитыми очками. Но всё равно было обидно, особенно за себя, за свою глупость. Уже будучи в Москве, я рассказал эту историю одному приятелю, который обещал поделиться ею с ребятами из нашей молодёжной сборной по боксу, как раз собиравшейся в Лондон. Где-то через месяц он уже в свою очередь рассказал мне, что правда восторжествовала, что тот подвальчик в Сохо был найден и превращён в груды мусора.

Оказывается, подобный род «бизнеса» даже имеет своё название – *“clip joint”* (обираловка). Говорят, что сегодня правоохранительные органы борются с такими заведениями по всему миру, и что остались они на полуполюгальном положении разве что где-нибудь в Шанхае (там я, к счастью, был уже с женой и подобные места интересовали меня не больше, чем ясли или детские сады). Тем не менее, я бы посоветовал вам этот мой урок запомнить и передать вкратце знакомым. Бдительность никогда не помешает.

Тем временем мы уже подходили к Пиккадилли-сёркус. Как вы наверняка знаете, *“circus”* означает «цирк», а под «цирком» понимается всего лишь «круг». Площадь Пиккадилли круглая довольно условно. Самым круглым на ней выглядит торец одного из зданий, целиком отданный на откуп светодиодным рекламным панно. Упомянутый мною Эрос, стоящий на одной ножке на фонтане, говорят, вовсе не Эрос, а его брат Антэрос, бог любви неразделённой. Спорить не будем, тем более что обоих братьев античная традиция называла просто Эротами.

Раньше один из фасадов занимал вход в огромный магазин грамзаписи. Теперь там, как и повсюду, торгуют китайскими шмотками.

Если вы оказались здесь с детьми, не спешите идти дальше. Рядом с метро «Пиккадилли-сёркус» вы увидите вход в здание под вывеской *“Trocadero”*. Смело ступайте туда. Несколько часов развлечений со всевозможными игровыми автоматами вам обеспечено. В своё время я там впервые попробовал компьютерный шлем с 3D эффектом, ужаснулся жуткому качеству, и потому не попался на удочку, когда эти шлемы стали продавать как дополнение к компьютерным играм. Продавали их до тех пор, пока ни признали вредными. В «Трокадеро» есть и магазины, и кафе, так что если вы уже видели все главные достопримечательности, посещение этого многоэтажного лабиринта развлечений не станет большой потерей времени.

Мы же предусмотрительно оставили обоих сыновей в Москве на попечение бабушек и вместо «Трокадеро» пошли дальше, по изумительному изгибу Риджент-стрит, названной так не в честь парка, а в честь принца-регента, ставшего впоследствии Георгом IV. Риджент-стрит – улица сугубо торговая, причём на ней гораздо меньше ширпотреба, нежели в других местах. Правда, в своё время я даже тут не смог купить пиджак из столь любимого мной английского твида. Вежливые продавцы только разводили руками и говорили, что твид, увы, вышел из моды.



Статуя не-Эроса на Пиккадилли-сёркус.

Риджент-стрит примечательна, как я уже сказал, своей ровной дугообразной линией, словно нарочито доказывающей, что она – не просто пространство между домами, а в полном смысле слова улица. На самом деле так оно и есть: своим появлением она обязана желанию градостроителей внести в стихийное развитие Лондона некий план. Впервые проект появился чуть ли не у самого Рена после Великого пожара, но руки до него дошли лишь в 1811 году у (только не смейтесь) Джона Нэша. О важности этого предприятия говорит уже тот факт, что строительство началось не раньше высочайшего одобрения Парламентом. Изначально она называлась про-

сто – Новая улица (*New Street*). К XX веку дома Нэша пришли в негодность, современные подходы к торговле требовали изменения структуры магазинов, так что на Риджент-стрит началась очередная перестройка. Нынешний вид улица приобрела к 1927 году, когда от старых зданий не осталось и следа, а на их месте возникли изящные белокаменные громады.

К сожалению, я не отношусь к любителям творений “*Apple*”, не отношусь настолько, что никогда не имел ни одного их гордо замкнутого в себе «гаджета». Если вы не разделяете моих ретроградских взглядов, то вам будет интересно узнать, что Риджент-стрит была выбрана единственной улицей, где “*Apple*” в 2004 году открыл первый в Европе магазин. До этого магазины были только в Штатах и Японии. Причем некоторое время он был самым большим магазином этого брэнда в мире. Через 6 лет магазин ещё большего размера открылся... в Ковент-Гардене.

Остаток пути мы преодолели по Оксфорд-стрит и вдоль Гайд-парка. Ничего выдающегося не увидели. Просто дышали чистым воздухом, заглядывали в незашторенные окна, и готовились к завтрашнему дню. Нам ещё предстояло собрать чемоданы и выяснить вопрос с утренним переездом от гостиницы до агентства.

Прежде чем снова расположиться перед камином, я пообщался с работником ресепшн. По его дружескому мнению, нам не стоило заказывать такси заранее. Даже в 6:30 утра. Потому что такси есть всегда, они останавливаются по первому зову, а за бронь придётся переплачивать. Кроме того, поскольку перекусить нам предстояло раньше семичасового начала положенного завтрака, портье поинтересовался, что бы мы хотели завтра получить: сухой поёк или почти полноценное застолье прямо здесь, в фойе. Мы выбрали второе.

В лёгком возбуждении от предвкушения долгожданного путешествия и с изрядно отяжелевшими за день ногами мы стали взбираться по скрипучей лестнице к нашему второму ночлегу в Лондоне.

Глава 12 – Лондонские такси и первая встреча с группой

Как-то так получилось, что до того утра я в лондонских такси не ездил. То обходился метро, то автобусом, то шеф до офиса подвозил, то за мной присылали машину. Самое сильное впечатление у меня осталось от случая, когда я учился на курсах в Эшридж Колледже (*Ashridge Business School*), что находится милях в двадцати пяти к северо-западу от Лондона, и решил как-то после занятий отправиться в город на электричке. До станции меня (лично, одного, желторотого мальчика!) вёз в раритетной машине чинный пожилой водитель в белых перчатках. Об этих перчатках я потом долго ещё вспоминал, а снова увидел лишь у таксисов в бывшей столице Японии – Киото. Но это уже совсем другая история.

А в то утро, плотно позавтракав в гордом одиночестве перед камином, мы вышли из гостиницы с вещами, я поднял руку, и перед нами почти сразу же остановился типичный для Лондона чёрный кэб – эдакий старинный жучок, словно только что высадивший где-то за углом Шерлока Холмса или на худой конец – агента 007 в исполнении Шона Коннери. Скажу сразу: в подобных случаях не стоит обходить его сзади и пытаться открыть багажник. Багажника просто нет. И вы и ваш багаж должны располагаться внутри, в кабине позади водителя.

Алина юркнула внутрь, я просунул ей по очереди оба наши чемодана, забрался сам... и обнаружил, что здесь могли бы еще удобно расположиться наши дети и бабушки. А может и кто-нибудь из близких друзей. Потому что даже с моими почти 190 сантиметрами роста и 100 кг веса в кабине было просторно и вольготно. Чемоданы где-то растворились, ноги легко вытянулись, и я назвал водителю адрес. Старичок в фуражке понимающе кивнул, и мы заскользили в объезд Гайд-парка, по Холму Конституции, мимо Букингемского дворца, по Мэллу, одним словом, тем маршрутом, который вы уже прекрасно знаете.

Как и все советские люди, заставшие ту пору, когда вещи делались для того, чтобы служить долго, а не ломаться сразу после истечения гарантийного срока, я питаю искреннее отвращение к большинству современных автомобилей. Посмотрите на них объек-

тивно – они одинаковые, кем бы не производились. Потрогайте бока пальцем – железо уступчиво проминается. Это не машины – это дорогие консервные банки. «Пагани» за миллион фунтов делают скоростной за счёт лёгкости, а лёгкость достигается тем, что синьор Пагани умеет обращаться с полимерами: у его машины большая часть корпуса из пластика. Посмотрите, как собирают хвалёные «ламборгини» – по винтикам, на честном слове. Хотя Ферручио Ламборгини по идее должен был знать толк в прочности: не зря же за знаменитую легковушку он взялся после того, как стал докой в производстве тракторов. Я уж не говорю о том, что припарковать «ламборгини» задним ходом, лёжа за рулём, вообще не представляется возможным. Для этого нужно поднять «двери-ножницы», сесть на приступок боком, то есть полностью вылезти из кабины, и в таком положении пытаться смотреть назад, рулить и нажимать на педаль.

Когда я родился, по Москве ездило несколько машин. И в смысле разнообразия моделей, и в смысле их количества. Но «чайки», «волги» и «победы» были автомобилями настоящими, сделанными из калёного железа, на века. Тогда вообще не знали, что такое маркетинг и реклама. Товар продавал сам себя. Он был солидным, честным и долговечным.

Точно такое же впечатление производят на меня лондонские кэбы. Кто их производит, я так и не понял. С одной стороны, существует официальная компания *LTI Limited*, торгующая под названием *The London Taxi Company* и собирающая их для английского рынка в Ковентри (там мы с вами ещё побываем, правда, не на заводе), а для остального мира, увы, в Шанхае. При этом фактически большинство лондонских такси, это «Остин FX4», привычный к тому, что его продают под разными именами. Если присмотреться к чёрным кэбам повнимательнее, станет заметна существующая между ними лёгкая разница в форме кузова. Насколько мне известно, коренится она в том, что на самом деле в лондонский таксопарк поставляют свои детища заводы «Пежо», «Фиат», «Фольксваген», «Метрокэб» и «Мерседес-Бенц». В некоторых модификациях может разместиться до 8 пассажиров. И это при неизменной «внешности».

Эта внешняя схожесть стала причиной того, что их сегодня приобретают в частное пользование многие знаменитости, которые хотели бы передвигаться по городу инкогнито. Одним из «такси»

владеет, к примеру, муж королевы, принц Филип. Другим – довольно известный актёр и писатель (английский которого очень красочен, приятен и интересен для восприятия) Стивен Фрай. Среди владельцев частных «такси» узнаваемые (не нами с вами) телевизионные ведущие и шерифы из Сити.

Одиозный нефтяной магнат Нубар Гульбенкян (коллекция которого – особенно ювелирные изделия Лалика – буквально потрясла меня в Лиссабоне) обожал кэбы, объясняя свою любовь тем, что «они могут развернуться на шестипенсовике».

Лондонские такси при всей своей внушительности и определённой танкообразности и в самом деле весьма маневренны. Достаточно сказать, что традиционно их «окружность поворота» составляет всего 8 метров, тогда как обычным машинам требуется 10-12. Исторически это вызвано тем, что такой узкий радиус для разворота имеет перед своим подъездом уже знакомая нам гостиница «Савой». Со временем эта необходимость стала обязательным стандартом.

Вообще же, если заглядывать в историю, то правильно называть лондонское такси даже не кэбом (от слова «кабриолет»), а «экипажем хэкни» (*hackney carriage*) или просто «хэкни». Раньше это слово относили к французскому заимствованию – *haquenée* – означавшему лошадку средних размеров и предназначавшуюся для женщин. Сегодня английский патриотизм победил, и справочники указывают на деревеньку Хэкни, ставшую частью Лондона. Впервые этот термин в связи с повозкой встречается в хрониках аж в 1621 году. Хотя в Северной Америке я не был, мне доводилось слышать, что в Нью-Йорке, когда говорят “*hack*”, подразумевают не «хакер» и «хакнуть», а именно такси. Остановка такси там поэтому “*hackstand*”, а лицензия для водителя такси – “*hack license*”.

Кстати о лицензиях. Водитель нам попался приветливый, разговорчивый, и я задал ему вопрос, который уже давно не давал мне покоя:

- Послушайте, сударь, а правда ли, что для того, чтобы стать таксистом в Лондоне, нужно знать все улицы наизусть?

Мой собеседник ухмыльнулся и принялся подробно рассказывать.

Вообще в Лондоне два вида кэбов: миникэбы и настоящие, в одном из которых мы сейчас находимся. Миникэбы – это жуть и бич «правильных» таксистов. Они не имеют права подбирать лю-

дей на улицах, а работают только по предварительному заказу. Как правило, это всякие выходцы из британских колоний, которые не знают города да и водить толком не умеют (в тоне отчаяния явно сказывался личный опыт нашего Харона²²). Без них, одним словом, было бы лучше и спокойнее.



Типичные лондонские кэбы.

Что же касается настоящих такси, то они делятся на две группы: те водители, у которых жёлтый значок, могут колесить только по пригородам: те же, у которых, как у нашего, значок зелёный, обслуживают весь Большой Лондон. Что для этого нужно? Так, ничего особенного: пройти зверский экзамен, называемый просто – *The knowledge* (Знание). Основы его были заложены ещё в 1865 году и до сих пор почти не изменились. Поэтому в лондонских такси вы не увидите столь привычного ныне навигатора, карт и прочей никчёмной ерунды. 320 основных столичных маршрутов изложены в официальном учебнике – «Руководстве по изучению Знания Лондона»,

²² Перевозчик душ умерших через реку Стикс в греческой мифологии

– который они, таксисты, называют почему-то «Синей книгой», хотя на самом деле она розовая.

А теперь пристегните ремни и представьте, что вы решили стать таксистом в Лондоне (кстати, допускаются и не коренные лондонцы, в чём нет ничего удивительного, раз даже президентом США, вопреки конституции, может стать уроженец Кении, которая в его официальной метрике называется «Гавайями»).

Чтобы сдать финальный экзамен и получить заветный зелёный значок, соискателю обычно требуется порядка 12 (!) попыток и в среднем около 3 лет на подготовку. На долгое время вы сначала превращаетесь в «мальчика (или девочку) Знания». Вас можно будет легко опознать на улице по мотороллеру, оранжевой жилетке дорожника и листам бумаги, закреплённым на прищепках в районе руля. На этих листах – перечни мест, которые вы должны увидеть, узнать и запомнить во время ежедневных тренировочных поездок. Учите уроки, как хотите, но когда вы придёте на тестирование, у вас не будет под рукой ничего, а экзаменатор может построить вопрос так:

- От памятника тому-то до больницы такой-то.

И это, уверяю вас, будут вовсе не памятник Пушкину и не Склиф. Или:

- От дома такого-то на улице такой-то до улицы такой-то, дом такой-то.

Что вы в ответ должны сделать? Глядя в честные глаза экзаменатору, по памяти, улица за улицей рассказать, как вы будете ехать. Вам могут задать уточняющий вопрос, например:

- А какую школу вы минуете после второго поворота налево?

И вы должны, не задумываясь, дать её название или номер.

Причём просто добраться из точки А в точку Б – полдела. Даже если вы справились со всем безукоризненно, назвали попадающиеся по пути достопримечательности, верно указали порядок театров на нашей вчерашней Шэфтсбери-авеню и без запинки отчеканили названия магазинов на Оксфорд-стрит, в итоге вы можете запросто провалиться. Почему? Потому что предложенный вами маршрут не оптимальный, иначе говоря, не самый короткий. А если вы всё-таки сориентировались и предложили самый короткий, то тоже можете получить «не зачёт»: потому что вы забыли, что на таком-то его отрезке сейчас ведутся дорожные работы, и движение перенаправлено по таким-то проулкам.

Тут уместно сделать коротенькое отступление и представить себе, что вот такого монстра, одного из 21 000 столичных таксистов мой любимый Деррен Браун (британский иллюзионист, менталист, гипнотизёр, художник, писатель и скептик) так заговорил (не без помощи НЛП), что тот битый час колесил по Лондону и в конце концов не смог найти колесо «Лондонского Глаза». Когда же Браун и съёмочная группа сжалились над окончательно отчаявшимся таксистом и покинули его кэб, «Лондонский Глаз» оказался от них в какой-нибудь сотне метров.

Подытоживая, скажу так: садясь в чёрный кэб (который в действительности может быть и красным, и белым, и цветным), расслабьтесь и ни о чём не думайте. Будьте уверены в том, что честный и вышколенный за годы учёбы и бесконечных экзаменов водитель домчит вас до нужного вам места максимально быстро и с минимальными потерями для вашего кошелька.

Кстати, таксометр над лобовым стеклом прекрасно виден отовсюду. Когда вы садитесь, он показывает 2 с половиной фунта. Судя по тому, что при вынужденных остановках пенсы перестают тикать, оплата идёт исключительно за метраж, а не по времени. Чтобы вы могли примерно сориентироваться в ценах, скажу, что наша поездка в то утро через Гайд-парк, через Мэлл и Трафальгарскую площадь, затем по Вестминстерскому мосту и почти до вокзала «Ватерлоо» заняла минут 15 и обошлась в 12 фунтов (600 рублей). По московским масштабам это примерно то же, что доехать от «Динамо» до Кремля, а по Питерским – от стрелки Васильевского острова до лавры Александра Невского.

И последний нелишний совет: не полагайтесь на свои пластмассовые деньги в виде кредиток, имейте при себе наличность. Таксисты люди нормальные и, раз золото и серебро из обращения выведено, верят хотя бы бумажкам. Поэтому запросто могут вашу карточку вежливо отклонить и лаконично пояснить:

- *Only cash, sir*²³.

Итак, мы с ветерком и за интересным разговором доехали до Йорк-роуд и вошли в уже знакомые нам стеклянные двери «Трафальгара».

Со вчерашнего дня здесь ничего не изменилось. За стойкой бежали всё те же девушки, один человек сидел среди пустых кресел, а

²³ Только наличные, гражданин хороший.

посреди зала стоял один чемодан. На точку сбора группы эта диспозиция как-то не тянула.

Когда я поинтересовался, не отменяется ли поездка, меня успокоили, мол, всё идёт по плану, и они ждут только нашу руководительницу. Через несколько минут ею оказалась вовсе никакая ни индуска, а средних лет невысокая ухоженная женщина вполне европейского вида, которая сразу же правильно произнесла нашу фамилию и попросила быть готовыми. Готовыми мы были всегда, вот только я не очень понимал, к чему. Оба наши чемодана получили ярко-красные бирки с цифрой 4 и оторопело встали рядом с первым.

Пока мы кого-то ждали, я успел задать миссис Макларен два интересовавших меня вопроса: как её зовут и что сейчас с нами произойдет. На первый, она, не моргнув глазом, пояснила, что имя у нее сугубо шотландское, а потому Мхаири читается легко и просто – Вари. Что до планов, то сейчас мы всё сами узнаем.

И точно, не прошло и пяти минут, как явился долговязый юноша с маленькой коробкой каких-то бумаг, Вари отдала нам команду, мы подхватили наши чемоданы и устремились за ней на улицу. Третьим персонажем в нашей будущей группе оказалась страшно стеснительная девушка из Австралии, имени которой я так никогда и не узнал.

Утро было бодрым, холодным, Алина стонала, ветер дул, Вари на ходу разговаривала с носильщиком коробки, а я нехотя поспевал за ними и блаженствовал. Я ведь не Пётр I и не шизофреник, чтобы не любить ветра. Вот жара – это совсем другое дело. Но жару в Лондоне можно застать разве что в августе, да и то ненадолго.

Перейдя Йорк-роуд и завернув за угол, мы оказались на задах недавно вновь мною помянутого «Лондонского глаза». Не обращая внимания на почти полное отсутствие аудитории, Вари сразу же приступила к своим обязанностям, и сообщила, что симпатичный скверик перед нами – это Юбилейные сады, заложенные в 1977 году к 25-летию юбилею нынешней королевы.

Автобус ждал нас тут же, на площади. Стоявшая возле него высокая англичанка с добродушной улыбкой Бабы-Яги стала оживлённо вырывать у нас чемоданы и деловито засовывать их в пустое багажное отделение. При этом она всё время шутила по поводу ранней побудки и сама же смеялась. Вари представила её как нашу (нет, нашего) водителя по имени Кёрсти. Моя фантазия сразу же

проассоциировала это имя с английским словом “*curse*” (проклятье), хотя на самом деле писалось оно, разумеется, по-другому – *Kirsty*.

Узнав, что мы из России, Вари была приятно удивлена и, заметив у меня в руках включённую камеру, попросила лишь о том, чтобы я не делал синхронного перевода её рассказа, поскольку тогда она быстро сойдёт с ума. Я пообещал.

Автобус был формально одноэтажным, но фактически мы оказались сидящими на приятной высоте метрах в трёх от земли, а поскольку кто первым встал, того и тапочки, то заняли мы первый ряд кресел слева. Вари расположилась с микрофоном далеко под нами, а Кёрсти, справа – на месте левостороннего английского водителя.

Дверь с мягким шипением закрылась, и мы тронулись в путь.

Глава 13 – Прочь из Лондона – Отчего в Англии ездят слева – Стоунхендж

Гиды в Англии в массе своей так же хороши, как и в Питере. Как с этим обстоят дела в Москве, я не знаю, поскольку на экскурсиях здесь практически нигде не был, и только сам когда-то в бытность студентом проходил курсы гида-переводчика с датским языком. Английские гиды неплохо знают свой предмет, не лишены артистизма и любят играть с родным языком. Поэтому если вы его учите (а учить английский язык, как и любой иностранный можно и нужно бесконечно), очень рекомендую как-нибудь воспользоваться их услугами и хотя бы просто послушать.

К слову сказать, Стоунхендж и города Бат и Солсбери, которые мы должны были успеть посетить за сегодня, я уже видел лет за четырнадцать до этого, когда приезжал в Лондон знакомиться с моим новым руководством из Милтон Кинс и попал ровнёхонько на «банк холидей», говоря по-простому, на выходной. Раз уж упомянул, поясню: помимо воскресений, в английских учреждениях имеется восемь выходных дней в году: Рождество, день Нового года, Великая пятница, первый понедельник после Пасхи, последний понедельник мая или первый понедельник июня, последний понедельник августа или первый понедельник сентября, день рождественских подарков и 1-е мая. Так вот, когда оказалось, что в понедельник меня никто в офисе не ждёт, я поинтересовался в гостинице (а жил я тогда практически за углом от Пиккадилли-сёркус) и выяснил, что от расположенного неподалёку отеля «Ритц» в этот день отъезжает интересная экскурсия по вышеупомянутым местам. Экскурсоводом оказалась молодая женщина, которая сразу же сказала, что она «из кельтов» и всю дорогу шутила и поведала много познавательного. Теперь мне было небезынтересно сравнить не только то, насколько изменятся мои собственные впечатления и насколько хорошо я всё помню с прежнего раза, но и манеру Вари.

Пока же мы рулили по знакомым местам просыпающегося Лондона, миновали Парламент, бросили взгляд на хромого Черчилля, на правое крыло Букингемского дворца и... снова объехали Гайд-парк. Отсюда наш путь лежал строго на запад, туда, где когда-

то началось моё первое знакомство с Лондоном, и где в этот приезд мы с Алиной ещё не побывали – в районы Кенсингтон и Челси.

Пользуясь тем, что группа ещё не собралась, а рабочий день наших гидши и водителиши уже начался, я смело забрасывал их вопросами. В частности, меня всегда интересовало видимое отсутствие в городе гаражей. Между прочим, припаркованных на обочинах машин в центре вы тоже не найдёте. Действительно, оказалось, что с гаражами напряжёнка, что стоят они тысяч 50 фунтов и далеко не каждый дом их предусматривает (а менять планировку многих домов просто нельзя по закону). Поэтому та же Вари, живя в Лондоне постоянно, совершенно спокойно пользуется общественным транспортом. Для меня это звучало очень «по-московски», потому что я искренне верю в то, что истинный москвич (то есть тот, у кого в первопрестольной жили деды и прадеды) никогда не сядет за руль автомобиля и не станет ради престижа тратить время и нервы в пробках, выдавая это за сомнительное «удобство».

В свою очередь я поделился своим наблюдением относительно того, что, в отличие от таких европейских центров, как Париж, Милан и многих других, Лондон не производит впечатления всеобщего кризиса и упадка. Тут по-прежнему полно дорогих автомобилей, в магазинах много покупателей, в ресторанах сидят хорошо одетые люди, жизнь, одним словом, кипит, несмотря ни на что. Вероятно, предположил я, не обошлось без так называемых «русских», которые настойчиво обживают город.

- Без русских, конечно, не обошлось, но знаешь, Кирилл, кто сейчас усиленно вкладывается в нашу экономику? – хитро прищурилась Вари.

- Китайцы?

- Не только. Недвижимость активно скупают итальянцы и, как ни странно, греки.

- Так у них же вообще, как говорят, денег нет! Из-за них весь Евросоюз встал на дыбы и не знает, что делать: то ли спасать ценой огромных вливаний, то ли выгонять на вольные хлеба.

- То-то и оно! Однако у меня недавно были в группе греки, так вот они рассказывали, что денег нет у греческого правительства. Зато у самих греков их куры не клюют.

От этих откровений повеяло чем-то родным, однако мы ехали за тридевять земель не для того, чтобы страдать ностальгией...

А вот и первая остановка.

Автобус припарковался возле внушительной гостиницы, в которой я не без труда признал ту самую, где сам когда-то провёл несколько ночей на 11-м этаже неподалёку от выставочного комплекса «Эрлс Корт» и одноимённой станции метро. Мне вообще по жизни нравятся крайности (при том, что идти я предпочитаю «срединным путём»): либо старинные, маленькие и уютные отельчики, либо высоченные современные громады со стеклянными стенами и панорамой на весь город.

Начали подсаживаться наши будущие попутчики. В основном пожилые, скромно, но опрятно одетые, смущённо и приветливо улыбающиеся, уже явно знакомые друг с другом, судя по шуткам-прибауткам, и совершенно неторопливые. Речь явно американская. Собственно, ничего другого я и не ожидал.

Тронулись дальше.

Вари кое-что по ходу дела говорила в микрофон, но было понятно, что до того, как мы соберёмся, она загружать нас информацией не намерена.

Не знаю, как вы, а я речь гидов хоть и воспринимаю, но обычно не запоминаю. Особенно если она пестрит датами, именами и названиями. Гораздо полезнее бывает самостоятельно ориентироваться на местности, завязывать «узелки на память», а потом развязывать их с помощью фотографий, видеозаписей и популярных справочников.

Вопреки моим предыдущим рассуждениям насчёт отсутствия припаркованных автомобилей (правда, я тогда же оговорился – «в центре»), западные кварталы, по которым мы сейчас продвигались, были сплошь ими заставлены. Только сразу бросалось в глаза, что каждая машина стоит точно на очерченном на асфальте прямоугольнике, именно ей предназначенном и наверняка оплаченном её хозяином. Хотя улочки между частными домами весьма узкие, часто с односторонним движением, наш автобус в умелых руках Кёрсти лавировал между ними легко и свободно. Стоило мне об этом подумать, как мы застряли. Прямо перед второй и последней гостиницей.

Загрузка багажа и пассажиров произошла по отработанному сценарию, и отныне нас ничего больше с Лондоном не связывало.

Первым делом Вари устроила переключку. В результате выяснилось, что в нашей группе без малого 45 человек, среди которых американцы, австралийцы, канадцы и новозеландцы. Двоих рус-

ских в первом ряду, то есть нас, в силу нашей редкости под дружные аплодисменты даже назвали по именам. Заодно было сделано одно довольно важное замечание, вернее, дано указание, которое наши отечественные гиды всегда избегают, отчего иногда в «русских» туристических автобусах возникают раздоры, особенно по утрам. Оно касалось того, кто и как будет занимать столь любимые всеми передние места.

- Начиная с завтрашнего дня, - твёрдо сказала Вари, - чтобы никому не было обидно, правила таковы: те, кто сейчас сидит впереди, пересеживаются на два ряда назад, причём из правого ряда в левый, а из левого – в правый. Остальные, соответственно, сдвигаются точно так же вперёд.

Хотя прозвучало это довольно путано, забегая вперед, скажу, что впоследствии никаких проблем не возникло, все послушно пересеживались, а мы с Алиной умудрились покататься впереди ещё, кажется, дважды.

Тем временем наступило настоящее английское утро – солнечное, с голубым небом и белой ватой облаков. Продержится ли такая погода весь день, мы, естественно, не знали, но очень надеялись, поскольку до вечера нам предстояло посетить живописные городки Солсбери и Бат, а первым делом заехать в знаменитый Стоунхендж.

Дорога по ближним и дальним пригородам Лондона ничем не отличается от дороги по Подмоскovie... году так в 1975-ом. Никаких магазинов-побирушек у шоссе, никаких элитных коттеджных посёлков за грязными заборами и – только представьте себе! – ни единого рекламного щита. Лишь коротенькие пролески, зелёные волны полей да маленькие стада мирно пасущихся коров или лошадей. Дома и деревеньки есть, но они вдалеке, мы им своими выхлопами (экологичными) и шумом (скорее, шуршанием) не мешаем.

Иногда поле ослепляет вас ярчайшим жёлтым цветом. В своё время я такой ядовитый цвет видел только на пирожных в университетской столовой. А здесь его – целое море на несколько гектаров. Потом снова зелень, и снова желтизна. Если спросите знающего англичанина, он вам ответит:

- Это канюля.

На самом деле пишется название этого растения по-английски “*canola*” и является аббревиатурой: *Can(ada) + o(il) + l(ow) + a(cid)*, то есть «канадское масло с низким содержанием кислоты. Говоря по-человечески, перед вами особый сорт рапса, выведенный

в Канаде и как будто содержащий не так много вредных веществ, как обычный. Вари пояснила, что в Англию его завезли лет 20 назад, и используют для приготовления такой замечательной отравы, как маргарин. Помнится, кто-то мне рассказывал, что после сбора урожая это поле ещё года три никто ничем не засекает – всё равно новая рассада погибнет. Но смотрится очень здорово!

Пока мы с вами любуемся красотами английской *countryside*²⁴, у нас есть время задаться вопросом об очевидном: а почему, собственно, англичане предпочитают левостороннее движение. Мы-то привыкли к правостороннему и ничего, справляемся. В чём здесь разница?

Теорией на это счёт много. Один мой ученик где-то даже прочитал, будто левостороннее движение в Англии стало таковым из-за исторической тяги англичан к кораблевождению, мол, когда корабли заходили в Темзу, им приходилось идти левым галсом, чтобы не столкнуться со встречными. Мысль интересная, но объяснение на самом деле проще.

Во времена законного ношения холодного оружия те, кто его имел, предпочитали на дороге держаться левой стороны. Почему? Потому что большинство людей всё-таки праворукие и, следовательно, чтобы удобнее было выхватывать из ножен меч, он должен был находиться с левой стороны. Кроме того, правая рабочая рука оказывалась таким образом ближе к потенциальному врагу. А чтобы не плодить этих врагов и не мешать обычным людям, постоянно задевая их ножами, меч, наоборот, должен быть от них подальше, то есть, опять-таки слева.

С появлением лошади эта тенденция только усилилась. Потому что то же большинство нас с вами предпочитает садиться в седло именно слева, а не справа: левая нога в стремя, правая делает мах – и в бой! Чтобы никто нам не мешал и мы никому не мешали, проще делать это на обочине, слева. Так и повелось. Те многочисленные страны, которые оказались английскими колониями, были вынуждены этот левосторонний принцип перенять.

Япония никогда английской колонией не была, и тамошнее левостороннее движение обычно объясняется самураями, которые, как и европейские рыцари, были правшами. На самом деле японцы могли пойти по пути прочих европейцев и дружно перейти на правую сторону. А не сделали они этого как раз потому, что с 1872 го-

²⁴ Сельской местности

да у них началась индустриализация, появились первые поезда и трамваи, а всю техническую помощь им оказывали именно англичане.

Отчего же, спросите вы, мы и большая часть прогрессивного человечества плюнула на мечи и перебралась-таки на правую сторону дороги? Говорят, что в этом повинны две вещи: французская революция и развитие транспорта. До революции 1789 года аристократия важно фланировала по улицам слева, а всякие там крестьяне плелись справа. Когда быть богатым и знатным стало не только неприлично, но и опасно, представители голубых кровей тихонько переместились правее, смешиваясь с общей толпой. Смех смехом, а жить-то хочется. Впоследствии эту тягу к правой обочине распространил по всей Европе Наполеон. Удержались только те страны, которые ему сопротивлялись: Англия, Австро-Венгрия и Португалия. Кстати, Португалия отказалась от левостороннего движения только в 20-е годы XX века, а Австрию, Чехословакию и Венгрию от него за одну ночь отучил Гитлер.

Что же касается глобального развития транспорта, то для перевозки больших грузов, как в Европе, так и в Новом Свете, в повозки стали впрягать не одну, а сразу две или даже четыре лошади. Специального места для кучера у таких повозок не было, так что «водителю» приходилось сидеть там, где ему было удобнее всего дотягиваться хлыстом, зажатым обычно в правой руке, до спин своих бедных подопечных. Не нужно кончать средней школы, чтобы понять, что это стратегическое положение достигалось верхом на задней левой лошади. Дальше логическая цепочка выстраивается просто, если вспомнить, что толчком к развитию автомобилестроения послужило изобретение конвейера на заводах Форда. Будь он англичанином, ещё неизвестно, как бы мы сейчас с вами ездили.

Но вернёмся к видам за окном.

Чтобы без хлопот добраться из Лондона до Стоунхенджа, вам нужно сперва вырулить на автостраду М3 (на указателях она выделена синим цветом), доехать по ней до *Dummer Golf Club*, что неподалёку от деревеньки Даммер (всё, естественно, по левую руку), и не прозевать съезд под желтый указатель А303. Дальше просто по прямой, никуда не сворачивая, ещё километров 45. Потом дорога перед вами сама расступится, поля превратятся в долину, а на ней, как на сложенных ладонях, будет лежать груда мегалитов, называемая «Висящими камнями» (*Stonehenge*).

Когда я оказался здесь впервые, не скрою, у меня перехватило дух. Тысячелетия славной истории Англии, таинственные друиды, великий и могучий Мерлин, непонятная цель создания, предполагаемая точность ориентировки на местности и по небосводу, одним словом, много-много интересного, о чём не иссякает человеческая молва, охочая до всего загадочного и необъяснимого. Сейчас мне также было приятно их увидеть. Как говорится, намоленое место.

Однако давайте не забегать вперёд и просто посмотрим на это чудо древних каменщиков, посмотрим внимательно, а заодно вспомним кое-что из области строительства и истории и порассуждаем. Благо у нас тут с вами на всё про всё есть минут сорок пять.

Автобус заезжает на парковку, и, чтобы добраться до монолитов, вам предстоит постоять несколько минут в очереди за билетами и пройти по подземному переходу под тем самым шоссе, по которому вы приехали. Потому что если этого не сделать, а просто остановиться на дороге, то рассматривать и фотографировать Стоунхендж вам придётся через сетку, отгораживающую памятник.

Подземный переход готовит вас к встрече с чудом. Всю стену занимает красочная картина, изображающая древних англичан, волоком тащащих огромные камни. Так это грандиозное строительство видят художники и, к сожалению, большинство историков. Некоторые, правда, выдвигают гипотезы, будто великий Мерлин приносил сюда камни с днепровских порогов по воздуху. Очень может быть, конечно. Правда, никто не знает точно, жили ли Мерлин и его протее, король Артур, на самом деле.

Что мы знаем о Стоунхендже? В популярных и общедоступных источниках мы можем почерпнуть буквально следующее: *«Принято считать, что Стоунхендж построили друиды. На самом деле его возвели примерно 4 000 лет назад в неолите, во времена нового каменного века. Потом его несколько раз переделывали, пока в раннем бронзовом веке, за 1 400 лет до н.э., ему не придали тот вид, который хоть и не в полном объёме, но сохранился по сей день»*²⁵. Теперь мы знаем, кто и когда тащил сюда эти камни весом по 25-30 тон каждый. Раз могли египтяне, значит, могли и другие. Отлично! Запомним.

Второй прагматичный вопрос – зачем? Объяснения есть «научные», а есть «ненаучные». Про пирамиды в Гизе помните? Там главенствуют две теории: для наблюдения за небом, как громадные

²⁵ Доктор Карл Шукер, «Непознанное», Москва 1998, стр. 30

обсерватории, и для погребения достойных усопших. О Стоунхендже сложилось то же мнение. Мол, стоит оказаться тут в день солнцестояния или равноденствия, и вы сами убедитесь в том, как все камни чётко на что-то указывают. Получается, нашим предкам было больше нечего делать, как только смотреть на звёзды и высчитывать их невидимые орбиты. Причём ценой невероятных усилий и забывая при этом о еде, войнах, семьях и охоте, кстати, с примитивными каменными топорами.

«Ненаучные» учёные в обоих случаях (Египта и Стоунхенджа) говорят также про порталы в другие миры, точки силы и прочие захватывающие вещи.

Выйдя из подземного перехода, вы оказываетесь внутри оградительной сетки. Камни перед вами. Правда, вы не можете к ним подойти и потрогать. Вокруг камней идёт тропинка, огороженная колышками с верёвкой, так что в лучшем случае вы увидите их метров с 15, а так вообще – метров с 30-40. Снова возникает простой вопрос – почему? Не хотят, чтобы туристы камни попортили? Или увидели чего-нибудь лишнего? Мы с вами люди интеллигентные, через загородку перешагивать не будем, зато у нас хорошая приближающая фототехника и острый глаз. Присмотримся.

Со стороны Стоунхендж представляет собой несколько каменных ворот: по два столба метров 4 высотой, на которых сверху лежит ещё один такой же камень. Ворота (кто-то называет их «подковами») образуют подобие круга. Подобие, потому что во всей конструкции линии только намечены, но ничего полностью замкнутого нет, не сохранилось.

В отличие от египетских пирамид, а особенно от великого Сфинкса, камни Стоунхенджа не производят впечатления большого конструктора «Лего» – они все нестандартные. Но с того места, где мы с вами стоим, в глаза бросается несколько весьма примечательных деталей.

Во-первых, мы замечаем, что большинство камней будто заманы свежей штукатуркой. Наверное, думаем мы, так надо, если они тут уже 4 000 лет мокнут под дождями и портятся.

Во-вторых, у некоторых камней, особенно у основания, верхний слой толщиной сантиметров 15 некрасиво отвалился, и под ним, не удивляйтесь, виден идеально гладкий бетонный сердечник. Уверен, что это замечают все. Беда в том, что наши глаза не всегда соединены с мозгом, то есть сигнал об увиденном туда доходит, а в

мысль, да ещё не дай бог пытливую, не превращается. Мы смотрим, но не видим. Или всё-таки видим?



Стоунхендж. Кстати, размытая полоска на небе над крайними правыми «воротами» — не птица и не самолёт. Погода была ясная, так что затвор работал быстро, и потому «смазаться» так мог разве что невидимый для глаза НЛО. В широком смысле слова. Впоследствии такое же явление появилось, когда я снимал на фоне неба башни в Сан Марино.

Первый раз в моей жизни я очень удивился в Помпеях. Нас там мурыжили часа три, вместо того, чтобы дать возможность подольше погулять по Неаполю. А Помпеи, как вы знаете, были раскопаны из-под многометровых завалов лавы, которые обрушил на них соседний Везувий тоже давным-давно, не одну тысячу лет назад, если верить официальным теориям. Правда, не так давно учёные заметили, что одна из особенно хорошо сохранившихся мозаик в точности повторяет полотно кого-то из художников Возрождения. Конечно, можно предположить, что это художник её подсмотрел и сделал плагиат, однако беда в том, что раскопали Помпеи через много десятилетий *после* смерти того художника...

Так вот, помню, у меня по ходу дела что-то выпало там из кармана, я нагнулся и присвистнул: кусок стены на уровне булыжной мостовой отломился, и в дыре стал отчётливо виден идеально глад-

кий участок водосточной трубы, будто вчера вылепленный из глины. Если у вас дома цветы стоят в глиняных горшках, то вы точно понимаете, о чём я. Повторяю, если вы не сразу себе представили: труба была *внутри* стены, т.е. чтобы ее туда засунуть, нужно сперва разобрать «древнюю» стену.

Второй раз я удивился в каирском музее. На улице было градусов 50, мы уже прошли по залам и ждали в прохладном фойе остальную группу, чтобы дружно бежать в прохладный автобус. Мой взгляд упал на стоящую внутри, почти при выходе, высоченную стелу, изображавшую застывшего в характерной позе фараона. Смущала только одна деталь: опять-таки у подножья камень был сильно повреждён, и из него торчала... арматура.

Обычно в таких случаях мозг нам говорит: так надо. И мы лишь пожимаем плечами. Уверяю вас, не стоит. Слушайтесь не мозга, а сердца – оно не обманывает.

Третий раз я удивился, кажется, в Сарагосе, в Испании, когда меня водили по восстанавливаемому после войн и веков забытья старому мавританскому дворцу. Гид привела нас в большой зал и с грустью заметила, что из-за пожара от прежнего убранства залы не осталось ничего, кроме потолка. Все дружно посмотрели на красивые балки, вздохнули и пошли дальше, а я задал нашей проводнице крамольный вопрос:

- Скажите, пожалуйста, как может уцелеть при пожаре только потолок, если он сделан из дерева?

Ответа я не получил.

Четвёртый раз мне стало слегка жалко потраченного времени в Китае, неподалеку от города Сиань, когда нас привели восхититься терракотовым войском. Если кто вдруг не знает, это многочисленное собрание воинов, сделанных из терракоты (обожженной чистой глины) в человеческий рост. В 1974 году его случайно нашёл на своём участке один крестьянин. Оказалось, что здесь расположено захоронение великого императора Цинь Шихаунди, а воины, лошади, повозки символизируют его войско. Причём среди воинов нет двух повторяющихся.

Смутили меня три вещи.

Первая. Раскопки здесь ведутся с 1974, ведутся вроде бы постоянно, однако многие места позади воинов и по бокам остаются нетронутыми. Типа, руки пока не дошли. При этом у учёных дошли руки точно определить, что под каждой из этих нетронутых насы-

пей они найдут, когда приступят к работам (об этом подробно рассказывается на специальных планах).

Вторая. Если вы загляните в Интернет и посмотрите на многочисленные фотографии терракотовых воинов, то ни у кого не обнаружите оружия. Пехотинцы стоят плотным строем, правую руку держат согнутой, пальцы образуют форму кольца, в которое можно вставить, например, копьё, но никаких копий и мечей нет в помине. Значит, их сделали из дерева, и они сгнили, подсказывает мозг. Но вообще-то оружие для воина и для пафосности захоронения вещь первостепенная. Почему, скажем, нельзя было сделать оружие хотя бы из глины, которая так замечательно сохранилась, как нам рассказывают, со II века до нашей эры?

Наконец, третья странность, о которой вы не прочитаете ни в одном Интернете. Всех туристов либо до, либо после посещения терракотовой армии обязательно привезут на расположенный в километре от захоронения заводик, где вы сможете купить самые разные поделки из терракоты: хоть красивые блюда, хоть сосуды, хоть цветочные горшки, хоть сувенирных воинов, хоть воинов в натуральную величину, если позволят деньги. И всё бы было ясно и понятно, только ваш покорный слуга проявил непозволительное любопытство и прочитал табличку при входе на заводик. Оказалось, что он здесь открылся... за два года до «случайного» открытия везучего крестьянина. Кстати, сам тот крестьянин собственно персональной сидит каждый день в сувенирном магазинчике при музее и охотно подписывает дорожные альбомы, во всех красках повествуя об «уникальной» экспозиции.

Там же в Китае вас обязательно сводят на Великую Китайскую стену, которая якобы видна из космоса. Интересно, что когда мы подлетали на самолёте к Пекину, то есть были на высоте от силы километров десять, Алина отказалась мне верить, когда я ткнул пальцем в иллюминатор и сказал, что это она и есть. Потому что даже с такой высоты Великая стена кажется тонюсенькой прожилкой на горных склонах. Когда же вы спуститесь на землю и потопчете её ногами, вас, уверяю, не оставит ощущение, что «такую» стену пара миллионов китайцев могла, спустя рукава, построить по указанию товарища Мао, ну, лет так за десять. Смех смехом, но если вам когда-нибудь придётся побывать в Черногории, загляните в живописную Которскую бухту. По её берегам разбросано несколько старинных городков, которые строили в XV веке завоевавшие

эти земли венецианцы. Так вот, когда будете бродить по тамошним улочкам, посмотрите наверх, на окружающие горы. Вы с удивлением обнаружите построенные на почти отвесных склонах оборонительные каменные стены, в точности повторяющие китайскую.

Особенно вопиющим образом наглость и ложь китайской «истории» проявляется в таком примечательном месте, как известный сейчас не только любителям боевых искусств храм Шаолинь – альма-матер таинственного кун-фу и волшебного каратэ. Были, видели. Как сейчас помню, в 2004 году. И древние храмы, и покосившиеся от времени ступы, и даже камень, на который по преданию в течение многих лет смотрел, не моргая (для этого он просто отрезал себе веки) родоначальник всего-всего и по совместительству буддийский монах из Индии Бодхидхарма. Меня только не покидало воспоминание о ходившей в 1980-е годы по рукам и много раз переписывавшейся книге французского каратиста Ролана Хаберзецера, в которой Шаолинь упоминался как древний монастырь, вскоре после смерти Бодхидхармы, то есть где-то веке в VII нашей эры, уничтоженный войнами и пожарами.

Возрождение Шаолиня из полузабытой легенды до туристической достопримечательности происходило буквально на моих глазах: сначала подтверждение рассказа Хаберзецера появилось в популярных китайских боевиках про лысых монахов, а потом оказалось, что на самом деле Шаолинь жив-здоров и ждёт вас в гости. Очень похоже на историю с японскими ниндзя, о которых, сдаётся мне, в самой Японии не слышали до появления в США комиксов и мультиков про весёлых черепашек.

Когда мы вернулись из Китая домой, я навёл справки в Интернете и обнаружил целую подборку замечательных цветных фотографий одной русской туристки, на которых все те древние храмы, что нам с придыханием показывал гид, находились в состоянии врываемых в землю и еще даже не покрашенных брёвен.

Как вы думаете, когда эта наблюдательная девушка их сделала? В 2002 году, за два года до нас!

Итак, вернёмся к Стоунхенджу. Кроме штукатурных заплат и странного бетонного сердечника, мы с вами замечаем еще несколько интересных нюансов. Любому, кто видел фотографии Стоунхенджа, а тем более тому, кто там побывал, бросается в глаза отдельно стоящая и значительно более гладкая, нежели остальные камни, четырёхгранная стела. Ее плоскую верхушку венчает не-

большой конический выступ. Если вы праздный турист, то просто приятно удивитесь такой архитектурной детали и подумаете, что этот выступ зачем-то нужен. Если вы хоть как-нибудь связаны со строительством или помогали своим чадам возиться с конструктором «Лего», выступ обязательно заставит вас подумать о том, что на него, наверное, что-то раньше было надето. Более того, если вы строитель-практик, то немного удивитесь, поскольку поймёте, что для того, чтобы идеально ровно срубить вокруг камень и не затронуть сам выступ, вам понадобится как минимум отбойный молоток, а лучше – фрезерная пила. И уж никак не каменный топор. Иначе выступ отвалится вместе с остальным каменным мусором.

Но посмотрите чуть дальше этой странной стелы с выступом, и вы обнаружите ответ на свой немой вопрос. Край одного из поперечных камней пропилен (или аккуратно пробит, или проломан) и внутри виден такой же выступ на поддерживающем камне. Вы оказались правы: выступ понадобился для того, чтобы многотонная каменная «штанга» ворот не съехала в сторону. Точно так же поступают не только создатели «Лего», но и плотники, строящие дома из дерева. Однако здесь-то камень...

Кстати, информации о том, что это за камни по своему составу, вы просто так не найдёте. Правда, в связи со Стоунхенджем их ещё называют «голубыми камнями», потому что иногда, особенно в дождливую погоду, они, действительно, кажутся голубыми. Не найдёте вы также и официальных объяснений развалов у оснований. Почему внутри виден какой-то гладкий сердечник явно из бетона? Откуда на поверхности камней столько заплат? Если вы удосужитесь заглянуть в англоязычную «Википедию», то обнаружите море «информации» о том, как на протяжении тысячелетий эти камни здесь выстраивались, но почти ничего – об их реставрации. В лучшем случае справочники пишут, что многие камни, мол, от времени завалились и их потом подняли. Что именно было сделано за время реставрации – об этом ни слова. А жаль, потому что часть ответов на наши с вами вопросы скрывается именно здесь.

Давайте по порядку.

Анализ мегалитов Стоунхенджа всё-таки проводился, так что скудные сведения об их составе найти при большом желании можно. Это так называемый травертин (известковый туф), из которого в своё время строились, например, римские Колизей и собор св. Петра. Присутствует, говорят, базальт, реалит, а самое интересное –

медный купорос. Собственно, он-то и придаёт камням голубой оттенок, когда становится влажным. Беда лишь в том, что в природе медный купорос не встречается. Он – побочный продукт отливки изделий из бронзы.

Закрадывается сомнение о том, а не строился ли Стоунхендж на месте. Косвенным подтверждением тому является очевидный факт, что если волоком тащить, как сегодня предполагается, глыбы за 200 километров из каменоломен в западной оконечности Уэльса, то вся дорога должна быть буквально вымощена брошенными на полпути осколками, треснувшими каменными столбами и т.п. Ничего этого нет. Зато раскопки вокруг Стоунхенджа показали много зарытых прямо в землю отходов строительства.

Помните, я упоминал фараона в каирском музее с арматурой? Из чего он был сделан? Из чего сделаны десятки стел в долинах Гизы и Луксора? Присмотритесь к чётким линиям фигурок на них (можете – на фотографиях, можете – на площадях многих европейских городов, куда они были в своё время привезены из Египта). Даже сегодня вырезать с такой точностью при такой глубине кажется предприятием, мягко говоря, сложным. А зачем вырезать? А если взять формочку и просто выдавить, пока не застыл... бетон?

Разговоров о возможности постройки в Египте всего из полимерного природного бетона сегодня можно услышать немало. Ил Нила – готовый для этого материал. О содержании в нём железа известно с незапамятных времён: его там столько, что когда происходят разливы, вода окрашивается в медный цвет. Если такой песок собрать, высушить, растолочь, заставить сотню-другую рабочих таскать его в мешках и высыпать в опалубки, а потом заливать водой и давать высохнуть на горячем каирском солнце, в итоге вы получите плотно прилегающие друг к другу тяжёлые бетонные глыбы. За год-другой таким нехитрым способом можно построить не одну пирамиду Хеопса. Тем более что если бы сегодня разрешалось лазить на пирамиды до самого верха, мы бы с вами оттуда взяли на память куски, на которых эта опалубка чётко отпечаталась. Только кто ж нам нынче позволит? К счастью, такие куски были найдены до нас и существуют – ко всеобщему недовольству сторонников титанического рабского труда.

Обвалы на камнях Стоунхенджа, как и на стелах Египта, есть ни что иное, как обвалы... бетонной штукатурки. Жидкой, из какой сегодня принято делать стены домов – «под шубу». Собственно,

весь храм Христа Спасителя в Москве был «отлит» из бетона. Причём специалисты даже подмечают, что на всех мегалитах видны полосы «заливания». Что примечательно – они все вертикальные. Даже на горизонтально лежащих «камнях». Разве что, в отличие от бетона египетского сюда зачем-то добавили медный купорос. Но об этом чуть позже.

Сколько лет Стоунхендж известен? 4 000? 5 000? 1 000? Никто точно этого сказать не может, потому что нужно ссылаться на конкретные упоминания в летописях, а их негусто. Вообще про камни в районе Солсбери (а мы с вами находимся в 18 километрах от этого городка, куда скоро поедём обедать), конечно, в летописях пишут, но камней здесь, то есть мегалитов, много. Они разбросаны по полям, в одиночестве или группами, так что Стоунхендж лишь самый известный их этих комплексов.

Вторым свидетельством должны являться рисунки художников. До изобретения фотографии Стоунхендж зарисовывали и неоднократно. Но вот что весьма интересно. Если вы зададитесь такой задачей и выловите в Интернете наиболее старые рисунки века так XVII, то убедитесь, что они ничего общего не имеют с оригиналом. На некоторых Стоунхендж стоит в окружении гор. Оглянитесь! Гор нет и в помине – сплошные равнины. Понятно: художник фантазировал. На других Стоунхендж представлен буквально частотолом из камней с ровной кладкой по верхушкам, образующей идеальное кольцо. Такого тут явно не было никогда, да и продольные каменные «балки» лежат сейчас от края и до края двух поддерживающих «столбов», а не ровно до половины, чтобы можно было в стык положить следующий, как пытается показать нам художник-фантазёр.

Рисовал Стоунхендж даже такой признанный английский мастер, как Джон Констебл. Рисовал в 1835 году. Явно с натуры. Потому что наследие Констебла сохранило немало работ, посвящённых именно Солсбери, его собору и его природным красотам, которые легко узнаются и сегодня. Не фотографии, конечно, но основаны на том, что и как выглядело в ту пору. Так вот, его Стоунхендж представляет собой буквально руины. Кое-где продольные «балки» есть, но мало, не то даже, что сейчас, а мегалиты напоминают поломанные ураганом голые деревья.

Существуют и гравюры. На них многие нынешние «ворота» и камни Стоунхенджа узнаваемы, но на удивление не все.



Таким видел Стоунхендж Джон Констебл

Первые фотографии Стоунхенджа относятся к концу XIX века. Они во многом схожи с гравюрами. Но вот наступает XX век, и что-то разительно меняется. Так, например, привлекавшая в самом начале наше внимание прямоугольная колонна с выступом впервые появляется лишь на фотографии... 1901 года. Потом «достраиваются» и другие мегалиты. В чём же дело?

Оказывается, каменный ларчик открывается довольно просто. Только сперва я расскажу вам ещё об одном моём личном наблюдении из повседневной жизни.

Пройдите по правой стороне Проспекта мира от Садового кольца и обратите внимание на здание под номером 30. Это дом поэта Брюсова. Теперь в нём музей «Серебряного века». На сайте музея о самом доме сказано только, что «архитектурный облик и интерьеры дома выдержаны в стиле модерн, фасад здания был оформлен в 1910 году по проекту архитектора В.И.Чагина». Так вот, я со всей ответственностью заявляю, что это – откровенная ложь. Потому что с середины 80-х годов прошлого века я каждое утро ходил мимо него до метро и лет 10 видел, как с этого несчастного строения сперва сняли крышу, и оно несколько зим простояло вообще без какого-либо укрытия. Работы тогда велись (если ве-

лись) достаточно открыто, ничего, как сегодня, не прятали за непроницаемыми навесами, так что потом я своими глазами видел, что дом исчез: остался только фасад, а все полы, потолки и несущие стены сровняли с землёй. Ещё года через два-три снегопадов и дождей к фасаду стали пристраивать боковины и заднюю часть, а когда фасад снова более или менее крепко стоял, началась работа с его дверьми и окнами. Если вы сегодня наберёте в Интернете «дом Брюсова» и посмотрите на него со стороны Проспекта мира (а больше неоткуда), то увидите симпатичные окошки, арочку подъезда и ничего не заподозрите. Я же очень жалею теперь о том, что не располагал в то время возможностями и желанием сфотографировать дом таким, каким он был до «реставрации». Потому что фасад был другим. Другие разрезы окон, другое их расположение, другие подоконники. Но ведь никто сегодня не сознается в том, что это не тот дом, где жил Брюсов. Музей и музей, покупаешь билет иходишь. Факт 100% переделки не скрывают – о нём просто не говорят. Таких примеров, уверен, вы сами можете привести немало. Чего стоит хотя бы «реставрация» деревянного дома артиста Щепкина на одноимённой улице под боком Олимпийского комплекса. Была живописная избушка, стал дощатый сарай. Но разве кто сегодня обратит на это внимание?

К чему это я? Да всё к тому же. Потому что «реставрация» Стоунхенджа тоже велась. Причём неоднократно. В 1901, 1919, 1920, 1958, 1959, 1964 годах. Вы что-нибудь о ней читали? Вы где-нибудь в официальных путеводителях о ней найдёте хоть слово? Нет, конечно. Зато не так давно в Интернете появились поразительные фотографии реставрационных работ 1958 года, когда сюда подогнали здоровенные краны, и весёлые рабочие, попыхивая сигаретами, обвязывали канатами камни и перекладывали их так, как им велели. Может быть, фамилия прораба и была Мерлин, но лично я сомневаюсь.

Сколько людей видели уцелевший после пожара деревянный потолок в Испании и скольких это обстоятельство удивило? Сколько туристов ахало перед терракотовым войском и не обращало внимания на дату постройки соседнего заводика? Сколько москвичей родилось после окончания «реставрации» дома Брюсова, и сегодня им даже невдомёк, что эта реставрация вообще проводилась, причём не так давно? Вот и я о том же...

Какой первый вывод мы с вами сделаем, глядя на камни Стоунхенджа с обвалившейся штукатуркой и аккуратными выступами на макушках, сделанными в прошлом веке отбойными молотками?

Вывод простой: тот вид, который этот комплекс имеет сегодня, люди здесь могли наблюдать в течение не 4 000, а примерно 60 лет. Вполне достаточно, чтобы канули в Лету архивов возмущённые письма местных жителей, которые не одобряли все эти строительные работы. Письма эти существуют, но они в руках какого-нибудь Общества Британского Наследия или Охраны Стоунхенджа, так что подержать в руках и почитать нам их вряд ли дадут.

Тогда второй вопрос: сколько же лет самому Стоунхенджу?

Игорь Владимирович Давиденко, профессор, доктор геолого-минералогических наук, в одной из своих лекций выдвинул предположение, что едва ли более 300. На эту мысль его натолкнуло, во-первых, наличие упомянутого медного купороса, а во-вторых, история тяжбы Солсбери с Гринвичем за прохождение по их территориям так называемого Нулевого Меридиана.

Вкратце теория уважаемого профессора сводится к тому, что, во-первых, в пору превращения Британии в мощную империю (начало XVIII века) большая потребность была в пушках. Граф Солсбери имел свой бронзолитейный заводик. Вот и объяснение того, откуда взялся лишний медный купорос. Зачем его добавлять в штукатурку? Чтобы выделиться, привлечь внимание, чтобы заговорили не просто о мегалитах, а о «голубых» камнях.

Во-вторых, содействие графу Солсбери мог оказать ни кто иной, как его современник, Исаак Ньютон, которому не составило бы большого труда сделать расчёты и привязать расположение «камней» к астрономическим координатам.

Как мы знаем, в споре за Нулевой Меридиан победил Гринвич. Зато в результате строительного розыгрыша в Солсбери осталась настоящая национальная святыня, которая сегодня денег не просит, зато приносит не только финансовый, но моральный и политический доход всему островному государству. Как ниндзя в Японии или терракотовое воинство с Шаолинем и китайской стенкой в Поднебесной.

Мы так устроены, что многие вещи воспринимаем через ассоциации. Если я попрошу вас сказать первое, что придёт вам в голову, например, при слове «Рим», вы, скорее всего, ответите «Колизей». Если «Париж» – то «Эйфелева башня». Если «Лондон»... хм, надеюсь, после прочтения предыдущих глав вы не так быстро подберёте подходящую ассоциацию, ибо их у вас теперь должно быть в избытке.

А о чём вы подумаете, когда услышите слово «Солсбери»? Вот вам мои ассоциации: сити, Саруман, шпиль, готика, обед. Удивлены? Тогда по порядку.

В школе нас с вами учили, что “city” – это большой город, а “town” – маленький. Правильно? Оказывается, не совсем. Если вы находитесь в таком большом и бестолковом «сити», как Москва, а ваш приятель звонит вам из Подмосковья и спрашивает, где вы, то по-английски вы можете ему ответить *I am in town*, в том смысле, что вы в городе, а не в деревне. Когда же вы идёте по крохотным улочкам Солсбери, в котором жителей от силы тысяч сорок, то со словом “city” он у вас ну никак не перекликается. Однако, как выяснилось, дело тут вовсе не в размерах. В Великобритании статус “city” нужно заслужить. И претендовать на него может лишь тот “town”, в котором есть собор. Типа нашей разницы между деревней и селом, в последнем из которых должна быть церковь. В Солсбери собор есть и какой! Можно сказать, что Солсбери – это и есть собор. Хотя, конечно, для кого как.

Второе название Солсбери – Новый Сарум. Старый располагался дальше к северу, и поначалу жители обитали исключительно в нём. Благо там были большие крепостные валы, насыпанные ещё римлянами, так что ничего лишнего даже строить не приходилось. Вероятно, именно поэтому все строительные усилия пошли на возведение огромного собора, который был готов к 1075 году н.э. Потом что-то произошло. Одни справочники говорят, мол, народ потянулся к теплу и плодородным землям соседней равнины, другие – что виной всему вспыхнувшие противоречия между местными церковниками и военными (что мне представляется более правдоподобным), но факт остается фактом: люди покинули Старый Сарум,

причём своеобразно «хлопнули дверью» – разобрали собор на камушки и уволокли с собой. По легенде, чтобы определить место будущего собора, епископ выстрелил из лука, стрела угодила в оленя, и где бедный олень издох, там и начали строить. Первый камень бы заложен, как сейчас помню, 28 апреля 1220 года.

Моя первая гидша в Солсбери была уверена в том, что старый собор просто по кусочкам перенесли на новое место. Вари ничего такого не говорила. Нам же с вами будет небезынтересно узнать, что олень упал, прямо скажем, плохо: вскоре после начала строительных работ выяснилось, что грунтовые воды проходят в этом месте слишком высоко. Но бюджет был выделен, епископ спешил, чтобы паства не разбрелась, а потому в итоге фундамент получился глубиной всего четыре фута, то есть метра полтора. В рекордно короткие сроки – всего 38 лет – новый собор был отгрохан, в 1258 году его осветили и... продолжили строить. Знаменитый шпиль увенчал его более 60 лет спустя.



Собор в Солсбери глазами Джона Констебла

Шпиль собора Солсбери (который вообще-то официально называется собором св. Девы Марии), это отдельная история. Во-первых, при своих 123 метрах (можно найти цифру и 121) он считается самым высоким шпилем в Англии. Во-вторых, когда его монтировали, здание весом 6 500 тон на полутораметровом фундаменте, разумеется, повело. Пришлось всем миром бросаться шпиль укреплять балками, чтобы он в один прекрасный день не рухнул на головы прихожан. Укрепить укрепили, но давление на конструкцию оказалось таким сильным, что балки подозрительно выгнулись внутрь. Только в 1668 году решение проблемы нашёл вездесущий... нет, не Джон Нэш, а Кристофер Рен. Он добавил ещё стягивающих балок, а потом от греха подальше заделал всю эту жуть фальш-потолком.

За счет относительно быстрого строительства, как считается, в архитектуре собора удалось выдержать единый стиль – раннюю английскую готику.

Кстати, что касается готики, то в первый свой визит сюда я не без удивления услышал о том, что, оказывается, наше нынешнее её (то есть готики) восприятие как нечто серое и хмурое в корне не верно. Изначально интерьер готических соборов был ярким, если не сказать радостным. Со временем краски выцвели, облупились, и их никто не стал восстанавливать. Но если вы не будете спешить и слушать только то, на что вам указывает гид, то в районе южного транспта, возле которого расположен выход во внутренний дворик, клуатр (самый большой в Британии и примечательный ещё и тем, что изначально предназначался вовсе не для религиозных шествий, а для отдыха и чтения), обнаружите деревянное надгробье рыцаря со щитом и мечом. Моя кельтская гидша сказала, что это вообще первое в Европе изображение щита с геральдическим гербом. Герб изрядно поистерся, но кое-где краска ещё видна. Если эта неожиданная мысль верна (а я пока нигде не нашёл ей подтверждения), было бы занятно взглянуть на готические храмы в том виде, в каком они задумывались и строились изначально.

Между прочим, вы знаете, откуда в искусство пришло понятие «готика»? Я вот тоже думал, что знал. Но лишь результат, а не причину. Логика же на самом деле была такова. Готика обязана своим названием готам. Готы же, как считается, были дикарями, но почему-то им хватило сил разрушить могучий Рим. Вместе с Римом они уничтожили и оригинальное классическое искусство. За что слово

«готический» стало синонимом «варварский, дикарский». Однако первым в отношении искусства его использовал Рафаэль, который жаловался в 1518 году папе Льву X на то, что «северные дикари» используют в строительстве острые арки, напоминающие их примитивные хижины. В дальнейшем крупным популяризатором этих идей стал итальянский художник и писатель Джорджо Вазари.

Вход в собор, как и в любую действующую церковь Великобритании, бесплатный. Однако опытная Вари, зная финансовые настроения здешних святош, сразу по выходе из автобуса предложила нам всем скинуться на «пожертвования». По рукам был пущен большой конверт, и все побросали в него кто фунт, кто два. Происходило это на хорошенькой улочке Норт Уолк (Северной аллее), куда попадаешь, пройдя направо от стоянки автобусов, в ворота, которые, если потом оглянуться, являют собой старинный дом, отдалённо напомнивший мне Мост Вздохов в Венеции. В своё время композитор Гендель написал здесь свою «Музыку воды». По правую руку, если идти по аллее дальше, тянется удивительно красивый каменный забор, на обеих стойках ворот которого, в розовых кустах, сидят две чёрные железные собаки.

Затем из дома слева вам навстречу вылетает ватага школьников. Они заставляют меня отстать от нашей группы и присмотреться к зданию школы. На стене – круглая синяя мемориальная табличка, возвещающая о том, что здесь учительствовал нобелевский лауреат, писатель Уильям Голдинг. Вы наверняка его знаете как автора «Повелителя мух», романа, который он честно считал своим, мягко говоря, не самым сильным произведением. Гораздо больше ему (и мне) нравился роман «Шпиль», философски описывающий судьбы людей, возводивших тот самый шпиль собора, который уже маячит где-то впереди.

Тропинка к собору ведёт через зелёный луг поля, на котором очень удобно играть в футбол (чем кое-кто уже занимался в своё удовольствие). Вы обходите готическую громаду с северного бока и входите внутрь через западный фасад, украшенный многочисленными фигурами святых.

Описывать внутреннее убранство собора ещё труднее, нежели содержимое музеев и галерей, так что предлагаю для простоты и экономии времени пройтись по основным здешним достопримечательностям.

Если бросить взгляд на всю длину зала, то в самом его конце ваше внимание привлечёт ярко-синий витраж. Среди желтоватой серости стен и колонн он производит приятное впечатление и кажется так здесь и задумывавшимся, однако на самом деле его установили лишь в 1980 году, причём не в честь московской олимпиады, а в память об «узниках совести». Перед ним находится одно из трёх захоронений, перенесённых сюда из Старого Сарума – могила епископа Осмунда, причисленного к лику святых в 1457 году. Примечательно, что в любимой мною серии путеводителей «Дорлинг Киндерсли» его местоположение указывается не здесь, а в соседней часовне. Помнится, одно время я даже хотел написать в редакцию и указать на другую, ещё более вопиющую ошибку: на карте Лондона они указали дом-музей Холмса хоть и на Бейкер-стрит, но примерно двадцатью кварталами южнее, чем нужно.

Неподалеку от вас, слева, возле стены вы увидите довольно странный железный агрегат, напоминающий ножную швейную машинку полутора метров высотой. На самом деле это самые старые действующие часы в мире. У них нет циферблата, и они отмечают только часы. Соорудили их местные мастера аж в 1386 году. До 1792 года они исправно работали на звоннице, потом их демонтировали, убрали куда-то на антресоли и забыли вплоть до 1929 года. После реставрации в 2007 году их поставили здесь – нам всем на удивление.

Двигаясь дальше по боковому левому нефу, вы обязательно пройдёте под торчащими из стены гордыми знамёнами, в полном смысле слова понюхавшими порохи: они разорваны в клочья, истлели от времени и больше напоминают забытые здесь рыболовные сети. Но впечатление производят неизгладимое.

Справа, посреди нефа, вы наверняка обратите внимание на массивный стол в форме креста изумрудного цвета. Поверхность этого стола идеально гладкая. На самом деле это вода, точнее – перед вами своеобразный фонтан-купель для обряда крещения. Появился он тут недавно, в 2008 году.

Приближаясь к алтарной части, вы оказываетесь среди деревянных хоров – высоких стульев, предназначавшихся для заседаний каноников и викариев. Примечательность здешних в том, что они самые старые в Англии из полностью сохранившихся – с 1236 года.

Над вами – орган, установленный здесь в 1877 году. Когда в 1916 году орган реставрировали, тогдашний органист, сэр Уолтер

Оллок, так болезненно переносил этот процесс, что собственной властью запретил выносить даже части органа из собора, опасаясь, как бы что ни подменили.

Сейчас, признаться, я уже не помню, кому принадлежало ещё одно из многочисленных здешних надгробий, но вы наверняка узнаете этот каменный булыжник по двум большим углублениям с одной стороны. Не знаю уж, почему и когда возникла эта традиция, однако Вари настоятельно предложила нам сунуть в самое большое из них что-нибудь, что у нас болит, гарантируя скорое выздоровление. Голову, кажется, сунул только один. Остальные отделались ногами, в частности, коленями.



Внутренний дворик собора. Настоящая безмятежная Англия.

Потрепав деревянного рыцаря, моего старинного знакомого, обойдённого сегодня всеобщим вниманием, по щиту, я юркнул следом за группой в последнюю и нынче самую важную достопримечательность собора – зал капитула. Зал этот напоминает ринг для боёв без правил, потому что имеет форму восьмигранника – октагона. Здесь вам покажут наиболее ценное, что есть в соборе – лучший из четырёх сохранившихся до наших дней экземпляров Магна Карты, иначе говоря, Хартии Вольностей. Она хранится здесь с 1215 года. Если вы не очень хорошо успевали по истории в школе,

напомню, что суть Хартии сводилась к тому, что ею как будто ограничивались права английского короля. Правда, Иоанн Безземельный, её подписавший, спустя год её же и отменил, его преемники в лице Генриха III и Эдуардов её снова подтвердили. Таким образом, сегодня эта хартия рассматривается как предтеча не только английской, но и американской конституции. Честно говоря, мне её убогий почерк и относительно небольшой размер почему-то напомнили «бомбу» – большую шпаргалку, какими мы пользовались в пору учёбы в Университете. Снимать Хартию ни на фото, ни на видео не разрешили. Ещё бы! Когда в 2007 году некто Давид Рубинштейн от имени «Карлайл Групп» покупал одну из её копий, с него содрали 21 миллион долларов.

Насытившись духовно, мы поняли, что пора подкрепиться физически. Благо к этому всё и шло, а сообразительные соборные власти выделили под ресторан и сувенирный магазин целое огромное пространство между галереей и южным нефом. Вот где царит настоящее оживление! Вы становитесь в коротенькую очередь, вооружаетесь подносом и идёте вдоль прилавка, указывая на те кушанья, которые хотели бы отведать. Я ограничился двумя аппетитными шмотками свинины, картошкой в мундире, тушёными овощами и соблазнительным кусочком пирога из сдобного теста с изюмом. Алина, как всегда, никаких сладостей не пожелала, а графинчик чая мы поделили пополам.

Все сели, кто куда хотел и смог, так что мы оказались в весёлой компании пожилой австралийки с острова Тасмания и короткостриженной улыбчивой американки из Огайо. Австралийка активно что-то лопотала, мы подыгрывали и кивали, хотя лично я понимал лишь общее настроение речей, но не их смысл. Когда подошёл её брат, тоже своеобразно шамкающий слова, и увёл нашу собеседницу в магазин, я поинтересовался у американки, только ли мне невдомёк, о чём шел разговор. Она улыбнулась и призналась, что тоже «не всё поняла». У меня отлегло.

Прелесть церковного ресторанчика еще и в том, что вы, оказывается, сидите под стеклянной крышей и можете, подняв голову от тарелки, наслаждаться видом вздымающегося прямо над вами собора. Что мы периодически и делали, пока обед ни закончился и мы ни направились в обратный путь, к автобусу, причём втроём, поскольку наша новая знакомая попросила взять её с собой: муж пошёл вперёд, а она одна боялась не найти дорогу.

Как же приятно, думал я, вышагивая по зелёному лугу обратно к дому, где жил и творил Гендель, и поддерживая беседу с милой всем интересующейся старушкой, что мы путешествуем на «западный» манер, без спешки и суеты, как свободные люди, а не в той беготне, которые зачем-то любят устраивать отечественные гиды!

На очереди была местная здравница – город Бат.

Если вы никогда не слышали о Бате, но вам хотя бы отчасти знаком английский язык, оригинальное название городка безошибочно подскажет вам, чем тут занимаются – *Bath*. Вы ведь наверняка ещё в школе рассказывали на уроке, что у вас в квартире есть “*bathroom*”, то бишь ванная. Одним словом, название города можно перевести как «купальня» или даже просто – «баня».

Бат расположен в 156 километрах к западу от Лондона. Он красив и компактен, расположен на холмах долины Эйвон. Не скажу, что на его осмотр достаточно часа, но даже если этот час вы посвятите просто прогулке, то насладитесь замечательными видами на всю округу. Однако я снова опережаю себя...

На подъезде к Бату вам бросится в глаза причудливый указатель слева, сообщающий, что тут расположен Американский музей. Музей там действительно есть и является первым из открытых в Европе, знакомящим посетителей с бытом колонистов. Больше ничего толкового о нём сказать не могу, поскольку мы проехали мимо. Ещё бы – нас ждали настоящие римские термы!

Римляне, как и русские, всегда заботились о чистоте тела. Поэтому, обнаружив в этих местах источник с горячей минеральной водой, основали в 60-х годах нашей эры поселение и назвали его Аквае Сулис, то есть «воды Сулис». Имя Сулис вне Бата практически нигде не встречается. Считается, что так звалась местная богиня, воплощавшая в себе и жизнедарительницу, и посредницу в передаче богам проклятий своих почитателей. Если, скажем, у вас в бане украли одежду, вы могли нацарапать на специальных железных табличках имена подозреваемых (обязательно на латыни), и надеяться, что Сулис их прочтёт и кому надо доложит. Говорят также, что слово “*suil*” на древнеирландском означало «глаз» или «провал», и потому Сулис могла символизировать вход в подземный мир. Как бы то ни было, римляне посчитали, что это их родная Минерва, а позолочённая бронзовая голова женщины, которую вы увидите в музее при банях так и подписана: Минерва Сулис.

Полноценные бани римляне построили тут во II веке нашей эры из дубовых брёвен. В этом деле они явно знали толк, поскольку

уже тогда у них здесь имелся «калидариум» (горячая баня), «тепидариум» (тёплая баня) и «фригидариум» (холодная баня). В начале V века римляне из Британии ушли, местные явно купаться не любили, так что бани пришли в негодность и заилили.

Второе дыхание Бат получил лишь в преддверье XVIII века, когда врач Томас Гайдотт решил открыть в нём частную практику по лечению подагры и ревматизма горячими водами. О нововведении узнали, и дистрофичные английские аристократы потянулись в город решать свои насущные проблемы. За больными в Бат хлынули и здоровые. Место это пришлось по вкусу архитекторам, и Ральф Ален вместе с отцом и сыном Вудами превратили городок в торжество идей Андреа Палладио. Даже крупнейший последователь английского палладианства, шотландец Роберт Адам приложил здесь свою руку, построив через речушку Эйвон мост Пэлтни. Если имя Палладио и рождённого им стиля пока вам ничего не говорит, оглянитесь вокруг и посмотрите на те здания, в фасадах которых выделяются колонны. В советское время так строили почти все дома



культуры, а до этого — усадьбы, виллы и театры. Это всё — темы Палладио. Если же вы хотите прикоснуться к первоисточнику, ваш путь должен лежать в городок Виченцу, что неподалёку от Венеции, которую называют Городом Палладио. Пройдитесь по его улочкам, поднимитесь по крутой лестнице на высокий холм и найдите там знаменитую Ротонду. И город, и Ротонда, и даже лестница к ней — дело рук великого архитектора. Но вернёмся в Англию...

Надо отдать должное англичанам и их предприимчивости. Обретя вторую жизнь, Бат быстро расцвёл.

В источниках уже не только принимали ванны, их воду стали морщить, но пить. Сегодня любой турист может попробовать её на вкус, не выходя из музея римских терм. Правда, наливаете вы её в конические бумажные стаканчики, и лично я уловил только вкус бумаги. Но пить можно вполне и жажду утоляет.

Очень скоро Бат стал модным курортом. Каждое лето сюда вместе с аристократами, политиками и знаменитостями разного калибра перемещалась чуть ли не вся общественная жизнь Британии. О том, как это происходило, вы можете почитать у Смоллетта, у Шеридана, у Джейн Остин и в «Посмертных записках Пиквикского Клуба» Диккенса.

Помните пушкинское «как денди лондонский одет»? Думаю, лишь стихотворный размер помешал Александру Сергеевичу написать «как денди батский», поскольку именно в Бате можно было повстречать весь цвет лондонских щёголей во главе с их некоронованным королем Красавчиком Нэшем (*Beau Nash*), взявшим на себя роль здешнего церемониймейстера. Благодаря его усилиям, в Бате круглые сутки не смолкала музыка, устраивались балы и прочие развлечения, включая азартные игры. Даже сегодня на городок с 80 000 населения приходится 5 полноценных театров.

Наш автобус остановился в самом центре под сенью, прошу простить за каламбур, Батского аббатства. Вообще-то это величественное здание называется церковью Петра и Павла. Два облачка так живописно зависли над остроконечными зубцами на центральной башне, что я изменил своим принципам и сфотографировал этот летящий образ прямо через тонированное стекло автобуса.

Строить собор стали чуть ли не в VII веке, но через пень колоду, с проволочками, пожарами и прочими форс-мажорами, так что когда в 1499 году с ревизией нагрянул епископ Оливер Кинг, он пришёл в ужас, обрушился с руганью на монахов, «погрязших в праздности и чревоугодии» и велел тратить деньги прихода на восстановление храма. О том, как это было, повествует западный фасад, который мы увидели, уже стоя в небольшой очереди перед входом в музей терм. Отсюда же была видна Лестница Якова, известная по библии и музыкальным передачам времён перестройки, в которых светловолосый и очкастый, как нынче говорят, гей Якоб из Швеции показывал на пару с Юрием Николаевым всякие уже не очень популярные тогда «музыкальные коллективы». На фасаде Батского собора таких лестниц две. По обоим забавно карабкаются

ангелы, причём некоторые, обессилев, летят вниз вверх тормашками.

Пока мы стояли, я также заметил на стене дома напротив маленькую белую камеру, напоминающую страусовое яйцо. Камера то и дело поворачивалась и разглядывала нас своим единственным оком.

В предбаннике музея нам раздали входные жетоны с дыркой внутри. На стене висел большой рекламный плакат, сообщавший, что здешний поток горячей минеральной воды «заполнит вашу ванну за восемь секунд». Можно было также взять похожие на сотовые телефоны середины 90-х мобильные гиды, по ходу экскурсии вещавшие вам в ухо на разных языках, включая русский. Достаточно было лишь ввести номер заинтересовавшего вас экспоната, и вуаля – прикладываете трубку к уху и слушайте. Забегая вперёд, скажу, что подобных помощников с русским языком нам больше по пути не попадалось, так что, Алина, думаю, запомнила экспозицию музея лучше всего остального. Во всяком случае, вид у неё был такой, будто она дозвонилась до Москвы и слушает байки соскучившихся детей.

Зайдя в музей, вы первым делом оказываетесь на верхней галерее, огибающей прямоугольником зелёный бассейн Большой Купальни с обещанной минеральной водой. Считается, что температура в нём постоянная и составляет 46 градусов по Цельсию. По краям бассейна сохранились постаменты колонн, которые когда-то, говорят, поддерживали цилиндрический свод. Смотреть тут особо не на что, кроме как на воду и на статуи знаменитых римлян, стоящие на террасе второго этажа с конца XIX века.

Спустившись на нижний уровень, вы обращаете внимание на Священный источник – хорошо подсвеченный оранжевый каменный плитус, по которому собственно и стекает сюда вода. Окружающий вас резервуар называется Царской ванной.

Сам по себе музей, на мой притязательный вкус, довольно убогий, все экспонаты – куски камня прежней кладки да забавный скелет, думаю, какого-нибудь из сварившихся здесь под шафе купальщиков. Ну, и голова Минервы Сулис, естественно.

Купален внутри несколько. Одна, старенькая и грязенькая, имеет ровную круглую форму. Из невидимых прожекторов на противоположные стены проецируются видео с актерами в римских

туниках, которые изображают пришедших сюда древних купальщиков. Смотрятся необычно, как послушные приведения.

Надпись на стене возле современного хромированного краника с питьевой водой цитировала кого-то из докторов XVII века и оптимистично сообщала, что «если вы не вылечитесь здесь, то вы не вылечитесь уже никогда».

В одном месте мне снова вспомнилось китайское терракотовое войнство, только вместо глиняных истуканов пространство пола занимали многочисленные пеньки-столбики из плоских кирпичей. Поскольку рядом из стены тоже что-то лилось, я решил, что эти столбики являют собой сидения для посетителей, однако попавшийся на глаза рисунок доходчиво показывал, что когда-то они служили подпорками пола – вероятно, первого пола с естественным подогревом.

Если после посещения музея вы просто сядете в автобус и уедите, боюсь, представление о Бате у вас будет мокрым, зелёным и неполным. Обязательно постарайтесь по нему прогуляться. Вообще, как вы, наверное, сами могли заметить, любой город можно увидеть в трёх ракурсах: из окна машины, на велосипеде и пешком. В каждом случае вы что-то заметите лучше, что-то хуже. Я большой поклонник такого замечательного медитативного средства как велосипед, но в Бате это довольно сложно – вокруг холмы. За велосипедными наслаждениями лучше всего ездить в Данию. Когда-то давным-давно я умудрился проехать её от портового Эсбьерга на западной окраине до столичного Копенгагена на восточной оконечности на стареньком велосипеде за два дня. Причём не по прямой, а с заездом к приятелю по переписке на острове Фюн. Как мне этот подвиг удался? Дания до неприличия плоская. Единственную сложность составляет встречный ветер. Жаль, что в те времена не было ни навигаторов, ни цифровых фотоаппаратов и камер. Иначе у меня получилась бы ещё одна занимательная книженция.

Мы сперва прошлись по типичной для любого европейского городка центральной Юнион-стрит (здесь нам попала улица с откровенным названием Дешёвая – *Cheap Street*), вернулись обратно к аббатству, обошли круглую площадь, где нас высаживали из автобуса и куда он скоро должен был за нами подъехать, обнаружили, что она называется Апельсиновой рощей (*Orange Grove*), зашли в магазинчик сувениров, где я сделал вторую с момента приезда в Англию покупку – маленький шарик для гольфа, вышли к камен-

ному парпету, полюбовались на утопавший в зелени и цветах Парадный сад с беседкой, куда ещё в XVIII приходили на тайные свидания влюблённые, и подумали о том, что уже вечереет, а дождя всё нет.

Когда автобус, и мы вместе с ним, наконец, тронулся, оказалось, что у нашей Вари с Батом связаны личные романтические воспоминания: за несколько месяцев до этого она приезжала сюда с мужем праздновать юбилей супружества. Для нас это означало, что мы не стали спешить прощаться с городом и навестили по пути ещё две стоящие и вашего внимания архитектурные достопримечательности: Цирк и Королевский Серп.

Если вы подумали о клоунах и жнецах, то вы ошиблись.

Роял-Креснт (*Royal Crescent*) – это великолепная каменная дуга (серп) из 30 сросшихся в единый ансамбль с колоннами домов. Построена она была Джоном Вудом-сыном в конце XVIII века и считается величайшим образчиком григорианского стиля. За 250-летнюю историю в Серпе побывало с теми или иными целями немало известных (англичанам) людей. Большинство домов частные, но правое крыло отдано под гостиницу, где, будь у меня свободное время и лишние деньги, я с удовольствием провёл бы пару дней. Благо прямо напротив Серпа расположен большой парк королевы Виктории. Вообще же Серп за глаза называют самой великолепной улицей Великобритании. Отличие её от уже известной нам лондонской Риджент-стрит в том, что она не похожа на улицу – перед дугой разбит просторный зелёный луг.



Воистину Королевский Серп.

Цирк (*The Circus*) – это тоже, разумеется, не цирк. Ведь на латыни «цирк», как мы уже говорили, это всего лишь круг (или овал). По сути, вы оказываетесь среди города на круглой площади, куда можете попасть по трём улицам. Улицами площадь разбита на три сектора, каждый из которых занимают опять-таки сросшиеся боками равные по длине дуги из григорианских домов. Знакомый почерк не может ввести вас в заблуждение: автор этого необычного проекта – Джон Вуд-отец. Правда, сам он умер через три месяца после того, как был заложен первый камень, и потому фактически строил площадь его сын.

Примечательно, что изначально Цирк назывался Королевским цирком, но эпитет «королевский» был со временем опущен, тогда как оригинальное название нынешнего Королевского Серпа было просто Серп.

Когда вы оказываетесь в центре площади, то невольно снова возвращаетесь мысленно к Палладио и Италии, потому что ощущаете себя стоящим в центре настоящего Колизея. Обратите внимание на дом под номером 17. Здесь с 1758 по 1774 жил и творил замечательный английский художник Томас Гейнсборо.

Ну вот, кажется, с Батом наше знакомство закончилось. Конечно, мы не всё увидели, не всю воду выпили и даже ни разу не упали в бассейн, но нам уже хотелось стремиться дальше, через поля жёлтой канюли и живые своды зелёных коридоров. Потому что впереди нас ждал не только новый город – Кардифф, но и новая страна – Уэльс!

Глава 16 – Первое знакомство с Уэльсом

О чём вы думаете, когда слышите слово «Уэльс»? Возможно, ни о чём. Возможно, вам на память приходит фамилия автора «Войны миров» и «Человека-невидимки» – Герберта Уэллса²⁶. Если вы относитесь к редкому для нас клану любителей регби, то из тех нескольких сборных, которые играют на мировом уровне, наверняка знаете валлийскую сборную. Если же вам ближе футбол, вы не можете не знать самого титулованного футболиста в истории Британии, теперь уже бывшего полузащитника манчестерского «Юнайтеда» Райана Гиггза. Любите смотреть голливудские фильмы? Хищный прищур больше похожей на индианку валлийки Кэтрин Зеты Джонс вам тоже не может не быть знаком.

Конечно, для среднего обывателя вряд ли имеет какое-то значение, откуда родом тот или иной известный уроженец Британских островов. Мы всех их называем англичанами. Как и нас, уроженцев ещё СССР, говорящих на русском языке, повсюду на Западе и Востоке кличут русскими, чем часто задевают самолюбие и того, кого так называют, и тех, кто это слышит и морщится, поскольку для нас, действительно русских, это в лучшем случае «россиянин». Вопрос на самом деле весьма тонкий и у нас в последнее время запуганный и заруганный. Однако же если вы будете разговаривать с незнакомым вам человеком по-английски и назовёте его «англичанином», имейте в виду: ваш собеседник не преминет поправить вас и сказать, что на самом деле он валлиец (или шотландец, или ирландец).

Кстати, почему жителей Уэльса мы должны называть валлийцами, а не, скажем, «уэльсцами», что было бы по сути вернее? Думаю, что в силу традиции и относительной редкости употребления этого названия вообще. В былые времена даже саму страну было принято именовать в нашей литературе Валлис. Сами валлийцы, имеющие свой собственный валлийский язык, считают, что живут в Кемри (*Cymru* или *Cymry*). Континентальные соседи-французы не знают Уэльса, а знают Страну Галлов (*Pays de Galles*).

²⁶ Здесь я имею в виду лишь созвучность фамилии, поскольку Уэллс был коренным лондонцем

Причина подобной неразберихи довольно банальна: если копнуть в историю, выяснится, что Уэльс никогда не был суверенным государством. Даже столица у него появилась лишь в... 1955 году, да и то с соизволения британской королевы, сын которой, не забудьте, считается Принцем не каким-нибудь, а именно Уэльским. До 1997 года Уэльс жил строго по законам, принимаемым парламентом Великобритании. Сейчас у него есть собственная Национальная ассамблея, которая имеет полномочия (относительно широкие) вносить в эти законы местные поправки.

Хотя велик соблазн увидеть в валлийцах наших далёких славянских братьев (я имею в виду бога Велеса, или Волеса, и его сынов), этимологически считается, что слова *Wales* (Уэльс) и *Welsh* (уэльский) восходят к германскому корню *Walh* (во множественном числе *Walha*), который означал «чужеземец», а в контексте того далёкого времени – «римлянизированный». Сегодня ту же основу мы можем встретить в названиях Валлония (франкоязычная часть Бельгии) или Валахия (область на юге Румынии). Как вы понимаете, для тогдашних англосаксов «римлянизированными» могли показаться отнюдь не только обитатели нынешнего Уэльса, а потому считается, что изначально валлийцами называли всех кельтских бриттов.

В пику этому сами валлийцы, напомним, называют свою страну Кемри от общebritтского слова “*combrogī*” – то есть «земляк». Они стали так делать, чтобы сблизиться с народами «Старого Севера», то бишь северными англичанами и южными шотландцами. Отсюда же пошло и латинское название Уэльса – Камбрия (*Cambria*), сегодня широко используемое в названиях местных газет, железных дорог и авиалиний. Правда, такой средневековый популяризатор Уэльса, как Гальфрид (Джеффри) Монмутский, написавший на латыни «Историю королей Британии», уводил эту этимологию к мифическому королю Камберу, сыну Брута, только не того, который стоял за убийством Цезаря, а потомку троянского Энея.

Как мы уже говорили, после ухода римлян в V веке нашей эры, нынешнюю территорию Уэльса стали занимать сразу несколько княжеств. Чтобы не превращать свою жизнь в постоянную распрю, князья договорились считать самого могущественного Королём Бриттов. Они совместно вели войны за независимость от Англии, однако противостояние англосаксам, а впоследствии – воинственным норманнам, значительно их ослабило. Последним независи-

мым правителем Уэльса считается Лливелин ап Грифид (*Llywelyn ap Gruffydd*), погибший при так до конца и не выясненных обстоятельствах в 1282 году. Рассказывают, что тогдашний король Эдвард I решил договориться с местными князьями и мирным путём добиться от них признания вассальской зависимости от Англии. Князь посовещался и выдвинули требование: они признают своим правителем только того, кто был рождён в Уэльсе и не знает английского языка. Эдвард подозрительно легко согласился. Когда же договор был скреплён подписями, он вынес к присутствующим своего сына, родившегося буквально накануне в соседнем замке Карнаван.

- Вот вам принц Уэльский, - торжественно возвестил Эдвард, - уроженец вашей страны, не знающий ни слова на английском!

Примечательно, что в те времена английская аристократия тоже не говорила по-английски, поскольку была почти полностью норманнской и предпочитала старофранцузский. Легенде, кстати, верить едва ли стоит – она появилась где-то в XVI веке.

С тех пор титул принца Уэльского стал неотъемлемой частью престолонаследия в Великобритании. Его получают не автоматически, по праву рождения или старшинства. Правящий монарх сам должен провести инвеституру, то есть возложить на голову будущего принца своеобразный венец. Причём единственной женщиной в истории, ставшей Принцессой Уэльской, была будущая королева Мария I, (больше известная обывателям по коктейлю «Кровавая Мэри»). Вообще же «принцессой Уэльской» нынче принято величать лишь жену Принца. С 1911 года, по инициативе тогдашнего премьер-министра Великобритании и по совместительству валлийца, Дэвида Ллойд Джорджа, инвеститура проводится в том самом замке Карнаван, где родился Эдвард II.

На протяжении всей своей многострадальной истории валлийцы, в отличие от нас, нынешних русских (которых, судя по последним изысканиям неизвестно-чему-учёных, вообще не существует как национальности), стремились и стремятся к сохранению именно национальных ценностей, национального самосознания и национального языка.

Кстати, о языке. По сути, существуют два валлийских языка: один – местный диалект английского, второй – собственно валлийский, называемый «кемраиг» или «э гемраиг». Он относится к бриттской группе кельтских языков. На слух, мягко говоря, странен

и похож на картавое шипение некоторых народов, населяющих произведения Толкиена. Из 3 миллионов населения Уэльса на нём говорит меньше миллиона, однако его можно услышать, если двинуться по пятам жюль-верновских детей капитана Гранта в аргентинскую Патагонию. Встретить людей, хорошо понимающих валлийский, можно даже в Лондоне, однако говорят на нём по большей части те, кто живёт в деревнях Уэльса. В таких крупных валлийских городах, как тот же Кардифф, он почти не используется.

По закону все указатели пишутся на двух языках – английском и валлийском. Включая названия городов и местечек, которые между собой разнятся, иногда очень кардинально. Например, столица Уэльса по-английски пишется *Cardiff*, а по-валлийски – *Caerdydd*.

Валлийские школьники обязаны изучать свой родной язык до 16 лет. Больше четверти из них ходят в школы, где преподавание ведется преимущественно на валлийском. Для остальных он оказывается вторым, после английского.

Полагаю, что для начала общих сведений об Уэльсе вполне достаточно. Давайте лучше посмотрим в окно и сообразим, где мы оказались.

Если вы после обеда в Солсбери не заснули, то наверняка слышали, как Вари объявила, что слева по курсу мы только что миновали Бристоль. Бристоль – это порт, который я помню ещё с дошкольного возраста, когда мне вслух читали «Остров Сокровищ», поскольку плавание героев началось именно оттуда. На самом деле с автостреды вы никакого порта не увидите – только скучные промышленные строения с подозрительными трубами.

Потом за окном возникнет широченное болото: сплошные наносы бурого песка с илом. Болото уходит до самого горизонта, до моря, и является устьем самой длинной в Великобритании реки – Северна, которая, собственно и отделяет Англию от Уэльса.

Как бы ни удивило вас зрелище грязного мелководья самой большой реки, ваше внимание сразу же переключается на вырастающую впереди ажурную белую конструкцию моста. Этот мост, кстати, называется не мостом, а Вторым Пересечением Северна (*Second Severn Crossing*). Именно он с 1996 года соединяет берега Англии и Уэльса. Выше по течению есть, как вы понимаете, ещё и Старое Пересечение, тоже мост, но он значительно меньше и в своё время перестал справляться с потоком транспорта.

Чтобы проехать по более чем 5 километрам нового моста, нужно заплатить таксу. Проезд такой же, как при пересечении границы или выезд на платную автостраду – через ряд ворот с будочками, где вас поджидают отъёмщики денег. Если вы за рулём легковушки, приготовьте 6 фунтов. Нашей же Кёрсти пришлось отдать 18. Если вы на мотоцикле, проезд для вас будет бесплатным. Но если вы на велосипеде или пешком – вас не пустят ни за какие деньги.

С моста Северн уже смотрится настоящей рекой. Её мелководье так же обманчиво, как и простота английского языка: во время приливов в устье, над которым мы сейчас проезжали, вода может подниматься на 18 метров. В длину же Северн имеет 354 километра. Считается, что его название происходит от кельтского слова “*sabrinna*”, значение которого непонятно. Народная этимология видит в нем имя некой нимфы Сабрины, которая якобы здесь когда-то утонула. По-валлийски Северн вообще называется *Hafren*.

Старым и Вторым пересечениями мосты через Северн не ограничиваются. Река эта также примечательна тем, что она стала первой в мире, через которую в 1779 году, в пору промышленной революции, был перекинут железный мост.

Когда вы оказываетесь на территории Уэльса, поначалу вы не замечаете каких-либо разительных перемен. Позднее, когда я пересматривал сделанные через лобовое стекло кадры фильма, мне бросилось в глаза, что здесь гораздо больше деревьев, за которыми не видно полей. Возможно, связано это с тем, что почвы Уэльса далеко не такие плодородные, как в Англии и потому здесь поля не возделывают и не засевают, а в лучшем случае отдают под корм скотине – валлийцы предпочитают животноводство.

Мы постояли на железнодорожном переезде, пропустили две быстроходные электрички и нырнули дальше в зелёные извилины узких асфальтовых дорожек. Движение хоть и было двусторонним, встречные машины предпочитали останавливаться и жаться в сторону, уступая нашему гордому автобусу дорогу.

Вари предупредила, что сначала нас ждёт праздничный ужин по случаю общего знакомства, а уже потом мы поедем располагаться в кардиффскую гостиницу. Погода стояла по-прежнему ясная и приветливая, есть после Солсбери ещё не хотелось, но куда все – туда и мы.

Харчевня в тот вечер называлась «Плимут Армс» и располагалась в белом старинном домике. Одна из табличек при входе сооб-

жала, что здесь разливают *cask beer*, то есть бочковое пиво (хотя обычно в Англии оно называется *draught*, иначе говоря, «разливное»). Вторая – о том, что она относится к разряду *Vintage Inns* (классических постоялых дворов). Для тех, кто решится двинуться по нашим стопам в буквальном смысле слова, добавлю, что находились мы в пригородах Кардиффа, в местечке Сент-Феганс.

Внутри вся обстановка оказалась деревянной, включая лестницу на второй этаж. Места уже были зарезервированы в относительно большой зале со стеклянными перегородками и разрозненными столиками. Мы с Алиной решили не спешить со всеми брататься, а потому выбрали столик на двоих. Меня, правда, сразу потянуло побродить по заведению в поисках возможности вымыть руки – врождённый рефлекс, даже если они идеально чистые (чего, конечно, никогда не бывает). По пути обратно я натолкнулся на моложавого негра с биркой *Will* (забыл сказать, что в автобусе нам еще в самом начале раздали бейджи, на которых мы все должны были написать наши имена и носить первые дни постоянно, чтобы дать остальным привыкнуть и запомнить, как нас зовут). Уилл налегал грудью на одинокого «однорукого бандита» и пытался что-то у него выиграть. Под песнопенья автомата мы завели дружескую беседу, поскольку, не будучи даже в малой степени игроком, а тем более «шпилевым», я почти четыре года был связан с отечественным игорным бизнесом вплоть до его официального запрещения и мог при желании собеседника эту тему поддерживать.

Надо было видеть приятное удивление на красивом лице моей жены, когда мы вернулись с Уиллом в зал чуть ли не в обнимку. Черный цвет чьей-нибудь кожи с детства меня, родившегося на окраине (тогдашней) Москвы по соседству с африканским общежитием, не пугал, однако в моей жизни было несколько случаев, которые дали мне понять, что негры «не такие, как мы». Тут же произошло то, что вы тоже, наверняка, не раз испытывали, когда встречали совершенно незнакомого вам человека и с первых же слов ощущали, что он вам если не дорог, то близок и совершенно понятен. Как говорится, «родственные души». Оказалось, что старина Уилл со своей белой и вполне интеллигентной женой Карэн сидит за соседним столиком в компании взрослого сына-фермера из Австралии и его матери. Сына звали Брюсом, он забавно тянул гласные и всё порывался рассказать что-нибудь интересное о своей далёкой родине.

Вари устроила нечто вроде переклички, выкрикивая фамилии и заставляя по одному представителю семейства вставать и что-нибудь коротко о себе рассказывать. Под холодное пиво, которое нам к тому времени уже принесли, это было совсем не обременительно.

Алина решила отведать местной рыбы. Причём ради интереса выбрала то блюдо, которое на Британских островах считается, скажем мягко, классическим. Просто если вы спросите любого англичанина, что такое типичная английская еда, он, не задумываясь, хмыкнет:

- *Fish and chips, mate!*²⁷

«Фиш энд чипс» – это и местный фастфуд, и ресторанное блюдо. Говорят, в Англии его знают и любят со времён королевы Виктории. Обычно в качестве рыбы используется треска, но часто её место может занять и камбала, и сайда (не путать с сайрой), и пикша. Гарантией вкуса и хорошего качества (если вы сейчас подумали о том фастфуде – которым травят нас) является тот факт, что в Англии (как и в Японии в случае с суси) в ход идёт рыба утреннего улова. Повар берёт муку, разрыхлитель и темный эль. Всё это перемешивает и получает нечто вроде блинного теста. Филе рыбы нарезают небольшими кусочками и, прежде чем макнуть в тесто, обсыпают кукурузным крахмалом. Потом её жарят в кипящем растительном масле на почти двухстах градусах до появления золотисто-коричневой корочки. Рыба при этом остаётся сочной и нежной.

К «фиш» подается «чипс». В Британии это вовсе не наши хрустящие кругляши, которыми злоупотребляют бездумные подростки, а потом удивляются, почему у них либо не получается родить ребёнка, либо не получается родить ребёнка здорового. Английские *chips* – это наша картошка фри. А вышеописанный рассадник ГМО²⁸ в Англии называется *crisps*. Чипсами же мы их называем на американский манер. А то, что в Англии *chips* – в Америке зовётся *French fries* (буквально, «французские жарйки»). Вот такая забавная чехарда.

Относительный консерватор в еде, я выбрал традиционный шматок свинины под яичницей-глазуньей, с горошком, тоже картошкой фри и слегка поджаренным ананасом.

²⁷ Рыба с картошкой, приятель!

²⁸ Генно-модифицированные организмы

Как говорили раньше в новостях о встречах на высшем уровне, «обед прошёл в тёплой и дружественной обстановке».

Причём по здешним реалиям то был именно «обед» (*dinner*), а не ужин (*supper*). В двух словах поясню свою мысль, обращаясь к тем, кто учил английский, но так и не усвоил разницы между «динами» и «сапами». Виной тому наши учителя, которые упорно переводили “*dinner*” как «обед». Дело тут вот в чём.

Утром мы все едим завтрак – *breakfast*, то есть нечто, что можно быстро (*fast*) разломить (*break*). Он может произойти и в 6, и в 7 часов утра, и позже. Потом большинство из нас (к счастью, не все) отправляется на работу. Там в районе часа или двух наступает время обеда. Для жителей города это может быть и торопливым перекусом, и вкушением полного обеда вплоть до десерта, но в любом случае такой обед будет называться «ланч» (почему-то принято это слово писать «ленч», но у меня рука не поднимается) – *lunch*. Если вы не успели позавтракать и чувствуете, что не дотягиваете до обеда, вы можете часов в 11 перекусить тем, что мы называем «второй завтрак», а англичане – *brunch* (*breakfast* + *lunch*). Придя с работы, то, что мы едим, называется “*dinner*” – то есть фактически «ужин». И всё, никакого “*supper*”. Если же вы относитесь к сельским жителями, которые живут размеренно и не перекусывают, а трапезничают, то завтрак у вас будет таким же, как и у всех, а вот ланча у нас не будет и в помине. Вместо него вы будете полноценно обедать, и это время тогда называется “*dinner*”. Вечером же у вас будет столь же полноценный ужин – “*supper*”. Вот и вся разница. Правда, и тут в английском не обойтись без исключений. Даже если вы сугубо городской житель, рождественской индейкой вы будете именно «обедать» за *Christmas dinner*, поскольку это будет среди дня. Никакого ланча, что вы! А если вечером вы с женой, с друзьями, одним словом, в компании идёте куда-нибудь в ресторан, пусть даже в деревне, это тоже будет всегда называться “*dinner*”.

По пути в гостиницу “*Park Inn*” нам объявили расписание на завтрашний день. Заодно мы поняли, какая роскошь входила в стоимость путёвок: нам не нужно было не то что думать о чемоданах, но даже трогать их. Мы просто должны были подойти к стойке, взять свои ключи и подниматься в номер – вещи нам доставят.

Как вы понимаете, после знакомства и братания мы въезжали в город Кардифф уже в ночи. Впечатлений за день накопилось много, так что на прогулку по тёмным незнакомым улицам ни у Алины, ни

у меня сил уже не было. Тем более что завтра утром нам обещали его показать при свете.

Глава 17 – Кардифф

Как мы с вами уже заметили, Кардифф – вовсе не Кардифф, а *Caerdydd*. Первая часть – *caer* – переводится с валлийского просто: «крепость» или «замок». Относительно же второй – *dydd* – единого мнения нет до сих пор. Одни утверждают, что это современное валлийское слово «день». Другие – что это видоизмененное слово *Taff* – название местной речушки. На которой и расположена главная здешняя достопримечательность – Кардиффский замок, куда мы на следующее утро и отправились первым делом.

Собственно, это могло бы стать нашим единственным делом, потому что с ночи зарядил проливной дождь. Утром все стекла в номере были в каплях, а по серой улице под грязно-белым небом отрешённо прокатывались, рассекая лужи, редкие машины.

Обильный завтрак несколько поднял нам настроение, поскольку, в отличие от нашей скромной лондонской гостиницы, здесь нас встретил полноценный шведский стол, где можно было выбрать разные виды горячего, фрукты, молочные радости, всякую выпечку, соки, чай и кофеи.

Когда мы покончили с утренними приготовлениями и собрались в холле с вещами (поскольку возвращаться в гостиницу особого смысла не имело: нам за сегодняшний день предстояло не только осмотреть Уэльс, но и переплыть в Ирландию), телевизор на стене показывал 8:18, а очень забавный сурдопереводчик с косичкой изображал последние новости.

Чтобы поднять наше дождливое настроение ещё больше, Вари дождалась, когда мы займём в автобусе свои новые места, и велела разучить коротенькую песенку, два куплета которой сводились к тому, что нас сегодня обязательно встретит солнце и снимет перед нами шляпу. Оба куплета заканчивались ликующим «гип-гип-гип ура!». Старички охотно пели, надеясь на лучшее, я же скептически подвывал, но мой оптимизм был скорее врождённым, нежели приобретённым благодаря английским заклинаниям.

Дождь не прекращался.

Пусть название этой книги не вводит вас в заблуждение. Конечно, «Солнечный Альбион» – это не рекламный ход, а моё лич-

ное отношение к Британским островам, однако не стоит понимать его буквально и отправляться в путешествие сюда в одной лёгкой рубашке и без зонта.

Кстати, «туманным» Альбион²⁹ стал по двум причинам. Прежде всего, далеко не всегда Ла-Манш был сухопутным перешейком (а, судя по всему, даже в не очень далёкую историю он именно таковым и был, о чем свидетельствуют летописи, в которых рассказывается, что из северной Африки мореплаватели попадали в район нынешней Прибалтики, «обогнув» Англию, что было бы просто глупо, если бы Ла-Манш был на месте). То есть до Альбиона всегда нужно было плыть, и он открывался глазам непрошенных гостей неясным туманным берегом на горизонте.

Во-вторых, долгое время Британия была промышленной державой, не слишком заботящейся об экологии. В своё время я купил на Черинг-Кросс-роуд замечательный фолиант *“Britain then & now”* («Британия тогда и теперь»), полный фотографий вековой давности и современных, причём не просто одних и тех же мест, но и с одного и того же ракурса. Тот же Лондон с застроенными сараями и заводами набережными Темзы являет собой отталкивающее зрелище. Всюду грязь, копоть... и дымы. Становится очевидным, что под «туманом» в конце позапрошлого и начале прошлого века понимался банальный смог.

Тем более это относится к Кардиффу, который и городом-то, по сути, стал – в 1905 году – лишь благодаря бурному росту промышленности и своей роли в нём как главного порта для транспортировки угля из Уэльса. Историки Кардиффа гордятся, в частности, тем, что здесь в 1907 году произошла первая в мире сделка на сумму в 1 миллион фунтов стерлингов. Разумеется, продавали и покупали при этом уголь. Для этого тут с 1886 года существовала специальная «Угольная биржа».

Поскольку гостиница наша находилась в центре города, на поездку до кардиффского замка ушло всего несколько минут. Нас высадили среди луж на Замковой улице (*Castle Street*), и мы вприпрыжку побежали следом за Вари внутрь высоченных каменных стен, предчувствуя скорое знакомство с местным насморком. Оказалось, что всё не так уж плохо, потому что, стоило нам всем со-

²⁹ Несмотря на то, что в той же Википедии слово Альбион называют кельтским по происхождению, есть версия, по которой оно связано с итальянским городком в юго-восточных пригородах Рима – Альба Лонга. Примечательно, что именно из венценосного семейства Альба Лонга происходили основатели Рима, Ромул и Рем.

браться во дворике, как поджидавший нас в длинном плаще гид скомандовал «Пошли!», и мы поднялись по лестнице на галерею, где был ветер, но не было дождя, а внутреннее пространство замка было как на ладони.

Красными пятнами в глаза бросились железные драконы, стоящие внизу на зелёных постаментах и встречающие посетителей.

У красного дракона, национального символа, запечатлённого на флаге Уэльса, долгая история. На валлийском он называется *Y Ddraig Goch*, что произносится примерно как «э драиг гох». Рассказ о красном драконе впервые можно встретить в «Мабиногионе» («Историях для юношества») – средневековом валлийском сборнике из одиннадцати (интересно, почему снова 11?) прозаических историй. В двух словах суть тогдашних событий сводится к следующему.

Сражались над Британскими островами два дракона – красный и белый. И так они при этом кричали, что женщины не могли родить, скот от страха умирал, а урожай на полях не рос. И решил тогда



король Британии Люд (*Lhudd*) посоветоваться со своим братом Лефелисом (*Llefelys*), который жил во Франции, мол, что делать. Французский брат посоветовал ему весьма простой способ избавиться от обеих рептилий разом.

- Вырой посреди своей Британии яму побольше, наполни её медовухой (*mead*) и накрой каким-нибудь покрывалом.

Люд так и сделал. Драконы прилетели, напились медовухи и заснули, запутавшись в покрывале. Люд их там и похоронил заживо. Получился холм Динас Эмрис (что на валлийском означает

«крепость Амброзия»), который и сегодня можно увидеть в валлийском национальном парке, носящем замечательно-певучее название – Сноудония.

Как водится в правильных сказках, история драконов этим не закончилась, а только началась. Они пролежали под землёй не один век, пока король Вортигерн ни вознамерился построить на том холме замок. Но не успевали строители возвести стены, как замок сотрясали неведомые силы, и всё рушилось (вот бы нашим градоначальникам туда: вечная стройка, вечная прибыль!). У Вортигерна брата во Франции не было, поэтому ему пришлось проконсультроваться с собственным советником, а тот возьми да и скажи, мол, надо бы принести в жертву мальчика, у которого нет и никогда не было отца. Такого мальчика в конце концов нашли. Некоторые сказители предполагают, что им оказался сам Мерлин, величайший из волшебников (ведь это он построил Стоунхендж, а не ребята из 1958 года). Услышав, что его собираются лишить жизни из-за того, что стены возводимого замка постоянно рушатся, мальчик возмутился, и объяснил королю, что на самом деле причиной неурядицы являются похороненные под холмом драконы. Вортигерн, разумеется, ему верит и откапывает спящих фанатов Спартака. Бой рептилий продолжается, но в итоге красный побеждает белого. Мальчик же объясняет королю, что белый дракон символизировал саксов, а красный – народ Вортигерна. Если предположить, что происходил этот разговор в V веке, то тогда получается, что под «народом Вортигерна» понимаются британцы, которые не дали себя завоевать саксам и в итоге стали валлийцами.

Помните, мы уже упоминали выше Джеффри Монмутского, что написал на латыни «Историю королей Британии»? Так вот, по его версии красный дракон – это пророчество о появлении короля Артура. Ведь отца Артура по легенде звали Пендрагоном, что Джеффри переводит как «голова дракона».

Спартаковские цвета в истории Британии памятливы нам еще по знаменитой войне алой (по сути, красной) и белой розы – между семействами Ланкастеров и Йорков. Как вы помните, конец распре положил представитель другого семейства – Тюдоровы, сторонники Ланкастеров – по имени Генрих. Кстати, мне всегда почему-то представлялось, что Тюдоры – фамилия французская. Оказывается, нет. Прадедом Генриха был валлиец – Тудур ап Горонви. Правнук оказался человеком решительным и храбрым. В результате он, Ген-

рих Тюдор, победил короля Ричарда III и женился на дочери Эдварда IV Елизавете Йоркской, став Генрихом VII, после чего Тюдоры правили Англией и Уэльсом на протяжении 117 лет.

К чему я об этом заговорил? А к тому, что на Босвортское поле, где и произошла в 1485 году судьбоносная битва между английским Ричардом III и Генрихом Тюдором, последний пришёл под знаменем с красным драконом на бело-зелёном поле, символизовавшем цвета Тюдоров.

Бело-зелёные цвета доминировали и сегодня – зелёный луг внутри замка и белое дождливое небо – над нашими головами.



Официальная история окружавшего нас замка ведётся от царя-гороха, то есть с III века н.э., когда здесь была римская крепостишка. Ну, мы-то с вами понимаем, что таким образом можно удлинить «жизнь» любой постройки, будь то на территории Италии или Британии. Как будто до римлян ничего не было, но уж они-то были точно. Так вот, следующее упоминание о строительстве на этом месте перескакивает сразу в XI столетие и опять же по традиции связывается с именем Вильгельма Завоевателя. Он ведь в Англию вторгся? Вторгся. Ну, значит, мог и распорядиться насчёт постройки в Кардиффе крепости. Тем более что, действительно, в после-

дующие средние века крепость на этом месте фигурировала. Правда, сменявшие друг друга хозяева её активно перестраивали, так что дожившие до наших дней каменные сооружения имеют смутную датировку, вероятно не позднее XVI века.

Невольный символ легендарного прошлого и непритязательно-го настоящего я увидел в стареньких пушках прошлого столетия и явно недавно сколоченной деревянной катапульте, призванной напоминать о седой старине.

Чтобы вы могли представить себе, что такое Кардиффский замок изнутри, скажу просто: вы стоите в галерее каменной стены, идущей по всему периметру; внутри, как я уже упоминал, довольно просторный двор – зелёная лужайка; у дальнего её края располагается высокий насыпной холм, а на нём стоит полуразрушенная башня, которая в английской традиции называется “*shell keep*”, а в нашей традиции – французским словом «донжон», иначе говоря, крепость внутри крепости; сам же замок выстроился вдоль западной стены и внешне напоминает нагромождение башен и башенок разных эпох и стилей. Сюда, собственно, нас и повёл наш гид, снявший с головы промокший капюшон и оказавшийся отроком немногим старше двадцати лет.



Старый донжон на территории Кардиффского замка.

Рогатые и крылатые горгульи на стенах галереи исправно играли роль водосточных труб, выплёвывая из пастей потоки бесконечных дождевых капель. Бойницы по другую сторону галереи были плотно закрыты свежеекрашенными ставнями, однако, несмотря на это, поддувало отовсюду крепко.

Чехарда с хозяевами закончилась для замка лишь к середине XVIII века, когда его владельцем стал маркиз Бьютский по имени Джон Стюарт. В последующие годы его семейство сделалось весьма небедным, благодаря росту угольной промышленности, о чём я уже упоминал выше. Правнук первого маркиза, третий маркиз Бьютский, тоже Джон Стюарт, решил вложить деньги в полную перестройку замка и нанял для этих целей архитектора и дизайнера Уильяма Бёрджеса, «эксцентричного гения», как называли его современники. Про готику мы с вами говорили в связи с собором в Солсбери; так вот, замок в Кардиффе относится к стилю «готического возрождения», который Бёрджес именно в этом своём творении довёл до квинтэссенции. Стены и ворота были перестроены в духе древнеримских, территория облагорожена, а уж что касается внутреннего убранства зал, то, на мой взгляд, правильнее было бы говорить сегодня вообще не о замке, а о дворце, настолько они впечатляют. Постепенно строительные работы вышли за пределы и замковых стен, и XIX столетия. Увы, к началу второй мировой войны всё, кроме замка, было либо распродано, либо национализировано – золотой век угля миновал. После смерти последнего маркиза в 1947 году замок отошёл в ведение города. Теперь он – просто туристическая достопримечательность.

Через открытую галерею мы прошли в полутёмный коридор и двинулись за нашим гидом из комнаты в комнату. А надо сказать, что каждая из них посвящена здесь какой-нибудь отдельной теме. Мне хорошо запомнилась комната, посвященная тому, что, как уже доказывает даже официальная наука, не существует – Времени: символы Утра, Полудня, Вечера и Ночи расположены по углам; в ярких витражах – дни недели; свет через боковые окошки падает таким образом, что комната превращается в живые часы. Когда я впоследствии просматривал сделанные там видеозаписи, то обратил внимание, что на одной из стен сидят в медальонах два остроухих филина. Пока давайте просто этот образ запомним, а потом

как-нибудь к нему вернёмся. Находится это комната в башне, которая так и называется – Часовая.

В детской все стены испещрены сценками из разных сказок. В одном месте я даже заметил идущего с ружьём наперевес Робинзона в меховой шапке, а за ним – Пятницу с самодельным зонтиком. Нашему гиду больше всего нравился рисунок в углу, где хвостатая птица сидела на ветках двух растущих рядом деревьев и вместе с листвой могла издали напомнить лик какого-то лесного бога. Я высказал предположение, что это предтеча толкиенского бога леса из «Властелина Колец», с чем сей восторженный юноша охотно согласился.

После детской вы оказываетесь в просторном Банкетном зале. Своды высоченного потолка напоминают деревянные рёбра громадного корабля. Круглые канделябры с геральдикой. Стены в росписях под Средневековье. Верх большого камина представляет собой белый макет замка с рыцарем и дамой его сердца. Если у вас намечается свадьба или юбилей, вы можете эту залу арендовать. Стоимость – 500 фунтов в час; минимум – 3 часа. Только за постой, разумеется. Еда и всё остальное оплачиваются дополнительно. Зато какие потом будут воспоминания!

По понятным причинам мне весьма понравилась замковая библиотека, расположенная прямо под Банкетным залом. Она тоже отапливалась камином, украшенным резными статуэтками, символизирующими древние знаки греческого, ассирийского, еврейского и египетского письма. Если же вы хотели не просто взять тут книгу, но и посидеть почитать, в вашем распоряжении оказывался массивный стол, прямо внутрь которого богатые маркизы провели отопление. По словам гида, стол в то время обошёлся семейству в пресловутые 500 фунтов с той лишь разницей, что в середине XIX века на 900 фунтов можно было построить целую школу.

Пока мы ходили по замку, дождь благополучно закончился, так что время до отъезда мы смогли посвятить приятной прогулке по территории. Поначалу нас вразвалочку сопровождала не желавшая взлетать чайка. Осмотр замка был бы неполным, если бы мы не заглянули в одиноко стоящий донжон. Я так и не понял, для каких нужд служит странное сооружение при лестнице, больше похожее на круглый выход вентиляционной шахты, но сложенное из тех же древних камней, что и сам донжон.

Внутри донжон – просто пустой полуразрушенный колодец размером с волейбольную площадку, только круглую. Вдоль одной из поросших вьюнком стен можно подняться по узким каменным ступеням, а потом протиснуться по витой лесенке ещё выше, на верхний ярус надстроенной башенки с хлопающим на ветру валлийским флагом-драконом.

Отсюда открывается панорамный вид на весь Кардифф и становится понятным, что город совершенно современный. Так фоном замку служит белое гнездо недавно построенного стадиона «Миллениум», вмещающего 72 000 зрителей.



Только уже подходя к подкатившему за нами автобусу, я с интересом заметил и сфотографировал несколько каменных животных, которые облюбовали невысокую стену наружи: собаки, пумы и львы словно замерли, не то перебираясь через неё, не то охраняя.

«Стена животных» была придумана Уильямом Бёрджесом, однако воплощена лишь через 9 лет после его смерти, в 1890 году. Первые 9 животных – гиену, волка, обезьян, тюленя, медведя, львицу, рысь и двух разных львов – разрабатывал скульптор Томас Николлс. В 1922 году при расширении проезжей части

стену передвинули на 50 метров в сторону, а в 1931 году Александр Каррик добавил ещё 6 зверей – пеликана, муравьеда, енота, леопарда, бобра и грифа. Вот такой валлийский зоопарк. На сей раз от слова “*wall*” – «стена».

Глава 18 – В которой мы гуляем по городку Пембрук, учим валлийский, садимся на паром и отправляемся к берегам Ирландии

Вероятно, древние боги Уэльса поняли, что достаточно попугали нас дождём, и решили смириться. Когда мы покидали Кардифф, ливень снова был такой, что дворники на лобовом стекле автобуса не успевали справляться с потоками небесной воды, но стоило нам затеряться среди полей, как мы все сразу же вспомнили утреннюю песню: вышло солнце.

Намётанный глаз то и дело выхватывал слева и справа печальные руины покинутых средневековых твердынь. Увы, в сегодняшнем мире всё стоит денег. И если на содержание того или иного замка у хозяев их не хватает, крайним оказывается замок. Помнится, в этой поездке я как-то вечером посмотрел документальный фильм о том, как один предприимчивый и влюблённый в старину англичанин решил своими руками и на свои средства восстановить один из таких каменных огрызков. Особенно подкупало само место: на одиноком мысу, вдававшемся в живописное озеро. Съёмочная группа посетила мастера перед началом работ, потом несколько раз на протяжении тех полутора лет, пока он на пару с женой и братом корячился с деревянными полами и дверьми, и, наконец, в финале, когда он, продав всю свою былую недвижимость, переселился в замок окончательно, однако был вынужден ютиться на первом этаже, в то время как на втором, по-прежнему лишённом потолка, властвовала стихия. Вероятно, повезло лишь тем замкам, в которых сподобились родиться короли – их государство рано или поздно берёт под своё крыло.

У нас на пути до парома в Ирландию было запланировано посещение ещё одного валлийского городка – Пембрука. Честно говоря, что нас там ждёт, я толком не представлял, и был готов с открытым сердцем наслаждаться возвращению хорошей погоды в любом более или менее населённом пункте Британии. Потому что во всяком путешествии есть вещи, которые нельзя не посмотреть и встречи с которыми ждёшь заранее, а есть те, что даются нам в довесок, и оттого их открытие сродни нечаянной радости.

Такой радостью стал и Пембрук: маленький, уютный, разноцветный и запоминающийся.

Вообще Пембруков в Уэльсе два и разделяет их всего несколько километров: Пембрук с замком и Пембрук с портом, точнее, с доками. Второй, собственно, так и называется – *Pembroke Dock*. Из него нам сегодня предстояло отправиться в плавание через Ирландское море в... разумеется, Ирландию.

По-валлийски Пембрук пишется *Penfro*, а читается вообще «Пенвроо». При этом, если вы помните легенду про красного дракона и отца короля Артура – Пендрагона, то “*pen*” означает «голова» или «конец», а “*bro*” – «земля» или «страна». Таким образом, въехав в Пембрук, мы невольно оказались на «краю земли».

Первое, что встречает вас при въезде в город (а потом провожает) – высокая скала, на которой громоздится Пембрукский замок. Ему не просто повезло: в нём родился сам Генрих VII, о деятельности которого мы недавно вспоминали в связи с Тюдорами. Позже здесь обосновались рыцари св. Иоанна, больше известные по романам и фильмам как госпитальеры или рыцари мальтийского ордена.

А теперь самое время ввести в повествование ещё одного исторического персонажа – лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии Оливера Кромвеля. Не знаю, как вы, а я впервые столкнулся с ним на страницах романа «Двадцать лет спустя» Дюма-отца (или, если судить по его скучности в сравнении с блистательными «Тремя мушкетёрами», то одного из «литературных негров» предприимчивого и псевдо-плодовитого француза), когда мушкетёрам не удалось спасти Карла I английского, так и не соизволившего поделиться своими королевскими полномочиями со сторонниками парламентской власти.

Если вы забыли, то Кромвель в советское время считался фигурой чуть ли не великой, поскольку марксисты-ленинисты видели в нём борца с ужасным царизмом, а заварившуюся в середине XVIII кашу называли не иначе как Английской буржуазной революцией. Британцы в этом смысле не столь пафосны: для них это просто Гражданская война, разделившаяся на несколько этапов и затронувшая не только Англию, но и, как видно из титула мятежного Оливера, Шотландию и Ирландию, где Кромвеля до сих пор ненавидят и считают английским извергом.

Почему я вспомнил о нём в Пембруке? Потому что, выйдя из автобуса, мы оказались почти на том самом месте, где почти за 400

лет до нас стояли набравшие силу войска повстанцев и лупили из пушек по укреплениям роялистов. Примечательно, что, начиная с нашего ужина в Сент-Фегансе, мы, оказывается, буквально следовали по пятам Кромвеля, который без особого труда прошёл через Кардифф, Суонси и Тенби, но застрял под Пембруком.

Пембрукский замок и сегодня производит внушительное впечатление. Над его угловыми башнями реют валлийский и британский флаги. С трёх сторон стены омывает довольно широкая река, а под четвёртой в то далёкое время был вырыт глубокий ров.



Вид на Пембрукский замок с моста через реку Кледдау.

Кромвель протоптался перед укреплениями битый месяц. Не помогли даже пушки, которые сперва транспортировали из Бристоля по морю. Случилось то, что случилось с корейцами, решившими завоевать Японию: и тем и другим помешала высадиться непогода. Японцы назвали тот спасительный ветер грузинским словом Камикадзе, а валлийцы – никак.

Наконец, когда пушки были доставлены, выяснилось, что при пятиметровой толщине замковых стен им тут тоже делать особо нечего. Как водится в подобных случаях, штурмующим помогла хитрость: кто-то научил их, как можно перекрыть трубу, по которой в замок поступала питьевая вода. Защитникам пришлось сдать-

ся. На радостях Кромвель взорвал городские стены, барбакан³⁰ и замковые башни. В прошлом веке почти всё удалось восстановить, а Кромвеля, как все мы знаем, уже после смерти вытащили из могилы, повесили и четвертовали как изменника Англии.

Сегодня в Пембруке живёт чуть больше 7 000 человек. Хорошошему весь город состоит из одной улицы, которая так и называется – Главная (*Main Street*). Сам замок в тот день был закрыт, поэтому мы получили в распоряжение порядка часа, чтобы побродить по округе, погреться на солнышке и при желании перекусить перед трёх- или четырёхчасовым плаванием в Ирландию.

Между замком и рекой извивается узенькая тропинка с удобными лавочками. Можно посидеть, посмотреть на бурюю воду, схожую с водой Нила, и полюбоваться похожими на нас своей независимостью белыми лебедями. На другом берегу, возле руин каменного сарая, вероятно, свидетеля кромвелевской осады, мирно паслись лошади. Основание замка – неприступные скалы, поросшие всевозможной травой и вьюнками. Трава постепенно завоёвывает и сами стены, в которых даже сейчас видны редкие пробоины. Среди травы попадаются букетики жёлтых цветов и странные розоватые грибы.

Завтрак оказался достаточно плотным, чтобы мы проигнорировали немногочисленные кафешки на Главной-стрит и просто прошлись, заглядывая в магазинчики и лавчонки. Солнце приятно припекало, и хотелось увести с собой из Уэльса что-нибудь памятное, кроме фотографий. Мне Мейн-стрит отдалённо напомнила Невский проспект в миниатюре. Только если сузить его до ширины тротуара, уменьшить дома до двух этажей и ярко-ярко раскрасить фасады во все возможные цвета. Почти не придётся переделывать только одно архитектурное сооружение – похожую на красную пастилу башенку с часами, которая, собственно, и вызвала во мне ассоциацию с Невским в районе Гостиного Двора.

Одним из сувениров, которые стоит купить в Уэльсе, является ложка. Не простая, разумеется, а так называемая «ложка любви». Продаются они здесь повсюду и имеют любой размер и форму. Внешне это даже не ложка, а деревянный черпачок, обычно в виде сердца, рукоятка которого может поведать целую историю. Присмотревшись, вы узнаете в резных фигурках, составляющих её, и то

³⁰ Барбакан – укрепление ворот. Примером может служить Кутафья башня Московского Кремля

же сердце, и кельтский крест в круге, и подкову, и колесо, и колокольчики, и якорь, и даже дверной замок.

Традиция вырезать подобные ложки пошла здесь с XVII века. Уже тогда подобными произведениями не пользовались по назначению, а дарили друг другу и украшали стены. Ухажеры дарили ложки своим пассиям. Причём не покупные, а сделанные собственными руками, чтобы отец возлюбленной мог оценить по достоинству мастерство будущего тестя. Ложки вырезали во время своих долгих плаваний моряки, вот откуда в символах появились якоря. Кстати, о символах. Подкова, как вы догадываетесь, означает удачу. Крест – веру. Колокольчики – свадьбу. Колесо поддерживает того, кого мы любим. Замок обеспечивает безопасность. Все более сложные фигуры резьбы нужны главным образом для того, чтобы подчеркнуть мастерство резчика.

Сегодня «ложки любви» делаются всевозможных размеров, от чайных до метровых, и дарятся в Уэльсе почти по любому поводу: на свадьбу, на день рождения, на рождество и просто так. Мы с Алиной подарили себе простенькую ложку со сдвоенным сердцем и кельтским крестом. Понравилась она мне тем, что имела необычный чёрный цвет. Когда же я уточнил у продавщицы причину этого отличия от большинства ей подобных, она гордо пояснила, что эта ложка сделана из местного угля. История замкнулась.

В другом магазинчике я приобрёл несколько забавных книжек по валлийскому языку. В предисловии к одной говорилось, в частности, что валлийский язык сформировался как таковой ко второй половине VI века, а потому может считаться самым древним из всех языков, на которых ныне говорят в Британии.

Вы поняли смысл этой фразы?

Каких-то 1400 лет – и уже самый древний!

Так и хочется в этой связи вспомнить про этрусский язык, о котором ныне говорят, что его «генетическое происхождение не установлено», что это язык-изолянт, а потому «не имеет признанных наукой родственников». По Европе долгое время ходила присказка «этрусское не читается». Бедная наука! Она не может до сих пор найти в себе силы признать, что «родственники» этрусского языка живы и поныне и что этрусское письмо замечательно просто читается, если читать его... по-русски. Увы, идиотизмов вроде этого, в науке (точнее, в «науке») по-прежнему хватает. До сих пор если кто и знает Кирилла с Мефодием, то исключительно как «создателей»

древнерусского языка, хотя они лишь урезали задолго до них существовавшую азбуку и подогнали её под более понятную им греческую, а «норманнскую теорию» происхождения русской государственности, которая по ряду очевидных фактов не выдерживает никакой критики, продолжают держать в наших головах за истинную.

Вернёмся к «древнейшему» валлийскому языку. Ради интереса я тут составил небольшой список фраз, которые могут понадобиться вам при путешествии по этой милой стране. Итак:

Да – *Аду*

Нет – *Нэг*

Пожалуйста – *Ос гвэлух ан саа*

Спасибо – *Диолх*

Извините (перед тем, как что-то сделать) – *Эсгисо дух ви*

Извините (за то, что так получилось) – *Маен сруг да ви*

Очень хорошо – *Да ёун*

Я не говорю по-валлийски – *Дви сим ан шарад камрайг*

Привет – *Шуд май*

Пока – *Поб хуй* (ой, извините, это не то, что вы могли подумать!)

До свиданья (вот, лучше используйте это для прощанья) – *Да бох хи*

Доброе утро – *Боре да*

Добрый вечер – *Нос вайс са*

Спокойной ночи – *Нос да*

Как дела – *Шуд их хи*

Меня зовут... – *Ву эн у ю...*

И немножко посчитаем:

0 – *дим*

1 – *ин*

2 – *дай* (для м. рода), *дуи* (для ж. рода)

3 – *три* (для м. рода), *тайр* (для ж. рода)

4 – *педвар* (для м. рода), *педайр* (для ж. рода)

5 – *тимп*

6 – *хвех*

7 – *сайс*

8 – *уис*

- 9 – *нау*
- 10 – *дейг*
- 11 – *ин дейг ин*
- 12 – *ин дейг дай* (или *дуи*) и т.п.

Причём если валлиец говорит о показаниях часов или о возрасте, то названия числительных несколько изменяются в произношении. Так что предлагаю не залезать в дебри, а ограничиться пока этим.

Тем более что автобус уже подали, и нам нужно отправляться дальше – в порт. Точнее, в доки, те самые, что тоже носят название Пембрук, но Пембруком не являются. Между ними и нами всего каких-то три мили (постепенно мы начинаем привыкать к этим мерам расстояний). Как оказалось по приезду, это просто место, откуда с завидной регулярностью отходят в Ирландию паромы, на бело-зелёных бортах которых так и написано: *Irish Ferry*.

С Уэльсом мы прощались, но не расставались, поскольку обратный путь в Англию и Шотландию снова должен был лежать через него, правда, гораздо севернее. Но об этом – в своё время. Пока же мы припарковались на площадке и наблюдали из окон, как местные служащие отсортировывают легковые машины по одним имвнятым критериям. Задача, как вы понимаете, у них состояла в том, чтобы распределить разнокалиберные транспортные средства равномерно по палубе и не позволить парому перевернуться. Конечно, это всё довольно условно, поскольку паром стоял прямо у нас за спиной и производил впечатление непотопляемого сундука размером с парочку Больших театров.

Наконец, настал наш черёд, и мы не спеша взобрались по навесному мосту и въехали в гостеприимный зад парома, где все опередившие нас автомобили и автобусы буквально растворились – настолько изнутри пространство оказалось ещё просторнее, нежели снаружи.

Для тех, кому ещё не доводилось путешествовать на европейских паромах, поясню, что это самый обычный корабль с несколькими палубами. В зависимости от расстояния, на которое ходит паром, он может быть оборудован только сидячими местами, а может и каютами разного уровня цен и удобства. Если будет время и желание, рекомендую проехаться на пароме от Хельсинки до Стокгольма: восемь палуб обычно ничто не может даже пошатнуть, по-

этому никакая морская болезнь вам не грозит, а утром, когда проснётесь, оденьтесь потеплей и поспешите на улицу – вас ждёт вос-торг от наблюдения за проплывающими мимо фьордами.

Наш паром был средним, без кают, с тремя палубами. Сперва мы все поднялись гуськом на уровень ресторана и разбрелись, кто куда, чтобы потом снова весело столкнуться на открытой палубе. Смотреть хотелось не столько на довольно заурадный берег, сколько на потрясающей выразительности облака, не предрекавшие дожда, однако то и дело обдававшие нас небесной росой. Впереди лежало Ирландское море. Если вы посмотрите на подробную карту, то увидите, что на самом деле Ирландское море остаётся чуть севернее, а нас сначала встретили воды моря Кельтского, а потом – пролив св. Георга.

Пройдясь по всем палубам, внутренним и открытым, мы с Алиной так и не нашли подходящего места, чтобы залечь до прибытия. Когда на улице через несколько минут после отплытия неизвестно откуда начался форменный ливень, мы решили не искушать судьбу и первым делом заглянули в ресторан. «Ресторан» сказано громко. На самом деле это было чистенькое кафе-самообслуживание. Я положил глаз на здоровенный кусок пышного пирога и большой стакан американского кофе с молоком, а Алина решила побаловать себя смесью из разных салатов. Пока её обслуживали из-за стеклянного прилавка расторопные пареньки, я с интересом прислушивался к их разговорам и, когда мы подошли с подносами к кассе, уже на чистом русском обратился к кассирше и спросил, где найти сахар. Как показал мне этот опыт, а потом и обратный путь, обслуживающий персонал даже в такой далёкой от нас стране, как Ирландия, сплошь состоит из наших бывших соотечественников: украинцев, белорусов и прибалтов. Я, разумеется, не уточнял, но подозреваю, что на их зарплатах местные компании неплохо экономят.

Подкрепившись и оставив жену дремать на уютном диване, я вооружился видеокамерой и отправился на «охоту». Меня ещё до начала поездки посетила идея снять коротенький ролик об акцентах английского языка. И тем самым не только получить занятный материал для моих учеников, но и косвенно подтвердить мысль о том, что при всей универсальности правил, английских языков ровно столько, сколько его носителей. Поэтому никогда не нужно ком-

плексовать и стесняться говорить, боясь произвести на слушателей плохое впечатление своим акцентом.

Ход я придумал очень простой: взял из английского путеводителя вступительный абзац из трех-четырёх нейтральных предложений (чтобы никому из неангличан, скажем, ирландцам или шотландцам, не было обидно), распечатал на отдельном листе покрупнее и стал предлагать некоторым из наших попутчиков прочитать его вслух на камеру. Интересно, что ни один из тех, к кому я, пользуясь вынужденным бездействием на пароме, подходил, мне не отказал. Все с интересом уточняли мою цель, расспрашивали о том, каково это преподавать английский в России, надевали очки и, кто гладко, кто с запинками, озвучивали текст. Результат вы можете увидеть на *Youtube*, если наберёте в поисковой строке название ролика "*Accents of English – Английские акценты*". Все последующие дни мои «дикторы» интересовались, спрашивая, сколько акцентов мне удалось собрать. Забегая вперёд, скажу, что в итоге я предлагаю послушать 10 наиболее непохожих друг на друга персонажей, среди которых и разные американские говоры, и канадский, и два австралийских, и ирландский, и шотландский, и английский (ливерпульский).

Мы снова разговорились с моим вчерашним приятелем Уиллом. Как человек бесхитростный, я совершенно спокойно стал расспрашивать его о конфликте негров и белых в Америке.

- Почему, как ты думаешь, само слово «негр» стало у вас в Штатах таким табу? Почему считается политкорректным говорить «чёрный» или «афро-американец» в обращении к вам белых, тогда как в тех же голливудских фильмах часто показывают, как черные преспокойно называют друг друга даже не просто «неграми», а «ниггерами», и никто не обижается.

- Ты правильно заметил, - ответил Уилл, хитро улыбаясь. – Что позволено Зевсу, не позволено быку. Мы с Карэн сейчас на пенсии, но совсем недавно были учителями в начальной школе. Я помню одного белого паренька, который постоянно вился хвостом за чёрными ребятами, хотел с ними дружить и, в частности, играть в баскетбол. Как-то я стал свидетелем их игры на площадке. Белый паренёк играл с огоньком, его приняли в команду, и он так увлёкся, что стал подражать остальным и выкрикивать типа «Эй, ниггер, пасуй мне!». В итоге его чуть не поколотили, а он не столько испугался, сколько удивился, потому что между остальными ребятами

эти «ниггеры» были в порядке вещей. Не знаю. Я думаю, что когда мы называем друг друга таким образом, мы не без горечи осознаём своё братство и то, что нас объединяет не слишком приятная история, когда с нашими предками обращались как с рабами.

- Но вот ты лично, Уилл, как бы отнёсся к тому, если бы услышал разговор двух людей, которые говорили бы между собой не о «чёрных», а о «неграх».

- Разница между мной и другими чёрными, вероятно, в том, что я получил неплохое образование и понимаю, откуда что берётся. Слово «негр» произошло от латинского «чёрный». Ну и какая разница? В мое время в школе учили, что люди на земле делятся на расы, среди которых есть и «монголоиды», и «европеиды», и «негроиды». И ничего страшного. Всё нынешние проблемы в этом смысле, на мой взгляд, от нехватки образования.

Слушавшая этот не совсем ожидаемый разговор Карэн откровенно умилялась и под конец запечатлела наше дружеское рукопожатие на фотоаппарат. Всё никак не спишусь с ней, чтобы напомнить о себе и попросить этот снимок на память.

Плавание навстречу Ирландии между тем продолжалось.



Суровое Ирландское море.

Глава 19 – Ирландия: первое знакомство, ночёвка и посещение хрустального заводика

*Ах, Ирландия... эта проклятая восхитительная
страна, в которой всё правильное
противоположно тому, как оно должно быть.*

Бенджамин Дизраэли³¹

Почему-то мне кажется, что если мы с вами снова сыграем в ассоциации, и я вас спрошу, с чем вы ассоциируете Ирландию, многие, не задумываясь, ответят, что с зелёным цветом. То ли в этом повинна треть ирландского флага, то ли зелёный трилистник, как неофициальный символ страны, то ли привычка ирландцев одеваться в зелёное на свои громкие праздники вроде Дня св. Патрика, не знаю, но только Ирландию так и хочется иногда назвать Гренландией (на самом деле правильно было бы писать «Гринландия», поскольку английское написание покрытого льдами острова — *Greenland*, т.е. «зелёная земля»³²).

Впервые, как водится в цивилизованной (не путать с «культурной») истории, об Ирландии заговорили в античности. Греческий географ Птолемей, который якобы жил на рубеже I и II веков н.э.³³ в Египте и писал по-гречески, назвал Ирландию в своём «Альмагесте» («Великом трактате») *Mikra Brettania*, то есть, «маленькая Британия», в противовес *Megale Brettania*, коей являлся только что покинутый нами остров Великобритания. В латинизированной интерпретация Ирландия той поры носила название Хиберния или даже Скотия. О том, что скоты, то есть нынешние шотландцы — это выходцы из Ирландии, мы ещё поговорим, когда речь пойдёт о Шотландии. Здесь же небезынтересно будет заметить другой любопытный факт.

³¹ Премьер-министр Великобритании при королеве Виктории

³² ... которая по официальной версии была названа так Эриком Рыжим, изгнанным из Исландии за убийство, и решившим таким названием привлечь за собой новых поселенцев, а вовсе не потому, что недавно под толщей льда было обнаружено основание из двух островов, покрытых буйной растительностью чуть ли не тропического характера.

³³ Хотя дошедшие до нас рисунки Птолемея запечатлели человека в типичной средневековой одежде XV-XVII веков

Историки и этимологи до сих пор никак не могут установить происхождение слова *Scoti* (или *Scotti*), которым обозначался народ, обитавший в тех краях, и которое легло в основу названия страны *Scotland* (Шотландия). Некоторые полагают, что оно образовалось от гаэльского *Sgaothaich*, означавшего «толпу». Другие видят в нём другое гаэльское слово – *Scuit* в смысле «отрезанный человек». Последние изыскания предлагают видеть в нём индоевропейский корень *skot*, параллельный греческому *skotos*, что означает «темнота, мрак». Я не претендую на научное открытие, но сдаётся мне, что здесь мы сталкиваемся с той же ситуацией, что и в поговорке «этрусское не читается». Потому что если бы в русской традиции мы называли Шотландию так, как она пишется – Скотландией – или Скотией, ни у кого бы даже в мыслях не возникало, что тут может быть какая-то проблема: разумеется, мы имеем дело со «страной скотов». Причём, если вы думаете, что скотами мы бы при этом называли местных жителей, то спешу вас в этом разубедить: они милые и в Шотландии, и в Ирландии, а потому дело тут вовсе не в нашем к ним «скотском» отношении, а в том (повторяю, это исключительно моя доморощенная теория), что в обоих странах (особенно в Ирландии) земли совершенно непригодны для нормального ведения сельского хозяйства в силу своей повсеместной каменистости. Зато что мы с вами увидим, когда будем колесить от города к городу? Всюду пасутся козы и овцы. То есть скот. Комментарии, думаю, излишни.

А ещё в XVII веке жил ирландский католический священник, поэт и историк Ситрун Китинг, которого в англоязычной традиции называют Джефффри Китингом. В своём труде “*Foras Faesa ar Eirinn*” («Основа знаний об Ирландии») он писал буквально следующее:

...Таким же образом девятое своё наименование Ирландия получила от сынов Милеса, назвавших её Скотией по имени матери своей, Скоты, коя была дочерью фараона Нектанеба I, царя Египта; а быть может, по себе самим, ибо звались они народом скифским (Scythian)...

В этом отрывке примечателен и отсыл к полулегендарным скифам, которые жили не то в районе нынешнего Крыма, не то ближе к Персии, и упоминание прямой связи заселения Британских

островов потомками выходцев не откуда-нибудь, а из самого Египта. Позвольте за сим оставить вас в раздумьях, поскольку тема связи королевских кровей с египетскими фараонами, хоть и весьма интересна, отвлечёт нас от основного повествования.

Итак, если Ирландия, это почти то же самое что Шотландия, тогда откуда же возникло название «Ирландия»?

На современном ирландском страна, к которой мы подплывали, называется *Eire* (Эре). На древнеирландском под именем *Eriu* фигурировала одна из гаэльских богинь, покровительствовавшая этому острову. В XIX веке бытовала теория, что *Eire* происходит от слияния трёх гаэльских слов: “*i*” (остров), “*thairr*” (запад) и “*fonn*” (земля), что давало понятие «остров западной земли». Примечательно, что норвежцы, потомки викингов, по-прежнему называют ирландцев «западными людьми».

Викингам Ирландия X века н.э. вообще очень нравилась. Настолько, что они без зазрения совести селились тут, смешивались с местными кельтскими племенами, обживались и давали многим вещам свои скандинавские названия. Так, например, городок, в котором мы должны были провести первую ночь на ирландской земле, называется Уотерфорд (*Waterford*). На самом деле, хоть он и стоит на реке, никакого отношения к воде его название не имеет: скандинавы дали ему имя *Vedrarfjord*, что означало «ветренный фьорд», а уже потом его переименовали на здешний, более понятный манер. Заимствования коснулись даже обычных слов, самым заметным из которых стало пиво. Скандинавы называли свой винный напиток, похожий на нашу медовуху, *bjorr*³⁴. Ирландцы превратили его в *beoir* (произносится как и скандинавское «бьёр»), а уж англичане в *beer*.

Через два столетия на смену одним «северянам», пришли другие – норманны. Ирландский язык поначалу сдал свои позиции, однако, как пишут по этому поводу сами ирландцы, ирландский шарм возобладал, и завоеватели стали говорить по-ирландски лучше, чем по-английски.

Всё снова поменялось в XVI-XVII веках, когда Ирландию подмяла под себя британская знать. Она стала скупать лучшие (из худших, как я уже упоминал) земли и отдавать их бедным (во всех смыслах этого слова) ирландцам в аренду. Английский язык сде-

³⁴ Не путать с датским словом “*øl*”, означающим пиво и, насколько я понимаю, ставшим в английском «элем».

лался для ирландцев языком деловых отношений, точнее, средством выжить в столь непростое время. В итоге к концу XVIII века на родном ирландском говорило меньше половины населения острова, причём входили в неё, как вы понимаете, самые нищие и никудышные из ирландцев.

В 1831 году англичане запретили изучать ирландский в школах. А уже в 1845 году разразился Великий Голодомор, продолжавшийся целую пятилетку и выкосивший больше миллиона ирландцев. Теперь вы понимаете, почему ирландцев так много не только в Англии и США, но и по всему миру, включая родины наших соотечественников – австралийцев, канадцев и новозеландцев, многие из которых приехали сюда именно для того, чтобы вернуться к истокам своих родов. К началу XX века на ирландском языке говорило лишь около 1% населения страны. Это не помешало одновременному развитию того, что можно назвать «ирландским национализмом», подогреваемым католическими догмами. До середины XIX века во главе борцов за права католиков (вплоть до получения разрешения на участие в работе Вестминстерского парламента) стоял Дэниел О'Коннор, которого называли в Ирландии «освободителем» и «эмансипатором» и которого мы ещё вспомним, когда приедем в Дублин.

Борьба за независимость католической Ирландии от англиканской Великобритании продолжалась вплоть до декабря 1921 года и сопровождалась гражданскими и партизанскими войнами, образованием сепаратистской партии Шинн Фейн и Ирландской Республиканской Армии (ИРА), которую, как и всех, кто сражается сегодня за национальные интересы, принято причислять к «террористам». Получив независимость, Ирландия распалась на две части: Северную и Республику. Северная вошла в состав Великобритании, и теперь мы с вами постоянно слышим о беспорядках в Белфасте и Ольстере, а Республика Ирландия зажила своей тоже не слишком радостной и богатой жизнью да ещё умудрилась вляпаться в Еврозону, то есть ввела у себя в обращение евро.

Поначалу все этому даже радовались, поскольку последняя декада XX века ознаменовалась в Республике Ирландия резким ростом благосостояния (показатель ВВП рос почти на 10% в год). В 2000 году она считалась 6-й в мире по объёму ВВП на душу населения. По всей стране устраивались пышные парады по поводу и без, как и в нынешней России люди стали вкладывать деньги в не-

движимость и думали, что так продлится вечно. Однако уже через 9 лет падение ВВП составило более 7% в год. Сегодня страна снова в депрессии, а безработица составляет порядка 15%. Вот и правы те, кто говорит, что уж если сражаться, то не за свободу, а за волю. Правда, в английском слово «воля» подразумевает лишь желание, но отнюдь не то, что мы понимаем под «вольностью».

Вот примерно с какими мыслями мы, послушные корабельным гудкам, покидали свои насиженные места на пароме и возвращались к заждавшемуся нас в трюме автобусу. Никаких культурных потрясений я от Ирландии не ждал, однако рассказы рассказами, а хотелось составить своё собственное представление об этой необычной стране.

Ирландия встретила нас мычанием коров и сумерками.

Как я уже говорил, теперь наш путь лежал в город Уотерфорд, пятый по населённости город республики. При населении в чуть больше 50 000 человек. Первое место занимает столица, Дублин, в которой живёт больше миллиона. Далее идут Корк, Лимерик и Голуэй. В последних двух нам ещё предстояло побывать.

Про коров вы уже поняли. Поскольку пахотной земли до неприличия мало, поля превращаются в пастбища для овец и коров, поэтому коров много, и молоко они дают, говорят, хорошее. А потому Вари обещала, что в Ирландии нам удастся полакомиться очень вкусным шоколадом.

Дорога до Уотерфорда и гостиницы “*Waterford Marina*” прошла незаметно.

Вероятно, во мне всё-таки что-то есть от скандинава, потому что городок приглянулся мне с первого взгляда. Не знаю, как вы, а я часто просто ощущаю атмосферу места, и либо сразу чувствую себя дома, либо город остаётся для меня неприветливым и закрытым. Как два примера этих крайностей могу назвать Венецию и Париж, последний из которых так и не смог меня покорить, причём явно и не стремился.

Так вот, Уотерфорд. Викинги основали здесь поселение в 853 году н.э. и назвали его «ветреным фьордом». Действительно, городок примостился в устье реки Суир (*Suir*, что произносится как «Шур»), и когда вы въезжаете в него, то вам кажется, что он весь изрезан каналами, как та же Венеция или Мурано. Викингов потом не раз вытесняли, но они возвращались и где-то за 1 000 лет до октябрьского переворота в России, в 917 году, построили тут первый

в Ирландии город. В 1171 году Генрих II именно здесь причалил свои корабли и объявил Уотерфорд, а потом и Дублин, королевскими «сити». Столицей, правда, стал Дублин.

В XV веке жители Уотерфорда отразили нападки двух претендентов на английский трон: Ламберта Симнеля и Перкина Уорбека. За это Генрих VII подарил городу девиз: *Urbs Intacta Manet Waterfordia*, что в переводе с латыни означает «Уотерфорд остаётся неприступным городом». Разумеется, он сглазил (хотя девиз на гербе существует и поныне), и в 1650 году город взял штурмом племянник Оливера Кромвеля, лютовавшего в Ирландии не на шутку в борьбе с местным католицизмом (по официальной версии).

Временем процветания для Уотерфорда стал XVIII век, когда здесь буйным цветом расцвела архитектура. Следующее столетие совпало с тотальной индустриализацией: в городе появилась стеклотрунная промышленность и кораблестроение. Достаточно сказать, что семейство Малькольмсонов, которое владело судовой верфью «Нептун» во второй половине XIX века, располагало самым большим в мире флотом железных пароходов, включая пять трансатлантических пассажирских лайнеров.

Насчёт стеклотрунного искусства мы поговорим чуть позже, когда на следующее утро отправимся с экскурсией на местный завод, точнее, на то, что от него осталось.

В Уотерфорде, как и в Лондоне, есть свой Мэлл – одна из центральных улиц. Когда будете сворачивать на неё с набережной, обратите внимание на непритязательно круглое здание справа, похожее на каменную башню. Собственно, это каменная башня и есть. Более того, ирландцы считают, что это вообще самая древняя из гражданских городских построек на территории их страны. Она тут чуть ли не с викингских времён и называется башней Реджинальда. Сейчас в ней открыт музей.

Гостиница встретила нас оживлением на ресепшин. Одна из девушек-портъё раскладывала на стойке пасьянс из наших пластиковых ключей в бумажных подписанных конвертиках. Когда я назвал нашу фамилию, ключ от номера 304 оказался как раз верхним в колоде.

Сам номер позабавил нас двумя вещами. Во-первых, в нём, наряду с широкой двуспальной кроватью стояла ещё одна, и я предположил, что сегодня у нас будут соседи. Во-вторых, здесь и только здесь мы обнаружили типичную английскую раковину, какой её

ещё в советское время описывал международник Овчинников в популярной тогда книге «Корни дуба». Дело в том, что традиционно у англичан в этом месте не было смесителя. То есть вам предлагается пользоваться двумя отдельными кранами – с холодной и горячей водой соответственно. Легко представить, в каком месте вы получаете нужную вам тёплую воду: непосредственно в раковине, заткнутой специальной пробкой. Интересно, сможете вы в такой лоханке чистить зубы, сплёвывать и снова чистить? Бяка, не правда ли. А вот англичане могли и, вероятно, могут поныне. Овчинников пишет, что его собеседники, бывавшие в СССР, даже негодовали по поводу того, что в советских раковинах затычки не предусмотрены. Сплошное «скотство»!

Третью интересность мы обнаружили в номере уже утром. Оказалось, что наше окно выходит на воду. В смысле, на реку и ответвление канала. На той стороне канала, как на острове, стояли стеной к стене беленькие живописные домики, создавая ощущение, будто ты за ночь перенёсся куда-нибудь в Италию. На нашей стороне обращало на себя внимание четырёхэтажное здание с закруглённым углом, превращённым в застеклённые лоджии, а внизу, у воды, стоял зелёной цаплей маленький железный кран, напоминавший о том, что когда-то здесь был настоящий порт.



Почти венецианский вид из окна гостиницы в Утерфорде.

Встав по привычке рано, сразу же собрав вещи и позавтракав, мы с Алиной решили оставшиеся до отъезда полчаса посвятить утренней прогулке. На набережную, считающуюся некоторыми архитекторами «самой благородной в Европе», мы не пошли. Нас привлек располагавшийся поблизости зелёный массив, оказавшийся так называемым Народным парком (*People's Park*). На самом деле парк больше похож на просторный сквер, в одном месте которого наше внимание задержал на себе фонтан, выполненный в форме идеально круглого стеклянного шара, вода по которому стекала со всех сторон равномерным сплошным потоком.

Улица, соединявшая парк с нашей гостиницей, называлась улицей Канады. Планировкой она живо напомнила Главную улицу в Пембруке. Проезжая часть шла под уклон, однако тротуар был превращён в горизонтально выровненную террасу, на которую пешеходы поднимались с одной стороны по ступенькам, а дома стояли не с перекошенными фасадами, но совершенно ровно, как и следует стоять домам. Бросалось в глаза, что здесь, как и почти повсюду на нашем пути, дома ухоженные, свежеевыкрашенные в нежные полутона и даже если не блещут архитектурными изысками, смотреть на них приятно и весело.

Сегодня наш путь лежал по югу Ирландии, но сперва Вари решила показать нам былую гордость Уотерфорда – одноимённую фабрику, где производили знаменитый на весь мир хрусталь. Для меня, как, думаю, и для многих из вас, хрусталь как нечто ценное и стоящее приобретения остался в далёких 70-х годах прошлого века. Сегодня я даже не знаю, кто его покупает, а сам хрусталь прячется под всякие разные названия типа «Богемское стекло» или дешёвые бирюльки типа «Сваровски». Одним словом, ничего сногшибательного мы увидеть не планировали, тем более что нынешняя история “*Waterford Crystal*”, довольно печальна.

Основали его сразу после второй мировой два эмигранта-чеха (у них прямо какая-то природная любовь к стеклу) Чарльз Бачик, дедушка Иваны Бачик, ставшей ирландской сенаторшей, и Мирослав Гавел, занимавшийся дизайнерством. Возник заводик не на пустом месте: ещё в 1783 году братья Перноузы открыли здесь фабрику по производству стекла, называемого «флинтглас», то есть, особого сорта, обладающего большим показателем преломления и оттого востребованного в оптике. В начале 50-х предприятие чехов стало частью Ирландской Стеклобутылочной Компании, ко-

торой владели три предприимчивых деятеля во главе с богачом Джозефом Макгратом, который сделал себе капитал на тотализаторе, причём обставил всё настолько, как нынче модно говорить, «кошерно», что основанное им в 1930 году предприятие гордо носило причудливое название «Тотализатор ирландских больниц» (*Irish Hospitals' Sweepstake*) и считалось крупнейшим в стране инвестором.

На заводе гордятся канделябрами, которые были повешены в Вестминстерском аббатстве к его 900-летию. Такие же канделябры были сделаны для Виндзорского замка и Центра Кеннеди в Вашингтоне. Здесь же изготавливались 2 668 хрустален, пошедших на Новогодний Шар, который с 2009 года играет роль праздничного аттракциона на Таймс-сквер в Нью-Йорке.

Славится фабрика также своими стеклянными кубками, которые вручаются победителям различных спортивных баталий, включая немецкие и французские гран-при «Формулы 1».

Увы, судьба сложилась для работников "*Waterford crystal*" менее удачно, нежели для многих их продуктов. В том же 2009 году фабрику закрыли, а рабочих просто-напросто выгнали. Бедняги устраивали забастовки, их часто показывали в новостях, про них даже сняли документальный фильм, однако, как водится, это ничего не дало. То, что нам предстояло увидеть, было «остатками былой роскоши».

Когда вы заходите в небольшое стеклянное (кто бы мог сомневаться) здание теперешней фабрики, точнее, действующей шоу-рум, вам сначала показывают двухметровый хрустальный Биг-Бен, а потом вводят в тёмную комнату. Вы оказываетесь в подобии Круговой панорамы, которая раньше работала на ВДНХ, только вместо экрана здесь зеркала, вместо скучного голоса – клубная унца-ца, а вместо фильма о хлеборобах – взрывы салюта и светомузыка, окрашивающая вас и ваших спутников в самые разные цвета.

Пройдя через такую «барокамеру», вы снова оказываетесь в обычном свете промышленных помещений. Сперва вам показывают деревянные чурочки, внутри которых вырезаны формы будущих чаш и тарелок. Это первичные заготовки. Ваш гид, седой крепыш, тоже когда-то в молодости здесь работавший, а теперь гордый тем, что его оставили хотя бы в качестве экскурсовода, начинает водить вас из цеха в цех, показывая и рассказывая, как грубые стеклянные отливки превращаются в произведения искусства.

Стеклодувы на высоком железном помосте крутят длинные трубки с раскалёнными стеклянными шарами на концах, подносят их в какой-то момент к сидящему тут же мастеру, и тот одним точным движением налепляет на них прозрачные закорючки, которые оказываются удобными ручками или носиками. Взмах ножниц – и стеклянная карамелька кружится дальше.

В соседнем цехе один человек. Он в здоровенных наушниках, чтобы не слышать ни вас, ни вашего гида, ни шума множества станков со шлифовальными кругами, на которые из шлангов постоянно льётся вода. Вся его работа, похоже, состоит в том, чтобы выудить с конвейера очередную здоровенную посудину и самозабвенно шлифовать её кромки до одному ему внятного предела.

Потом вам обязательно покажут большой прозрачный бак и разрешат уронить в него какой-нибудь из бракованных бокалов, что стоят тут же, словно только и ждут этого прилюдного унижения. Здесь происходит первичная инспекция качества.



Тонкая работа с хрусталём.

В следующем цехе главный дизайнер фабрики собственноручно разлиновывает заготовки. Фактически он просто рисует по стеклу, проводя от руки идеально прямые пересекающиеся в нужных

местах линии. Расчерченные таким образом чаши и блюда перемещаются дальше, туда, где их поджидают никого не замечающие, поглощённые своей нелёгкой работой резчики. Это представительного вида пожилые мужи в очках, которые берут двумя крепкими руками такую разлинованную заготовку и начинают самозабвенно водить её гладкими боками, как по фрезерной пиле, по бешено вращающимся точильным дискам. В итоге получается узнаваемый узор, который вы можете увидеть, если у вас где-нибудь стоит обычная хрустальная ваза. Смотрится по-настоящему здорово.

До тех пор, пока вы не замечаете в том же цехе здоровенный ящик с окошком, по которому изнутри тоже постоянно течёт вода. Если заглянуть внутрь, вы увидите точно такие же чашу или блюдо, только держат его металлические руки, а всю обработку выполняет мёртвая машина. Выполняет чётко, без погрешностей и быстро. Вероятно, она тут для того, чтобы постоянно напоминать мастерам, что их есть кому, вернее, чему заменить, если вдруг им вздумается заартачиться.

Хотя я не думаю, что здесь, как и во всей Ирландии кто-нибудь из работающих не дорожит своим местом, каким бы скучным и утомительным оно ни было. Другого просто нет. До конца экскурсии я насчитал примерно двадцать работников, включая нашего гида. А ведь не так давно на фабрике до последнего закрытия трудилась тысяча мастеров. Где они теперь?

Финал прогулки приходится на магазинчик. Здесь собран весьма обширный ассортимент, начиная с наборов бокалов и заканчивая сувенирным шлемом для игры в американский футбол в натуральную величину. Разумеется, стеклянным. Поскольку многое сделано из разноцветного стекла, крадётся сомнение в том, что это продукция именно той линии, по которой мы только что прошли. Вероятно, сюда свозят что-нибудь с других производств. Может, даже из Чехии, не знаю. Уж больно похоже на богемское стекло, которое вы без труда найдёте в Праге. С потолка свисает огромная люстра. При выходе прямо на полу стоит выше человеческого роста зеркало, украшенное по периметру стразами. Смотрится красиво, но покупать почему-то не хочется.

Однако не все устояли перед искушением побаловать себя стекляшками. Одна канадская старушка так разохотилась, что её пришлось ждать всем автобусом. С той поры на неё стали обращать внимание, и скоро выяснилось, что она любит показушничать и со-

рить деньгами, покупая всюду и всё, причем не слишком удачно, о чём легко было судить по возникавшим по утрам на её седой голове местным вязаным шапкам самых причудливых фасонов и цветов.

Глава 20 – Красноречивый Бларни – Самый-самый ирландский – Кенмэр – Ирландское рагу и кое-что ещё

Ирландия из окна автобуса по сравнению с Англией и Уэльсом выглядит, на мой взгляд, живописнее, но жёстче. Горизонт обычно закрывают невысокие, но всё-таки горы. Острые, скалистые, покрытые разноцветьем трав и обрывками белых облачков, словно сброшенной шерстью пасущихся на их склонах овец. Овцы смешные, похожие на проказливых учеников, потому что у многих попki и бока в чернильных кляксах синего или красного цвета – следах хозяйских разметок. Пасутся они на прямоугольных островках зелени, ограниченных весьма необычными изгородями. Вместо привычных для нас заборов ирландцы отгораживаются друг от друга тем, что у них под рукой, вернее, под ногой – камнями. Поэтому все поля перечерчены каменными кладками примерно метровой высоты, причём обманчивое ощущение такое, будто камни в них лежат, ничем не скреплённые. Что до зелени, то, как я уже говорил в самом начале, она тут превалирует во всём. Учёные посчитали, что в природе Ирландии можно встретить до 40 (!) оттенков зелёного цвета, от нежно-салатного до глубокого изумрудного. Правда, у моей жены Ирландия почему-то ассоциируется теперь больше с жёлтым – цветом придорожных кустов.

Долго ли коротко ли мы ехали, но настал момент, когда Кёрсти остановила автобус перед воротами в (чуть не сказал «зелёный», но это, как вы уже поняли, излишне) парк, а Вари провела нас по билетам внутрь и вкратце сообщила, что мы находимся в замечательном месте, а именно – в двух шагах от знаменитого замка Бларни, куда со всего света стекаются туристы, чтобы сделать одно очень важное ритуальное действие: поцеловать Камень Бларни. К своему стыду я слышал о подобной традиции впервые, хотя, поразмыслив, припомнил, что в английском языке есть выражение “*to speak blarney*”, что в наших словарях переводится как «лстить». Правда, здесь интерпретация была несколько другой: целовать Камень нужно для того, чтобы обрести дар красноречия.

Договорившись с Вари о встрече у автобуса через три часа (не удивляйтесь: в это включалась самостоятельная прогулка по парку с поцелуем камня, посещение большого магазина ирландских

товаров и обед в здешней столовой), мы с Алиной поплотнее застегнули куртки (напомните мне потом рассказать вам о здешней погоде) и отправились исследовать местные достопримечательности.

Чтобы добраться до Камня Бларни, нужно прогуляться по парку, несколько раз перейти по деревянным мосткам речушку Мартин, взойти на холм и преодолеть подъём в 127 ступеней по очень узкой лестнице замковой башни. Собственно, башня, построенная в 1446 году – единственное, что от замка осталось. Как и всё в Ирландии, начиная от Кардиффского замка и заканчивая “*Waterford Crystal*”, замок Бларни множество раз за свою историю менял хозяев, и это не принесло ему особых дивидендов. Со стороны он смотрится довольно необычно благодаря тому, что перед прямоугольным донжоном стоят две каменные «трубы» разного диаметра, более узкая из которых снабжена множеством окон, тогда как более широкая напоминает глухой барабан. Не похоже, чтобы они предназначались для обитания людей, а никаких других целей их постройки я представить себе не могу. Одним словом, я до сих пор нахожусь в недоумении по поводу их смысла, тем более, что ни в одном справочнике по замкам данных о них не обнаружил.



«Красноречивый» замок Бларни.

Когда вы миновали нескончаемые повороты лестничного лабиринта и, о чудо, вышли на продуваемый всеми ветрами открытый пятый этаж, вас встречает огороженная перилами прямоугольная галерея, в одном месте которой уже толпится народ. Вы с интересом подходите ближе и видите следующую запоминающуюся картину.

Прямо на камнях (наверное, на картонке), свесив ноги над многометровой пропастью, образованной прямо в полу прорезью бойницы, откуда в древности было весьма удобно поливать врагов кипящим маслом или расстреливать из арбалета, сидит человек в ветровке. Другой такой же сидит сбоку «на кассе». Если в вас ещё жив детский идиотизм и вы верите в приметы и то, что рассказывают гиды, вы со смущенной улыбкой опускаетесь перед бойницей на четвереньки, переворачиваетесь на спину, вытягиваете руки над головой и поначалу пытаетесь, угрожающе сползая плечами в дыру, дотянуться до железных труб на противоположной стороне. Первый из мужичков осторожно поддерживает вас за спину и направляет. Ухватившись за трубы, вы должны подтянуться еще сильнее, выгнуть шею отвесно вниз, максимально запрокинуться, и тогда велик шанс, что ваши губы достанут до вечно влажной от слюней ваших предшественников каменной балки, ничем ровным счётом не отличающейся от любой из тех, что видны в бойницах по всему периметру башни. В тот момент, когда вы находитесь в самой дурацкой позе, срабатывает вспышка: это вас фотографирует на память второй мужик. Он же вручает вам билетик с номером, по которому вы при выходе из парка сможете получить заветный снимок. Стоит он не то 10, не то 15 евро, а узнать вас на нём можно будет разве что по куртке и неестественно согнутым ногам.

Кажется, лишь мы с Алиной из всей нашей группы побрезговали даром красноречия и предпочли смеяться над акробатическими этюдами наших интернациональных спутников со стороны.

Как водится, никто толком не знает, откуда этот Камень взялся и почему именно здесь. Самая правдивая история звучит примерно так. Некто Кормак Маккарти, построивший замок Бларни (в переводе с ирландского “*an Bhlarina*” означает «маленькое поле») как-то раз должен был выступать в суде. Накануне он обратился к богине Клиодне (*Clíodhna*), которая считалась покровительницей тех мест (а также, разумеется, была богиней любви и красоты), с просьбой помочь в столь щекотливом деле. Богиня посоветовала ему утром

по пути в суд поцеловать первый попавшийся на глаза камень. Маккарти так и сделал и в итоге благодаря своему красноречивому выступлению выиграл дело. На радостях владелец замка вмонтировал камень туда, где его можно увидеть и поныне.

По другим версиям Камень Бларни – это ничто иное, как кусок «Скунского Камня» (того самого, что по невятной традиции лежит под тронем коронуемой особы). По этому поводу я, видевший их оба, могу вас заверить, что ничего общего между ними нет. Если только, конечно, Камень Судьбы в Эдинбургском замке – это он и есть.

В Интернете я наткнулся на странное упоминание о том, что в американском штате Техас есть довольно известный Технический университет (TTU), и там с 1939 года посетителям показывают стену старого Электроинженерного здания, в которой не хватает одного камня, а именно – Камня Бларни. Кто так решил и почему – неизвестно.

Если же копнуть глубже, то выясняется, что первое описание Камня Бларни было сделано всего лишь в 1785 году в справочнике под названием «Классический словарь вульгарного языка» Френсиса Гроса. Коли так, то эта ирландская традиция будет всё же древней китайского Шаолиня и японских ниндзя. Предлагаю считать её ровесницей Стоунхенджа.

При выходе из парка вы непременно минуете большой киоск, в котором выдаются (продаются) ваши памятные безголовые фотографии. Здесь же вы можете приобрести многочисленные сувениры, основной темой которых является поцелуй. Сочные губы, отпечатанные на всём, навели меня на крамольную мысль: человек, поверивший в силу Камня Бларни и готовый проделать вышеописанные процедуры, априори готов по жизни лезть из кожи вон, чтобы добиться желаемого. Скажи ему, что кого-то нужно поцеловать, пардон, в зад, он это с готовностью сделает. Да ещё за фотографию заплатит. Именно поэтому если непосредственно в Бларни и на страницах официальных справочников получаемый дар называется высоким словом «красноречие», то относительно более независимый англо-русский словарь «красноречия» уже не выдаёт, а говорит о «лести» и даже «подхалимстве». А знаете, что я прочитал по приезде домой в карманном справочнике, купленном в том путешествии и написанном самими ирландцами? Для них *“to speak*

blarney” означает «пороть чушь». Кому как не им ведать истинную суть вещей!

На магазине ирландских товаров было скромно написано: «Самый большой ирландский магазин в мире». Для нас его посещение закончилось самым большим разочарованием в Ирландии.

Официально магазин называется “*Blarney Woollen Mills*” (буквально, «Шерстяные фабрики Бларни»). Дело в том, что раньше, с 1823 по начало 70-х годов XX века, на этом месте, действительно, располагались «Фабрики Махони», производившие товары из твида и шерсти. За нерентабельностью заводик закрылся и был преобразован в центр по обслуживанию туристов, приехавших лизнуть булыжник. Здесь вы найдёте и гостиницу, и ресторан, и этот самый магазин.

Чем старше я становлюсь, тем отчётливее понимаю правоту тех, кто придумал афоризм, что о вкусах не спорят. Очень даже может быть, что когда вы сами окажетесь здесь, вам тут понравится и вы скажете, что я предвзят и совершенно неправ в своём скептицизме. Надеюсь, так оно и будет. Мы же вошли в просторное двухэтажное помещение, доверху заваленное, завешенное и заставленное всем тем, что сумели создать ирландские портные, ткачи, швеи, мастера вышивания крестиком и прочие умельцы. Поначалу мы поддались царившей здесь эйфории шопинга, но очень скоро выдохнули и поняли, что покупать-то, собственно, нечего. Нет, конечно, если вам нужен просто тёплый свитер, шарф или шапка, чтобы не замёрзнуть где-нибудь в деревне на зимней рыбалке, если ваша тёща или свекровь любит домотканое постельное бельё – вы наверняка не уйдёте с пустыми руками. Однако если вы ищите чего-то «эдакого», чтобы не стыдно было пройти по городу, увы, ваш кошелек останется цел. Кстати, цены здесь, как потом оказалось, несколько выше, нежели в других подобных заведениях в стране. А поскольку они там, по сути, все одинаковые в плане ассортимента и выбора, мы сделали – для себя – удивительный вывод: магазины в Ирландии очень похожи на магазины в СССР в пору заката, когда ты заходишь в секцию пиджаков и видишь на всех вешалках одну-две модели, заходишь в секцию свитеров – снова на выбор всюду одна-две модели, заходишь в отдел, где торгуют головными уборами – сплошные шапки с помпонами. Всё битком, а выбирать не из чего...

Меня, правда, очень тронула философская надпись на деревянном сердечке в отделе товаров для дома: *“Tired parents and happy kids live here”* (Здесь живут усталые родители и счастливые дети).

Носки, посуда, цветы в горшках, вечные ёлочные игрушки и прочая ерунда оставили нас равнодушными. Мы втридорога купили детям конфет и местного шоколада (который впоследствии оказался на вкус вполне заурядным) и отправились обедать.

Я вовсе не оговорился, когда назвал здешний ресторан столовой. Система та же, что в Солсбери и много где ещё: берёшь поднос и говоришь, что тебе налить или отрезать. В итоге мы отошли к свободному столику со здоровенными кусками пирогов на десерт, чайничком с чаем, салатом и чем-то похожим на пышную пиццу-омлет. Я зачем-то сохранил для вас чек и могу сказать, что всё это удовольствие обошлось нам в скромные 19,25 евро.

Слишком сильно наедаться не стоило ещё и потому, что этим вечером нас ожидало посещение настоящей ирландской фермы, а чем там будут кормить – одним друидам было известно.

Но для начала нам нужно было добраться до местечка по имени *Kenmare*, что правильно читается как «Кенмэа». Городок, насчитывающий менее 2 000 жителей, расположился в устье реки Шин и называется так на английский манер от ирландского *“Ceann Mara”*, что означает «голова моря». Сами же ирландцы называют его *An Neidin* – «гнездышко». С последним я соглашусь особенно охотно, поскольку в памяти Кенмэр (иногда его ещё пишут как Кенмар) остался одним из самых уютных местечек на нашем маршруте.

Гостиница наша оказалась за городом. По местным меркам это означало, что до центра нам пришлось добираться пешком минут 6. А на пешую прогулку мы, не теряя времени, отправились постольку, поскольку до отъезда на обещанную ферму у нас ещё оставался примерно час.

То и дело пугавший нас по дороге из Бларни дождь почти прекратился, однако мы на всякий случай надели наши юаровские брезентовые шляпы, захватили зонтик и пошли в указанном Вари направлении – к живой изгороди на краю парковки перед гостиницей, за которой скрывалась асфальтированная тропинка через лесок.

Ярко светило апрельское солнце, однако тяжёлые дождевые тучи висели над изумрудной долиной и грозили в любой момент напомнить о себе.

Основан современный Кенмэр был в 1670 году сэром Уильямом Петти, который получил эти земли в подарок от своего начальника, Оливера Кромвеля. Петти заслужил подобную щедрость тем, что – ни много, ни мало – составил подробную карту Ирландии.

История городка, как водится, гораздо древнее 1670 года. Неподалёку был даже найден так называемый Круг Друидов, состоящий из 15 камней и большого дольмена в центре.

Весь центр вписывается в треугольник из Главной улицы, улицы Генри и Шелбурнской улицы. Здесь вы найдёте многочисленные маленькие отели, ресторанчики (говорят, очень хорошие) и магазинчики, в большинстве из которых торгуют... вязаными свитерами. Кроме того, в Кенмэре сильна традиция плетения кружев – ремесла, которое по задумке монахинь из местного монастыря св. Клары с 1864 года давало дополнительные средства к существованию бедствующим женщинам и девочкам.

Вы можете спросить, почему столь мелкая сошка, как Кенмэр позволяет себе строить пятизвёздочные гостиницы и рестораны и жить фактически туризмом? Ларчик открывается просто: отсюда начинается Кольцо Керри – один из самых популярных туристических маршрутов по Ирландии, часть которого мы должны были преодолеть за завтрашний день.

Если вы увлекаетесь коровами, то наверняка знаете знаменитую Большую Бертю. Эта местная бурёнка вошла в Книгу рекордов Гиннеса сразу по двум номинациям: как долгожительница (49 лет без 3 месяцев) и как мать аж 39 телят.

А ещё здешние жители очень гордятся тем, что в 2000 они выиграли престижное в Ирландии звание «образцово-показательного городка»³⁵.

Час прогулки пролетел незаметно: я сделал несколько симпатичных снимков, мы подышали чистейшим воздухом и отчасти даже проголодались. Когда мы подошли к нашей гостинице, Кёрсти уже прогревала мотор.

Дорога до ирландской фермы заняла минут пятнадцать. Когда автобус остановился, справа, прямо на шоссе мы увидели двухэтажный дом со скошенной крышей и хозяйственные пристройки. Как и большинство не новых зданий, всё было сложено из обычно-

³⁵ *Irish Tidy Towns Competition* проводится с 1958 года

венных камней разного размера и потому производило впечатление бронебойной надёжности.

Нас не спешили выпускать. В автобус запрыгнул очкарик лет пятидесяти в кепке, Вари вручила ему микрофон, и он обратился к нам примерно со следующей речью, причём выплёвывая английские слова так, будто держал во рту горячую картошку:

- Привет, ребята! Зовут меня Стивен О’Салливан. По-ирландски это означает «Одноглазый». Добро пожаловать на ферму Молли Галливан – дом и традиционную ферму. Молли Галливан была здесь первой хозяйкой и владелицей «шибина»... незаконного питейного заведения. Да простит её Господь! – Стивен перекрестился левой рукой и пояснил: –левой рукой нужно креститься, если вы не имеете этого в виду. Молли гнала свой собственный виски. Мы называем его «почин». Это виски, который мы в Ирландии делаем из картофеля. Как вы догадываетесь, Молли стала здешней знаменитостью. Её ферма сохранилась в неприкосновенности, так что туристы могут своими глазами увидеть, как жили лет сто назад.

Я знаю, о чём вы могли сейчас подумать. О том, что ирландцы даже для своей картофельной самогонки приспособили наше слово. Вот, наверное, в чём скрытый смысл русского выражения «ну, с почином!». Спешу вас разочаровать. На ферме мы прошли «школу молодого бойца» по приготовлению этого напитка, и под конец Стивен раздал всем шуточные дипломы «мастеров почина». Оказалось, что слово это пишется вовсе не так, как произносится, а именно – “*poitin*” или “*poteen*”. Но об этом чуть позже.

А пока нам разрешили-таки выйти из автобуса, и мы оказались на левой стороне дороги. Здесь стоял в рост человека деревянный истукан, который молча смотрел на убегающий вниз склон долины с редкими деревьями, каменными изгородями и блеющими овцами, и на невысокие вершины далёких холмов (по местным масштабам – гор). Для непонятливых рядом с истуканом на большом камне было написано “*Druids view*” (в принципе «друидский пейзаж», хотя я бы перевёл «точка зрения друида»). Тут же стояло несколько пеньков, на которые в менее ветряную погоду вы можете присесть и подумать о вечном. Ибо по легенде на одной из вершин находится насыпной курган, в котором покоится один из вождей этого легендарного братства.

Называть друидами природных колдунов стали уже в более позднее время, тогда как античные источники вроде «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря представляют друидов как замкнутую касту жрецов и поэтов, хранивших «преданья старины глубокой» и изустно передававших их молодёжи. Превращение друидов из поэтов в знахарей, как пишут учёные, произошло под влиянием христианства и в результате появления отдельного направления в песенном искусстве – бардов.

Этимология слова «друид» для тех же учёных по-прежнему остается тайной, хотя несколько теорий на этот счёт есть. Так, например, Плиний Старший в своей «Естественной истории» связывал первую часть с греческим существительным “*drus*”, то есть «дуб». Второй слог всеми понимается, как индоевропейский корень “*wid*”, то есть «знать». Более поздние исследователи засомневались и сочли подобную этимологию «народной». Ведь едва ли кельты стали бы называть столь уважаемых ими людей не собственным словом, а каким-то греческим. Тогда как «дуб» по-ирландски будет “*daur*”, по-валлийски “*derw*”, по-бретонски “*derv*”³⁶. Да и сводить обширные познания и умения друидов к «дубоведению» было бы уменьшением.

Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, однако «друидский пейзаж», он же «вид», корень “*derv*”, понятный нам без словаря не как «дуб», но как «дерево», «почин», так похожий на наше слово – всё это навело меня на переосмысление «друидов» с точки зрения «нечитаемого этрусского»: ведь не зря же прототипом цезарева “*druides*” послужила форма множественного числа “*dru-wid-es*”. И если выхолощенный ныне русский «алфавит» был когда-то «азбукой», а ещё раньше – образным письмом, то почему не понять это же слово как «ДРУгое ВИДящие». Можете улыбаться, но мне такое прочтение представляется по меньшей мере занятным.

Совершенно неуместными рядом с дубовым истуканом и блаженным пейзажем выглядели развевающиеся на флагштоках флаги Евросоюза, Ирландии и почему-то США.

Нас повели по ферме.

Зрелище было, мягко говоря, ужасным. Если у вас есть свой участок, и вы сажаете на нём картошку, представьте, что в один прекрасный день туда заехал самосвал и сгрузил прямо на него не-

³⁶ Также словом “*derv*” в современном английском языке обозначается сорт автомобильного дизельного топлива – по первым буквам сочетания “*diesel engine road vehicle*”

сколько тонн гравия и булыжников. Все грядки были сплошь в камнях. Я наивно поинтересовался у Стивена, почему бы их не убрать.

- А ты попробуй, - слегка обиженно ответил он. – Сколько вытащишь, столько же появится снова. Земля такая.

В каменном загоне стоял толстый розовый поросёнок размером с человека. Стивен поспешил пошутить, что его сестрёнку зарезали утром. Так что теперь мы знаем, что ждёт нас на ужин...

По каменистым склонам бегали друг за дружкой и пронзительно кричали, вызывая всеобщий хохот, два чёрных ослика.

Пройдя мимо огорода, прудика с утками, маленького поля, засеянного овсом и ячменём и бросив взгляд на овечий домик, мы остановились под навесом святая святых – самогонного дистиллятора. Почин, который цедила здесь прежняя хозяйка, по старинке и сейчас называется "*Molly's Mountain Dew*" – горной росой Молли.

Рецепт и метод изготовления довольно просты. Если вы любитель(ница) подобной гадости, могу поделиться рецептом, сообщённым нам приплясывавшим не то от холода, не то от радости Стивеном. Берёте картошку или ячмень, засыпаете сахаром и хлебопекарными дрожжами и даёте забродить. На 100 галлонов воды берите 6 стоунов³⁷ картошки 6 стоунов сахара и дрожжей. Бочку с этим месивом ставите на улице на открытый огонь и пассивно наблюдаете за тем, как испаряющаяся влага охлаждается и стекает по «червию» (по-нашему, «змеевику»), то есть по скрученной в спираль медной трубке, погружённую в другую бочку, с холодной водой, в нужную вам ёмкость. В результате получается один из самых забористых напитков в мире, имеющий от 60 до 90% содержания алкоголя.

Раньше, как и теперь, в ирландских деревнях топили торфом, а бочка должна была простоять на огне не один день, так что во избежание обнаружения подпольных самогонных установок выбиралась промозглая, ветреная погода, когда дым не так заметен. Ну, что касается подобной погоды, думаю, у самогонщиков в Ирландии проблем не было, как говорится, 24/7/365.

Почин находился в Ирландии вне закона с 1661 по 1997 год. Сегодня его официально производят лишь два завода на всю страну. Их продукция проходит тройную и даже четверную очистку, однако уступает нелегальным производителям в крепости.

³⁷ Стоун – мера веса, равная 14 фунтам или 6,34 кг

Почему я назвал почин «гадостью» и почему мы с Алиной вежливо отказались от проходившей здесь же возбуждённой дегустации? Качество самогона зависит от умения самогонщика. Если сделать его неправильно и как следует не очистить, напиток будет содержать опасные примеси метанола, что может запросто привести к слепоте и даже смерти. Так что не зря ирландцы вместо нашего «На здоровье!» вспоминают... слона. «Слон» означает по-ирландски и «ваше здоровье» и «до свиданья».

С холодной улицы нас ввели в не менее холодное помещение и стали кормить обещанным ужином. Только сначала хозяйка, жена Стивена, показала, как они пекут хлеб. Стало понятно, почему во всех гостиницах и ресторанах, которые попадались нам по пути, хлеб настолько невкусный (в смысле, безвкусный): его делают исключительно на соде, а про соль, похоже, вообще не знают. Думаю, если бы им предложить попробовать наш даже сегодняшний «бодинский», с ними по причине восторга случился бы шок.

Большая комната с просторными деревянными столами и лавками была погружена в полумрак. На ферме Молли Галливан нет электричества. Что, в принципе, правильно, поскольку проводка создаёт не слишком подходящий для гармоничной жизни фон. Правда, Стивен мне потом признался, что сами они всем семейством живут в миле отсюда. Полагаю, там у них более современный дом.

Пока расставляли хлеб и раскладывали приборы, Стивен с младшей дочкой сыграл нам что-то заунывно-ирландское на маленькой гармошке. Дочка подсвистывала на свиристели.

Наконец подали традиционное ирландское рагу. Помните, как его готовили джеромовские герои, решившие бросить в котёл всё, что осталось от продуктов, включая пудинг, лососину, бекон, нечищенный картофель, капусту, горох, яйца и т.п.? И это притом, что рагу считается блюдом крайне консервативным и состоящим исключительно из баранины, картофеля, лука и петрушки с тмином. Мясо режется небольшими кусками, овощи, напротив, разве что пополам или, в крайнем случае, на четверти. Все это, как узбекский плов, кладётся в глубокую кастрюлю, заливается водой и около часа тушится на медленном огне.

Наше рагу пахло свининой. Причём так, как обычная свинина не пахнет. А пахнет так вольер в зоопарке или в Театре зверей им. Дурова. Внешне же оно больше походило на плод трудов выше-

упомянутых героев повести «Трое в лодке» и могло по своему неприязнительному внешнему виду посоревноваться с отходами какого-нибудь ресторана средней руки. При этом всё это дымилось и было обжигающе горячим.

Но ведь «когда в Риме – поступай как римлянин». Поэтому ragu я честно съел, хотя добавки не попросил. Да её и не дали. А дали вместо неё какой-то пирог и типичный английский чай, то есть тихий ужас под лозунгом «не хочешь пить – вылей». Наверное, на британских островах какая-то другая вода, потому что одни и те же пакетики, которые мы покупаем в Москве и там, дают в итоге разный вкус. Англичане, как известно, спасают свой чай молоком, но это уж, извините меня, совсем бурда. Хотя именно так мы его все завтраки и пили – почти белым.

После ужина нам дали ещё некоторое время помёрзнуть в другой комнате, приспособленной под магазинчик, где торговали всякими теплыми вещами. На свитера мы сегодня уже насмотрелись, поэтому предпочли греться у печки, в которой жарко горел торф. Им тут топят, кажется, всюду, а когда вы едете мимо полей, то во многих местах прямо в земле видны чёрные надрезы, откуда торфяные блоки и берутся. Один такой кусочек мы с Алиной даже захватили для нашего деревенского камина, правда, произошло это позже.

А в тот вечер мы все возвращались в нашу кенмэрскую гостиницу сытые и довольные. Вари запевала что-нибудь удалое или, наоборот, романтическое, а кто мог, подхватывал, и получалось в целом неплохо. Судя по автобусному датчику, который всегда точно указывал время отъездов и приездов, мы провели на ферме Галливана-Салливана без малого три часа. При всём моем скептицизме и ёрничестве – не самым плохим и весьма запоминающихся.

Глава 21 – По Кольцу Керри – Несколько слов о погоде, сказочных существах и ирландском кофе

Знаменитый путешественник и превосходный рассказчик Генри Мортон писал о тех местах, по которым мы сегодня скользили на нашем беленьком автобусе, так:

«Керри – магический уголок Ирландии. <...> В Керри вам кажется, что в горах на вас в любой момент может быть совершенно нападение. Проведите хотя бы день в Керри, в одиночестве, в стороне от дорог, круто спускающихся к морю, и тогда поймёте, почему ирландцы, живущие в глухих местах, верят в колдунов и неземных существ...»³⁸

Дальше Мортон пишет о том, что деревни здесь бедные, маленькие и грязные, в городках незаметно никакой жизни настолько, что иногда кажется, будто в них пришла смерть.

Сразу скажу, что за те 80 лет, на которые Мортон нас обогнал, Кольцо Керри значительно изменилось. Причём в лучшую сторону. Осталась мистика пейзажей и щемящая ирландская грусть, но при-

дорожные посёлки радовали глаз пастельными оттенками новеньких фасадов, а кое-где даже попадались люди.

Чтобы понять, где мы находились, возьмите карту Ирландии и посмотрите на низ острова. Слева вы увидите несколько зазубрин, как выхлоп из сопла ракеты, вдающиеся в Атлантический океан. Это и есть полуостров Айверах с графством Керри. Часто в путеводителях его объеди-



³⁸ Г.В. Мортон, «Ирландия. Прогулки по священному острову» («Мидгард», 2009, стр. 167)

няют с соседним графством Корк, где мы побывали накануне, когда поднимались к Камню Бларни.

Кольцо Керри – это не доисторический артефакт и не волшебный перстень. Это – паутина проезжих и пешеходных дорог, которые бегут вдоль прибрежной линии и образуют неправильной формы круг. Отсюда и расхождения в расстояниях: в одних справочниках говорится, что протяжённость всего маршрута 166 километров, в других – 179. Одни пишут, что для прогулки по нему нужен день, другие – что мало и двух. Думаю, всё зависит от вашего желания воспринимать этот мир на скорости автомобиля или же не торопясь, пешком, с паузами и размышлениями.

Есть ещё благодатная возможность проехать по здешним местам на велосипеде, но тогда будьте готовы к тяжёлым испытаниям: дороги тут не из лёгких. Мы видели нескольких смельчаков, которые с трудом проворачивали колеса на очередном подъёме. И дело вовсе не в одном только гористом рельефе. По всему побережью не переставая дуют ветры с океана. Так что если вы знаете, что такое ехать на велосипеде, когда вам в лицо настырно бьют волны тугого воздуха и негде укрыться, а дорога под вами взбирается на очередной неприступный холм, и вам это нравится, тогда – вперёд, Кольцо Керри для вас!

Кстати, я обещал сказать два слова об ирландской погоде в целом.

У ирландцев как людей довольно набожных, можно сказать, потомков друидов, есть немало разных молитв. И многие обращены к природе. Так в одной из них говорится: «Пусть ветра всегда дуют тебе в спину, солнце греет тебе лицо, а дождь орошает твои поля». Пожалуй, действительно, если бы я родился ирландцем, вышесказанное было бы моим извечным желанием. Ещё говорят, что в Ирландии существует несколько типов погоды, и вы можете все их увидеть в один день. Дожди здесь идут неделями. Когда проглядывает солнышко, эти блаженные перерывы местные жители называют “*dry spell*” – буквально, «сухие чары».

Виной всему Атлантика с её Гольфстримом. Считается, что если бы не это тёплое течение, средняя температура опустилась бы в этой части Европы градусов на 15. Оно – причина дождей и отсутствия сильных снегопадов.

Ирландцы, как и все обитатели Британских островов, обожают поболтать о погоде. Если вы не прочь вступить с ними в беседу,

будьте готовы использовать и услышать следующие обычные для здешних мест эпитеты: “*fierce*” (свирепая), “*desperate*” (безнадёжная), “*brutal*” (зверская). Причём они подходят во всех случаях: если слишком холодно, слишком дождливо или слишком жарко.

Настроение в разговоре о погоде тоже важно. Если вы скажете ирландцу:

- Какой отличный выдался денёк!

... не удивляйтесь, если услышите в ответ хмурое:

- Долго не протянет.

На закате первого в году солнечного дня тот же ирландец хмыкнет:

- Вот и лето прошло.

Если вы родились где-нибудь на юге России, в Ирландию вам в любое время года стоит ехать в куртке и шапке. Иначе всё удовольствие будет испорчено холодом и кашлем. Температура плюс 10 градусов, по словам самих ирландцев, считается здесь «мягкой». Когда же на термометре плюс 20, местные жители начинают задыхаться и либо запираются в домах с кондиционерами, либо тащат всё семейство на пляж, причитая:

- Ну и жара!

Одним словом, нам в тот день с погодой повезло. Если бы не 5 градусов и пронизывающий ветер, можно было подумать, что наступило «лето», ибо по всему пути нас сопровождало солнце, а выразительные тучи не столько пугали, сколько умело позировали перед моим фотоаппаратом, создавая насыщенные настроением кадры.

Я не большой мастер описывать природу и потому, если это приемлемо, отошлю вас к знаменитым фильмам Джексона «Властелин колец» и «Хоббит», где фигурируют ландшафты Новой Зеландии, куда многие наши с вами соотечественники с некоторых пор стремятся именно затем, чтобы насладиться красотами тамошних ландшафтов. Признаюсь, стремился и я, пока не выяснил, что такая поездка, которая грезилась мне – с переездами и перелётами с севера на юг, с вертолётными обзорами и т.п. – обошлась бы мне в 15 000 долларов на двоих за какие-то неполные две недели. Причём смотреть в Новой Зеландии, действительно, кроме природы, почти не на что. Говорю я это к тому, что виды, открывающиеся то и дело на Кольце Керри, ничуть не хуже. Я уже упоминал, что в группе с нами были новозеландцы: пожилая мать и взрослая дочь. Так вот,

они были так влюблены в свою далёкую родину, что охотно демонстрировали её великолепие на снимках, которые возили с собой в планшете. Когда мы с женой их посмотрели и вежливо выразили свой восторг, нам полегчало: камней, травы, желтых пляжей, голубовато-зелёной воды, холмов и неба в калейдоскопе туч вполне хватало и вокруг. Так что Новая Зеландия может спокойно подождать до лучших времён. Ведь все страны мира можно разделить на три категории: в которые нужно ехать обязательно, за любые деньги; в которые стоит ехать, если эта поездка вам оплачивается, например, как командировка; и страны, в которые не стоит ехать ни за какие деньги. Называть их по именам не стану, чтобы никого не обидеть. У каждого своя Ойкумена.



Один из видов Кольца Керри.

Кстати, что касается упомянутых Мортонем неземных существ, то их здесь тоже легко представить, в особенности, думаю, если не просто проехать по Кольцу Керри погожим деньком, а заночевать в какой-нибудь деревеньке. Между нами: даже в пригородах Лондона, в Эшридж Колледже, я пошёл как-то прогуляться под вечер в соседний лесок, вооружившись, как сейчас помню, одним апельсином, и набежавшие сумерки настолько преобразили всё вокруг, что

я при всём своём скептицизме почувствовал нечто неладное. Тем более что я успел спуститься в небольшой, заросший деревьями и кустарником овражек, и в темноте уловил вокруг себя движение. Было весьма неприятно. Когда глаза привыкли к полумраку, я различил, что овраг буквально кишит всякой живностью, начиная от белок и заканчивая чем-то похожим на небольшого оленя, но ощущение непередаваемой тревоги не прошло и памятно мне до сих пор. В наших лесах ничего такого со мной никогда не происходило.

Итак, что нужно знать о потусторонних силах и существах, когда путешествуешь по Ирландии? Во-первых, что они гораздо реальнее, чем вам кажется. Не каждому, разумеется, удаётся воочию увидеть фею (*fairy* или *faerie* – что на самом деле не только фея, но также эльф и вообще любое хрупкое и миниатюрное существо), но многие замечали её присутствие. Например, когда из квартиры ни с того ни с сего пропадают вещи. А потом иногда оказываются на тех же самых местах. При этом в квартире живёт один человек, который сам себя едва ли будет разыгрывать. Хуже, когда пропадают дети. Верой в фей (далеко не таких добрых, как в нашей русской традиции) объясняются то и дело встречающиеся в картинных галереях портреты маленьких лордов и графов, наряженных девочками. Причиной тому вера жителей британских островов в то, что феи любят похищать именно мальчиков. Вот их и прятали в женские одежды, чтобы обмануть злых воровок.

Ирландцы давно составили своеобразный ТОП-10 своих мифологических и легендарных существ. Предлагаю, пока автобус везёт нас по извилистым дорогам среди скал океанского побережья, хотя бы бегло просмотреть его, поскольку другого времени может и не представиться.

На десятом месте – существо женского пола по имени «бенши» (*the Banshee*). Его можно писать и с заглавной буквы, но это всё-таки скорее имя не собственное, а собирательное, означающее в переводе с ирландского «женщина с волшебных холмов». Её появление считается предвестием скорой смерти. Необязательно её видеть: достаточно услышать протяжные завывания, и ваша песенка, что называется, спета. Внешне она может походить и на Бабу-Ягу, и на соблазнительную красавицу. Иногда она может принимать вид птиц и животных типа черноголового ворона, горностая, зайца или ласки. Звуки она тоже издаёт разные. У нас в Керри она красиво поёт. В провинции Ленстер – кричит так пронзительно, что лопа-

ются стёкла. В графстве Тирон кажется, что доской бьют о доску. На острове Ратлин бенши пугает визжащим звуком, похожим одновременно на крик женщины и стоны совы. Говорят, иногда её заставляли стирающей кровавые одежды и смывающей кровь с доспехов, хозяин которых вскорости умирал. Последний раз бенши видели в 1948 году.

На девятом месте – умелый оборотень под смешным названием «пука» (*pooka*) или чертёнок. По сути своей это гоблин, если вам такое сравнение о чём-то говорит. В наш мир они попадают для того, чтобы производить разрушения. Если пука в хорошем настроении, он просто сломает вам забор или напугает коров. Если же он встал не с той ноги, то может стоять перед вашим домом и выкрикивать имена жильцов. Только не вздумайте выходить – схватит и поминай как звали. Какой бы облик ни принимал пука, будь то лошадь, кролик или собака, его отличительной особенностью является тёмная шерсть. Единственным днём в году, когда от пуки ждут подобного поведения, является почему-то 1 ноября.

На восьмом месте тоже нечто вроде оборотня – ченджлинг (*changeling*). Суть этих существ в самом корне “*change*” (замена, менять). Дело в том, что британские феи стремятся ко всему внешне красивому. Поэтому если у них рождаются уродливые дети, они пытаются от них избавиться. Для этого они проникают в наш мир и подменяют новорожденных. Внешне такой ченджлинг ничем от обычного ребёнка не отличается. Однако в душе, как говорится, он и не человек вовсе. Ему нравится приносить несчастья, нравится, когда родителям плохо и т.п. Вы могли встретиться с ченджлингом в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь». Скарлетт О’Хара из продолжения «Унесённых ветром», если помните, тоже считала, что незаконный ребёнок Батлера – оборотень. Наверняка вам сразу же приходит на ум серия фильмов «Омен» про ребёнка-монстра и его несчастных родителей.

Седьмое место по популярности в Ирландии занимает арфа, принадлежавшая могучей сущности, жившей в облике мудрого старца по имени Дагда. Этот Дагда был по совместительству вождем племени золотовласых людей, которые постоянно воевали со своими соседями, черноволосыми. И вот как-то раз эти последние украли огромную и прекрасную арфу Дагды и спрятали её в уединённом замке. Дагда выследил воров и, стоя под стенами замка, окликнул свою арфу. Которая, разумеется, послушно слетела к нему в

руки. Тогда он ударил по струнам, и арфа отозвалась Музыкой Слёз, отчего все обитатели замка зарыдали. Второй аккорд прозвучал Музыкой Радости, и все стали смеяться. Наконец, арфа заиграла Музыку Сна, и все вражеские воины заснули, после чего Дагда беспрепятственно удалился. История, согласитесь, непритязательна, однако образ арфы стоит запомнить хотя бы потому, что он положен в основу государственного герба Ирландии и встречается повсюду, включая эмблему знаменитого пива «Гиннесс», о котором речь пойдёт в своё время.

На шестом месте сразу несколько персонажей, объединенных под названием Дети Лира. Лир был правителем моря. Когда его жена умерла, он женился на её сестре, а та, как водится, оказалась настоящей мачехой, то есть невзлюбила доставшихся ей по наследству детей. Желая от них избавиться, она привела их как-то к озеру и, пока они весело купались, превратила в лебедей. Чары должны были потерять силу лишь тогда, когда поблизости пробьёт колокол. Христианский, разумеется. Но произошло это только с приходом в Ирландию св. Патрика, то есть через 900 лет. Вот такая грустная история, явно пропиаренная церковью.

Кстати, упомянутый св. Патрик занимает следующее по важности, пятое место. Для большинства ирландцев св. Патрик – «классный мужик, который принёс в мир погожие деньки и зелёное пиво». Святым его сделали через несколько столетий после смерти. Более того, он даже не был ирландцем. Он родился в Британии в зажиточной семье, но был украден в юном возрасте и продан в Ирландию в рабство. Там он обратился в христианскую веру, а когда освободился, стал проповедовать её направо и налево. После смерти о нём благополучно забыли. Когда же зачем-то вспомнили и превратили в святого, монахи стали с восторгом рассказывать о творимых им при жизни чудесах, в частности, о том, как он выгнал из Ирландии всех змей. Здорово, конечно, только змей в Ирландии, как выясняется, нет и никогда не было. Зато теперь в его честь назван целый день, 17 марта, который в некоторых странах типа самой Ирландии и ряде провинций Канады считается государственным праздником, а во многих точках Земли, вроде Буэнос-Айреса, Нью-Йорка или той же Москвы (с 1992 года) – поводом покуролесить, одеться во всё зелёное и выпить пива. Первая часть праздника представляет собой почти военный парад с музыкой и маршами, а вторая – загул и веселье. Самый короткий парад в мире на День св.

Патрика устраивается в деревеньке Дрипси, которая тоже попадает в Кольцо Керри. Он проходит на расстоянии меньше 100 метров, разделяющем два соседних паба. Зелёное пиво я упомянул потому, что бармены по традиции подкладывают в него всякие пищевые красители (надеюсь, что не зелёнку). Символом же праздника является Трилистник (*Shamrock*).

Который занимает четвертое место в нашем с вами списке. Это не просто зелёный лист клевера, на примере которого св. Патрик проповедовал идею св. Троицы (чего, как сегодня доказывают историки религии, он никогда не делал). Друиды считали трилистник священным растением, отпугивающим зло. Кельты в более широком смысле видели в трех листьях, во-первых, выражение тайного числа, а во-вторых, обращали внимание на то, что сами лепестки похожи на три соединённых сердечка. Существует поверие, что счастье будет тому, кто найдёт клевер с четырьмя лепестками. Как символ трилистник широко стал использоваться в Ирландии с конца XVIII века, и сегодня его можно увидеть на марках, открытках, в орнаменте домов, на монетах и в эмблемах многих ирландских фирм.

На третьем месте – практически неизвестный нам Финн Мак-коул. Финн (*Finn* или *Fionn*) – это фактически прозвище, означающее «светлый». Потому что в детстве его звали Дейни (*Deimne*), но потом волосы его раньше срока поседели. Для ирландцев он – нечто вроде русского Добрыни для нас: смелый богатырь, который не даёт спуска врагам. Однажды он поймал лосося, который обладал вселенской мудростью. Разумеется, Финн решил его зажарить и съесть, чтобы тоже поумнеть. Пока он готовил рыбину, сок брызнул и обжёг горе-повару большой палец. Финн машинально сунул его в рот – и познал всё то, что знал лосось. С тех пор всякий раз, когда ему нужен был совет, он сосал палец и получал искомый совет. Умер Финн неизвестно как и неизвестно где. Некоторые считают, что он вовсе не умер, а заснул где-то под землёй Ирландии. И когда настанет решительный час, он и его воинство пробудится от сна и накрутит хвост всяким супостатам³⁹.

На втором месте – собирательный образ фей, то есть не тех «фей», которые являются в облике представительной дамы какой-нибудь золушке, а существ не из нашего мира, точнее, живущих

³⁹ Тут можно вспомнить очень похожую историю про Хольгера Датского, рыцаря, который спит под стенами замка Кронборг в городке Хельсингёр.

вокруг нас, но вне того узкого светового и звукового спектра, который мы с вами, дорогие друзья, благодаря всяким УЗИ, прививкам, фторосодержащим зубным пастам и прочей гадости не можем воспринимать. Кошки могут, некоторые маленькие дети (если им не мешать насмешками) могут, а мы, увы, нет. Нас вообще учат, выражаясь фигурально, смотреть в одну точку и не видеть ничего вокруг. Но ведь и мозаику вблизи не рассмотришь. Надо отойти подальше, и тогда все точки сольются в понятную нам картину. Просто кому-то очень хочется, чтобы мы её с вами не видели и даже не догадывались о том, что она существует. Ученые давно знают, что человеческий глаз видит лишь 0,005% светового спектра. Если это так, то как же глупо звучит в наших устах возмущённое: «Такого не бывает!». Бывает, только мы не видим. А если и видим, то зафильтрованный повседневностью мозг (который, собственно, и преобразует вибрации света в картинки), говорит: «Неа, тебе показалось, старик». Если интересно, можете провести простенький эксперимент. Сядьте перед экраном компьютера, чтобы никто и ничто вас не отвлекало, включите какой-нибудь увлекательный фильм и проследите за собой. Не важно, горит при этом в комнате свет или стоит темнота: когда вы будете смотреть на экран, следя за событиями, в какой-то момент краем глаза (это принципиально) вы уловите вокруг вас какое-то движение. Если вы отвлечётесь и посмотрите в это место, то ничего не увидите. Но стоит вам снова увлечься фильмом, движения справа и слева от вас потихоньку возобновятся. Страшного в этом эксперименте ничего нет, более того, вы можете никаких теней или, наоборот, ярко-белых сущностей не заметить, однако попробовать стоит. Это же интересно. А если с такими «феями» подружиться, например, с вашим домовым, то и ему хорошо, и вам польза будет. В частности, «прикормленные» домовые охотно помогают находить в квартире или доме пропавшие вещи. Пробовал, знаю. Иначе бы не говорил. Ну да не про то сейчас речь. Что же касается ирландских *faeries*, то они, в отличие от себе подобных в других уголках Британщины, характеризуются и по сей день завидной активностью и мало чем напоминают Питера Пена. Фея в здешней традиции тоже существо женского рода, хотя может принимать любые формы, которые пожелает. А желает она, как правило, быть красивой, могущественной и неотразимой, что не должно никого вводить в заблуждение, поскольку встречи с ир-

ландскими феями предвещают смертным исключительно беды и несчастья. Одним словом, увидите фею – уносите ноги.

Наконец, на последнем, то есть первом месте в иерархии местных сказочных существ по популярности стоит (или сидит) лепреккон. Сразу запомните, как он пишется по-английски – *leprechaun*.



Почему это важно? Потому что носители английского языка на его примере любят проверять, знает ли их собеседник грамматику. Причём это относится не только к иностранцам типа нас с вами, но и к таким же носителям, потому что слово это часто пишут неправильно. Кто же такой лепреккон? Это

эльф, как правило, в зелёном сюртучке и зелёном котелке. В отличие от своих сказочных братьев, они довольно высоки ростом, и их частенько можно принять за обычных старичков. Современная традиция, правда, всё чаще изображает их маленькими и похожими на смешливых мальчишек. Главное – лепрекконы обожают собирать золото, складывать его в глиняные горшки и прятать в концах радуги. Если заметите такого, ловите его во что бы то ни стало: будучи пойманным, лепреккон, как наша отечественная Золотая рыбка, обязан выполнить три ваших желания.

Автобус остановился на обочине шоссе. Прямо перед нами простирался узкий залив, обрамлённый вдалеке скалистыми выступами. К воде поперёк галечного пляжа вела широкая бетонная плита. Сзади притих пёстрый чистенький городок, а на далёком зелёном утёсе слева притулился одинокий беленький домик, в котором хотелось жить.

Городок называется Уотервилль, хотя ирландское его название более подходяще – *Coirean*, то есть «серп» (помните одноименный комплекс в Бате?), что оправдано формой вышеупомянутого залива.

Первыми поселились здесь в конце XVIII века представители одного из самых аристократических ирландских родов – Батлеры.

Они-то и окрестили своё поместье на французский манер Уотервиллем (*Waterville*, т.е. «деревня у воды»). Впоследствии вокруг поместья вырос городок, точнее, посёлок. Жизнь в эти места вдохнул в конце XIX века технический прогресс: неподалёку был проложен первый телеграфный кабель через Атлантику.

Здесь же вы сегодня можете увидеть бронзовую статую грустного комика Чарли Чаплина. Оказывается, он очень любил приезжать сюда на отдых и селился в гостинице «Батлер Армс», вон в той, с простеньким фасадом, что выходит прямо на залив. Правда, в 70-е годы гостиницу снесли, а на её месте построили отель «Озеро Уотервилль». Что до Чаплина, то он впервые появился здесь в 1954 году, после чего навещался каждый год на протяжении десяти лет. С 2011 года в его честь здесь проводится ещё и кинофестиваль.

Уютные городки, продуваемые всеми ветрами долины и глубокие ущелья, маленькие стада овец, гряды камней, зеркальные блюдца озёр, серые руины замков, мосты над речками сменяли друг друга на протяжении всего нашего пути. Время от времени мы делали остановки, получали возможность поснимать естественные красоты и скользили дальше. Некоторые из снимков, включая метровую панораму так называемого «Вида фрейлин», теперь помещены в рамы и украшают стену моего рабочего кабинета.

«Вид фрейлин» (*Ladies view*) называется так потому, что в 1861 эти места посетила с двором королева Виктория, а её фрейлины пришли от увиденного в бурный восторг.

Будете в тех местах, не забудьте навеститься также в Ущелье Данло (*Gap of Dunloe*), откуда открываются виды на усыпанный валунами проход и три небольших озера. При наличии времени посетите Водопад Торк (*Torc Waterfall*), что падает с 18-метровой высоты в озеро Маккросс. На том же озере стоит симпатичный, уютный плющом особняк Маккросс-хаус XIX века.

Не знаю, проголодался ли наш автобус, а мы предложение Вари остановиться и подкрепиться в придорожном кафе восприняли с энтузиазмом. Тем более что кафе представляло собой необычный одноэтажный домик с жёлтыми стенами, красными окнами и толстенной (я бы даже сказал «пышной») крышей из сухого рогоза (неправильно называемого у нас «камышом»). Здесь тоже было самообслуживание, чем мы не преминули воспользоваться и взяли вместе с яблочным пирогом чай и ирландский кофе.



Придорожное ирландское кафе. Здесь мы пили одноимённый кофе. Обратите внимание на крышу из рогоза.

Как капучино можно пить только в Италии, так и ирландский кофе стоит пробовать исключительно в Ирландии. Потому что только тут он настолько холодный и обжигающе горячий, каким должен быть. Подаётся в пузатом бокале на длинной ножке. Чтобы получить правильное сочетание вкусов, берётся 40 мл ирландского виски, 80 мл горячего кофе, 30 мл взбитых сливок и 1 чайная ложка коричневого сахара. Запомните, сливки должны быть холодными и именно взбитыми заранее, а не размешенными в кофе. Потому что пить ирландский кофе принято не с ними, а через них.

По легенде его рецепт придумал некто Джо Шеридан, повар из деревеньки Фойнс, что в графстве Лимерик. Предшественником нынешнего аэропорта Шеннон был как раз Фойнский порт, и как-то суровой зимой в середине 40-х годов прошлого века там сошли на берег несколько американцев. Чтобы согреть посетителей, Джо подлил в кофе виски. Когда же американцы поинтересовались, не бразильский ли это кофе, он гордо ответил:

- Нет, ирландский.

С тех пор, говорят, и пошло-поехало.

Посидели, подкрепились и снова в путь-дорогу. Снова поля, руины замков, речки, домики с пышными травяными крышами и камни, камни, камни.

Следующая остановка случилась по плану в городке Килларни. Обычно отсюда маршрут по Кольцу Керри начинается, мы же здесь с ним фактически прощались. Городок, как водится, маленький да удаленький. Настолько, что Оливер Кромвель в отместку за упорство местных жителей в гражданской войне почти сровнял его с землёй. Так что всё пришлось отстраивать заново уже в XVIII веке.

Путеводители называют Килларни «туристическим городом», вероятно, имея в виду, что тут всё нацелено на развлечение нам подобных. Думаю, не столько на развлечение, сколько на пускание пыли в глаза и обдираловку. Так основным аттракционом, на который записалась большая часть группы, считается катание с кучером в двуколках вокруг города. Могу ошибиться, но стоит это удовольствие чуть ли не 60 евро с человека. В результате вы сидите в пахучей тележке, запряжённой тяжеловесным мулом, который еле-еле переставляет копыта. Потому что если запрячь обычную лошадь, то она обежит городок минут за 7. А надо растянуть «удовольствие» на добрых полчаса.

По-видимому, наши товарищи чувствовали себя идиотами, потому что когда мы увидели их возвращающимися к точке сбора, все громко смеялись.

Мы, кстати, тоже немало позабавились, когда потратили свободное время на прогулку по магазинам и выяснили, что местный ассортимент очень похож на ассортимент соседней с нашей подмосковной деревней Кубинки. Причём вовсе не в упрёк Кубинке будет сказано. Всюду одно и то же, причём почему-то именно то, что тебе совершенно не нужно. Даже на память. Хотя, нет, на память мы кое-что всё же купили: дощечку для туалета, на которой в пошловато-табуированной форме перечислены коротенькие правила поведения в столь важном месте.

Глава 22 – Лимерик. А также стихи, суп, Бунратти и немножко деревни.

В Лимерик мы приехали под вечер. Точнее даже не в сам Лимерик, а в его пригород, где находилась больше других полюбившаяся Алине гостиница «Рэдиссон Блю». До города оставалось километров шесть, но их мы планировали преодолеть на следующее утро, а пока же нам дали возможность передохнуть, кто как хотел.

Обычно, когда в групповых поездках, в которых я принимал участие в 90-е годы, возникали паузы, я стремился дальше, к новым, а главное – самостоятельным впечатлениям и потому гулял по закоулкам незнакомых городов большую часть ночи. Сейчас моё восприятие несколько изменилось, дартаньянства поубавилось, и потому куда-то мчаться уже хочется не всегда. Появилось ощущение Меры. В силу всего этого мы с Алиной решили порадоваться погожему вечеру и просто погулять, благо вокруг были сплошные поля и леса. Вари любезно подсказала нам направление, в котором, как она помнила по прежним своим турам, находился неплохой деревенский ресторанчик, где мы могли бы поужинать. Впервые не взяв с собой ни карты, ни даже фотоаппарата, чтобы не чувствовать себя туристами, мы отправились разведывать окрестности.

Шоссе, по которому мы сюда приехали, было здесь единственным. Там шумели машины, и мы оставили его позади, а сами пошли по прямой аллейке между совершенно непритязательными деревенскими заборчиками, частично деревянными, частично каменными.

Если вы привыкли к средней полосе России, то сельские ландшафты многих европейских стран могут показаться вам несколько странными в силу того, что здесь люди часто селятся не группами, иначе говоря, деревнями, а отдельно, если можно так выразиться – хуторами. Особенно это заметно, когда путешествуешь по датскому полуострову Ютландия, где между домами, объединяющими дватри строения, сотни метров, возделанные поля и сады и... никаких заборов. Ирландия, которую мы застали под Лимериком, отличалась лишь тем, что формальные ограждения были, в садах ничего толком не выращивалось, а дома представляли собой скорее забро-

шенные поместья в один дом, часть которых продавалась, а другая стояла просто безжизненная. За всю полуторачасовую прогулку мы встретили лишь одну женщину со сворой далматинцев на поводках да уступили дорогу двум-трём автомобилям.

По пути мне вспомнилось, откуда название Лимерик казалось мне странно знакомым, хотя как среднестатистический ирландец я до нашей поездки знал разве что Дублин (в связи с писателем Джеймсом Джойсом и его бесконечным романом «Улисс») да Белфаст с Ольстером (которые в прошлом веке не сходили с экранов телевизоров в связи с беспорядками между тамошними католиками и протестантами). Из поэзии. Ибо лимерик – это форма юмористического стишка, вроде нашей частушки, только менее глубокомысленного, поскольку в нём обычно обыгрывается какая-нибудь бессмыслица. Обычный лимерик состоит из пяти строк, рифмующихся по принципу ААББА, причём в «классической» версии конец последней строки должен в точности повторять конец первой, что соблюдается не всегда. Например, стишок может выглядеть так:

*The limerick packs laughs anatomical
In space that is quite economical.
But the good ones I've seen
So seldom are clean
And the clean ones so seldom are comical.*

В моём экспромтном переводе это прозвучало бы как:

*Лимерик смешит анатомично,
Юмор в нём лежит экономично.
Ну а те, что к смеху побуждают,
Не всегда приличными бывают.
Редко что прилично, то комично.*

Точная связь с городом Лимериком у этой формы стиха до сих пор, как ни странно, не установлена. Считается, что их объединяет традиционный рефрен, который в XVIII веке частенько использовался в подобных бессмыслицах и звучал как *Will you come up to Limerick?* (Возвращайся в Лимерик). Говорят даже, что эта фраза была припевом в хоровой песне ирландских солдат того времени. Наиболее известным автором лимериков называют Эдварда Лира,

поклонниками которого были и повёрнутый на маленьких девочках Льюис Кэрролл, и пошляк Хармс, увы, считающийся сегодня чуть ли не гением глубокомысленного безмыслия.

Просёлочная дорога в тот вечер так никуда нас и не привела. Мы дошли до перекрёстка, свернули налево, прошли ещё примерно с километр и решили возвращаться. Ужинать уже хотелось больше, нежели искать подходящее (ещё неизвестно насколько) место, так что мы, в конце концов, повернули вспять и уже в сумерках снова оказались в отеле. Накрыли нам прямо в уютном баре, за высоким столиком, где пространства хватало лишь на одну перемену блюд.

Начали с супа. Забегая вперёд, скажу, что супы на островах – это спасение. Если вы по какой-то причине не знаете, что выбрать, заказывайте суп. К нему почти всегда подадут хлеб и масло. Суп будет, разумеется, далёк от нашего привычного борща или бульона, он тут скорее напоминает протёртую овощную кашницу, но при этом весьма питателен и в большинстве случаев недурён на вкус. В истории Ирландии было время, когда суп играл не только продовольственную и экономическую, но даже политическую, точнее религиозную роль.

Случилось это в 40-е годы XIX века, ставшие временем всеобщей голодухи ввиду неурожая спасительной картошки. Английские землевладельцы, хозяйничавшие тогда в Ирландии, помогали своим обедневшим арендаторам тем, что кормили их супами. А поскольку англичане были протестантами, то главным условием допуска до халявного супа был переход из католичества в протестантизм. Тех, кто под напором пустого желудка менял свои взгляды и становился католиком, называли “*soup taker*” (супоедом). Времена голода прошли, теперь суп едят все, кому ни лень, однако выражение осталось для называния того, кто поступился принципами ради личной выгоды.

На второе мы решили пройтись по рыбе. На сей раз я взял “*fish & chips*”, а Алина заказала “*salmon*” и получила замечательное филе лосося. Кстати, я к стыду своему выяснил, что до сих пор называл эту рыбу неправильно – «сэлмн». Хотя все официанты понимали и отвечали, на мой слух, точно также. На самом деле английский лосось – не что иное, как наше солнце: «л» пишется, но не произносится. Поэтому читаешь “*salmon*”, говоришь «сэмн».

«Гиннесс» нас ждал в Дублине, на заводе, так что мы решили на другие сорта не размениваться и взяли по бокалу холодного сидра, что всегда безошибочно приятно.

Уже в номере я вышел в Интернет и, сверившись с картой, предположил, что искомый нами ресторан всё же существовал. Мы не дошли до него всего каких-нибудь километра три. Просто дорога уходила в безлюдные кусты и поля, а потому мы не решились идти в никуда. Жаль, конечно, что не удалось посидеть в атмосфере сельского паба, но, во-первых многое ещё было впереди, а во-вторых, я уже знаю, что когда чего-то из запланированного не делаешь, это верный признак того, что когда-нибудь обязательно представится случай наверстать упущенное. Побывать под Лимериком снова я бы не отказался.

Знакомство с городом произошло ранним утром следующего дня. Для этой цели к нам подъехал специальный гид, пожилой ирландец с большим острым носом. Он деловито занял место Вари, которая получила возможность отдохнуть от нас, и взял бразды правления в свои руки.

По пути в город мы проезжали довольно симпатичные маленькие особнячки, утопавшие в придорожных садах. От нашего нового гида мы узнали, что всего за несколько лет до того эти дома стоили в среднем по миллиону евро (вы не забыли, что глупые ирландцы, в отличие от англичан, шотландцев и валлийцев, согласились пустить к себе этот заменитель национальных денег?), тогда как сейчас содержать их уже обходится слишком дорого, производства закрываются, народ нищает, и цены на жильё упали на 60%. Мне вспомнился один мой коллега, который накопил 8 000 долларов, чтобы купить Ладу, а через два дня после счастливой покупки грянул так называемый кризис 1998 года, и ту же Ладу можно было без очереди купить меньше чем за 2 000. Это не лишний раз доказывает, что любые вложения в недвижимость, по меньшей мере, неразумны, если только вы не собираетесь сами в ней жить или сразу же попытаться её кому-нибудь сдать. Но если вашему правительству захочется, оно всегда сможет задушить вас налогами «на роскошь» или просто отберёт землю под домом, которая никогда вам не принадлежала и принадлежать не будет. Однако не будем о грустном.

Лимерик по-ирландски называется *Luimneach* (Лимнэх) и считается третьим по населённости в Республике и пятым – на острове

(ведь север занят британской Северной Ирландией). Стоит он на реке Шеннон. Ещё в 812 году н.э. здесь было поселение викингов. Пришедшие через 300 лет норманны поселение расширили и построили такие до сих пор сохранившиеся достопримечательности, как замок Короля Джона (у нас он называется – Короля Иоанна) и собор св. Марии. В дальнейшем городу не раз приходилось оказываться в эпицентре распрей и войн. В 1651 году его брал штурмом Кромвель, а в конце XVII века он стал камнем преткновения между якобитами (последователями католического короля Якова II) и вильгельмитами (протестантами из войска короля Вильгельма Оранского).

Эта последняя осада города вошла в местный фольклор как героическое поражение, скреплённое Лимерикским соглашением, по которому ирландцы клялись в верности Вильгельму и его жене Марии, а Англия обещала не ущемлять права католиков. Ирландцы (судя по нашему гиду) до сих пор очень живо помнят это соглашение и то обстоятельство, что англичане его с завидным постоянством нарушали. Мы проехали мимо того места, где Лимерикское соглашение было подписано: здесь, на берегу Шеннона, перед поворотом на мост, ведущий к замку Короля Иоанна, стоит на пьедестале камень, служивший, вероятно, подставкой, когда документ заверялся печатями. Как бы то ни было, девизом Лимерика стало латинское выражение: *Urbs antiqua fuit studisque asperrima belli* (Древний город, познавший искусство войны).

Наступивший мир позволил городу расправить крылья и почти что процветать до 1800 года, когда королевство Ирландия вошло в состав королевства Великобритания. После чего бедственное положение усугубилось Великим Голодомором.

Развитие железнодорожного транспорта поначалу вдохнуло в Лимерик, ставший одной из крупнейших развязок на острове, жизнь. Однако в 1919 году грянула мини-революция, местные профсоюзы объявили забастовку, как считается, против английского милитаризма, и Лимерик стал столицей самопровозглашённой... советской республики. Правда, советская власть продержалась тут меньше двенадцати дней и разбежалась.

Проехав по мосту, мы оказались рядом с замком, но даже не остановились. Снаружи, со стороны неплохо обжитой белыми лебедями реки, замок с пятью башнями смотрится неплохо, однако внутри вы не обнаружите ничего интересного, кроме городской вы-

ставки. С почти мазохистским удовольствием гид показал нам новый вход в замок – непонятную серую пристройку прямо к стене с противоположной от реки стороны, больше похожую на забытые здесь строительные леса. И это притом, что оригинальные большие ворота, обращённые к улице, замечательно сохранились.

Вскоре справа по ходу движения автобуса проплыло самое старое здание в Лимерике – церковь св. Марии. Считается, что оно построено в 1172 году, однако до наших дней от первоначальной постройки дожил лишь романский вход да неф.

Уже в Лимерике моё внимание привлекли подъезды старых жилых домов. Представьте себе, что под стенами вашего дома прорыт примерно метровой ширины ров, в котором видны окна подвала. Надо рвом к каждому подъезду переброшен каменный мосток, заканчивающийся дверью, над которой, как кокошник, круглится стекло в белой паутине перемычек. Сами же двери отличаются друг от друга цветом (красным, желтым, чёрным, синим и т.п.), из-за чего весь дом напоминает пенал с акварельными красками. Таков здешний георгианский стиль и взглянуть на него можно в самой приятной части Лимерика в Ньютаун-Перри.

Вообще же в Лимерике есть ещё два исторических района. Королевский остров, на котором находится замок Иоанна и собор св. Марии, был первым местом, где осели викинги. Теперь район этот называется Инглиштаун. Его мы с вами тоже только что проехали. Наконец, к югу находится старый Айриштаун – место мрачноватое, но и там тоже есть свой георгианский район на Сент-Джон-сквер и собор св. Иоанна с самым высоким в стране шпилем – 85 метров.

Если поговорить с ирландцами, то можно быстро выяснить, что Лимерик заработал в стране репутацию города безработного, преступного и вообще небрежного во многих отношениях. Вероятно, поэтому наш гид ограничился лишь автобусным проездом по его улочкам и набережным, после чего скомандовал Кёрсти ехать обратно. Не в саму гостиницу, где нас уже не ждали, а мимо, по тому же шоссе, в славное местечко по имени Банратти (*Bunratty*).

Насколько я сейчас вспоминаю, сам гид произносил это название как «Бунратти». Интересно, что на ирландском расположенная здесь деревенька называется *Bun Raite*, а замок, ради которого, собственно, мы и приехали, слегка по-другому – *Bhun Raithe*. В любом случае это означает «устье реки Ратти».

Территория замка, разумеется, огорожена каменной кладкой и вход ведётся строго по билетам. Дорога к замку петляет по небольшому парку, в котором обитает всякая Ирландская скотина. Вообще-то сам парк тоже является здешней достопримечательностью, но в него нам было суждено попасть после замка, так что расскажу по порядку.



Внешне замок Бунратти (такое произношение нравится мне почему-то больше официального) напоминает каменный комод с почти незаметными прямоугольными башенками по углам. Чтобы попасть внутрь, нужно подняться по деревянной лестнице примерно на уровень второго этажа. Как вы понимаете, это обычная мера предосторожности: если бы вы в нём жили и к вам наведались какие-нибудь местные «маскишоу», вы бы просто сломали или спалили эту лестницу – и пусть бы себе пытаются взять вас штурмом со стремянок!

Вход как бы утоплен в высокой арке, так что сверху весьма удобно поливать осаждающих чем-нибудь горячим или горящим.

Нынешний замок стоит здесь с 1425 года. Как водится, история уводит вас аж в X век н.э., когда тут, говорят, тоже жили викинги, однако все предыдущие крепости и замки были разрушены во многочисленных войнах. Самым известным владельцем замка считается клан О'Брайенов, живших здесь на протяжении полутора веков. Сегодняшний интерьер был восстановлен «как при Великом эрле», причём если мебель и не совсем оригинальная (поскольку весь XIX век замок простоял заброшенным), то, по словам нашего гида, сделана в те стародавние времена. Главным образом это массивные столы, стулья и лавки. В порядок замок с 50-годов прошлого века

приводил лорд Горт, купивший его у нерадивых хозяев, докатившихся до того, что отдали его под казарму королевской ирландской полиции.

Первая зала, в которую вы попадаете с улицы – старая караульная (*The Main Guard*). Обилием лавок отдалённо напоминает клуб в пионерском лагере, где по вечерам крутили фильмы. Раньше здесь спали, ели и отдыхали солдаты Бунратти. Со специально оборудованной галереи их развлекали менестрели, а неприметная дверь в углу вела прямиком в темницы. Сегодня здесь по вечерам для широкой публики устраиваются банкеты в средневековом стиле: в 17:30 и 20:45. Будет досуг, заходите!

С этажа на этаж вы поднимаетесь по узеньким винтовым лестницам. Единственное, что раздражало меня здесь, как и раздражает всегда и везде – белые стены. Ну не верю я, что нормальный человек будет добровольно окружать себя атмосферой больницы, тем более в средние века эту белизну можно было запачкать в два счёта. Реставраторам, конечно, виднее, но я бы оставил каменные стены каменными. Зато на белой штукатурке отчётливо выделяются старинные, выцветшие гобелены, а высоченные резные деревянные шкафы кажутся почти чёрными.

Когда будете проходить на верхнем этаже через «покои Великого эрла», обратите внимание на светильник XVII века, выполненный в форме женской фигуры, которыми венчали носы кораблей. Кстати, хотя сделали его в Германии, ассоциация с флотом тут не случайна: большой стол посреди покоев, говорят, был сколочен из обломков Испанской Армады⁴⁰.

Больше остальных мне понравился Большой зал, служивший для аудиенций и пиров. Я даже посидел за хозяйским столом на троне с высокой спинкой и ощутил себя немного эрлом. Позади меня был цветной витраж, сбоку стоял дубовый шкаф 1570 года выпуска, на стенах висели выцветшие от времени французские, бельгийские и фламандские гобелены, а по правую руку от меня – выдавший виды двуручный меч. Хотелось вершить праведный суд, но времени уже не оставалось: нас ждал Народный парк (*Folk Park*).

⁴⁰ В 1588 испанцы решили вторгнуться в Англию с моря и отрядили на это дело аж 130 кораблей. Сперва их неплохо потрепал англо-голландский флот из мелких судёнышек, потом в Гравелинском сражении разбил самый известный из пиратов Елизаветы, Френсис Дрейк, после чего сильные штормы выбросили часть бегущих испанских кораблей на побережье Ирландии.

Он являет собой настоящую ирландскую деревеньку и предоставляет возможность увидеть (и потрогать), как жили представители разных классов и ремёсел в Ирландии XIX века. Тут есть и одноэтажные избы простолюдинов, и двухэтажные дома зажиточных крестьян, и хатка рыбака, и кузня, и школа, и почта, и торговые лавки, и, разумеется, сельский паб. Все здания настоящие, перевезённые сюда со всей страны. Постоянно в них никто не живёт, однако часам к 10 утра парк оживает не только благодаря туристам и проснувшейся живности, но и благодаря добровольным сотрудникам, которые облачаются в старые одежды и встают кто к печи, кто за прилавком; женщины пекут хлеб, мужчины что-то мастерят, кто-то кормит овец и оленей, кто-то разливает пиво радостным гостям. Почти во все дома можно войти, что мы дружно и стали делать, обмениваясь впечатлениями. Американки и австралийки сразу вспомнили детство, потому что оно у большинства из них в такой именно обстановке и происходило: печка с торфом, простые столы, наличники на окнах, узенькие маленькие кроватки, кружевные занавески, рукомойники или кувшины с тазиками, подсвечники, даже насест для петуха, который раньше служил живым будильником. В 70-х годах прошлого века я тоже проводил каждое лето на подмосковных дачах, так что ирландский быт показался мне вполне знакомым. Не хватало разве что самовара.

Запомнился очаг в одной из изб. Уж не знаю, почему ирландцы не додумались до наших печей, но представлял он собой следующее. У стены, выложенной камнем, прямо на каменный же пол клались пирамидкой брикеты торфа из большой соседней корзины и поджигались. От стены огонь отделял небольшой лист рифленого железа, дававший дополнительное тепло. Показателем семейного достатка был затейливый кованый краник с крючками, на которые могли вешаться кастрюли и чайники. Краник крепился одним концом к стене, так что его можно было со скрипом придвинуть к огню, выждать, пока вода закипит и снова отодвинуть. Такой вот примитив.

На улице радовалась погожему деньку ирландская весна. Заливались птицы, синело небо, в изумрудной листве играло солнце. Две заросшие охотничьи собаки спали вповалку. Неподалёку на высоких каменных ножках круглился пышный стог сена, напоминающая приземлившийся НЛО. Австралиец Брюс потянул нас куда-то по дорожке и показал свою находку: вольер, в котором паслось се-

мейство оленей. Я не большой знаток животных, однако помню, что в детстве, прошедшем ровно между Одинцово и Барвихой, не затронутыми радостями «рыночной» экономики, мы с бабушкой ходили по аллее Чайковского «смотреть ланей», живших в таком же точно вольере и ничуть не отличавшихся от этих оленей. Нынче на их месте стоят мраморные дворцы, а от аллеи осталось несколько пней.



Сушка сена по-ирландски.

У другого австралийца, Чарли, сегодня был день рождения. По этому поводу мы все собрались ненадолго в местном пабе и подняли за его здоровье бокалы кто пива, кто чая, а кто ирландского кофе, благо напитки в лице Вари оплачивала наша гостеприимная фирма.

Нагулявшись, согревшись и даже купив на память симпатичного лепрекона, приветствующего вас из-за калитки, на которой написано расхожее ирландское изречение «Если вам повезло родиться ирландцем, я считаю, что вам повезло» (*If you're lucky enough to be Irish, than I say that you're lucky enough*), мы сели в автобус и покатали в столицу – Дублин.

Если вы едете из Лимерика в Дублин напрямки, то никакой большой населённый пункт не минуете, ничего интересного не видите, и всю дорогу вас сопровождают желтые и зелёные поля, отгороженные каменными заборами, уютные маленькие домики да насуспенные облака. Мы же отдыхали, никуда не спешили и потому позволили себе сделать круг километров эдак в 100, но зато по пути навестили город Голуэй, расположенный в одноимённом графстве.

Голуэем называется также живописный залив с галечными берегами, по которым в теплых куртках бодро прогуливаются местные жители. Климат здесь считается умеренно-морским, то есть зимы мягкие, лето прохладное и нет резкого перепада температур. Это означает, что в январе ждите плюс 5-6, а в июле плюс 16-17 градусов. Могут быть, конечно, и отклонения, однако средним летним максимумом считается плюс 19. Короче, вечная весна, иногда уступающая место осени.

По здешним меркам Голуэй – город довольно крупный: в нём обитает более 70 000 человек. Окажись он в Китае, в нем бы жило миллионов 7-8. То есть уже не посёлок, но ещё не городище.

Ирландские городки, не итальянские, из которых каждый имеет своё лицо, однако они тоже по-своему самобытные и запоминающиеся, со своей историей. Так если Лимерик небрежен, преступен и даже допустил правление «советов», то Голуэй «прославился» своей приверженностью англичанам. Основанный в 1124 году королём Турлофом как форт, он постепенно оброс поселением и через сто лет был захвачен норманнами во главе с Ричардом Мор де Бургом. Со временем норманны обирландились, но придали городу уклон в сторону торговли, благо выход к морю был под боком. Купцы настолько заматерели, что постепенно взяли власть в свои руки и показали кукиш местным феодалам. Неизвестно, пришлось бы им поплатиться за свою наглость, потому что в качестве помощников купцы призвали англичан. Призвали настолько удачно, что в декабре 1484 (по другим источникам – 1396) года Голуэй получил от английского короля право называться «городом». Прочные связи с Англией сделали его изгоем в глазах остальной Ирландии, за что

Голуэй платил той же монетой и жёстко ограничивал доступ ирландцев. Торговля с остальным миром шла бойко. Особенно желанными здесь были суда из Испании и Франции. Говорят, даже Колумб заглядывал сюда, когда плавал в 1477 году в Исландию. Власть продолжали делить между собой купцы – 14 семейств, 12 из которых были норманнского происхождения и только 2 – ирландского.

Дружба с английским королём аукнулась Голуэю в XVII веке. Сначала его после девяти месяцев осады захватили войска яростного Кромвеля, а потом не пожалел Вильгельм III, правильно посчитавший городок рассадником якобитов. Торговые династии были благополучно уничтожены, а Великий Голодомор довершил начатое. Более или менее Голуэй стал приходить в себя лишь в последние десятилетия.



Вот такой занятный кадр получился – совершенно случайно – на улице Голуэя. Я его назвал фотографией Матрицы: три пешехода, три машины, три дерева, три разноцветных дома...

Своё название город получил, как ни странно, от протекающей тут же реки Корриб. По-ирландски она называется *Gaillimh*, что означает «каменистая». Если вы помните историю с именами Мхаири – Вари, то сразу поймёте, что на английский манер название реки

произносится как Голлив, а отсюда и до Голуэя недалеко. Сами голуэйцы могут поведать вам и альтернативные версии. Так некоторые считают, что в основу было положено ирландское слово *Gall*, что означало «чужеземец». Это мнение оспаривается на том основании, что протекавшая здесь река получила своё имя раньше города. Тогда вам предложат версию, по которой в реке утонула дочь здешнего вождя, звали которую *Gaileamh*. Безутешный отец разбил на берегу лагерь, а имя дочери передалось и реке, и выросшему на месте лагеря поселению.

Голуэй мал и компактен, заблудиться в нём можно, только если очень постараться. У меня в памяти город остался длинной пешеходной улицей Шоп-стрит с ярко раскрашенными фасадами домов и бренчащими и дудящими на каждом углу музыкантами всех полов, возрастов и стилей. Шоп-стрит выходит на площадь Эйр (*Eyre Square*), где в июне 1963 года перед восторженной толпой выступал один из самых известных ирландцев – Джон Кеннеди, и где теперь стоит в честь этого события большая плита с его узнаваемым профилем и причёской.

На углу той же Шоп-стрит и Верхней Эббигейт-стрит стоит замок Линчей, одного из 14 олигархических семейств. Между ярких фасадов он выделяется своей серостью и неприветливостью. Если хотите, можем посидеть в кафе напротив, и я вам расскажу одну поучительную историю, связанную с этим замком и его обитателями.

В конце XV века Джеймс Линч, по совместительству мэр Голуэя, отправил в Испанию своего сына, чтобы тот забрал и привёз домой партию вина. Он назначил сына капитаном одного из кораблей и вручил большую сумму денег на расходы. По неизвестным причинам юный Линч деньги до Испании не довёз. Чтобы скрыть недостачу, он обратился за помощью к одному из Испанских купцов. Тот выручил незадачливого ирландца, ссудил ему денег на закупку вина, однако послал своего племянника обратным рейсом в Ирландию, чтобы по прибытии получить долг, а заодно наладить с мэром Голуэя торговые отношения.

По пути домой молодой Линч, знавший крутой нрав отца, так распереживался, что задумал убить беззащитного попутчика. С этой целью он подговорил нескольких матросов, посулил им вознаграждение, и они дружно вышвырнули испанца за борт.

Джеймс Линч принял сына с распростёртыми объятьями и включил в своё дело как прошедшего это своеобразное испытание. Опасность была позади, коварное убийство забылось, и юный Линч даже вознамерился жениться. Но надо же было так случиться, что один из моряков, принимавших участие в расправе над испанцем, заболел и перед смертью пожелал увидеть мэра. Он рассказал пораждённому отцу о случившемся и тем облегчил свою совесть. Джеймс Линч заставил сына сознаться в содеянном и, будучи на государственной должности, своей властью признал его виновным в убийстве и приговорил к смерти через повешение. Как ни просили его, ни умоляли, он своего приговора не отменил.

Хотя мэр поступил так во имя общественной справедливости, само общество воспротивилось. Когда несчастного сына должны были вести на виселицу, народ перекрыл к ней все подступы. Тогда Джеймс Линч велел вести юношу домой. Там он поднялся с сыном на верхний этаж, открыл окно, выходившее на улицу, приладил верёвку, набросил петлю на сыновнюю шею и повесил родного растратчика и убийцу на виду у всей толпы.

Теперь вы знаете, откуда пошло выражение линчевать или суд Линча⁴¹.

Пока мы с вами гуляли по улочкам Голуэя, слушали музыкантов и фотографировали весёленькие разноцветные домики, время вышло. Нас ждал автобус и дорога в город-герой Дублин.

Примерно на полпути мы сделали не слишком вынужденную остановку. В западных туристических фирмах вообще существуют некие правила, по которым каждые полтора-два часа перекуры обязательны, даже если автобус оборудован исправно работающими удобствами.

Итак, мы съехали с автострады М6 и оказались на шоссе R446, соединяющем Голуэй с Дублином. Здесь нас поджидала очередная встреча со средневековьем – замок Тирреллспасс (*Tyrrellspass*).

Представьте себе стоящую прямо на обочине двадцатиметровую каменную громадину с зубчатым верхом и одноэтажной пристройкой такой же непробиваемой мощи. Замок будто говорил: «Посмотри, как я суров и неприступен». Но если вы не склонны слышать голоса вещей, а доверяете тому, что видят глаза, то вы

⁴¹ На самом деле версий множество. Одни говорят, что название пошло от Чарльза Линча, который был судьёй во время войны за независимость в США. Другие считают, что всему виной капитан Уильям Линч, который ввел закон своего имени в Пенсильвании, правда, закон этот предполагал телесные наказания, а вовсе не смертную казнь. Но лично мне больше нравится изложенная выше история.

сразу решите, будто вам здесь рады: площадка перед замком уставлена машинами, а рекламные щиты зазывают войти и насладиться открытым внутри рестораном.

Пока наши спутники разобрались по естественным нуждам, мы с Алиной улучили минут двадцать, чтобы разобраться, что к чему. Выяснилось, в частности, следующее.

Замок этот, считается, был построен в 1411 году. Вообще в те времена построить подобное сооружение в здешних местах считалось делом вполне реальным, о чём еще сегодня свидетельствует множество грустных руин, встречающихся вам по всему маршруту. На строительство замков тогда даже выдавались гранты в размере 10 фунтов. Отсюда пошло название «10-фунтовый замок». Семейство Тирреллов, приехавшее сюда вместе с норманнами, вероятно, такой грант получило и не один, потому что замок в Тирреллспасс лишь единственный уцелевший из многих, им принадлежавших. На протяжении двухсот лет он охранял подступы к землям баронов Фартуллах (так эти места назывались исконно). Когда в 1650 году сюда пожаловали войска Кромвеля, его неуступчивые обитатели сильно пострадали, а многие были просто-напросто казнены. В отличие от них, самому замку повезло. Его вместе с окружающими угодьями получила в своё распоряжение семья Рошфоров, которые впоследствии заслужили титул эрлов Бельведера. В 1796 году 2-й эрл передал замок армии, и тут были организованы казармы. В 1850 году замок перешёл во владение Чарльзу Марлею, внуку дочери 1-го эрла, а в дальнейшем – подполковнику Чарльзу Говарду-Бэри, прослывшему исследователем. Не долго думая, он распродал все постройки. Дошло до того, что в XX веке в помещениях замка работала обычная школа. Наконец, в 70-е годы замок был выкуплен и с любовью отреставрирован архитектором Филипом Джиннеллом.

Современная жизнь, судя по всему, бурлит в замке благодаря средневековой атмосфере и вкусной кухне. Так, в частности, здесь рекламируются банкеты в духе тех, про которые мы с вами слышали в Бунратти. Гостей встречают «король с королевой», а музыканты играют и поют традиционные ирландские баллады. Только имейте в виду, что подобные банкеты состоят из 7 перемен блюд, так что приезжайте сюда лучше натошак.

Прощавшись с гостеприимным замком, мы, наконец, сделали последний марш-бросок и ещё засветло въехали в Дублин.

Просматривая сейчас видеозапись этих минут первого знакомства с ирландской столицей, я вспоминаю свои впечатления и убеждаюсь в том, что они не изменились и на следующий день. Больше всего Дублин напоминает мне Питер. Только представьте, что в Питере убрали Неву и каналы, все, кроме одного, довольно широкого, раза в два-три пошире Грибоедова. На самом деле это река, называемая Лиффи и рассекающая город на две почти равные части. Как и в Питере, вдоль обоих её берегов тянутся плотные ряды фасадов, причём, как и в Питере, некоторые радуют своей красотой, другие огорчают своей явной современностью, а третьи – ужасают безвкусицей.

На канал, а не на реку Лиффи похожа потому, что через неё перекинута множество мостов. Пока мы ехали до нашей гостиницы, примостившейся поближе к морской окраине, я насчитал их 14. Мосты тоже все разные по настроению, форме и материалу. Одни – в ажурных белых кружевах металлических решеток, другие – каменные и прочные, словно рассчитанные на проезд танковой дивизии.

Особенно понравился и запомнился мост, на который мы и свернули, поскольку наша гостиница оказалась сразу на противоположной стороне за ним. Если вы посмотрите на карту Гугла, то не найдёте в этом месте никакого сооружения, хотя переезд через Лиффи будет указан. Из этого я делаю вывод о том, что спутник снимал Дублин году эдак в 2007, когда мост только начинали строить. Открылся он в декабре 2009.

Я не большой поборник современного искусства (если таковое вообще случается), однако именно этот мост, названный в честь ирландского драматурга, писавшего свои пьесы одинаково абсурдно на английском и на французском, за что в 1969 году, разумеется, удостоился Нобелевской премии – Сэмюэла Беккета, – привлёк меня своей выразительностью и необычностью. Помните, я рассказывал вам про арфу – символ Ирландии? Так вот на белую арфу с длинными натянутыми струнами он больше всего и похож. Его автором является некто Сатьяго Калатрава, испанский архитектор, живущий нынче в Нью-Йорке. Построил он всего много, судя по картинкам в Интернете – много похожего, однако его дублинский мост я увидел первым, а потому остался под приятным впечатлением необычности.



Мост-арфа. Дублин.

Конечно, я бы предпочёл, чтобы наша гостиница выходила прямо на набережную, но не сложилось. Отель «Молдрон» был расположен в Кардиффском переулке в каких-нибудь ста метрах от воды. Получив ключи от номера на 6-м этаже, мы увидели свои чемоданы, сразу же прихватили их, чтобы не тратить время на ожидание, и поспешили в лифт. Часы показывали начало седьмого вечера, погода была ясной, так что имело смысл отправиться на самостоятельную прогулку, благо мы оказались почти в самом центре. Как показало следующее утро, это стремление себя оправдало.

Побросав чемоданы в большом, но заурядном номере со скучным видом на внутренний двор, мы вооружились фотоаппаратом и видеокамерой и устремились обратно, на набережную.

Здесь наше внимание сразу же привлекла девушка в каске и зелёной строительной безрукавке, которая пыталась удержать равновесие, стоя на двухколёсной подставке и вцепившись в высокий руль. Вы, вероятно, видели подобные конструкции, на которых, что называется, стоишь и едешь. Ни то, ни другое у девушки не получалось. Неожиданно к ней подрулил точно такой же юноша и, чем мог, помог справиться с гравитацией и управлением. Девушка неуверенно тронулась вперёд, а мы свернули за ней на набережную и

увидели, что таких, как она, там человек пятнадцать. Насколько мы поняли, это был местный своеобразный способ перемещения по городу для туристов-экстремалов. Группу сопровождали два гордых инструктора, которые первыми выкатывались на пешеходные переходы, тормозили и без того не слишком оживлённое движение, и ждали, пока их подопечные окажутся в безопасности, после чего припускали следом. Впоследствии эта живописная группа в зелёных безрукавках попадалась нам ещё не раз.

Прогулка вдоль по южной набережной погожим вечером во всех отношениях приятна и наводит на умиротворённые размышления. Правда, на месте русских составителей карт (в частности, той же гугловской) я бы уточнил, как правильно читается по-английски слово «набережная». Потому что, имея дело с английским языком, я частенько говорю своим ученикам: английский – это всё равно что китайский, где слова не читаются, а узнаются. Поэтому английское “*quay*” нельзя транскрибировать как «куэй»:

оно читается просто: «ки». Вы тоже имейте это в виду.

Так вот, идя сперва по Сэр Джон Роджерсонс Ки, которая скоро переходит в Сити Ки, а та в свою очередь – в Джордж Ки и Бург Ки, вы впервые сталкиваетесь с контрастами, из которых, как мы убедились за время нашего короткого с ним знакомства, соткан весь Дублин. Кстати, раз уж зашла речь о произношении, то он вовсе не Дублин, а Даблин. Главу в моём фильме об этом городе я так и назвал – «Да... блин!».

Наиболее симпатичный (и широкий) отрезок набережных, это как раз



Сити Ки. Здесь раньше ходил трамвай, что видно по остаткам рельсовых путей. Но в какой-то момент рельсы замостили булыжниками и прямо среди них высадили два ряда парковых деревьев, отчего получился приятный зелёный оазис.

Меня вообще радует, когда городские власти находят возможность благообразить улицы, особенно проезжие, чтобы не так чувствовалась бензинная близость «железных коней». Пожалуй, это единственное, чем мне в своё время по-настоящему понравился не слишком гостеприимный Лиссабон. Тем грустнее смотреть на не такие уж старые фотографии той же улицы Горького в Москве. Лучше бы ей оставили это название, а не переименовывали обратно в Тверскую, лишь бы вместе с названием сохранили и деревья, росшие (кто сейчас этому поверит?) по обеим её сторонам ещё в начале 80-х годов прошлого века.

В отличие от Сити Ки, все остальные «ки» лишены природного обаяния и по-московски утилитарны и тесны. Идя по ним, невольно смотришь либо под ноги, либо на противоположную сторону Лиффи, где особенно выделяется своим размахом и совсем «питерским», покрытым зелёной патиной куполом величественное здание таможни.

Как и всё хорошее, это здание пережило немало плохого. Построил его в самом конце XVIII века английский архитектор Джеймс Гэндон. На его беду девять лет спустя был подписан Акт об унии, по которому Ирландия стала-таки частью Великобритании. Разумеется, таможню и акцизные сборы перенесли поближе к престолу, в Лондон, так что дублинское здание пришло, мягко говоря, в запустение. Более того, когда в 1921 году националистическая партия Шинн Фейн одержала победу на выборах, её сторонники так возбудились, что на радостях подожгли Таможню, считая её символом британского империализма. Пожар, говорят, не могли потушить пять долгих дней. До ремонта руки дошли только через пять... лет. Однако полностью восстановить здание удалось лишь к 1991 году, когда в нём было решено разместить кабинеты правительства. Такая вот поучительная судьба.

Что же касается самого города, то первым о его существовании нам поведал всё тот же всезнающий египтянин Клавдий Птолемей. В 140 году н.э. он назвал здешнее поселение Эблана. Получается, что если в то время в Египте знали о каком-то поселении в Ирландии, этому поселению уже тогда должно было быть немало лет. То

есть, если теория верна, Дублину никак не меньше двух тысячелетий. Что вряд ли. Потому что даже если Птолемей жил тогда, когда нам указывают на это историки, описанный им ирландский город при ближайшем рассмотрении, увы, стоит... не на реке, а в своеобразном междуречье, между устьями рек Бувинда (современная Бойн?) и некой Обоки. Даже если предположить, что под Обокой скрывается река Авока, то в масштабах Ирландии это примерно то же самое, что считать предтечей Москвы любое городище, располагавшееся тысячи лет назад между Москвой-рекой и Волгой. Хороший повод в следующем году взять и отпраздновать, скажем, 4000-летний юбилей нашей многострадальной столицы.

Считается, что название Дублин состоит из ирландских корней “*dubh*” (чёрный) и “*linn*” (заводь). Не знаю, как вам, а мне сразу на ум приходит знаменитое местное пиво «Гиннесс», которое именно своей чернотой и отличается. На месте пивных маркетологов я бы эту ассоциацию развил и рассказывал бы доверчивым туристам, что, мол, «Гиннессу» уже чуть ли не миллион лет, а когда тот древний пивзавод накрыло однажды метеоритом, и всё пиво вылилось из каменных чанов, вот тут то и возникло поселение рабочих, которые с зари до зари были вынуждены спасать экологию и вычёрпывать черпаками из бивней мамонтов образовавшуюся «чёрную заводь».

Примечательно, что во многих ирландских диалектах первый корень произносится не «дуб» и даже не «даб», а скорее как «диб». Это подтверждает название Дублина на языках, где сохранилось тогдашнее его прочтение. Так на староанглийском оно писалось как Дифелин, на древненорвежском – Дифлин, на современном исландском – Дифлинн, на языке острова Мэн (расположенного в Ирландском море) – Дивлин.

Сами ирландцы между собой предпочитают называть свою столицу *Baile Atha Cliath*, что означает «город огороженного брода», подразумевая то место на Лиффи неподалёку от нынешнего моста Отца Матфея, где раньше реку можно было перейти почти «аки посуху».

Мы же тем временем подходили к самому широкому из дублинских мостов – мосту О’Коннелла. Поскольку эту фамилию вы будете встречать в Ирландии и Дублине довольно часто, скажем два слова о её носителе – Даниеле О’Коннелле, которого восторженные соотечественники называли не иначе как Освободитель или

Эмансипатор. Его деятельность пришлась на первую половину XIX века. В то время, когда континентальная Европа приспособлялась к империи Наполеона, О'Коннелл был занят тем, что сначала бился за право католиков участвовать в работе британского Парламента в Лондоне, а потом – за отмену Унии, включавшей Ирландию в границы Великобритании. Хотя умер он в Италии в возрасте 71 года от разжижения мозга, чему виной, как считается, было тюремное заключение на родине, его философия и карьера послужили образцом для таких борцов за права людей мыслить независимо, как Махатма Ганди в Индии и Мартин Лютер Кинг в США. Уильям Теккерей немножко коряво высказал ему своё мнение: «Вы сделали для своей нации больше кого бы то ни было со времён Вашингтона», а Онорэ де Бальзак писал, что «Наполеон и О'Коннелл были единственными великими людьми, которых выдвигал XIX век».

Неудивительно, что мост переходит в улицу его же имени, а в самом начале её стоит памятник О'Коннеллу, несколько напоминающий памятник королеве Виктории перед Букингемским дворцом, только фигуры на нём не золотые, а чёрные. В ширину улица достигает почти 50 метров и тянется на полкилометра от реки вглубь города. До 1924 года она называлась Сэквилл-стрит. Сегодня её сравнивают с Елисейскими полями в Париже, но, между нами, я бы этого делать не стал. Приятно здесь лишь то, что за счёт ширины тротуаров движение транспорта, если идёте вдоль впечатляющих фасадов массивных зданий, от вас относительно далеко. Не так давно здесь росли раскидистые платаны. Увы, Москва – не единственный дурацкий город на земле: в 2003 году, никого, как водится, не спросив, власти платаны порубили и взамен ничего не посадили. Поэтому сегодня вы чувствуете себя на О'Коннелл-стрит как в каменном мешке.

Уже с набережной ваше внимание привлекает блестящая, устремленная в небо серебряная игла, установленная в центре улицы. Она так и называется «Дублинская игла», хотя есть у неё и официальное название – «Памятник Свету». Высота памятника 121 метр. При этом у основания его диаметр составляет 3 метра. Поставили её тут тогда же, когда срубили платаны. Раньше, до 1966 года, на её месте стояла колонна Нельсона. Активисты ирландского движения сопротивления (по-нашему «террористы») сумели колонну взорвать, и, как это часто бывает в разных царствах-государствах, власти решили уж коли что менять, так менять всё. Если вы помните



взрывы в подземных переходах Москвы и не только, то они тоже становились поводом для серьезных переделок и перестроек, до которых прежде не доходили руки.

Не могу сказать, что Игла обезобразила улицу с такой же очевидностью, с какой мазня Шагала — потолок превосходной во всех других отношениях Парижской оперы, но обычные деревья были бы тут гораздо более к стати.

Как вы понимаете, быть в центре любого города, это значит быть поблизости от центральных магазинов, включая магазины сувениров. На протяжении всей поездки по Ирландии меня не покидала надежда найти что-нибудь местное, забавное, стоящее того, чтобы его купить и увезти домой на память. Хотя бы кепку или шарф, или кружку, наконец. Ну, не дешёвый же брелок...

Похоже, феи и друиды слышали мои молитвы, и перед нами слева через улицу предстал бело-зелёный карниз сугубо сувенирного магазина, витрина которого обещала широченный выбор всего ирландского. Мы радостно заглянули, прошлись между стеллажами, заваленными всем, что только можно вообразить с трилистниками и словами «Ирландия» и грустно вышли. Было очевидно не только по лейблам, но и по внешнему виду, что всё это барахло произвелось на тех же фабриках, что и банки с «воздухом Парижа» в Париже, пластмассовые гондолы и карнавальные маски для туристов в Венеции, значки типа «Я люблю NY», всякие прищуренные матрёшки с Арбата и многое-многое другое, что поставляет во все страны мира трудолюбивый Китай. Тут я, кстати, ого-

ворился, потому что не во все. Труд бразильцев не менее дешёв, так что если будете гулять по Копакабана или, ещё лучше, полетите посмотреть на водопад Игуасу, знайте: там сувениры хоть и тоже плохенькие, но зато местные, оригинальные.

Не помню, но, кажется, я уже упоминал, что мы с женой научились понимать то, где оказались, по тому, как люди одеваются и на каких автомобилях ездят. Скажу в этой связи глупую фразу: Дублин – не Лондон. К сожалению, мы часто бываем рабами первого впечатления. Так что только некоторые моральные усилия и надежда на завтрашний день помогали мне хранить на лице улыбку и вести нас дальше. А куда дальше? Обратно к реке, разумеется.

Мы прошли ничем не примечательными пустынными улочками и не слишком чистыми двориками, мимо людей, которых запросто можно встретить как в спальных районах Москвы, так и где-нибудь в Урюпинске, и оказались перед очаровательным чугунным мостиком, белой дугой перелетающим на противоположную сторону Лиффи. Венчают мостик несколько ажурных арок со старинными фонарями. Изначально он был отлит в Англии и с 1816 года назывался Мостом Веллингтона, но со временем его переименовали в Мост Лиффи, каковым он и остался, хотя в народе его чаще называют Металлическим мостом или просто Мост Полпенни (*Ha'penny Bridge*). Дело в том, что до 1919 (по другим сведениям, до 1916) года за переход по нему взимали мзду соответствующего размера. История этой традиции такова, что до появления моста здесь с берега на берег перевозили людей паромчики⁴², принадлежавшие некоему Уильяму Уэлшу. Со временем паромчики пришли в такое убогое состояние, что власти поставили их владельца перед выбором: либо он свою жалкую флотилию чинит и приводит в божеский вид, либо строит мост. Уэлш выбрал второе, и за это получил разрешение брать со всех проходящих по полпенни сроком на сто лет. Правда, было сказано, что если мост и тарифы горожан не устроят, Уэлш должен будет мост разобрать – опять-таки за свой счёт. Как вы можете убедиться сами, мост остался, а тариф довольно быстро был поднят до “*a penny ha'penny*”, то есть до полутора пенни (точнее, до полутора пенсов).

⁴² Хотите посмотреть, как подобная система работает до сих пор, поезжайте на Адриатическое побережье Италии в городки типа Белларии или Чезенатико и потратьте 0,50 евро, чтобы преодолеть пятиметровый каналчик на подобии плота с крышей.

Турникеты давно сняли, и мы беспрепятственно пошли по плавному изгибу. До недавнего времени Мост Полпенни использовался любителями любовной символики, однако в 2012 году его очистили от таких забавных, но сомнительных вещей, как «замки любви»⁴³. Причина понятная: замки ржавеют (Китай, однако!) и разрушают структуру моста. Так что мы никаких замков уже не заметили.

Перешли мы Лиффи именно в этом месте не только потому, что нам понравился и мост, и виды, открывающиеся с него на прикорнувший у воды город (кстати, Алина не согласилась со мной в том, что отсюда Дублин особенно похож на Питер, что доказывает субъективность нашего восприятия и даёт вам полное право меня не слушать, а при возможности составить собственное впечатление). На противоположной стороне начиналась ещё одна местная достопримечательность – райончик Тэмпл-бар, потерпеть до которого я вам предлагал ещё тогда, когда мы шли по лондонскому Стрэнду.

Если лондонский Тэмпл-бар – это, по-моему, всё-таки «застава темплиеров-храмовников», то дублинские путеводители божатся, что у них ничего такого отродясь не было и что виной всему фамилия сэра Уильяма Тэмпла, ректора Тринити-колледжа в 1609 году, у которого здесь имелся дом и цвели сады. Как бы то ни было, впервые название «Тэмпл-бар» появилось на картах Дублина в 1637 году. В последующее время здесь не только выступал со своим «Мессией» Гендель (13.04.1742), революционно настроенные граждане создавали «Общество объединенных ирландцев» (1791), а темные проулки кишели проститутками на все вкусы и кошельки – тут селились ремесленники, ткачи, печатники и художники, одним словом, те рукастые мастера, произведения которых я бы сегодня наверняка не постеснялся купить. К сожалению, их век подошёл к концу с началом так называемой «индустриализации», которую сегодня успешно сменяет «глобализация», когда нищие азиатские рабочие вынуждены перетягивать одеяло на себя, а страдает от этого весь остальной мир, теряющий собственную промышленность не только заводами и фермами, но и целыми статьями в бюджете страны.

После войны Тэмпл-бар пришёл в такое жуткое состояние, что... сумел уцелеть. Его не хотели скупать и перестраивать даже

⁴³ Пришедшая из Азии в начале XXI века традиция вешать в общественных местах замки как символ любви и т.п. Их можно сейчас видеть повсюду – от Китайской стены до Водоотводного канала в Москве.

девелоперы. В 80-е годы Национальная транспортная ассоциация всё-таки купила здесь землю, собираясь построить автобусный терминал. Пока шли предварительные переговоры и делались расчёты, ассоциация по бросовым ценам сдала старые торговые и складские помещения в аренду художникам, магазинам аудио, книг и одежды. И произошло то, чего никто не ожидал: Тэмпл-бар преобразился. От строительства терминала в итоге отказались, а художники остались. Говорят, пересмотр решения был вызван активными акциями протеста, причём на сторону молодёжи встал даже тогдашний премьер-министр Ирландии. (К слову сказать, эта должность называется «тишех», что по-ирландски пишется как *Taoiseach*). Была даже создана некоммерческая компания, задачей которой стало наблюдение за преобразованием Тэмпл-бара в «культурный» квартал Дублина.

Наивные, мы полагали, что нас здесь пригреют и накормят. Не тут-то было! И мой вам совет: несмотря на не просто обилие, а засилье в Тэмпл-баре едальных и питейных заведений в любом стиле, с любой громкостью музыки (в том числе и живой), на любой вкус



и опять же кошелёк, приходите сюда сытыми и праздными. Потому что, похоже, весь Дублин, аборигенный и приезжий, с утра до ночи собирается именно на этом крохотном пятачке пропахшей сигаретами и алкоголем суши.

В самом центре, на каменных ступенях площади, где, судя по всему, принято назначать друг другу свидания, всё ещё укоризненно растёт несколько обалдевших от постоянного шума и гама берёз.

Почему мы быстро поняли, что голод зря привёл нас сюда? Потому что если вы не поклонник фастфуда и хоти-

те чинно посидеть у окошка, поглазеть на нескончаемые толпы прохожих и хорошо поесть, вас ждёт разочарование. Во всех ресторанах, в которые мы заходили, нас встречала одна и та же картина: либо очередь таких же голодных и отчаявшихся людей, либо улыбка официантки и предупреждение, что этот столик пустой только потому, что он уже зарезервирован. Мы даже удосужились подняться на второй этаж расположенного за берёзами здания, поскольку там через стеклянные стены были видны жующие что-то посетители, но в результате восхождения обнаружились грязные полы, неубранные столики и не слишком съедобный запах. Это стало для нас последней каплей, и мы без сожаления покинули «культурный» центр ирландской столицы, решив попытаться счастья на набережной.

Как всегда бывает, если тебе что-то не нужно, оно попадает на каждом шагу, но стоит этого возжелать, как оно моментально исчезает с радаров. Так произошло и с ресторанами вне Тэмплбара. Мы даже снова пересекли Лиффи и безуспешно прошлись по противоположной набережной. Наконец, феи смилостивились, и открыли нашим взорам неприметное окошко, за которым (о чудо!) стоял пустой столик. Ну, не пустой, конечно, а заставленный недопитыми пивными бокалами, но обращать внимание на такую ерунду уже не было сил. Одним словом, мы вошли и сели за него, приятно удивляясь тихому грохоту, доносившемуся откуда-то из нутра длинного, отделанного деревом зала, и почти не мешавшему нам переговариваться и даже пересмеиваться, ибо способность шутить даже в самых сложных ситуациях, даже в Дублине, должна умирать последней.

Поскольку к нам никто не подходил, мне пришлось прогуляться до далёкой барной стойки и намекнуть двум занятым собой девушкам, что, мол, «клиент созрел». Они изобразили искреннюю радость по этому поводу и обещали подойти и убрать всё лишнее, а пока вручили меню. Не заглядывая в него и подозревая возможные проволоочки, я сразу же сказал, чтобы несли сидр и чай.

Когда минут через шесть лишние бокалы с нашего столика были убраны, а один холодный, с сидром и льдом, плюс чайник с чаем – принесены, мы быстро сделали заказ: два супа, лазанью и рыбу. Не прошло и десяти минут, как явилась новая официантка с известием, что рыбы нет. Пришлось Алине полагаться на интуицию и заказывать нечто мясное. Моя лазанья оказалась дополнена огром-

ным количеством картошки фри, чего я никогда в жизни не видел. Принесённое в итоге мясо больше походило на суп с фрикадельками и было ужасно солёным. Заказанных супов мы не получили вовсе — о них просто забыли, а мы от греха подальше и не напоминали.

Когда мы возвращались в гостиницу, небо над городом было высоким, ясным и тёмно-синим, а здание Таможни на набережной ободряюще подсвечивало нам золотистым фасадом.

Глава 24 – Грустное очарованье Глендалоха – Феникс-парк – Георгианский дом – Тринити-колледж и Келлская книга – Оскар Уайльд и Национальная галерея – «Толстяк» и «Гиннесс»

Первое утро в Дублине выдалось ранним и холодным. Не знаю, почему, но запланированная поездка в пригородное местечко Глендалох должна была начаться в 8 утра. Поэтому позавтракали мы в почти пустой столовой.

На самом деле, будучи за границей, я предпочитаю ранние пробуждения, чтобы не залёживаться и не тратить время на то, на что его можно потратить с таким же успехом и дома. Что может быть замечательнее пройтись с фотоаппаратом вдоль каналов просыпающегося Амстердама или по пустым и гулким площадям Венеции, когда остальные туристы ещё спят, а местные (слу)жители катят к Гранд-каналу железные клетки с использованным бельём из гостиниц!

В сегодняшних поездках нас должна была сопровождать здешняя гидша. Расслабившись по этой причине, наша Вари простудилась на ирландских ветрах, слегла и потеряла голос. Новая экскурсовод оказалась бодренькой старушкой в очках и с нескончаемой энергией. Казалось, она боится не высказать всего того, что знает, а потому говорила без умолку всю дорогу, вкратце рассказывая о том, какой нелёгкой стала жизнь простых людей в современной Ирландии. Закрываются не только производства, но и бесприоритетные с виду предприятия вроде питейных заведений, которые теперь обложены со всех сторон такими законами и оброками, что проще признать себя банкротом. Я буду последним, кто скажет, что продавцам водки нужно во что бы то ни стало помогать, так что упомянул их здесь исключительно в качестве очевидного примера упадка.

Хмуроватое холодное утро, не предвещавшее ясного дня, и грустный рассказ о нелёгкой доле современных ирландцев, по собственной дурости загнавших себя в Евросоюз и тем позволивших решать свою судьбу людям не только посторонним, но и не избранным, а назначенным, как нельзя лучше подходили к тому месту, куда мы направлялись.

Ибо да будет вам известно, что Глендалох – это весьма древний монастырь, вернее, руины монастыря, а если разобраться, то и вовсе кладбище. Находится оно к югу от Дублина примерно в сорока минутах езды. Интересно, что вы не замечаете, как обычный ландшафт за окном с простенькими домиками, долинами и холмами меняется, и, когда автобус останавливается, вы обнаруживаете, что оказались если не в «Затерянном мире» Конан Дойла или на Земле Санникова, то практически в средневековье. Это то, что не всегда можно передать словами, а только ощутить, и что часто называется «гением места».

Суть предмета, как правило, закладывается в его название. Вот и Глендалох (*Glendalough*) по-ирландски означает «узкая долина двух озёр». Причём здешняя долина не простая: она была в своё время образована ледником. Странно, что лёд успел стаять, потому что холод в то утро вполне соответствовал Ледниковому периоду.

Покинув автобус и оставив позади цивилизацию в образе вполне современной гостиницы, вы оказываетесь у подножья ступеней, ведущих к сдвоенной арке бывших монастырских ворот. После того, что пережила Ирландия в своих религиозных войнах, эти ворота считаются уникальными уже потому, что являют собой... единственный сохранившийся в стране вход в монастырь. Сохранившийся, надо сказать, плохо, потому что когда-то это было двухэтажное здание, от которого остались лишь две сложенные из серых гранитных булыжников дуги да обломки стен. На одной из них невозмутимо спал чёрный кот.

Поднявшись по ступеням и войдя внутрь территории, обратите внимание на большой валун справа, вмонтированный в каменную изгородь. Присмотревшись, вы можете заметить на его отшлифованном столетиями боку примитивно процарапанный крест. До этого креста спешили дотронуться всевозможные беглецы от закона, потому что в то время это означало, что они вверяют себя монастырю и богу, так что никакая полиция с дубинками отныне не имеет права их трогать.

А положил начало монастырю святой по имени Кевин, который родился за два года до начала V века н.э. в одном из аристократических семейств, управлявших провинцией Ленстер. Чем-то напоминающая Будду, Кевин решил отказаться от роскоши и стал отшельником в здешней долине. Народ к нему, говорят, потянулся, и в итоге он создал целый монастырь, включавший настоящий научный

центр по разработке медикаментов для больных, а также переписке и украшательству рукописей. Как оно обычно бывает, особенно знаменитым Кевин стал уже после своей смерти в 618 году. Нетрудно посчитать, что святому было тогда без малого 120 лет. Для того времени, вероятно, это был далеко не предел. Ведь существуют же письменные распоряжения Петра I, в которых тот велит разыскивать по русским деревням и уничтожать «трёхсотлетних старцев»...

Долгая жизнь Кевина, как и всех святых, сегодня обросла легендами. По одной из них, как-то раз, когда он молился, в его протянутую руку черный дрозд снёс яйцо. Кевин не шевелился до тех пор, пока из яйца ни вылупился птенец.

Самым запоминающимся из искусственных сооружений на территории Глендалоха бесспорно является 30-метровая Круглая Башня. Представьте себе, что вы оказались на космодроме Байконур и перед вами стоит готовая к запуску ракета, с острой макушкой, с иллюминаторами, только сложенная из камня. Наша гид сказала, что такую форму ей придали паломники, которые бывали в святых землях на северном побережье Африки и привезли отсюда свои впечатления от мусульманских минаретов. Не знаю, могли ли настолько совпасть взгляды мусульман и католиков, однако смотрится башня замечательно и неожиданно. Вход в неё находится на высоте трёх с половиной метров, так что попасть внутрь можно было лишь в том случае, если вас там ждали и сбрасывали верёвочную лестницу. Первоначально башня служила звонницей. Внутри деревянная лестница соединяла между собой шесть этажей: два ниже входа и четыре выше. Каждый из этих последних освещался одним-единственным окошком-иллюминатором. Только верхний этаж имел четыре окошка, выходящих на все четыре стороны света. Кроме звонницы, башня, разумеется, выполняла функции склада и довольно надёжного убежища. Если вам когда-нибудь попадутся старые гравюры, скажем, трёхсотлетней давности, вы увидите, что остроконечной крыши на башне нет. Она была восстановлена в 1876 году из оригинальных камней, найденных внутри.

Как я уже сказал, территория монастыря, посреди которой стоит Круглая Башня, представляет собой уютное кладбище с живописно покосившимися в разные стороны плитами замшелых надгробий, на которых не разобрать ни дат, ни надписей. Думаю, тут уже много сотен лет никого не хоронят.

Тем очевиднее выделяется среди них лучше остальных сохранившийся высокий кельтский крест, который не просто вкопан в землю, но и залит для пущей устойчивости бетоном. Считается, что этот крест, несмотря на свою внешнюю новизну, самый тут древний, а под ним, быть может, покоится не кто иной, как Кевин.



Грустное очарование Глендалоха.

Кладбище идёт под уклон, так что с высоты видны еще два каменных здания: простенькое, хорошо сохранившееся, похожее на сарай с башенкой и называемое «кухней Кевина» (именно потому, что башенка напоминает печную трубу), и состоящая из одних лишь стен с будто прогрызёнными окнами церковь св. Марии. Пол в ней служат гравий и надгробья, а потолка будто никогда и не было. В одной из стен церкви моё внимание привлекло прямоугольное углубление, идеально подходящее для размещения в нём современного встраиваемого сейфа.

Внизу уклона вы обнаруживаете мостик через шаловливую речушку и, пройдя по нему, оказываетесь на противоположном склоне долины, довольно крутом и сплошь поросшем многовековыми деревьями, стволы которых, как и всё вокруг, позеленели от мха.

Если вы располагаете временем, то очень советую вам не полениться и пройти по тропе направо, мимо громадных камней, причудливо обнажённых корней и неожиданно высоких водопадов. Справа при этом перед вами откроются живописнейшие виды двух озёр: сначала небольшого Нижнего, а затем гораздо более внушительно-го Верхнего.

Если бы мы жили в здешней гостинице, то, конечно, с удовольствием и не один раз обошли бы всю округу, тем более что рядом с Верхним озером расположено ещё несколько достопримечательностей, включая Ложе Кевина – маленькую пещерку на выступе скалы, где святой аскет любил сживать и лёживать, и откуда, по преданию, сбросил в воду не слишком одетую женщину, пришедшую его соблазнить. Увы, наше время неумолимо истекало, и мы направились в обратный путь.

Уже перед автобусом я улучил момент и попросил нашу бодрую старушку начитать мне на камеру заветный текст для сравнения её ирландского акцента с остальными. Напоминаю, что результат всегда можно посмотреть на моём репетиторском сайте по адресу best-repetitor.jimdo.com/video/акценты.

Прежде чем вернуться в центр Дублина и посетить Тринити-колледж, знаменитый, на мой субъективный взгляд, лишь тем, что созвучен таким же «колледжам Троицы» в Кембридже и Оксфорде, мы заехали в замечательный зелёный массив на западной окраине города – Феникс-парк. Причём именно заехали, поскольку нам даже не пришлось выходить из автобуса, и Кёрсти провезла нас прямо по центральной авеню парка. Что немудрено, поскольку Феникс-парк занимает 707 гектаров и является одним из самых больших городских парков Европы.

Доверчивым туристам гиды (и путеводители) рассказывают, что название парк получил от ирландского словосочетания “*fionn uisce*”, что означает «чистая вода». Я готов согласиться, что в честь слова “*uisce*” был назван горячительный напиток «виски», однако если гиды (и путеводители) не врут, тогда пусть объяснят, что в центре парка делает здоровенная колонна Феникса, увенчанная не столько птицей, сколько подобием дракона? А если копнуть чуть поглубже, то внезапно выясняется, что в XII веке, после захвата Дублина норманнами, барон по имени Хью Тирелл (вероятно, из рода тех самых Тирреллов, чей замок мы недавно проезжали), подарил именно эти земли ордену рыцарей-госпитальеров. Едва ли

эта связь случайна. С тех времён в парке сохранился Королевский Госпиталь Килмейнхэм. Сами же угоды в 1537 году деятельный король Англии Генрих VIII у госпитальеров отобрал, и лет через сто здесь уже был просто охотничий парк, разумеется, тоже королевский. Для простого люда он открылся лишь в 1745 году с подачи эрла Честерфилда. В его честь и была названа та самая авеню, по которой мы сейчас неторопливо ехали.

Узнать даже в Интернете какие-либо подробности этой самой колонны Феникса, кроме того, что она выполнена в коринфском стиле и была установлена самим эрлом Честерфилдом в 1747 году, мне не удалось. На одном официальном сайте, посвящённом парку, было даже написано, что ассоциация с Фениксом как птицей – случайна. Вы можете себе представить, чтобы в огромном парке один из трёх монументов было поставлен «случайно»?

К остальным двум относится 62-метровый памятник уже знакомому нам Веллингтону и 35-метровый стальной крест, спешно установленный накануне приезда папы римского Иона Павла II в 1979 году. Говорят, крест никак не хотел стоять прямо и постоянно заваливался, так что закрепить его удалось лишь после нескольких неудачных попыток. Папа провел под ним открытую мессу для миллиона прихожан, и с тех пор крест так и называется – Папским.

Очень отдалённо Феникс-парк напомнил мне парк, из которого сегодня состоит практически вся древняя столица Японии – Нара. Чем? Там тоже совершенно спокойно, без вольеров и загоронок, рядом с вами прогуливаются не знающие страха олени.

Символично, на мой взгляд, также то, что на территории Феникс-парка стоят всего два здания. Угадайте, кто в них живёт. Одно, неподалёку от колонны с драконом, является резиденцией президента Ирландии, куда каждую субботу вы можете попытаться получить один из 525 билетов и прогуляться с бесплатной сопровождаемой экскурсией. Другое – дом посла США. Почему не Мозамбика или Кубы? Спросите что-нибудь посложнее. Поскольку ответ сегодня очевиден. Кстати, резиденция президента Ирландии, хорошо просматривающаяся издалека через всю длину зелёного газона, очень похожа на американский Белый дом. Приглядитесь: если в левом из трёх центральных окон горит свечка (или лампочка, не знаю), это значит что президент на посту.

Из 707 гектаров парка 28 отведены под дублинский зоопарк. Про свою неприязнь к тюрьмам для животных я уже говорил выше,

а потому здесь упомяну лишь о том, что один из питомцев, лев по кличке Слатс (хотя наша гидша назвала его почему-то Карабри), снялся в известной всем рычащей заставке голливудской кинокомпании «Метро-Голдуин-Мейер» в 1928 году.

На обратном пути мы проехали мимо Королевского госпиталя Килмейнхэм, который строился в том же стиле и с теми же целями, что и парижский Дом Инвалидов⁴⁴, а сегодня является музеем так называемого современного искусства, и мимо одноимённой серой и мрачной тюрьмы, куда 130 лет её функционирования именно в этом качестве сажали борцов за независимость Ирландии. Последним узником, которого освободили 16 июля 1924 года, был некто Имон де Валера, который родился в Америке, но в итоге стал сначала премьер-министром Ирландии (в 1932 году), а потом и президентом (с 1959-1973 гг.). Если вы заинтересуетесь этим ирландцем по матери и кубинцем по отцу и найдёте его фотографии в Интернете, то на вас с них посмотрит вылитый создатель «Майкрософта». Когда Валера оставил пост президента, он был самым пожилым главой государства в мире: ему было 90 лет. Что касается тюрьмы, то сейчас там, как в Петропавловке, водят экскурсии.

В моём фильме⁴⁵ есть одна длинная сцена – непрерывный проезд вдоль бесконечной краснокирпичной стены дома с разноцветными входными дверьми. Это тот же самый георгианский стиль, который мы видели, когда катались с вами по Лимерику. Здесь таких домов и даже целых улиц гораздо больше, поскольку XVIII век стал для Дублина веком относительного процветания. Местные джентри (нетитулованное мелкопоместное дворянство) не хотели ни в чём уступать британской аристократии. Благодаря их амбициям на короткий срок Дублин сделался, говорят, одним из самых элегантных городов Европы. Георгианскими домами застраивались улицы и площади. В XIX веке наступил упадок, и многие семьи были вынуждены сдавать свои дома в аренду. Когда же в 60-е годы XX века жизнь как будто снова наладилась, стало ещё хуже, потому что до боли знакомый нам сегодня бум на всеобщую застройку чуть не уничтожил эти замечательные строения. То, что к счастью сохранилось, вы можете увидеть на дублинских площадях вроде Мэррион или Фицуильям.

⁴⁴ Для солдат-ветеранов. В Париже там, как вы знаете, расположен музей наполеоновской армии и усыпальница самого Наполеона.

⁴⁵ На сайте *best-repetitor.jimdo.com*, в разделе «Видео»



Типичный георгианский дом представляет собой подобие центральной башни средневекового замка. В подвальном этаже располагается кухня и кладовая для продуктов. Их можно увидеть, если подойти вплотную к оградительной решётке, за которой улицу от дома отделяет примерно метровой ширины «ров». Далее идёт первый этаж с цветной дверью со стеклянным «кокошником» и прихожей. Обычно сразу за дверью уходит вверх лестница, а справа находится столовая. Над столовой размещается гостиная, над гостиной – спальня или спальни.

На последнем, четвёртом (фактически пятом) этаже, живут дети и слуги. Под крышей – чердак. Такое вертикальное расположение квартиры напоминает устройство японских магазинов, которые, вынужденные ютиться на дорожущих клочках земли, тоже растут не вширь, а ввысь.

Всё вышеописанное, как вы поняли, лишь один из множества подобных сегментов, из которых состоит сплошная стена георгианского дома. Внешние отличия проявляются лишь в цвете двери, её красивой латунной ручке да в количестве ступенек перед ней. Поскольку такая планировка не предполагала наличия столь любимых англосаксами садиков, часто в центре площадей, вокруг которых стояли дома, огораживались целые парки, допуск в которые имели только местные жители.

Обогнув один из таких парков, вся ограда которого была увешана выставленными на продажу картинами, наш автобус остановился на Нассау-стрит в двух шагах от входа в Тринити-колледж.

Топоним «Нассау-стрит» вы можете при желании встретить и в Манхеттене, и в Принстоне, и во многих городах мира. Есть в нём что-то немецко-нацистское. Заинтересовавшись, я выяснил, что речь идёт о семейном клане (доме) Оранских-Нассау, одним из ро-

дона начальников которого был, разумеется, Вильгельм Оранский. Хотя корни их в голландской Европе, на фамильном гербе вы можете увидеть всё тех же английских львов и красно-белые полосы, свойственные датскому, американскому и английскому флагам. Совпадение, конечно.

К стыду своему признаюсь, что я нисколько не рвался в Тринити-колледж, а развешенные повсюду рекламные плакаты, призывавшие зайти и узреть бесподобную «Келлскую книгу» (*the Book of Kells*), которая “*turning Darkness into Light*” («тьму превращает в свет»), привлекали меня гораздо меньше, чем расположенная неподалёку Национальная галерея, посещение которой, в отличие от колледжа, не входило в оплаченную программу, но оттого представлялось мне тем более желанным.

Опыт учит, что иногда лучше не спешить, не стремиться к цели, и тогда всё придёт само своей чередой...

Первый камень в основание Тринити-колледжа был заложен в 1592 году по распоряжению Елизаветы I на месте монастыря августинцев. Изначально планировалось, что, как в Оксфорде и Кембридже, дублинский Тринити-колледж будет лишь первым в череде нескольких, однако так получилось, что, кроме него, здесь ничего больше не построили. Поэтому, говоря «Тринити-колледж», вы говорите «дублинский университет» и наоборот. Раз колледж основали протестанты, значит, как вы уже, наверное, догадались, католиков и инакомыслящих в его стенах не жаловали. Они подвергались здесь существенным ограничениям вплоть до 1873 года. Женщин же впервые пустили за университетские ворота лишь в 1904 году.

Сегодня Тринити-колледж считается лучшим университетом Ирландии, а по разным международным рейтингам занимает места где в первой сотне, где во второй. На почти 17 000 студентов здесь приходится 1 404 преподавателя и столько же обслуживающего персонала. После очередной реструктуризации в 2008 году в университете сегодня действуют три факультета: факультет искусства, гуманитарных и социальных наук (интересно, специалистов какого профиля он выпускает?), факультет инженерии, математики и науки (и такие, оказывается, бывают специализации) и факультет здоровья (по-нашему, вероятно, медицинский).

Возле главного входа на территорию университета вас встречают памятники тех знаменитых выпускников, кто этого заслужил: Эдмунда Берка (Знаете такого? Я тоже нет. Но вообще-то он «поли-

тический писатель») и Оливера Голдсмита (Что, неужели не читали? Говорят, знаменитый драматург!). Вы также всюду прочтёте, что Тринити-колледж с золотой медалью закончил «великий» Самюэл Беккет. Вероятно, я очень глуп и незэрудирован, но два с лишним часа (которые я в своё время честно высидел) спектакля «В ожидании Годо» по его лучшей пьесе, оставили во мне ощущение, что такое сегодня может написать мой двенадцатилетний сын.

Зато практически нигде вы не узнаете (если только сами не наведёте справки), что в Тринити-колледже учился Оскар Уильямович Уайльд, гораздо более известный в мире и талантливый (на мой мещанский взгляд) поэт, писатель и драматург, чем все вышеперечисленные нобелевские лауреаты вместе взятые. О нём мы скоро поговорим, а пока давайте войдём на территорию.

Здесь вы оказываетесь в просторном замкнутом в себе комплексе из П-образных корпусов и разбросанных между ними площадей-скверов. Если посмотреть на Тринити-колледж сверху, то в плане его вы безошибочно угадаете крест, который наносится на борта скорой помощи или флаг Швейцарии. Длинное четырёхэтажное здание из красного кирпича вдали – старейшая часть колледжа. Оно называется Рубрикс и было построено около 1700 года. Его от вас загораживает довольно симпатичная 30-метровая колокольня позапрошлого века. Между ними – Библиотечная площадь. Прямо перед вами – Парламентская площадь. За Рубриксом притаилась Новая площадь.

В предыдущих пассажах я позволил себе небольшое отступление от истины, представив, что мы с вами входим через главный вход. Если же мы попадаем внутрь с улицы Нассау, то ничего этого мы не видим вовсе. Нас встречает заурядное здание 70-х годов прошлого века, через которое мы пробираемся на Фэллоуз-сквер, торопливо минуем его и встаём в замерзающую очередь в здание Старой Библиотеки. Или вы забыли, что нам нужно полюбоваться Келлской книгой?

В Тринити-колледже есть Старая Библиотека, а есть просто Библиотека. Просто Библиотека вон она, чуть поодаль, похожа не то на дворец культуры, не то на бассейн советского периода. Если заметите, что слева от него что-то поблескивает золотом, знайте – это одна из самых загадочных, жутких и тиражируемых по миру скульптур, называемая «Сфера внутри сферы» и созданная амери-

канским «скульптором» итальянского происхождения Арнальдо Помодоро.

Представьте себе золотого или медного цвета сферу больше человеческого роста и очевидно символизирующую нашу землю. Поверхность сферы лопнула и образовала нечто вроде рваной раны. Рана нанесена другой сферой, поменьше, которая видна внутри дыры и представляет собой явно механический шар с дисковыми пилами. Подобные вещицы сегодня всё чаще показывают в фантастических фильмах о нашествии пришельцев. О том, что эта скульптура должна собой являть по замыслу автора, вы не узнаете ни из одного источника. Зато о важности её свидетельствует такой поразительный факт, что Помодоро (кстати, эта его фамилия-кличка переводится с итальянского «помидор» или буквально – «золотое яблоко») установил свои сферы не только здесь, в Дублине, в Тель-Авиве, в японском Хаконэ, в Риме, в Вашингтоне и ещё нескольких городах США, но также перед нью-йоркской штаб-квартирой ООН и даже... в Ватикане⁴⁶. Вы можете себе представить, чтобы Ватикан, занимающий территорию сопоставимую с питерской Дворцовой площадью или московской Красной, взял и просто так разместил рядом с бессмертными творениями Микеланджело подобный ничего не значащий объект. Но ведь разместил. Выходит, смысл, о котором нам не говорят, в золотом яблоке помидора есть и весьма актуальный.

Отстояв очередь, вы попадаете в более или менее тёплое помещение Старой Библиотеки. Считается, что на вас должен произвести неизгладимое впечатление Длинный зал, имеющий 64 метра в длину, заставленный шкапами с 200 000 старинных книг, бюстами учёных и хранящий древнейшую в Ирландии арфу. Вероятно, я бессердечный циник, потому что считаю, что библиотеки именно для того и существуют, чтобы в них жили книги, а внешне Длинный зал больше похож на зал для бальных танцев, нежели на подобные ему комнаты Британского музея или нашей Ленинки.

Что же такое сама Келлская книга, которую здесь держат в наиболее дальнем и тёмном углу? Не что иное, как собрание четырёх евангелий на латыни. Текст записан в одну строку, занимающую всю страницу. Думаю, кроме учёных, его никто никогда не читал. Да и не очень-то и хотели, поскольку главной и отличительной особенностью Келлской книги является не текст, а иллюстра-

⁴⁶ Недавно я натолкнулся на неё на набережной невинного итальянского городка Пэзаро.

ции, точнее, украшения. Витиеватость узоров, многие из которых можно разглядеть лишь через сильную лупу, фантазия художника, подбор цветов, точность линий, переплетающихся в причудливые орнаменты, что и говорить, удивляют. Не знаю, были ли среди книг, которые насобирали по русским деревням и городам Татищев и которые потом бесследно исчезли в тумане петровской перестройки нечто подобное, но авторам Келлской книги нельзя не отдать должное.

Её происхождение и авторство сегодня оспариваются разными теориями. Самая ходовая изложена в занятном мультфильме «Тайна Келлс», вышедшем в 2012 году усилиями не только ирландских, но также бельгийских и французских мультипликаторов. Участие последних лично мне показалось особенно странным, поскольку суть сюжета (и легенды) сводится к тому, что именно норманны напали и разорили остов Иону, откуда монахи бежали в Ирландию, в монастырь Келлс, где и продолжили свою работу. Рогатые и кроваво-чёрные норманны уничтожили в мультфильме и Келлс, очень похожий на виданный нами утром Глендалох, включая башню-минарет и церковь с кухонной трубой. Для меня участие французов в создании «Тайны Келлс» выглядит примерно так, как если бы грузины написали сценарий и сняли мультфильм о Сталине-палаче, или русские превратили волка из «Ну, погоди!» в Александра Невского, уничтожающего бедных псов-рыцарей...

Келлской книге Тринити-колледж обязан также Оливеру Кромвелю. В городке Келлс она пробыла с 806 по 1654 год, когда кавалерия завоевателей-англичан расположилась прямо в церкви. Правитель города поспешил отослать реликвию в Дублин. Дублинский епископ Генри Джонсон в 1661 году подарил книгу Тринити-колледжу. В XVI веке были пронумерованы главы. В 1621 году епископ Джеймс Ашер пронумеровал страницы. В XVIII веке книгу решили по-новому переплести, и страницы были обрезаны, чтобы стать одного формата. Разумеется, этот варварский способ уничтожил фрагменты изображений. В 1849 году королеву Викторию и её мужа Альберта попросили оставить в книге свои подписи. К счастью, они расписались на современном форзаце, который при реставрации в 1953 году был удалён, а сама книга была переплетена в четыре тома. В 2000 году том с евангелием от Марка слетал на выставку в Австралию и получил «небольшое разрушение пигмента» из-за вибрации моторов.

Ни на видео, ни на фото, как водится, книгу снимать не дозволено, поэтому от нашего знакомства у меня остались лишь общие воспоминания.

Из Тринити-колледжа мы поспешили в Национальную галерею. До отъезда в «Гиннесс» оставалось что-то вроде двух часов, а нам ещё предстояло пообедать. К счастью, вернувшаяся на пост руководителя Вари подсказала нам, что перекусить можно в самой галерее.



Чтобы попасть в Национальную галерею, нужно всего лишь пройти до конца Нассау-стрит и свернуть на уже упоминавшуюся ранее площадь Мэррион. На самом углу вы наверняка заметите коричневое четырёхэтажное георгианское здание, угол которого и боковина словно обросли белой русской печкой. Не спешите сворачивать. Перед вами дом № 1 по адресу Мэррион-сквер, в котором прожил всю свою юность Оскар Уайльд (На фото. Узнаёте? Тот, что без шляпы.). Родился он, правда, на соседней улице, Уэстлэнд-роу, в доме № 21, а сюда

Уильям Роберт Уиллс Уайльд перевёз всё свое большое (и частично незаконнорожденное) семейство осенью 1855 года, когда будущему поэту и заключённому Редингской тюрьмы был год. Его мать, сочинявшая, говорят, неплохие стихи под псевдонимом «Сперанца», назвала в письме одной из своих подруг их новую квартиру *“the best situation in Dublin”* (лучшим местоположением в Дублине). В Тринити-колледже Уайльд изучал античную историю и культуру, проявляя свои незаурядные способности к древним языкам (французский и немецкий он знал благодаря гувернанткам, а в Королевской школе Портора получил особую премию за знание греческого оригинала Нового завета). Именно здесь он приобрёл склонность к эстетскому поведению, презрение к общепринятой морали, дендизм

в одежде, самоиронию, симпатию к прерафаэлитам и, увы, слабость «эллинистического характера».

Не знаю, повезло нам или нет, но в Национальной галерее проводилось то, что называется *“refurbishment”*, иначе говоря, модернизация. Это означало, во-первых, что вход теперь не с Мэррион-сквер, а с Клэр-стрит, и во-вторых, что многие залы просто напросто закрыты. Как ни странно, последнее обстоятельство было нам на руку, поскольку основные экспонаты и без того не слишком большого собрания неплохо уместились в тех нескольких залах, по которым ходила задумчивая публика. Не знаю, стоит ли говорить, что вход в галерею бесплатный, но снимать ни на что не разрешается.

С одной стороны, дублинской галерее повезло: здание строилось именно для собрания картин. Когда в 1853 году на Большой промышленной выставке, которая проводилась на лужайках соседнего Лейнстер-хауса (где сегодня заседает ирландский парламент), был замечен особый интерес публики к собранию произведений искусств, организованных железнодорожным магнатом Уильямом Дарганом, сама собой возникла идея создать постоянную экспозицию.

С другой стороны, в отличие от многих ей подобных, Национальная галерея создавалась не на основании единой существующей коллекции, как Эрмитаж или Третьяковка. Когда галерея открылась, в ней было всего 125 картин. Сегодня здесь собрано порядка 14 000 произведений искусства, включая 2 500 живописных полотен. Большинство из того, что вы можете увидеть, это щедрые пожертвования разных меценатов, среди которых был даже Бернард Шоу. Разумеется, основное внимание в галерее уделяется ирландским пейзажистам и портретистам, однако можно заметить Караваджо, Тициана, Липпи, Гойю, Веласкеса, Эль-Греко, Мурильо, Брейгеля, Рубенса, Ван Дейка, Хогарта, Гейнсборо и Моне. При входе же вас встречают две небольшие русские иконы.

Находившись по тем немногим залам, что не были затронуты «модернизацией», мы сочли свою задачу выполненной и заглянули в столовую. Тут нас ожидало то же, что и во всех подобных заведениях – самообслуживание. Две лоханки с густым супом и несколькими сортами одинаково невкусного хлеба, сами того не зная, заменили нам обед.

За соседним столиком белая пара нянчилась с чёрным ребёнком в коляске. Негритёнок был забавным. Помнится, у меня у самого был такой, только пластмассовый, когда мне было года четыре. Того я где-то бросил, кажется, на антресоли в родительской квартире, а этот, когда вырастет, бросит не подозревающих о своей незавидной судьбе «родителей». Мне непонятно, почему, если ты не можешь родить, нужно во что бы то ни стало брать из приюта чужое во всех отношениях существо, а не помочь ничуть не менее нуждающимся белым детям. Совсем мозги у людей на западе забиты пропагандой ложной толерантности! Как они не понимают, что портят жизнь не только себе, но и самому ребёнку, будь то негр-тёнок или китайчонок, который силен лишь тогда, когда живёт в привычной ему среде, а не в чуждой культуре?

До отъезда автобуса оставалось ещё минут двадцать, и мы на всякий случай, хотя и не надеясь найти чего-нибудь интересного для покупки, прогулялись по Графтон-стрит. Которая считается, ни больше, ни меньше, одной из двух основных торговых улиц Дублина (второй считается Генри-стрит, на которую мы, сами того не зная, свернули накануне, потрясённые убожеством большого сувенирного магазина рядом с Иглой).

Своё название она получила по имени 1-го герцога Графтона, незаконного сына Карла II английского, владевшего здешними землями.

Из путеводителей вы узнаете, что это замечательная оживлённая улица, на которой никогда не смолкает жизнь, где всегда полно пешеходов (ибо она суть пешеходная), музыкантов, не говоря уж о магазинах и кафешках. Более того, когда я писал эти строки, мне попала любопытная информация о том, что в рейтинге самых дорогих главных торговых улиц мира за 2008 год (более свежей не было, но из дальнейшего рассуждения вы поймёте, почему), Графтон-стрит занимала аж 5-ё место с 5 621 евро аренды квадратного метра в год. На первом месте стояли 5-я авеню в Нью-Йорке с 17 044 евро, а наша Тверская, для сравнения, на 14-м – 3 167 евро за квадратный метр. Нашим же взорам предстала хмурая, полупустая улочка, каких на свете тысячи в любом городе, гораздо менее привлекательная, чем, скажем, не входящая ни в какие рейтинги центральная улица Голуэя, с совершенно неинтересными магазинами, предлагавшими главным образом опостылевшие мобильные теле-

фоны, и двумя не первой свежести музыкантами, которые пытались привлечь спешащих мимо редких прохожих.

Сейчас меня почему-то нисколько не удивляет ещё одна заметка в Интернете, рассказывающая о том, что буквально через несколько месяцев после описываемых событий среди бела дня на Графтон-стрит выбежала банда хулиганов, подогретых, как пишет пресса, алкоголем и вооружённых разбитыми бутылками. Была ли это провокация или просто какие-то разборки, неизвестно, однако попавшиеся под горячую руку туристы и продавцы магазинов дружно наложили в штаны, а одного из нападавших даже ранили в шею. Вероятно, в дни упадка такова судьба всех центральных торговых улиц. Про погромы на Тверской мы помним, про Графтон-стрит теперь знаем. Очередь за 5-й авеню, дамы и господа.

Кстати, об алкоголе. Я лично так же равнодушен к нему, как и к сигаретам, однако часть своей многоплановой карьеры посвятил пивзаводам и даже умудрился собственноручно создать весьма популярное в середине 90-х пиво «Толстяк», убитое через несколько лет после моего ухода в другую, не пивную область, неправильной рекламой, неправильным перепозиционированием и неправильной тарой. Идиоты-маркетологи, вероятно, не читали мою концепцию, в которой я ещё до создания этикетки с весёлым мультипликационным русским бородачом брал на себя смелость утверждать, что если название «Толстяк» придётся когда-нибудь рекламировать, то делать это следует лишь языком мультипликации, чтобы потребитель ни в коем случае не ассоциировал себя с этим образом и не думал, что, выпив «Толстяка», станет тоже толстым (о том, что его можно специально сделать тупым болваном, я и подумать не смел). Потому что до того, как «живой» толстяк в рекламных роликах, выпив это пиво, начал попадать в дурацкие положения, оно продавалось, что называется, «с колёс». Даже в официальной деловой прессе впоследствии писалось, что на второй год своего существования «Толстяк» показал рост продаж в 1 500% (вы не ошиблись — тысяча пятьсот) и вышел на второе место даже на таком «нецелевом» рынке, как Питер, побив местное «Невское». Приехав как-то жениться в славный город Ставрополь, я обнаружил, что все центральные площади заставлены красными палатками с моим улыбающимся Толстяком, а пиво его имени предпочитает мой будущий тесть. Так невольно облегчив себе вход в царство Гименея, я заодно постиг основной принцип настоящего маркетинга: *правильно сде-*

ланный продукт продает себя сам. Если вы, мой добрый читатель, занимаетесь, не дай бог, пиаром, маркетингом или рекламой (а таких функций в нынешнем виртуально-нужном мире становится всё больше), имейте это краеугольное соображение в виду. Вы, конечно, возразите, что реклама повышает знание о продукте, которое опосредованно приводит к повышению его потребления. Да, но только в том случае, если под рекламой вы понимаете не стрёмные ролики не о чём, а сарафанное радио. Проведите две-три фокус-группы (не больше), поставьте свой продукт на полку среди множества остальных, ему подобных, и попросите аудиторию выбрать. Только смотрите внимательно и анализируйте. Если ваш продукт заметят, но выберут наравне с каким-нибудь другим, всё: возвращайтесь домой и переделывайте его внешний вид. Потому что для его продажи вам придётся вбухивать деньги в продвижение. Это всё равно что купить автомобиль и думать, что ваши расходы на него закончатся после совершения покупки. С неё, как вы скоро узнаете, они только начинаются, не правда ли?

Наверное, об этом я размышлял, когда мы подъезжали к последней на сегодняшний день точке нашего маршрута – складам «Гиннесса».

Здание, в ворота которого вплыл автобус, было построено в 1902 году как цех брожения для пивоварни Сент-Джейм-гейт, принадлежавшей Гиннессу. Сегодня внутри всё вам кажется похожим на работающий в поте лица завод, однако, это лишь громадный демонстрационный зал, открытый для публики в 2000 году. В нем порядка 16 000 квадратных метров площади и шесть этажей, возведённых вокруг огромного стеклянного атриума, в котором вы при наличии у вас фантазии угадаете форму пивного бокала.

Заплатив порядка 15 евро за вход (у нас они были включены в программу), вы получаете билет и чёрный бумажный жетон на два бесплатных пива на человека, которые вам обещаются где-то наверху, в баре.

Первое, на что вы наталкиваетесь (вернее, наступаете), когда поднимаетесь по эскалатору в зал, где вас должен встретить экскурсовод, это стеклянный круг прямо в полу, в котором замурована реплика настоящего договора аренды, который в 1759 году подписал с пивоварней Сент-Джейм-гейт 34-летний Артур Гиннесс сроком на... 9 000 лет при ежегодной ренте 45 фунтов в год.

Замечу, что в то время здешнее пивоварение находилось в упадке: известный тогда эль критиковали за качество, а в сельской местности, как мы уже с вами знаем, народ предпочитал виски, джин и самогон. Зато был развит пивной импорт, что тоже никак не способствовало созданию чего-нибудь стоящего в местных условиях. Тем не менее, Артур был смел и предприимчив. Начав по старинке производить эль, он быстро понял, что это тупиковый путь, и вспомнил о чёрном эле, который делали в Лондоне и который назывался «портер», поскольку был в чести у тамошних грузчиков – *porters*. И вот вам ещё один живой пример правильного маркетинга: смотрите вокруг, отталкивайтесь от существующего, но создавайте своё. Артур отказывается от эля и разрабатывает на основе портера собственный рецепт. Сейчас результат его трудов принято называть другим английским словом – “*stout*”, что обычно переводится как «полный» или «тучный», когда речь идёт о человеке. Кстати, если бы я писал концепцию «Толстяка» сегодня (а писал я её для нашего начальства, прибывшего в Россию из Канады, Ирландии, Англии и Индии, по-английски), то называл бы своего персонажа не “*Fat man*”, а именно “*Stout man*”.

Не помню, говорил ли я об этом выше, но, путешествуя по Британщине и посещая в каждом городе десятки пабов, вы можете ни разу за всё время не произнести слово “*beer*” (пиво). Потому что здесь принято называть сразу тот сорт, который вы предпочитаете: *ale* (эль – вялый и никакой), *lager* (типичное светлое, приготовленного методом «низового брожения», с пузырьками), *bitter* (горьковатое и охмелённое, медного цвета, без пузырьков), *porter* (просто очень тёмное, почти чёрное) и, наконец, *stout* (чёрное, с густой бежевой пенкой). Как вы понимаете, «Гиннесс» бывает только последним из перечисленных сортов.

Спасаясь от стоящего вокруг грохота наушниками, вы слышите в них бодрый голос подбежавшей молоденькой экскурсоводши, тоже весьма плотной на вид. Она приветствует вас и ведёт сначала в «Зал ингредиентов», где всё можно при желании понюхать и пощупать. Основными составляющими выступают три вида ячменя (*barley*): пророщенный, очищенный и прожаренный (для придания фирменной окраски). Они все вместе дробятся, и получается своеобразное «тесто» – солод (*malt*). Самым главным ингредиентом, о чём скажет вам любой пивовар, является вода. Именно от её качества главным образом зависит вкус и качество пива. Вам покажут

целый водопад, который падает в импровизированный прудик, дно которого усеяно монетками туристов, привыкших расставаться с мелочью в любых подобных местах, думая что этот обычай каким-то образом будет способствовать их счастью и скорейшему возвращению обратно (сознаюсь, в фонтан Треви я бросал монетку – обычно русскую – всякий раз, когда бывал в Риме). Вопреки расхожему мнению, для «Гиннеса» используется вода вовсе не из Лиффи, а чистейшая, с гор Уиклоу.

Затем вы попадаете в «прихожую», где под стеклом собраны реликвии, некогда принадлежавшие самому Артуру, чей прижизненный портрет висит здесь же.

Далее вас ждёт полный пара и хмеля «Зал пивоваренья», где прошедший через чан и очищенный от шелухи измельчённый солод превращается в сладкое сусло (*wort*). Хмель (*hops*), отвечающий за специфический вкус «Гиннеса», добавляют к суслу в 20-тонных котлах, где на протяжении полутора часов происходит кипячение при повышенных температурах. После фильтрации сусло, смешанное с хмелем, охлаждают и добавляют дрожжи (*yeast*). Дрожжи в природе, как вы, вероятно, слышали, это крохотные одноклеточные растения из семейства грибов. Вещь очень нужная: помогает разлагаться трупам. Ну, и хлеб заодно удобно печь. Промышленные дрожжи – тема вообще особая. Гуляющая по просторам Интернета копия официального ГОСТа перечисляет среди ингредиентов такие странные в этом контексте составляющие, как технический сульфат аммония, аккумуляторная серная кислота, строительная известь и две страницы подобных прелестей. Поэтому сегодня всё громче звучат призывы печь хлеб не только самостоятельно, но и без дрожжей.

Однако вернёмся к «Гиннесу».

Получившаяся смесь попадает в бродительный аппарат, где часть сахаров превращается в спирт. Вы можете сами насыпать в стакан с дрожжами сахар и поддержать несколько дней на открытом воздухе. На поверхности появится лёгкая пена, пахнущая алкоголем. На заводе брожение длится двое суток, после чего дрожжи отделяются при помощи мощной центрифуги. Оставшаяся жидкость и есть стаут. Теперь её дней на десять оставят дображивать в высоких сосудах. Потом результат перекачают в бочки или разольют по бутылкам и разошлют по всему миру. Сегодня на карте «Гиннеса» порядка 120 стран.

Тому, как пиво развозят и рекламируют, посвящены ещё несколько залов. По ним вы ходите уже слегка навеселе, потому что в какой-то момент вам предлагают продегустировать несколько глотков почти готового «Гиннеса».

Наконец, сверившись с часами и убедившись в том, что ещё есть примерно минут тридцать, вы взмываете на скоростном лифте под купол «бокала», где расположен бар под названием «Гравитация» и где вы сможете оприходовать полученные при входе купоны.



Через стеклянные стены открывался вид на весь поливаемый очередным дождиком Дублин. Для нас это было своеобразным прощанием со столицей Республики Ирландия, поскольку завтра утром нас ждал обратный паром в Уэльс и переезд в Ливерпуль.

Народу в «Гравитации» было не просто много, а очень много. По всему периметру вдоль стенок сидели друг на друге, на пуфиках и на полу оживлённые туристы (по статистике среди посетителей «Гиннеса» всего 4% ирландцев). В центре зала располагалась круглая стойка, за которой расторопные бармены забирали купоны и нацеживали пиво. Основ-

ной же народ толпился плотным кольцом между этими двумя границами. Почему-то в памяти осталось впечатление, что большинство тех, кому посчастливилось занять места у стен, составляли монголы в кепках. Основная масса приходилась на чернявых итальянцев и испанцев. Кое-кого из нашей группы мы обнаружили лишь тогда, когда протолкались к барной стойке. Ибо, несмотря на всё вышесказанное, я решил всё-таки попробовать, что значит «Гиннес» местного, оригинального разлива (точнее, рОзлива, как традиционно окают наши пивовары).

Паренёк, трудившийся с моим бокалом, делал это весьма профессионально. Сначала пиво нацеживается из крана по стенке бо-

кала настолько, чтобы до края оставалось примерно два пальца. Если вы внимательны, то заметите, что всё это время рукоятка над краном держится разливающим в положении «от себя». Делается это, как я понял, для того, чтобы жидкость поступала без газа, чистая, несущая основной вкус. Бокал ставят на стойку перед вами, но вы не спешите его брать: нужно подождать минуты 2, пока пиво осядет. После этого бармен подносит бокал к крану и «газует» по полной, направляя рукоятку теперь уже на себя. В итоге вы получаете тяжёлую холодную пинту, наполненную до краёв, которых касается знаменитая плотная пенка; через неё вы и пьёте, как ирландский кофе.

Не могу сказать, что я испытывал жажду до того, как мы вошли в «Гравитацию». Пока пиво нацеживалось, оседало и доливалось, я почувствовал желание выпить. А когда бокал оказался у меня в руке, обнаружилось, что в меня здешний «Гиннесс» влился залпом, чуть ли не одним глотком. Мой удивлённый взгляд перехватил оказавшийся рядом Брюс, который расставил все точки над «ё», признавшись, что это совершенно другой напиток, нежели доходит до баров и магазинов его родной Австралии. Не знаю, как в Австралии, но если вы знаете «Гиннесс» только по московским, питерским или ещё каким ресторанам и магазинам — вы «Гиннесс» не знаете.

Вероятно, ради уже одного только этого маленького открытия стоило приезжать в странный, отталкивающий и всё-таки чем-то неуловимо симпатичный ирландский город Дублин.

Глава 25 - В которой меня, наконец, укачает на корабле, мы прочитаем самое длинное название в мире, проедемся по Сноудонии и влюбимся в Честер

Обратно в Уэльс мы отчаливали на следующее утро из Дублинского порта. Поначалу все думали, что нас погрузят на здоровенный паром под названием «Одиссей» (*Ulysses*), однако судьба распорядилась иначе, и мы заехали на автобусе внутрь относительно небольшого и явно скороходного катамарана “*Dublin Swift*”. Я даже обрадовался этому решению, поскольку искренне предполагал, что главное вернуться в Великобританию как можно быстрее. Наивный!

На «Свифте» большого выбора между палубами не было, тут все радости жизни размещались практически на одной, где был и буфет, и зал со столиками, и магазин с китайскими сувенирами.

Пока катамаран стоял, мы с Алиной успели сбегать наверх, подышать свежим влажным бризом, полюбоваться кучевыми облаками и разговориться с самой симпатичной из не очень симпатичных представительниц обслуживающего персонала, которая, разумеется, оказалась русской, причём из Прибалтики. Не слишком вдаваясь в подробности зарплат, я выяснил, что быт у этих ребят здесь, прямо скажем, не ахти. Ночуют они все на «Одиссее»; в день плавают по несколько рейсов туда-сюда, на выходные успевают иногда в Дублин заглянуть; отпуск, чтобы домой съездить, раз в год. Лет 20 назад такая жизнь могла бы показаться сказкой, но сегодня, мне кажется, гораздо лучше зарабатывать деньги каким-нибудь творческим (желательно) и полезным (очень желательно) трудом, а тратить на поездки по миру. При этом не нужно покупать «недвижимость за рубежом», чтобы не привязывать себя к какой-нибудь Испании или Италии (о жуткой Черногории я вообще не говорю), и максимально разнообразить маршруты. Ей богу, оно того стоит! Причём это говорит вам человек, который в начале 90-х, объевшись Дании, искренне считал, что ни в какие Франции и Англии ехать уже не нужно: мол, Европа вся одинаковая. Хорошо, что тогда я по молодости только накапливал опыт и не писал книг. А теперь пишу, как видите, и говорю: катайтесь всюду. Чтобы иметь своё пред-

ставление. Пусть отличающееся от восторженных путеводителей, но своё.

Распрощавшись с собеседницей, мы заняли места за круглым столиком. И тут началось! Когда катамаран вышел из заливчика и прибавил ходу, встречные волны стали подкидывать его, как пёрышко, так что прогуливаться и просто стоять на палубе оказалось проблематичным. Я попытался поймать Интернет, чтобы свериться с навигатором, но понял, что голова отказывается меня слушаться и хочет вернуться на неподвижную землю. В детстве меня всегда укачивало в такси и автобусах, а вот в поездках и на кораблях – никогда. Теперь мне помог опыт младшего сына, который пошёл в меня. Когда ему становится плохо, он ложится, закрывает глаза и отделяется от внешнего мира лёгкой дремотой. Я торопливо расчистил перед собой столик, пожелал Алине приятного пути, и, уронив голову прямо на руки, постарался забыться. Заснуть, конечно, не удалось, однако отсутствие признаков качки перед глазами значительно облегчили жизнь на те два часа, которые наш неунывающий катамаран мчался к уэльскому острову Англси.

Островом Англси является лишь формально, поскольку, когда вы его пересекаете и оказываетесь на материке⁴⁷, это никоим образом не заметно. Хотя нет, что я говорю! Ещё как заметно! Потому что в самом месте стыка между островом и материком расположена деревенька, название которой на картах пишется либо *Llanfairpwll*, либо ещё проще – *Llanfair PG*. В действительности же эта деревенька по-своему уникальна, что вы сразу же осознаёте, когда читаете на расположенной тут же станции её полное название:

Llanfairpwllgwyngyllgogerychwyrndrobwllllantysiliogogoch

Оно вошло в «Книгу рекордов Гиннеса» как самый длинный топоним в мире, правда, сейчас пальму первенства оспаривает деревенька в Новой Зеландии. Голь на выдумки хитра, так что, того и гляди, сегодня-завтра появится что-нибудь ещё длиннее, но это уже будет не так интересно: всегда важно быть первым.

Не пытайтесь это название прочитать. Либо найдите аудио-файл в Интернете, либо зайдите ко мне на сайт, либо наберите на *Youtube* название ролика – *The longest name*. Потому что даже транскрибирование на русский вам ничего не даст. Валлийский, на

⁴⁷ В смысле, тоже на острове, но большом, где умещается не только Уэльс, но и Англия с Шотландией

котором, как вы догадались, оно написано, читается ещё хлеще, чем английский. Так, например, бросающийся в глаза удвоенные “ll” не имеют ничего общего с «лл», а должны произноситься (примерно) как сочетание “*thl*” в слове “*athlete*”. По той же причине само название содержит 58 букв, но 51 звук.



Без комментариев.

Откуда оно взялось и что означает?

Широко известный в узких кругах валлийский грамматик, академик и поэт сэр Джон Моррис-Джонс, заставший прошлый и позапрошлый века, считал, что придумал его на рубеже 1860 года один местный портной. Кто именно, сэр не сказал. Фактически портному пришлось на ум соединить названия двух и без того соседних деревень – «Церкви святой Марии в ложбине белого орешника» и «Церкви святого Тисилио у красной пещеры». Между обоими населенными пунктами тогда располагался некий «бурный ручей». Вот так и получилась «Церковь святой Марии в ложбине белого орешника возле бурного ручья и церкви святого Тисилио возле красной пещеры». Сегодня это самая фотографируемая железнодорожная станция во всей Британии и чуть ли не главная достопримечательность Уэльса.

Когда в эти места приезжал мой любимый Генри Мортон, он, не долго думая, заглянул в ближайшую пивную и во всеуслышанье заявил, что купит пинту тому, кто произнесёт столь волнующее слово. Вперед вышел один из завсегдатаев и... пропел. Потому, делает вывод Мортон, что просто так его выговорить нельзя.

Я решил проверить это сам, зашёл в станционный магазинчик и обратился с просьбой к двум ничего не подозревавшим продавщицам. Они не растерялись и повели меня искать одну их коллегу, которая, по их словам, единственная здесь могла это сделать достойно. Маленькая старушка в очках вручила им большую картонную коробку, которую как раз вытаскивала из подсобки и, хитро улыбаясь, секунды за две озвучила мне всё слово. Я так обрадовался, что попросил её повторить фокус. Она со вздохом согласилась. Как это у неё получилось, смотрите и удивляйтесь в вышеуказанном ролике.

Теперь наш путь лежал через весь северный Уэльс в Англию, точнее, в Ливерпуль.

Если при словосочетании «северный Уэльс» у вас не замирает сердце, ничего страшного. Для того вы и читаете книжки, вроде этой, чтобы заранее заручиться чьим-нибудь мнением относительно той или иной точки на земном шаре, куда непременно стоит махнуть в отпуск или куда совершенно махать не стоит. Зато, дочитав этот абзац, вы точно будете знать, что «север Уэльса» иначе принято называть Сноудонией, поскольку здесь находится самая высокая точка страны, гора Сноудон (1 085 метров; много это или мало, судить вам), а вокруг неё на 2 130 квадратных километрах раскинулся национальный парк. Официально этот статус он получил в 1951 году.

По-валлийски эти места называются *Eryri*. Как считают одни, от слова “*eryr*”, что означает «орёл», тогда как, по мнению других, это переводится просто как «возвышенности». В средние века полный титул принца Уэльского звучал как «Принц Уэльса и Лорд Сноудонии». Хотя до образования Национального парка под «Сноудонией» подразумевалось гораздо меньшее пространство, окружавшее гору Сноудон.

Не знаю, на кого как, а на меня эти весьма живописные места произвели такое же впечатление, как Кольцо Керри. Сплошное торжество инь-ян. С одной стороны подобие гор с вереницами выразительных облаков и потугами на леса, с другой – идеальная

гладь заводов, отделённых от дороги десятками метров светло-жёлтого песка, почти как в Прибалтике.

Вы можете спросить, откуда в названии Сноудонии снег (*snow*). Что ж, если присмотреться повнимательней, то вы наверняка заметите на некоторых вершинах лёгкие намёки на белые пятна, которые не тают даже в апреле. Зимой, думаю, они и вовсе в снегу. Не забывайте, что мы с вами едем на север острова. Ещё немного, и вокруг окажется Шотландия.

Обогнув очередной замок и свернув с побережья, наш автобус покружил среди маленьких деревенок и выехал на автостраду.

- Мы снова в Англии, - объявила Варе.

Никто, разумеется, ничего не заметил, никто никакие документы не проверял (собственно, их не проверили за всё путешествие ни разу, даже в гостиницах), вид за окном несколько не изменился, если не считать снова зачистивших ядрёно-жёлтых полей канюли, и мы расслабились в ожидании знакомства с городком Честер, от которого ничего сверхъестественного не ждали. И это, как показывает опыт странствий, есть самое правильное отношение к действительности. Потому что не будет разочарований, а будут в худшем случае лишь пожимания плечами. Зато можно сделать маленькие открытия. Каким для меня и оказался этот уютный «сити», притаившийся в 25 километрах от Ливерпуля.

Почти за 2 000 лет до нас, во времена императора Веспасиана, сюда пожаловали римляне, точнее, 2-й Спасательный Легион. Косвенным доказательством этого служит само название города – Честер, – которое, если верить этимологам, произошло от латинского “*castrum*”, слова, означавшего «военные укрепления» как временного, так и постоянного характера. Кстати, другой латинизм, “*castellum*”, от которого мы сегодня имеем “*castle*” (замок), означало более мелкое укрепление, используемое чаще как перевалочный пункт.

Почти на 400 лет, как говорят историки, Честер стал главным поселением римлян в Британии, которую они считали своей провинцией. После их ухода саксы ещё сильнее укрепили город, и он встал преградой на пути новых завоевателей – датчан. Собственно, именно саксы в то время и называли его Честером. До этого он звался на римский манер – Дева Виктрикс: по имени, вероятно, протекавшей через него реки Ди (или богини этой реки), и названию расквартированного тут легиона. В XII веке соседи-валлийцы звали

его двояко: либо *Deverdoeu*, либо на римский манер – *Caerlleon*. Даже сегодня для жителей Уэльса Честер – *Caer*. Саксы до XI века знали его под названием *Legacaestir* в память о легионе. Потом первая часть отпала, и город стал Честером. Правда, до XVIII века англичане, имея в виду западное расположение города, частенько называли его Уэстчестером – Западным Честером.

Гордый Честер одним из последних английских городов покорился норманнам.

Всё это я напоминаю вам потому, чтобы вы не только прониклись его судьбой, но и удивились тому замечательному факту, что Честер сегодня обладает одной из самых хорошо сохранившихся городских стен в Британии. До полной смычки не хватает каких-нибудь 100 метров – и это при почти 3 километрах их общей протяжённости! Никто здесь не говорит, что эта стена видна из космоса, однако ходить по ней, выглядывая то по одну, то по другую сторону – одно сплошное удовольствие. Так же захватывающе было в детстве гулять по стенам Саввино-Сторожевского монастыря, что под Звенигородом, а много лет спустя – по утренним стенам просыпающегося Ротенбурга, что в Баварии.

Между прочим, я не зря именно тут вспомнил про Ротенбург, ибо его с Честером роднит ещё одна общая, кроме городской стены, черта – то, что в архитектуре называется некрасивым словом «фахверк», но очень симпатично смотрится. Вы тоже наверняка видели в Европе или хотя бы на картинках, пытающихся передать прелесть альпийской жизни, уютные белые глинобитные домики, стены которых под разными углами перечёркивают выступающие наружу тёмные несущие деревянные балки. Считается, что этот стиль в строительстве появился в XV веке в Германии, а оттого за ним и осталось хриплое немецкое название. Англичане, видимо, перенявшие сам стиль, немецкое слово благополучно оставили немцам и теперь называют подобные дома просто – “*black and white buildings*” (чёрно-белые строения). Есть, конечно, и более научные термины типа “*trelliswork*” или “*timber framing*”, но нам с вами их знать ни к чему, разве что для общего развития.

Когда идёшь по стене Честера, под тобой то и дело оказываются пересечения с улицами. Город давно перерос себя средневекового, а стена стала не более чем достопримечательностью. В том месте, где улица протыкает стену, стена называется «воротами». Таких ворот по ходу прогулки я насчитал семь, начиная от Восточных и

заканчивая Волчьими. Ворота, как водится, чередуются с башнями. Их у меня получилось шесть, среди которых похожая на павильон Башня Гоблина. При чём здесь гоблины, я так и не смог узнать. На самой башне есть табличка, где она названа Салоном Памбертона по имени Джона Памбертона, мэра Честера во времена королевы Анны, который любил сиживать здесь, наблюдая за ходом строительных работ и своими домочадцами.

Наиболее отличительной чертой стены, начиная с 1897 года, считается часовая башенка над Восточными воротами и одноименной улицей. После лондонского Биг-Бена это самые фотографируемые часы в Англии. Немудрено: они ажурны, неожиданны и, похоже, по-прежнему показывают точное время.

Именно здесь мы с вами спустимся со стены и отправимся бродить по местному Арбату – Честерским Рядам (*Chester Rows*). За сравнение с Арбатом прошу меня простить – само вырвалось. Арбата, как вы знаете, в Москве давно нет, а вот Честерские Ряды, напротив, дышат стариной и заметно поднимают настроение в любой, даже самый непогожий день. И не только потому, что все здешние дома выполнены в том самом черно-белом немецком стиле, или потому, что перед нами, пожалуй, первая в мире попытка сделать многоэтажные торговые центры века за три-четыре до их официального появления. Дело в том, что магазины расположены на вторых этажах и соединены бесконечным лабиринтом открытых галерей, так что здесь можно приятно проводить время даже при самой, что ни на есть английской погоде.

Магазины устроены таким образом, что, прогуливаясь по галерее и зайдя в один, вы при желании можете, не выходя на улицу, спуститься со второго этажа на первый, то есть на уровень улицы, и так двигаться вверх-вниз и вдоль по Рядам столь долго, сколько позволит вам время и кошелёк. Причём радость и беда вашего нынешнего положения в том, что после неимущей Ирландии здесь у вас может наступить покупательская эйфория, поскольку наконец-то перед вами открывается весьма богатый выбор.

Имейте в виду, что магазины уровня улицы главным образом по сути своей (по названиям и ассортименту) современные, тогда как магазины уровня галереи – гораздо более интересные и необычные. Например, мы там сразу же натолкнулись на царство всевозможных рыцарских доспехов и оружия, где мне захотелось купить сразу всё. Ограничился я весьма выразительным человеческим

черепом почти в натуральную величину и украшенным кельтской резьбой вплоть до глазных провалов. Можно сказать, «Келльская книга» в кости. Сейчас он улыбается мне с собственной полки.



Английский фахверк в Честере. На заднем плане – часовая башенка.

В этажах над магазинами размещаются склады и жилые помещения.

Заблудиться в Честерских Рядах невозможно даже при большом желании. Улицы Водяных ворот (*Watergate Street*), Восточных ворот (*Eastgate Street*) и Моста (*Bridge Street*) образуют крест, а в точке их соединения стоит восьмигранная колонна, под которой обычно сидят и что-нибудь наигрывают местные музыканты. Оригинальный крест сломали в Гражданскую войну 1646 года проклятые парламентаристы. Его каменную макушку удалось спрятать, потерять и вновь найти в XIX веке. Сейчас она украшает собой колонну, которая является для местных жителей главной «точкой сбора», как памятник Пушкина для москвичей (ну, в смысле для тех «россиян», которые живут в городе, который был когда-то Москвой). Говорят, что в летнюю пору на цоколе колонны в полдень выступает настоящий городской глашатай, сообщающий последние новости.

История происхождения Рядов теряется в веках. Поскольку дома по сути своей деревянные, они наверняка не раз горели, перестраивались, реставрировались и т.п. Но не все. Если вы внимательны, то на противоположной стороне от галереи, на Бридж-стрит, увидите слегка похожий на венецианский светло-серый дом с тремя арками на втором этаже. Над арками готическим шрифтом так и написано – *Three Old Arches* («Три старые арки»). Так вот, этот дом включён в топ перечня Английского Наследия, поскольку считается, что это – самый старый из сохранившихся магазинных фасадов в Англии. Дата его постройки указана здесь же, между арками – 1274 год н.э.

Все эти цифры и даты, конечно, примечательны, но они, увы, не передают той атмосферы, которую нам посчастливилось застать в Честере. Ведь во всём мире можно натолкнуться на города, в которые ты попадаешь, и не можешь понять: то ли ты в России, то ли в Германии, то ли в Польше, то ли в Швеции. Всё похоже и неоригинально. Честер можно сравнивать (с тем же немецким Ротенбургом), но ничего похожего на него вы так и не найдёте. Мне кажется потому, что в нём сохранилось настроение, сохранился дух, который сегодня сознательно или бессознательно вытравляется из многих мест, превращаемых в «населённые пункты». Когда я вспоминаю сейчас нашу прогулку уже вне городских стен и Рядов, возникает образ крохотного каменного домика, буквально утопленного в улице по самые окна. Или обычной голубятни вроде тех, что я ещё помню в Москве 70-х годов, но которых больше нет, как и деревьев на улице Горького.

Кроме черепа, железного паровозика-точилки для нашего первоклассника, двух замечательных меховых шапок (дизайн австралийский, производство, разумеется, китайское) и роскошной кожаной плечевой сумки для нашего пятиклассника, мы увозили с собой из Честера выполненную в викторианском стиле табличку пастельных цветов, надпись на которой призывала – *Follow you dreams* (Следуй за мечтой). Сегодня её видят все, кто приходят к нам в гости, и я надеюсь, что для кого-то, как для нас, это станет не пустыми словами, а жизненным посылом.

Глава 26 – Вечер в Ливерпуле: о диалекте, инновациях, культурной каше, футболе, доках и одном очень странном здании

Не успели мы загрузить покупки в автобус, удобно устроиться и моргнуть глазом, как оказались на подъездных путях к конечной точке нашего сегодняшнего маршрута – портовому городу Ливерпулю. За окнами скользили исключительно современные постройки, которые, как я уже говорил, вы можете встретить повсюду, начиная с подмосковных Химок и заканчивая урбанистическими пригородами Рима. Поэтому, если для вас Ливерпуль – это город одноимённого футбольного клуба или, не дай бог, «Битлов», то его «одежка» может вас поначалу немало смутить. Даже в такой солнечный вечер, какой выпал нам. Я же пока не спешил делать выводы: мне хотелось увидеть, какое у Ливерпуля «лицо».

При въезде в центр города обратил на себя внимание написанный как будто от руки, но оттого не менее рекламный плакат во всю кирпичную стену. Я перевёл Алине: *«Девушка в голубом MINI. Я вам на прошлой неделе менял покрышки, но постеснялся взять телефончик. Позвоните мне по номеру...»*. И дальше шли цифры. Вот такой ненавязчивый способ рекламировать сервисные услуги для «Мини Куперов».

Нас повезли вдоль по набережной порта. С этого момента Ливерпуль в моём восприятии разделён на две неравные части: порт, точнее, доки, превращённые в место отдыха с магазинами, музеями и гостиницами (в одной из которых мы и заночевали) и остальной город, вполне английский, я хотел сказать, европейский и потому несколько заурядный. Прогулка по нему была запланирована на следующий день, а пока нам предстояло размещение и общий ужин где-то в центре. Меня же ещё интересовал, как ни странно, телевизор, который я в обычное время не включаю вовсе, но сегодня должны были транслировать решающий матч сезона, в котором от их победы зависела судьба «Манчестер Юнайтед».

Кстати, я только здесь понял, отчего футболистов «Ливерпуля» называют «мерсисайдцами» (точно также, как «Арсенал» – «канонирами», а тот же «МЮ» – «красными дьяволами»). Город стоит на реке Мерси (не путать с французским «спасибо», поскольку назва-

ние реки пишется *Mersey*). Хотя мы находились в графстве Ланкашир, прилегающие к Ливерпулю земли считаются отдельным графством-метрополией – Мерсисайдом (*Merseyside*).

Что касается названий, то жителей Ливерпуля принято называть *scausers* (скаузерами), то есть теми, кто едят «скау» – местную разновидность рагу, сокращенно от “*lobscouse*”, в состав которого входили остатки мяса, овощи и галеты и которое пользовалось особым успехом среди моряков. Любителям этимологии подскажу, что слово “*lobscouse*” проникло в английский из скандинавских, где оно, в частности, в датском, пишется как “*labskovs*”.

Кроме того, «скау» – это еще и название специфического ливерпульского акцента, который на следующий день изобразил мне на камеру наш новый гид. Описывать акценты словами, к тому же русскими, дело бессмысленное, но одна его особенность не может вас не порадовать: вместо межзубного шепелявого «с», с которым любому из нас рано или поздно приходится бороться, чтобы сказать, например, *Thank you* (спасибо), ливерпульцы произносят обычное «Ф» - *Фэньк ю*. Что же касается межзубного «З», то, как и следовало ожидать, оно здесь звучит как «В», отчего английская «мать» (*mother*) у них выходит как «мава». Если же этот «З» приходится на начало слова, то и вовсе превращается в «Д». Поэтому «этот» (*that*) они спокойно произнесут как «дэт».

Как и многие ирландцы, ливерпульцы используют вместо притяжательного местоимения *my* (мой) объектный падеж – *me* (меня). В итоге какая-нибудь безобидная фраза типа «Это моя мама» (*That is my mother*) превращается у них во рту в «Дэт ис ме мава».

Ливерпульский диалект затрагивает также и выбор слов. Скажем, здесь вы в меньшей степени будете использовать такое распространённое слово, как “*good*” (хороший). Если вам что-нибудь понравится и вы захотите сказать “*It’s good*”, говорите “*It’s sound*”. Если же вас спросили “*How are you?*”, можете ответить “*I’m boss*”.

Вы не поверите, но в 1996 году в международную комиссию поступила просьба признать «скау» интернет-диалектом. И что самое смешное, в 2000 году это просьба была удовлетворена.

Ливерпуль вообще считается в мире зачинщиком многих начинаний (как нынче говорится, «инноваций»). Именно в этом городе были впервые опробованы такие обычные нынче изобретения, как железные дороги, паромы и небоскрёбы. А что вы хотите, если к

концу XIX века через ливерпульские доки проходило (не удивляйтесь) 40% мировой торговли!

Положение Ливерпуля как порта сказалось и на том, что здесь исторически варилась каша (или рагу) из самых разных народов и культур. Поэтому нет ничего странного в том, что именно тут приютилось самое старое в Англии негритянское сообщество. И, разумеется, здесь появился первый Чайна-таун с самыми большими за пределами Китая китайскими воротами (красно-золотой аркой, которой традиционно отмечаются входы в любой Чайна-таун в мире). Одно время Ливерпуль называли «столицей северного Уэльса», поскольку в XIX веке 10% населения составляли валлийцы. В результате Великого Голодомора в Ливерпуль за одно только десятилетие прибыло два миллиона ирландцев, часть которых, несомненно, рванула дальше, в Штаты, но часть благополучно осталась. Если валлийцев было 10%, то ирландцев в итоге оказалось в два раза больше.

Можно найти цифры и ещё одной статистики, говорящей о том, к чему приводит смешение культур (кроме вырабатывания своего диалекта). Ливерпуль – единственный город в Великобритании, где существует официальный квартал для геев обоих полов (говоря по-нашему, для педерастов и педерасток). И если этими товарищами исторически более обжиты Манчестер и Брайтон (не путать с районом в Нью-Йорке), то на душу населения лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов тут столько же, сколько в Сан-Франциско. Наверное, это тоже повод для гордости, а скоро наиболее отличившимся в этом плане городам какой-нибудь папа римский будет дарить священные статусы Содома и Гоморры. Вот такой я ужасный консерватор и ретроград!

Набережная Ливерпуля встречает вас такими неожиданно высокими и величественными домами из светлого камня, что создаётся впечатление, будто оказался снова в Лондоне. Или даже в Москве. В последнем случае вдоль набережной Москвы-реки пришлось бы выстроить друг за другом гостиницу «Украина», МГУ и ещё несколько подобных зданий сталинской поры. Первое из них (ливерпульских) наиболее похоже на Московский университет и называется Роял-Ливер-билдинг и вместе с двумя соседними – Кьюнард-билдингом и Порт-оф-Ливерпуль-билдингом – составляет архитектурный ансамбль, который здесь принято называть «Три грации». Здания, действительно, того стоят.

Особенно выделяется первое – Роял-Ливер-билдинг, – взметнувшееся ввысь на 98 метров. Построено оно было в 1911 году и до 1934 года считалось самым высоким зданием в Европе. Это же место в пределах Великобритании оно занимало до 1961 года. Сегодня, правда, оно скатилось на четвертое место... в самом Ливерпуле. Зато никто не отнимет того, что это первое здание в мире, построенное из железобетона. Занимает его с момента открытия страховая компания «Роял Ливер», которая, говорят, создавалась из благих побуждений помогать местным жителям, потерявшим кормильцев.

Острую крышу венчают две башенки с часами. На каждой из башен стоит по зелёной от патины птице – символу Ливерпуля. Они так и называются – *Liver birds* (Ливер-птицы), причём точная их порода никому не известна. Считается, что образ птицы как таковой представляет Ливерпуль ещё на печати конца XIV века, которую сегодня можно увидеть в Британском музее. Я не большой любитель орнитологии, и потому перейду к сути их здешнего изображения. Ибо птицы, стоящие на башенках, смотрят в противоположные стороны. По официальной версии одна сторожит город («наш народ»), а другая море («наше богатство»). Считается, что если они увидят друг друга, поженятся и улетят, Ливерпуль прекратит своё существование. И, мол, именно поэтому обе птицы прикованы к башенкам железными цепями.

Существуют и другие версии. Например, что самец смотрит, не открылся ли его любимый паб, а самка – не приближается ли по реке какой-нибудь симпатичный морячок. Циники же вам скажут, что если мимо «Трёх граций» пройдёт девственница или честный мужчина, птицы радостно захлопают крыльями. Я не видел, но мне показалось, что когда они завидели наш автобус, то именно так и сделали.

Мы же миновали ещё несколько импозантных зданий, многие из которых были построены полностью из стекла, и в их причудливо изогнутых стенах отражалось голубое небо и сверкало заходящее солнце.

Если вы решили остановиться в Ливерпуле недорого и почти в центре, да ещё чтобы просыпаться под крики чаек и ловить окнами морской бриз, можете последовать моему сдержанному совету и выбрать нашу гостиницу – *Jurys Inn*. Когда мы остановились перед входом и прочитали название, у меня сразу возникло ощущение,

что владелец этого заведения – какой-то русский Юрий. На самом деле это целая сеть отелей, которые расположены в Лондоне, Дублине, Праге, Брайтоне и где-то ещё, а основана она была аж в 1881 году. Сегодня ориентиром её местоположения служит довольно большое и видимое со многих точек колесо обозрения. Замечу, что на картах Гугла вы это колесо не найдёте. Вероятно, как и в случае с Дублином, съёмка велась достаточно давно, чтобы учесть последние нововведения. Пора ЦРУ раскошелиться на новую.

Номер снова оказался рассчитанным на троих, с видом на воду и плоским телевизором, отказывавшимся ловить что-либо спортивное. А ведь я через два часа собирался посмотреть футбол. Ладно, решили мы, поздний вечер просто вечера мудренее, вернёмся из ресторана, будет понятно, что делать. Так и получилось.

В ресторан нас снова повезли на автобусе. Заведение многообещающе назвалось *The Noble House* (Благородный дом). Действительно, если вы удосужитесь отыскать его сайт в Интернете, то перед вами предстанет едальня, куда хочется заходить во фраках и тихо ворковать о любви в сумеречном свете канделябров. На самом же деле, прямо с улицы мы попали в зал, смахивающий на столовую, причём никакого предбанника между входом и залом не было. Длинные столы стоят рядами, обычные приставные стулья, на потолке очень смешная длинная люстра, занавешенная полупрозрачной тканью с рюшечками, которую ожидаешь увидеть на какой-нибудь примадонне советской эстрады, но не над головой. Накормили сносно: без изысков, но вкусно и съедобно. Снова выдали по два купона, на которые в процессе ужина можно было бесплатно взять выпивку. Мы для разнообразия остановились на красном вине, хотя под него пошла сёмга (она же лосось).

Отведав десерта, мы распрощались с нашими разморенными спутниками, предупредили Вари, что идём домой пешком, чтобы нас зря не ждали, и поспешили в гостиницу.

Ориентироваться в городе, по которому протекает река – сплошное удовольствие. Зная, где она расположена, можно идти хоть с закрытыми глазами – не заблудишься. Ехали мы до ресторана минут десять, вернулись – минут за пятнадцать. Увы, телевизор по-прежнему не ловил ничего спортивного, а потому мы, не долго думая, спустились в бар и заняли удобные места прямо перед большим экраном, на котором уже начинали выходить команды.

Публики вокруг было немного, и все, похоже, собрались тут с той же целью: поболеть за «МЮ» или против.

Интересное чувство, скажу я вам, болеть за «Манчестер» в Ливерпуле, основная команда которого (потому что в Ливерпуле, как вы наверняка знаете, прописан не только «Ливерпуль», но и «Эвертон») является его принципиальным противником вот уже многие десятилетия. Наверное, окажись мы не среди туристов, а где-нибудь в городском баре, на меня бы смотрели с неприязнью. А тут всё было тихо и мирно, и даже ни разу не подошёл официант, чтобы предложить что-нибудь заказать выпить и тем самым оправдать наше присутствие. Если я сейчас правильно помню, «Манчестер» доблестно сыграл со слабым противником вничью и таким образом позволил своему заклятому врагу, тоже из Манчестера, только «Сити», стать в тот сезон чемпионами.

Забегая в день сегодняшний, скажу, что тот вечер имел для меня неожиданное продолжение. Я решил во что бы то ни стало побывать на стадионе и посмотреть матч с участием «Манчестера Юнайтед». Если не в этот раз, поскольку на дворе был конец сезона, то в начале следующего, где-нибудь в августе. Ведь визу мне выдали многократную, на полгода, и я мог бы осуществить этот план, не прибегая к помощи посольства. Порасспросив наутро Вари и нашего ливерпульского гида, я пришёл к выводу, что просто так подойти к какой-нибудь кассе и купить билеты на матч (тем более что сетка нового сезона ещё не была определена) невозможно. Мне посоветовали вернуться спокойно в Москву и связаться с каким-нибудь фанатским клубом «Манчестера» в России. Официальные клубы, сказали мне, должны получать квоты на билеты. Так и оказалось. Только на Интернет-сайтах этих клубов, точнее, одного-единственного, выяснилось, что претендовать на покупку билетов я могу лишь, став членом клуба, то есть, платя взносы, и едва ли в первый же год членства. Обидевшись на такую несправедливость, я плюнул, решил не «гнаться за мечтой» (к чему призывал вас в прошлой главе) и... разлюбил футбол. Нет, конечно, время от времени я даже включаю телевизор (хотя предпочитаю скачивать наиболее принципиальные матчи через Интернет и смотреть в удобные для себя часы), но интерес мой переключился с посредственно играющего (теперь уже совсем обнищавшего после ухода сэра Фергюсона) «МЮ», на «Барселону» с бесподобным (тоже, правда, не во всех матчах) Месси. Однако что-то в моём восприятии футбола

произошло, я стал не столько равнодушнее, сколько спокойнее, а залиvistые славословия наших юных комментаторов вызывают во мне если не раздражение, то недоумение по поводу причин их бурных восторгов. То же самое случилось между мной и НБА (профессиональным американским баскетболом), когда закончил выступать Майкл Джордан, за матчами которого все 90-е годы я следил неустанно. Стало скучно. Как-то заставил себя посмотреть несколько матчей плей-офф с нынешними «звёздами» и выключил это убожество. Хотя комментаторы (на сей раз американские) продолжали восхищаться «небывалой» красотой и результативностью игры, будто не было целого десятилетия баскетбола действительно фантастического по своей красоте, накалу и результатам. Ну да ладно, простите, отвлёкся...

За окном окончательно стемнело, доки и город залились оранжевыми огнями, и мы решили, что не будет ничего зазорного в том, чтобы часок-другой прогуляться перед сном. Шли мы, что называется, куда глаза глядят, а глаза, разумеется, глядели в центр города, которого, по сути, не оказалось.

Выйдя из доков, вы пересекаете такую же как в Лондоне улицу Стрэнд и оказываетесь в лабиринте больших (я пишу «большие» в сопоставлении с обычными городскими 3-4 этажными застройками, которые нам встречались до сих пор на всём пути от Лондона) кварталов, которые тянутся вдоль реки и уходят неизвестно куда вглубь. Сразу замечу, что никакой карты я с собой принципиально не взял.

Мои предложения посидеть где-нибудь в кафешке, которые попадались не на каждом углу, но, похоже, были единственными открытыми заведениями в столь поздний час (стрелки на домах показывали около одиннадцати), Алина прагматично отвергла, напомнив, что мы только что побывали в ресторане. Можно подумать, будто в кафе ходят для того, чтобы поесть! В моей прежней жизни был период, когда я предпочитал есть вне дома, а потому считаю, что кафе – это повод даже не столько себя показать и на других посмотреть, сколько почувствовать себя «одиноким в толпе» и собраться с мыслями. Можно пообщаться с официантами, перемигнуться с другими посетителями, вывести спутника или спутницу на душевный разговор, задуматься о смысле жизни (хотя он уже известен) и вообще отдохнуть от себя «в автобусе», себя «на экскурсии», себя «за компьютером», себя «с фотоаппаратом» и т.п.

Одним словом, кафе неплохо служат для смены обстановки и настроения.

Стоит ли говорить, что когда мы надышались ночным речным воздухом, неплохо размялись после долгого сидения в автобусе, в ресторане и за телевизором, и свернули к дому, то оказались проходящими мимо нашего опустевшего «Благородного дома». Чтобы не возвращаться в гостиницу той же дорогой, что и в первый раз, мы свернули не налево, а направо, и вышли к «Трем грациям».

Меня сильнее остальных влекло к себе четвёртое здание, напоминавшее по архитектуре лондонский Кенотаф на Уайт-Холл, только гораздо большего размера. Представьте себе пятиэтажный каменный куб, над которым, как печная труба из того же камня поднимается квадратная башня с обрезанным верхом. Обходя здание, вы видите выступающие из стен барельефы и скульптуры. Многие напоминают людей в скафандрах и с круглыми глазами. Две фигуры из чёрного гранита, сидят в позе лотоса: одна с крестом на руках, другая с солнцем. В редком орнаменте угадываются головы крылатых коней. Крылья повсюду. Многие парные, напоминают жуков-скарабеев. Да и вся постройка, если приглядеться, кажется, принесена сюда с берегов Нила, откуда-нибудь из Луксора. То и дело глаз натывается на символические изображения пирамид. На зеленой железной решётке даже ночью легко рассмотреть две змеи, обвившие треугольный факел и кусающие нечто похожее на листву с Древа Познания.

Если бы мне сказали, что это какой-нибудь храм последователей Ананербе, резиденция Блаватской или штаб-квартира очередного Бильдербергского клуба, я удивился бы гораздо меньше, чем тогда, когда отыскал неприметную табличку, на которой значилось, что перед нами — готовы? — вентиляционное здание подземного туннеля Куинсуэй (буквально: «путь королевы»). Не верите? Тогда наберите в поисковике *George's Dock Ventilation* и посмотрите, что покажет вам выдача. Рекомендую сразу выбирать не в статьях, а в картинках — очень наглядно и впечатляюще.

Более глубокие исследования ни к чему не привели. Максимум, что вы сможете узнать об этом загадочном строении, так это что архитектором его в 1934 году являлся Херберт Джеймс Роус, а за скульптуры отвечал его друг Эдмунд Чарльз Томпсон, любивший стиль арт-деко. Никаких подробностей, никаких объяснений. Не заслужили.



Вот такое здание строят в центре города для... вентиляции. Как говорил в таких случаях один очень старый еврей: «Не крошите мне на бабочку».

Что же касается собственно туннеля, то да, в 20-е годы прошлого века паромы перестали справляться с потоком транспорта через Мерси, и было принято решение рыть под рекой. Рыть стали с двух сторон навстречу друг другу, причём умудрились в итоге разойтись, говорят, всего на 25 миллиметров. Выгребли при этом 1,2 миллиона тонн камней и гравия, потратили 8 миллионов фунтов (тогдашних) и из 1 700 рабочих 17 (какая удивительная пропорция!) погибли. На протяжении 24 лет Куинсуэй являлся самым длинным подводным тоннелем в мире (точной его длины я тоже нигде, увы, не нашёл). В 1971 году в помощь ему был открыт тоннель Кингсуэй («путь короля»).

Нагулявшись и наудивлявшись, мы возвращались домой доками. Раньше я как-то не очень отчётливо представлял себе, что же такое портовые доки. Воображение рисовало груды грязных мешков, наскоро сколоченные сараи, скрип такелаж, гудки пароходов и всё такое прочее. За все те сутки, что мы жили в Ливерпуле, нам на глаза не попался ни один корабль, если не считать мелких барок на привязи. Доки же являли собой причал, застроенный на вид вполне современными кирпичными зданиями, нижние этажи кото-

рых сплошь занимали витрины магазинов, каких-то музеев и ресторанов, повсюду была вода, через неё вели надёжные мостки, и казалось, что так могла бы выглядеть сегодня та же Венеция, если бы к ней подпустили нынешних архитекторов.

На самом деле у ливерпульских доков своя интересная история, особенно у Альберт-дока, занимавшего основное пространство между «Тремя грациями» и нашей гостиницей. Его открыли в 1846 году, причём это был первый комплекс зданий в Великобритании, построенный без использования дерева – только чугун, кирпич и камень (в частности, из чугуна отлиты здоровенные красные колонны по 4,5 метра высотой и 4 метра в обхвате, поддерживающие постройки и образующие уютные галереи, где, как водится, удобно гулять при любой погоде). Таким образом, Альберт-док стал заодно и первым в мире сооружением, не боявшимся пожара.



По тем временам планировка дока считалась революционной, ибо корабли можно было загружать и разгружать прямо со складов. Через два года после открытия док снабдили опять-таки первыми в мире гидравлическими кранами. Один из них, как напоминание о том времени, попался нам на пути. Благодаря своей открытости и одновременно защищённости Альберт-док стал удобным местом для хранения ценных грузов, таких как хлопок, чай, бренди, шёлк, сахар и табак.

Благоденствие продолжалось лет 50, после чего возникла необходимость строить более открытые доки, чтобы поспевать за развитием кораблестроения. Постепенно Альберт-док стал главным образом выполнять функции склада. Вторая мировая война внесла новые коррективы: док был переоборудован в базу британских ВВС и в результате пострадал от бомбёжек. После войны док (и доки вообще) влачил жалкое существование и в 1972 году был закрыт. Чтобы через 16 лет открыться снова, но уже в качестве туристической достопримечательности, какой мы его в тот вечер и застали.

Считается, что Альберт-док является самым посещаемым местом в Ливерпуле и вторым по посещаемости после Лондона. Вероятно, мы выбрали лучшее время для прогулки, потому что нам по пути попалось человека полтора и ещё несколько сидело в закрывшемся буквально у нас перед носом ресторане. Кроме ресторанов, здесь распложены две гостиницы, морской музей, музей истории каких-то «Битлз» и местный филиал галереи Тейта.

В баре нашего «Юрия» телевизор по-прежнему работал, официантки в белых передниках готовили столовую к завтраку, однако после столь насыщенного дня нам хотелось одного – ощутить под ухом прохладу подушки и забыться каким-нибудь ливерпульским сном с криками чаек, доками и улетевшими, наконец, восвояси ливерскими птицами.

Глава 27 – Утро в Ливерпуле: о рекордах, соборе, «Титанике» и «Битлах»

- Добро-о пожа-аловать в Ливерпу-уль! – забавно растягивая слова, заговорил наш новый гид, высокий, худой и похожий на учителя физики или химии. – Как вы, наве-ерное, слы-ышали сего-дня по радио, Англию залива-ает, в некоторых шко-олах даже от-менили занятия, ну а у нас всё ти-ихо и присто-ойно, так что ещё раз добро пожа-аловать и давайте отпра-авимся в наше короткое утреннее путеше-ествие по тем местам, которые представляются мне наибо-олее существенными для понимания Ливерпу-уля.

Король Иоанн (Безземельный) даровал рыбацкой деревеньке патентную грамоту, присвоив тем самым Ливерпулю статус города (только не “city”, а “borough”) в 1207 году, однако даже к середине XVI века здешнее население не превышало 500 человек. Первоначальный план застройки имел в основе букву “Н”, состоявшую из семи улиц. Ещё через сто лет население стало медленно расти вместе с ростом торговли. В 1644 году Ливерпуль выдержал восемнадцатидневную осаду (вы ещё не забыли про Кромвеля и Гражданскую войну?), а в 1699 году первый работорговый корабль «Ливерпульский купец» направился отсюда к берегам Африки. Так сперва на рабстве, а позже на антарктических тюленях Ливерпуль постепенно вырос до центра если не мировой, то европейской торговли. В 1830 году Ливерпуль и Манчестер стали первыми городами, которые связала железная дорога. В то время Ливерпуль превосходил по богатствам сам Лондон. Достаточно сказать, что местная таможня была крупнейшим «донором» британского казначейства. О статусе тогдашнего Ливерпуля наглядно свидетельствует тот факт, что он был единственным британским городом, имевшим собственный офис на Уайт-Холле.

В свою очередь именно здесь в 1790 году открылось первое в мире дипломатическое представительство США. Джеймс Мори, первый американский дипломат, отправленный за море, проработал на этом посту в Ливерпуле 39 лет.

В середине XIX века Ливерпуль окрестили «европейским Нью-Йорком».

Если говорить о первенстве Ливерпуля в самых разных направлениях, то вот лишь некоторые сведения (в дополнение к вышеупомянутому), бережно собираемые местными патриотами.

В 30-х годах XIX века именно здесь появились первые железнодорожные тоннели.

В Ливерпуле впервые в мире открылась школа для слепых, институт для механиков, средняя школа для девочек, были введены школьные завтраки, моторизованная пожарная команда, основан центр по исследованию рака.

Первая Нобелевская премия британцу была вручена в 1902 году Рональду Россу, профессору из Школы Тропической медицины, тоже первой в мире.

Пионерами ортопедической хирургии и современной анестезиологии стали ливерпульские врачи Хью Оуэн Томас и Томас Сесил Грей соответственно.

Первая в мире общественная канализационная система, оказывается, родилась тоже тут усилиями Джеймса Ньюлендса, назначенного первым городским инженером в Великобритании в 1847 году.

В банковском деле Ливерпуль дал западному миру первые деривативы⁴⁸: фьючерсы на хлопок, которыми торговали на местной хлопковой бирже еще в XVIII веке.

В 1862 Питер Эллис впервые в мире построил офисное здание на стальном каркасе. Здание называли «альковными палатами», *Oriel Chambers*, и оно стало прототипом будущих небоскрёбов.

Первым универмагом, построенным в Великобритании именно с этой конкретной целью, стал Комптон Хаус, самый большой магазин того времени в мире.

Первые бананы попали в Великобританию в 1884 году на кораблях ливерпульского сэра Альфреда Льюиса Джонса.

Именно здесь в 1889 году была изобретена сетка для футбольных ворот.

Наверное, ливерпульцы также первыми научились получать огонь и изобрели колесо, но пока истории это неизвестно, а потому не будем спорить и промолчим.

⁴⁸ Американские журналисты провели забавный эксперимент и весь день гонялись с камерой за важными дядями на Уолл-стрит, задавая им один и тот же вопрос: «Что такое деривативы?». Ни один не смог дать простого и внятного ответа. Попробуйте найти определение этого финансового инструмента сами, и вы убедитесь, что чёткой и единой формулировки просто нет. Где меньше света, там легче воровать, не так ли?

Кстати, в этот самый момент появляется повод для первой остановки на нашем маршруте – здоровенная кирпичная печь с квадратной трубой. На самом деле это не печь и не перевёрнутый рукояткой вверх автомат «узи», а Ливерпульский собор. Официально он называется Кафедральная церковь Христа в Ливерпуле. При этом посвящён он не только Христу, но и деве Марии.

Тут снова не обойтись без сравнений. Потому что при внешней длине основания 189 метров он является вторым по величине собором в мире, уступая, насколько я понимаю, лишь ватиканской базилике св. Петра с её 211,5 метрами (для сравнения: питерский Исаакий имеет в наиболее *длинной* части 111,2 метра). Шпиля у собора нет, однако и без него его «печная труба» поднимается на высоту свыше 100 метров. В Ливерпуле с его небоскрёбами он занимает по этому показателю почётное третье место.

Строить собор решили в самом конце XIX века, поскольку церковь св. Петра на Чёрч-стрит не только перестала справляться с наплывом прихожан, но и была, по словам тогдашнего пастора Ливерпуля, «гадкой и ужасной». В конце 1901 года объявили конкурс на лучший проект, а в члены комиссии избрали Джорджа Бодли, ратовавшего за возрождение готики, и шотландца Ричарда Шоу, начинавшего тоже с готического стиля, но постепенно перешедшего к «полнокровному имперскому классицизму». Эти двое и стали тщательно изучать присылаемые на конкурс чертежи и эскизы. Всего заявок пришло 103. Один из маститых соискателей, Темпл Мур, предложил поучаствовать в конкурсе своему 22-летнему ученику Джайлсу Скотту, с отцом которого когда-то вместе учился. Юноша послал свой эскиз, набросав его в свободное от основной работы время.

Дальше происходит совершенно невероятное: эскиз Скотта признают лучшим. И это при том, во-первых, что в послужном списке юного архитектора на тот момент был лишь стеллаж для труб, и, во-вторых, по вероисповеданию он был... католиком. Признаться, я не могу найти этому никаких вразумительных объяснений, кроме того, что Джордж Бодли оказался другом его отца – архитектора Джорджа Скотта, тоже сына архитектора и тоже Джорджа Скотта. Об этом вы нигде не прочитаете, но сдается мне, что ма-сонские связи сыграли в данном деле не последнюю роль.

Поскольку у юного избранника нет опыта, комитет назначает ему в помощь самого Бодли. Тандем получается весьма условным,

поскольку старику Бодли то и дело приходится отлучаться в Штаты, где он отвечает за постройку сразу двух соборов. Скотту это крайне не нравится, не нравится настолько, что он собирается подать в отставку (можете себе такое представить?). Однако в 1907 году Бодли скоропостижно умирает, и двадцативосьмилетний Скотт остается «за главного».

Думаете, дальше всё пошло гладко? Посмотрите на вечные стройки нашего времени типа Саграда Фамилии в Барселоне или «Москвы-сити» в Москве.

Прошло ещё три года, и Скотту показалось, что его первоначальный эскиз, выигравший конкурс, слишком традиционен. Если вы найдёте его в Интернете, то увидите печь аж с тремя трубами, две из которых, башни-близнецы, делают будущий собор смахивающим на парижский Нотр-Дам, только ещё менее изящным. Чудеса продолжают, и Скотту удается убедить кафедральный комитет разрешить ему начать всё сначала. И это почти 10 лет спустя! Примечательно, что биографы Скотта трогательно пишут, что «часть строительных работ к тому времени была уже начата». Спрашивается, на что же 10 лет уходили деньги? Нет ответа.

В итоге добро было снова получено, Скотт убрал обе башни и на их место водррузил одну, которую мы видим и поныне.

Первая мировая война стала удобным поводом затянуть со строительством – не хватало рабочей силы. Первую секцию удалось достроить лишь к 1924 году, и 19 июля, в 20-летний юбилей закладки первого камня, этот кусок собора был торжественно освящён в присутствии Георга V и королевы Мэри.

Строительство продолжалось. Наступили 30-е годы, потом началась вторая мировая. Снова рабочая сила стала пушечным мясом. Скотт, сделавшись, разумеется, знаменитостью, отвлекался на самые разные проекты, но Ливерпульский собор честно играл роль его «дойной коровы». Учитесь, как нужно присасываться к казне на всю жизнь!

А теперь догадайтесь, когда строительство собора было наконец закончено и Ливерпульцы смогли вздохнуть спокойно. Хотите верьте, хотите нет, но произошло это последнее чудо в 1978 году, через 18 лет после смерти самого Скотта.

Когда будете входить в собор, замешкайтесь и посмотрите наверх. Вашему удивлённому взору предстанет чудовищная по своему исполнению и зелёная от патины фигура Христа, которую наш

гид, упреждая вопросы любопытствующих вроде меня, поспешил назвать «нашим Франкенштейном». Обычно на фотографиях собор запечатлевают издали, так что этого убожества скульптурной



мысли просто не видно. Гид рассказал в этой связи тоже довольно странную версию, будто делать Христа было поручено некой даме, за работами никто не следил, а когда со статуи на торжественном открытии собора спала простыня, делать что-либо было уже поздно. Фамилии этой скульпторши я тоже не смог найти, а потому подозреваю, что история просто-напросто повторилась. Как у людей, так и у зданий своя судьба, точнее, свой рок.

Если вы ещё не устали от ливерпульских рекордов, поспешу сообщить, что «печная труба» является самой большой и одной из самых высоких коло-

колен в мире. В ней находится самая высокая (67 метров от земли) и самая тяжёлая в мире (31 тонна) действующая гирлянда колоколов. Центральный колокол, «Великий Георг» тянет на 14,5 тонн, что лишь на 2 тонны меньше, чем его собрат, «Великий Павел», из лондонского собора св. Павла⁴⁹. Ливерпульцы гордятся тем, что в 2009 году звонари умудрились исполнить на колоколах мелодию заунывной песни Леннона – *Imagine*.

Вход, разумеется, бесплатный, но приветствуется совершенно добровольное пожертвование в размере 3 фунтов.

Внутри собора стоя могут разместиться 3 500 прихожан, сидя – 2 300.

Ещё одной дурацкой достопримечательностью собора является орган, разумеется, тоже рекордсмен по количеству труб, которых в

⁴⁹ На сегодняшний день самым тяжёлым висющим колоколом считается «Колокол Удачи». Он находится в китайском городе Пиндиншань и весит 116 тонн. Наш «Царь-колокол» весит 216 тонн, но он никогда не висел и не звонил.

нём 10 268. Но это не самое главное. Дело в том, что когда орган установили, то вскоре обнаружили, что забыли сделать проход к балкончику органиста (на глаз, метров 8 от пола). Так что на протяжении многих лет перед каждой службой к балкончику приставляли лестницу, органист по ней забирался, а если он играл хорошо, то после службы лестницу приставляли снова.

Почти напротив органа в нише стоит типичная английская красная телефонная будка, которую сегодня можно увидеть повсюду в Англии. Она здесь, оказывается, вовсе не затем, зачем вы подумали, а в память всё о том же Скотте, который между делом спроектировал и её, выиграв очередной конкурс. Правда, как я потом выяснил, проектировал он её из мягкой малоуглеродистой стали и серебряного цвета, а делать её стали из чугуна и красить красной краской. Ну, так ведь и собор изначально был другим.

И ещё одно место в соборе стоит нашего с вами внимания. Это маленькая каменная плитка, вмурованная в такой же каменный парапет одного из проходов второго этажа. На всякий случай она ярко подсвечена установленным здесь же прожектором. На плитке изображён, пожалуй, самый известный (увы, трагически) корабль – «Титаник». Стоя под ней, наш гид поделился с нами буквально следующей информацией (цитирую по своему фильму⁵⁰):

- Команда «Титаника» насчитывала более 800 человек. Большинство были родом из Саутгемптона, откуда «Титаник» и отправился в своё последнее плавание. Однако 114 из них были ливерпульцами. Главным образом, старшие офицеры. Капитан Смит жил здесь. У него был дом и в Ливерпуле, и в Саутгемптоне. А что вы хотите, если он в год зарабатывал по нынешним меркам порядка полумиллиона фунтов. Весь руководящий инженерный состав был из Ливерпуля, палубные офицеры, старпом. Из 114 погибло 87...

По поводу того злосчастного кораблекрушения мы с вами тратить много времени и бумаги не будем. Версий, как вы знаете, множество: от несчастного случая до преднамеренной катастрофы по причинам то ли получения владельцами «Титаника» огромной страховки, то ли наличия среди пассажиров весьма влиятельных особ, которые отправлялись в Новый Свет, чтобы подорвать незыблемость доллара. Где-то мне попадалась информация о том, что погиб вовсе не «Титаник», а «Олимпик», сошедший с той же верфи «Харленд энд Вулф», но сошедший настолько неудачно, что умуд-

⁵⁰ Смотрите в разделе «Видео», в подразделе «Мои фильмы» на сайте best-repetitor.jimdo.com

рился врезаться в дамбу. Впоследствии «Олимпик», капитаном которого, не удивляйтесь, был всё тот же упомянутый нашим гидом Эдвард Смит, не раз попадал в аварии, так что считался «проклятым» и никто не хотел его страховать. Тогда-то хозяин судна Исмей и владелец верфи лорд Перри и задумали повернуть афёру века: пустить «Олимпик» в плавание под именем «Титаник», разыграть катастрофу и получить страховку в размере 52 миллионов фунтов, которой хватит на покрытие всех убытков. Следом за «Олимпиаком» по тому же маршруту они собирались послать с недельным отставанием другое судно, которое якобы случайно окажется рядом с тонущим кораблём и спасёт пассажиров. Как известно, эта часть плана успехом не увенчалась. Зато ещё до начала плавания 55 человек отказались ступить на борт. Среди них, в частности, был владелец компании «Уайт Стар лайн» (которой принадлежал «Титаник») Джон Морган, а также миллионер Джордж Вандербильт. Кстати, запомните эту фамилию, я скоро упомяну её в совершенно неожиданной связи. Да и вообще, мне кажется, интеллигентный человек должен знать тех немногих, кто стоит за всем тем, что происходит и производится в сегодняшнем мире, пусть даже стоит в тени, особенно в тени, а не в списках кукольного «Форбса». Вы там никогда не встретите упоминаний ни Ротшильдов, ни Рокфеллеров, ни Морганов, ни Вандербильтов, хотя последние даже после финансовых неурядиц середины XX века по-прежнему считаются 7-й по совокупному богатству семьёй в мире. Как-то в Дании мне один мой хороший знакомый с удивлением продемонстрировал статью, большая часть которой занимала схема, в которой перечислялись мировые торговые марки, не имевшие между собой ничего общего, а во многих случаях считавшиеся прямыми конкурентами. В общую же схему они попали лишь потому, что у них был один хозяин – Вандербильты. Что стало с той датской газетой после публикации, я не знаю, но думаю, что полегло немало журналистских голов. Ишь, правды захотели!

И последнее о «Титанике». За 14 лет до крушения, в 1898 году был опубликован роман Моргана Робертсона «Тщетность». Рассказывалось в нём о гибели корабля «Титан». Он тоже считался непотопляемым и тоже напоролся на непонятно откуда появившийся айсберг. Совпадали даже такие параметры, как размеры, водоизмещение, количество винтов и скорость.

Если закончить тему совпадений на мажорной ноте, то вот вам ещё одна удивительная параллель. В 1935 году английский пароход «Титаниан» направлялся из Тайнсайда в сторону Канады и шёл тем же маршрутом, что вымышленный «Титан» и реальный «Титаник». Стоявший на вахте матрос, Уильям Ривс, недавно прочитал книгу Робертсона, и плавание через те же широты так повлияло на впечатлительного юношу, что он испытал приступ паники и подал сигнал «полный назад». Только он это сделал, как впереди вынырнула из воды громада айсберга. Аварии удалось избежать чудом. А теперь хотите главный прикол? Ривс родился 14 апреля 1912 года, в день, когда погиб «Титаник»...

История, как известно, повторяется. Поэтому нет ничего странного в том, что задолго до 11 сентября 2001 года во многих фильмах и даже детских комиксах обыгрывалось столкновение самолета с башнями-близнецами Всемирного Торгового центра в Нью-Йорке. Рухнули башни, правда, как теперь понятно, не из-за самолётов (которых многие уличные очевидцы даже не видели, в отличие от нас, смотревших постановочные видео-репортажи), а от управляемых взрывов, которые слышали и видели все. Если вы сейчас усмехнулись и недоверчиво покачали головой, прочтите эти строки через несколько лет, когда журналисты нам расскажут, что упал заразный метеорит, приземлились инопланетяне, и мы должны все объединиться, чтобы дать достойный отпор этой глобальной беде. А заодно потуже затянуть пояса и вообще – ни в чем не сомневаться и ничего не требовать. Даже правды. Тем более правды.

Улыбнувшись неуместной телефонной будке и представив себе бедного органиста, мы в приподнятом настроении вышли из собора и вернулись в автобус. По пути мимо нас пронеслась первая за всю поездку группа русских туристов, руководительница которой кричала, что если кто заблудится, встречаться нужно в Чайна-тауне, под воротами.

Мы же поехали к нашей второй и, как оказалось, последней остановке – на Мэтью-стрит. По легенде именно там, в убогом клубе «Пещера» (*Cavern*) 9 февраля 1961 англичане впервые услышали своих будущих кумиров – квартет «Битлз». Правда, говорят, что многие зрители, зашедшие в «Пещеру» пообедать, считали, что для них играет какая-то немецкая группа. «Битлы» и в самом деле примчались на зов Брайана Эпштейна (хотя считается, что он там впервые их встретил) из Гамбурга, где провели несколько лет, раз-

влекая публику в разных сомнительных заведениях. С тех пор «Битлы» выступили здесь 262 раза за 2 года и укатили в свой первый тур в США. Эпштейн обещал владельцам клуба, что они когда-нибудь вернутся, но обманул. По официальной версии слава о квартете в Англии уже была настолько огромной, что им стало тесно. Это несколько странно, поскольку Англия узнала о «Битлах» уже *после* их возвращения из заморских гастролей. Вероятно, эта информация черпалась из американских газет, которые, в свою очередь, создавая ажиотаж, дружно писали, будто к ним едет «Битлз» – величайшая из английских групп. Как говорится, не мытьём так катаньем.



Сегодня первое, что бросается вам в глаза в этом узеньком переулке – бронзовая скульптура Леннона в натуральную величину. Её здесь поставили в 1997 году. Он стоит, сунув руки в карманы, скрестив ноги и оперевшись плечом в угол дома напротив «Пещеры». За его спиной – «стена славы»: кирпичики с выбитыми на них именами групп и исполнителей, которые выступали здесь с 1957 по 1973 годы, начиная с «Роллинг Стоунз» и заканчивая «Квинами» и Элтоном Джоном (которые, вероятно, любили это место ещё и в силу его близости к соседней Стенли-стрит – центральной улице официального квартала

для геев). Табличка на стене очень мелким шрифтом сообщает, что открытая сегодня «Пещера» лишь на 50% та, что была при «Битлах». В 1984 году её перестроили новые владельцы, использовав часть кирпичей от старой. Новый клуб дожил лишь до 1989 года, после чего закрылся и был выкуплен двумя друзьями: школьным учителем Биллом Хеклом и таксистом Дейвом Джонсом. Они по-прежнему у руля и считаются самыми «долгоиграющими» владельцами в истории клуба.

Ещё одна табличка честно сообщает, что два именных кирпича из «стены славы» были изъяты в 2008 году. Не подумайте, будто это была проделка фанатов. На кирпичах значились имена певцов Гарри Глиттера (на самом деле урожденного Пола Гадда) и Джона-тана Кинга (урожденного Кеннета Джорджа Кинга). Первого в конце 90-х не раз привлекали за детскую порнографию, а в 2012 году окончательно арестовали за педофилию, когда подтвердилось то, чем он в конце 50-х промышлял во Вьетнаме. Второго в 2001 году посадили на семь лет за растление мальчиков. Правда, через три с половиной года благополучно выпустили. Это, конечно, снова случайное совпадение, но оба родились в 1944 году.

Наш гид оказался большим поклонником даже не столько «Битлов», сколько их леворукого бас-гитариста Пола Маккартни. Он с гордостью рассказывал, что знаком с Полом лично и старается не пропускать ни одного его концерта, которые этот 70-летний музыкантище продолжает то и дело устраивать. Так в 1999 году он вернулся на сцену «Пещеры» и прорекламиривал свой новый альбом с кажущимся, как всегда, нелепым названием *“Run Devil Run”* (Беги, дьявол, беги).

А теперь, пока мы возвращаемся в гостиницу за вещами и направляемся дальше, через Озёрный край, в Йорк и дальше, в Шот-



ландию, я займу ваше внимание некоторыми ни к чему не обязывающими размышлениями о творчестве «ливерпульской четвёрки». Если вы их поклонники, можете несколько последующих абзацев пропустить.

Когда мы сворачивали с Мэтью-стрит в поисках автобуса, с красных колонн перед угловым магазином битловской символики слева на нас осоловело взирали огромные портреты Джона, Ринго, Пола и Джорджа. Не думаю, что сограждане решили подшутить над своими любимцами и выбрали для рекламы самые ужасные фотографии, но с колонн смотрели,

мягко говоря, дебилы, в распахнутых глазах которых не читалось не то что ноты, но даже мысли.

Как вы уже поняли, я, вероятно, сам очень глуп и потому не перестаю удивляться многим вещам. И ищу скелеты в шкафу, причём там, где их, конечно же, нет. Ну, с какой, скажите на милость, стати, я, рассказывая о «Титанике», вспомнил про семейство Вандербильтов? Ведь совершенно очевидно, что песня Пола Маккартни, от которой в 70-е фанатели все советские меломаны и которая крутилась на всех танцплощадках СССР, называлась «Мисс Вандебильт» совершенно просто так, без задней мысли. Тем более что почему-то Пол выбросил из прекрасно известной всему западу фамилии букву «р». Теперь уже никто не скажет, было это сознательным поступком (чтобы никто не пожаловался) или банальной ошибкой. Зачем Полу вообще понадобилось поминать некую представительницу этого рода всуе – вообще непонятно. Она там даже ни с чем не рифмуется. Судите сами:

*When your light is on the blink
 You never think of worrying
 What's the use of worrying?
 When your bus has left the stop
 You'd better drop your hurrying
 What's the use of hurrying?
 Leave me alone, Mrs. Vandebilt
 I've got plenty of time of my own
 What's the use of worrying?
 What's the use of hurrying?
 What's the use of anything?*

Рифму тут вообще найти трудно (разве что как в русском стихотворении рифмовать «темно/не темно», «плохо/неплохо» и т.п.). Равно как и смысл:

*Когда твой свет почти погас,
 Тебя это ни капли не волнует
 Что толку беспокоиться?
 Когда твой автобус уже отъехал от остановки,
 Тебе лучшие не спешить*

Что толку спешишь?

Оставьте меня в покое, миссис Вандебильт

У меня теперь уйма времени

Что толку беспокоиться?

Что толку спешишь?

Что толку в чем бы то ни было?

Нет, конечно, можно сравнить этот образец творчества одного их талантливейших музыкантов современности, увековеченного «Книгой рекордов Гиннеса» как «самый успешный композитор и звукозаписывающийся артист всех времён», с катренами Нострадамуса и сказать, что ещё в 1973 году он предвидел отключение электричества и перебои с транспортом, а вину прозорливо возлагал на представителей семейств из «золотого миллиарда» или даже «комитета 300», однако почему-то эта гипотеза представляется мне сомнительной. Лично мне больше всего в этой песне нравится припев:

Хо, хей-хо...

Очень выразительно! Кстати мы с западом в оценке “*Mrs Vandebilt*” круто расходимся. В британских и американских чартах ни того времени, ни позже эта песня не появлялась и популярностью у тамошних слушателей не пользовалась. Критики же и вовсе отзывались о ней неодобрительно. Какая несправедливость, не правда ли!

Ну, ничего, зато в 1965 году Пол написал бессмертную песню “*Yesterday*”, которая стала самой исполняемой в мировой истории, поскольку официально существует более 3000 её зарегистрированных версий, а перепели её более 2 200 артистов. Убедительно? Гений наш круглобровый Пол? Да не то слово!

А теперь проведите простенький эксперимент. Попробуйте отыскать и послушать невинную неаполитанскую песенку (надеюсь, вы знакомы с этим почти что жанром певческого искусства, которым не брезговали в своём репертуаре такие столпы мировой оперы, как Марио Дель Монако, Карузо, Паваротти и многие другие), написанную аж в 1895 году и называющуюся *Piccerè che vene a dicere*. Упоминаний о ней – множество. А вот мелодию, нет, не найдёте ни на торрентах, ни на *Youtube*, нигде (кстати, если у кого

из вас она вдруг каким-то образом окажется, не считите за труд, дайте знать).

Думаете, это всё оттого, что её сочинили и забыли? Вовсе нет. Абсолютно достоверно известно, что знаменитый в 1970 годы итальянский композитор-песенник Лилли Грэко исполнял её на итальянском же телевидении всего-то в 2006 году, хотя записи не сохранилось.

Вы спросите, причём тут какая-то неаполитанская песня и Италия вообще, если мы ведём беседы исключительно про Англию и «Битлов»? Очень просто. Упомянутая *Piccerè che vene a dicere* послужила основой для римейка, который впоследствии был признан лучшей песней XX века и вошёл ту же «Книгу рекордов Гиннесса». Уже догадались, о чём это я? Правильно, ремейк этот и был назван “*Yesterday*”.

Плагиатство в искусстве – вещь крайне распространённая, как вы знаете. И хотя в своих интервью Пол Маккартни крайне пренебрежительно отзывался о классической музыке, которую, мол, и слыхом не слыхивал (что по его лицу очень похоже на правду), не секрет, что огромное количество битловских мелодий были переработаны Тéo Адорно (написавшим музыку и слова всех их главных хитов) именно из классических произведений – от «Аиды» до «Кармен» (подробности как раз можно почерпнуть из Интернета довольно легко, попробуйте).

Как водится, Пол поведал миру, что придумал мелодию “*Yesterday*” во сне. Правда, чуть раньше он был более откровенен и признавался, что «слышал её где-то раньше».

Также примечательно, что до окончания работы над “*Yesterday*” эта песенка ходила под названием *Scrambled Eggs* (омлет). Якобы, чтобы не забыть мелодию (надо же какая дырявая память у лучшей Пол-овины «Битлз»!), «автор» напевал её на слова: *Scrambled Eggs, oh my baby, how I love your legs...*

На этом позволю себе свои сумбурные мысли по поводу «гениальных» ливерпульцев прервать, поскольку, как вы уже наверняка заметили, они (мысли) грешат субъективизмом и недоказуемостью. Ведь никто ту итальянскую песню сейчас толком воспроизвести не может. Ещё чуть-чуть и её совсем забудут. Как «забыли» о существовании вышеупомянутого Теодора Адорно, биографию которого вы в Интернете найдёте, однако исключительно как немецкого теоретика музыки, философа и социального критика. Без какой-либо

связи с «Битлз». Ну, раз не пишут, значит, и не было никакой связи. И Тевистокского музыкального эксперимента не было. Да и какая разница, что «Битлз», появившись в 1963 году, уже в 1966 дали свой последний живой концерт, а в 1970 и вовсе развалились (Адорно по случайному совпадению умер в августе 1969). Ну, и давайте, наконец, напоем какую-нибудь песенку бывших «Битлов», написанную после этого. Упомянутую про электричество и тётушку Вандебильт вы, если и вспомните, то воспроизведёте вряд ли. Какие-то песни, конечно, есть. Вон, не унывающий Пол не только впоследствии ещё трижды женился, так ещё и группу создал. Назвал “*Wings*” (Крылья). А «Битлз» (*Beatles*) были помесью жука (*beetle*) и музыкального направления “*beat*” (удар), откуда пошли и литературные «битники». А что будет, если скрестить жука и крылья (настоящие, скажем, орлиные) никогда не задумывались? Тогда посмотрите на египетские фрески. Там вы найдёте очень выразительные изображения жука-скарабея. А будете в Ливерпуле, посмотрите внимательно на ограду упомянутого мною Кенотафа (простите, вентиляционного здания в доках) или перечтите её описание несколькими страницами выше.

Одним словом, всё это сущие совпадения и полнейшая ерунда, товарищи.

Глава 28 – Через Озёрный край в Шотландию – Гретна-Грин – Шотландский флаг – Совсем немного истории

Озёрный край, в котором вы оказываетесь, когда покидаете Ливерпуль и направляетесь на север, в Шотландию – это примерно то же для Англии, что Кольцо Керри – для Ирландии. «Примерно» потому, что, во-первых, он меньше (порядка 50 километров в радиусе), во-вторых, будучи образованным ледником, представляет собой замкнутое пространство долин среди гор, а не открытые береговые линии, по которым мы с вами недавно проезжали, рассуждая об ирландских феях и прочих сказочных существах. И в-третьих, потому, что этот национальный парк и заповедник живёт гораздо более активной жизнью, нежели его ирландский собрат, гораздо гуще застроен очень симпатичными мне домиками из обычного серого камня и гораздо лучше посещаем: по официальным данным здесь ежегодно бывает более 20 миллионов туристов. Главный туристический сезон, разумеется, приходится на лето, поэтому мы оказались избавленными от надоедливых толп и увидели Озёрный край таким, каким, вероятно, видели его те первые туристы, которые пришли сюда в конце XVIII века, начитавшись «Гида по озёрам» Томаса Уэста (1778 год).

Проще всего представить себе то место, о котором я веду рассказ, если пересмотреть начальные кадры фильмов «Властелин колец» и «Хоббит», где показывается уклад жизни человечков с волосатыми подошвами. Сплошной уют, зелень и свежий воздух. В нашем случае воздух был свеж даже чересчур, так что мне во время прогулки пришлось отдать жене свою ветровку. Местные жители тоже поёживались и пересмеивались на тему того, что давненько у них не было такого 1 мая.

Окружающие край холмы, выглядящие в отрыве от Альп или Гималаев настоящими горами, даже в самых высоких точках не дотягивают до километра. Высочайший и здесь и во всей Англии пик Скафелл имеет в высоту 978 метров.

Озёр, действительно, много. Я насчитал 19. Причём только одно из них называется «озером» (*lake*). Большинство называется просто “*water*” (вода) или “*mere*” (тоже озеро, но только не столько

глубокое, сколько широкое, откуда и его этимологическая связь с «морем»).

Дороги тут узкие, долины широкие, озера по берегам красиво поросли деревьями, о домах я уже сказал, а кое-где на лужайках пасутся теплые овцы. Посреди некоторых озёр очень живописно плавают островки леса. Если бы ещё солнышко почаше выглядывало, было бы вообще прелестно и чудесно.



Озёрный край, где так приятно грустить и писать стихи...

Объехав на автобусе почти весь край, мы, наконец, остановились на привал в местечке Грасмир (*Grasmere*). Место это Вари выбрала потому, что на здешнем кладбище покоится тот, кто считается самым знаменитым певцом Озёрного края и создателем целой «Озёрной школы» в английском литературе – поэт Уильям Уордсворт (часто его пишут как Вордсворт). Хотя лично мне в пору поэтической юности и увлечений всякой романтической грустью был ближе его собрат по перу – Кольридж (чей сын похоронен на том же кладбище).

Перед кладбищем по рекомендации Вари мы зашли в маленькую пекарню, где пекли и сразу продавали пряники. Купили несколько штук на пробу и домой, благо всё заворачивалось в плот-

ную бумагу (типа той, из которой в советскую пору делали замечательные кульки) и завязывалось ленточками. Упаковка снабжалась фирменной картинкой, но её давно уже и след простыл, а потому я не могу вам сообщить, как та пекарня называлась. При желании вы её и сами найдёте: не доходя до входа на кладбище, справа, через кусты.

Воспользовавшись получасом свободного времени, мы заглянули в небольшой ресторанчик пообедать по обыкновению горячим супом, а потом праздно гуляли с фотоаппаратом и камерой вдоль озера Грасмир. Я представлял себе, что никуда дальше ехать не надо, что когда нам надоест любоваться неяркой красотой здешних мест, мы просто толкнём первую попавшуюся калитку, шагнём за низенькую каменную кладку забора и окажемся дома.

Однако нас ждал автобус и путь дальше, в Шотландию. Правда, ждал автобус не только нас, а ещё и мастеров, которых вызвала Кёрсти и которые подъехали специально для того, чтобы починить вышедшую из строя боковую дверь. Заняв место, Алина вернула мне ветровку, которую я надел (проведя на озёрном ветру примерно час в одной рубашке) и потому не простудился из-за образовавшегося в автобусе неуволимого сквозняка. В отличие от моей доверчивой жены, решившей, что раз вокруг автобус, значит, должно быть тепло, и отказавшейся взять ветровку обратно.

Как бы то ни было, дверь в конце концов будто бы починили, и мы тронулись навстречу горцам, волынкам, килтам, виски и Храброму Сердцу из одноимённого фильма Мэла Гибсона.

И снова никому не было дела ни до нас, ни до наших паспортов, только указатели на автостраде стали лаконично указывать не на Ливерпуль или Лондон, а на Глазго и Эдинбург.

А теперь самое время поговорить о свадьбах. Потому что указатель, под который мы свернули, сообщал о близости деревеньки Гретна-Грин. Что? Вы ничего о ней не знаете? Ну, тогда у вас впереди забавная история!

В 1754 году в Англии был принят «брачный акт» некоего лорда Хардвика, гласивший, что отныне заключать семейные узы без согласия родителя или опекуна могут молодые люди не младше 21 года. Этот закон распространялся так же и на подопечный Англии Уэльс. Но не на Шотландию. Здесь по-прежнему можно было жениться в 14 лет и выходить замуж в 12, как с разрешения взрослых, так и без оного. Причём для этого было достаточно в присутствии

двух свидетелей назвать себя мужем и женой. Нет ничего удивительного в том, что когда тут вскоре построили дорогу, по ней из Англии хлынули толпы желающих сочетаться браком: Гретна-Грин оказалась ближайшим к границе пунктом на территории Шотландии. Обязанности свидетеля и руководителя церемонией взял на себя местный кузнец. Настоящим мастером своего дела по сей день считается последний из «священников наковальни» некий Ричард Реннисон, успевший до ужесточения шотландских законов провести 5 147 церемоний, бравший за каждую от 1 до 20 фунтов (что по нынешним временам соответствует 3 030 фунтам).

Самым скандальным по сей день считается брак, заключенный здесь в 1826 году. Вот как описывает его в своей книге о Шотландии Генри Мортон⁵¹:

«Вдовец по имени Эдвард Гиббон Уэйкфилд похитил пятнадцатилетнюю наследницу Эллен Тернер. Этот человек выдумал совершенную небылицу, которой сегодня ни на мгновение не поверила бы ни одна школьница. Он сказал девочке, что её отец заболел и находится на пороге смерти. А потому послал его, чтобы отвезти дочь в Шотландию. Во время путешествия он довёл бедного ребёнка до полного отчаяния. Он сообщил, что отец разорён и вынужден скрываться от кредиторов, что его дядя дал её отцу займы 60 000 фунтов стерлингов, и единственный способ спасти отца – выйти замуж за него, Уэйкфилда. Растерянная и перепуганная девочка так и поступила, когда они добрались до Гретна-Грин, и Уэйкфилд немедленно увёз её во Францию. Однако семье удалось отыскать и спасти Эллен. Уэйкфилда арестовали и в суде Ланкастера приговорили к трём годам тюремного заключения за похищение, а брак был аннулирован специальным актом парламента.

Для меня самое страшное в этом деле (пишет далее Мортон) – его продолжение. Если окажетесь в колониальной конторе Уайт-Холла, на почётном месте вы увидите бюст Эдварда Гиббона Уэйкфилда, колониального администратора. После освобождения из тюрьмы он эмигрировал и сделал блестящую карьеру в Австралии, Новой Зеландии и Канаде. На самом деле он стал апостолом научной колонизации».

Стоит ли говорить, что Мортону весть этот кузнечный аттракцион в Гретна-Грин не понравился. Теперь здесь несколько бело-

⁵¹ Г.В. Мортон, «Шотландия», стр. 23-24 («Эксмо», 2009)

стенных одноэтажных домиков, ставших просторными магазинами продуктов и сувениров. На видном месте стоит транспарант, сообщающий, что все эти заведения открыты каждый день в 9 утра (кроме рождества) до 17 или 19:30 вечера.

Посреди одной из дорожек торчат прямо из земли две здоровенные ржавые руки, которые смыкаются пальцами и образуют своеобразную модернистскую арку, через которую, вероятно, проходят радостные молодожёны.

Несмотря на всю надуманность этой традиции, сегодня здесь по-прежнему заключается порядка 5 000 браков в год. Чем не шотландский Лас-Вегас!

Гретна-Грин упоминали в своих произведениях и Джейн Остин, и Агата Кристи, и многие другие писатели. В 1967 году французский комик Луи дё Финес снимал здесь свои «Большие каникулы». А если вы следили за событиями сериала «Аббатство Даунтон» (не знаю, правда, шёл ли он по нашему телевидению), то наверняка помните, как во втором сезоне именно туда стремится убежать с шофёром-ирландцем Брэнсоном наследница аристократического рода Кроули Сибил. Кстати, ничем хорошим её брак без отеческого благословения не закончился, и она умерла при родах (а исполнявшая её роль молодая актриса благополучно ушла сниматься в более выгодных фильмах).

На высокой мачте над деревенькой реял Андреевский стяг – белый Х-образный крест на синем полотнище. Ибо св. Андрей по преданию считается покровителем Шотландии. Еще в 832 году н.э., гласит легенда, король Ангус II руководил войной пиктов и скоттов с англами. Перед решающей битвой он помолился св. Андрею, который потом явился к нему во сне и заверил, что всё будет в порядке. Утром же на голубом небе над войсками белые облака прочертили крест, пикты со скоттами воодушевились и разгромили превосходящие силы англо-саксов. Ну и как после этого было не сделать Андрея своим вечным покровителем. Правда, злые языки утверждают, что в древности на крестах подобной формы распинали за мужеложство, но кто ж теперь упомянет...

Собираясь в Шотландию (на гаэльском языке она называется Алба), обязательно хотя бы вкратце ознакомьтесь с историей этой самобытной страны. Потому что ездить по ней «порожняком» всё равно, что рассматривать творения Рафаэля и Тициана, не зная библейских легенд.

Шотландский национальный дух красноречиво отражён в одном из описаний, датированным XVI веком: «Они проводят всё время в войнах, а когда нет войны, они дерутся друг с другом». Считается, что первыми обитателями этих негостеприимных мест стали кельто-иберы, которые пришли сюда чуть ли не со Средиземного моря. Историкам, вероятно, такое перемещение кажется вполне логичным, а я что-то не понимаю: либо на юге стало слишком жарко, и народу захотелось прохлады, либо в ту пору – а речь о примерно 8 000-летней (кто называет цифру 9 500, кто 12 800, одним словом, кому что позволяет совесть) древности – на севере было теплее, нежели на юге. Иначе с какого перепугу покидать плодородное средиземноморье и тащиться в скалы и снега. Между прочим, несмотря на Гольфстрим, в горах, в районе, скажем Балморала, шотландской резиденции английских королей, столбик термометра запросто опускается к -27 градусам, а выюги – что у нас в Сибири.

Чем кельто-иберы там занимались несколько тысячелетий, в точности неизвестно, однако, когда в 82 году н.э. римляне решили покорить Каледонию (как они называли Шотландию), их встретили воинственные пикты. Я тоже раньше думал, что пикты – это такая древняя народность. Сегодня выясняется, что Тацит назвал их так потому, что они (вспомните фильм «Храброе Сердце») раскрашивали себе лица. По-латыни «раскрашенные» - *“picti”*. Тот же самый корень, что в современном английском *“picture”* – «картинка».

Завоевать Каледонию у римлян оказалась кишка тонка. Вместо этого они с запада на восток, от побережья до побережья, протянули вал Адриана (некое подобие Китайской стены, о котором мы поговорим на обратном пути, когда будем проезжать его руины), отгородились от «диких горцев» и на том и успокоились.

Какими бы врагами римляне ни считались шотландскому народу, есть версия, что форма знаменитого шотландского килта (мужской юбки) была перенята с римской туники или тоги.

Когда в 400 году н.э. римляне были отозваны домой, Шотландия разделилась на четыре народа и четыре королевства. Кроме пиктов, это были бритты, англй и скотты – самый маленький народец, перебравшийся на юго-запад страны из Ирландии.

В 563 году также из Ирландии сюда прибыл воин-миссионер св. Колумба. Ведь чуждое всем здравомыслящим людям христиан-

ство иначе как огнём и мечом нигде на земле не насаждалось⁵². Колумба основал на острове Ионы монастырь и стал проявлять всяческое усердие. Остров Ионы мы с вами уже вспоминали в Дублине в связи со знаменитой «Келлской книгой», будто бы там написанной и нарисованной. Распространение христианства способствовало стиранию национальных признаков, и в результате пикты и скотты объединились под твёрдой рукой некоего Кеннета Макальпина. Историки удивляются, как это могущественные пикты потеряли свою идентичность. Но мы-то с вами знаем (догадываемся), что они никогда отдельным народом не были.

В 890 году в Шотландию нагрянули викинги. Эти бравые ребята христианством ослаблены не были, рубили с плеча и оккупировали страну на добрые 600 лет. Под их натиском бритты отошли подальше от берега и сочли за благо присоединиться к скоттам. В 1018 пали англы. Как говорится, было бы счастье, да несчастье помогло: Шотландия стала в итоге объединённым королевством.

Настоящая каша и чехарда началась после высадки норманнского десанта в Англию в достопамятном 1066 году. В то время её некоронованным королём был Эдгар Этелинг, последний представитель уэссекской королевской династии. Его сестра, Маргарита, по некоторым данным приходившаяся родной внучкой нашему Ярославу Мудрому, вышла замуж за шотландского короля Малькольма III и родила ему порядка восьми детей. Будучи англичанкой и дамой широких взглядов, чуть было не угодившей в монастырь, она всю жизнь покровительствовала церкви, пригласила в Шотландию бенедиктинцев и способствовала проникновению в чуждую ей страну-убежище рыцарской англо-французской культуры. Даже сыновьям она дала имена, не свойственные для этих мест – Александр и Давид. В 1250 году римский папа зачем-то причислил её к лику святых, сделав первой шотландкой, удостоившейся столь высокой чести. К слову сказать, следующий шотландец был канонизирован лишь в 1976 году. Будете на Карловом мосту в Праге, обратите внимание на скульптурную композицию из трёх дам: святой Барбары, Маргариты и Елизаветы. Не правда ли, мир тесен?

Её сын Давид ещё больше отвернул Шотландию от культуры предков и гаэльского языка в сторону англоязычия (условно говоря,

⁵² Так на одной только Руси сын Светослава (которого по той же христианской традиции неправильно пишут как Святослав) и еврейки-ключницы Малки Владимир Красно Солнышко по последним данным наубивал более 12 миллионов правоверных (т.е. верящих в Правь) славян.

поскольку языком аристократии того времени прочно стал французский). Именно он ввёл в Шотландии феодальные порядки и всячески способствовал притоку населения из континентальной Европы, стараясь укрепить торговые связи.

Если горцы ещё как-то могли от всего этого чуждого им нововведения отбрыкаться, то равнинным шотландцам юга пришлось распрощаться со своим кельтским укладом и смириться с англо-норманнским. Давид плодил «королевские» города, которые строились на его земле, получали привилегии, но должны были платить за это королевский оброк. Возникла единая судебная система. Новая власть, как вы поняли, основывалась теперь на владении землёй.

Поскольку дядя и тётя Давида умерли бездетными, именно отпрыски Маргариты считались возможными наследниками английской короны, поскольку далеко не все даже в самой Англии признавали законность власти Вильгельма Завоевателя. Немудрено, что наследник Вильгельма по имени Генрих на всякий случай взял в жёны сестру Давида – Матильду.

Почувствовав, что его позиции ещё больше упрочились, Давид попытался было навязать свою волю непокорным горцам севера, но те показали ему средний палец, поскольку имели собственных «королей» – правителей островов. Здесь царили не стяжательство, феодализм и христианство, а родовой уклад, издревле основывающийся на первостепенности семьи, то есть клана. Вождь клана, патриарх, владел землёй не частным образом, а исключительно от имени своего рода. Его титул наследовался, однако вождь был во всём подотчётен клану вплоть до того, что его, в отличие от феодала, могли сместить с должности по общему согласию. Как любят говорить шотландцы, «в Англии монарх был королём Англии, в Шотландии – королём шотландцев». Если вождь был справедлив и праведен, то члены клана подчинялись ему беспрекословно, особенно в таком тонком деле, как война. Чтобы собрать клан на битву, вождь посылал по своим землям гонца с горящим крестом.

Какими бы отважными и боевитыми шотландские горцы ни были, на всякую силу найдётся сила её превосходящая. А не сила, так хитрость. Когда в 1290 году умерла единственная наследница Александра III, упоминавшийся в начале нашего путешествия по Лондону король Эдвард I посадил на трон свою марионетку, а ещё через шесть лет учинил на Шотландию опустошительный рейд.

Именно тогда он и умыкнул из Сконского аббатства знаменитый «Камень судьбы», этот «молот шотландцев», на котором короновались все шотландские монархи, и перенёс его в Вестминстер.



И тогда же на сцену истории вышел Мэл Гибсон, простите, Уильям Уоллес, который не дал родной Шотландии стать бесславным придатком Англии и шесть лет достойно сражался за её честь, после чего был предан шотландским «рыцарем» Джоном де Ментейсом, попал в плен и был казнён в Лондоне, а куски его разрубленного тела Эдвард велел выставить на показ в основных городах Шотландии. Кстати, шотландцы, особенно гиды, на Мэла Гибсона буквально молятся, поскольку его фильм «Храброе Сердце» стал лучшей рекламой страны с её героическим прошлым и до сих пор привлекает бесконеч-

ные автобусы с туристами.

Дело Уоллеса продолжил Роберт Брюс, которому в битве при Баннокберне летом 1314 года удалось разгромить в три раза превосходившие силы английской армии. Независимость была-таки получена в 1329 году, что подтвердила торопливо присланная папская булла. Брюс не дожил до этого знаменательного события каких-то шесть дней. Несмотря на все эти формальности, угли англо-шотландской войны тлели ещё добрых 300 лет.

Сын Роберта, Давид II, умудрился умереть бездетным, а его ближайшим родственником оказался тоже Роберт, но только Стюарт. Он-то и был в 1371 году коронован в Сcone, став Робертом II. С него начался многовековой период правления клана Стюартов под лозунгом «Никто не оскорбит меня безнаказанно».

Стюарты были наделены умом и многими талантами, однако довольно часто их славным деяниям сопутствовал рок, оборачивавшийся настоящими трагедиями. Особенно памятно в этой связи блестящее во всех прочих отношениях правление Якова IV, которое закончилось с треском проигранной битвой при Флоддене и гибе-

лю 10 000 шотландцев включая самого короля. Мораль – не надо дружить с французами против англичан.

Самым любимым шотландским монархом считается Мария Стюарт (1542-1587). Говорят, она была трепетной, доброй, набожной, умной и красивой, а эти качества не позволительны даже королеве. Тем более французской. Ибо детство она провела во Франции, где вышла замуж за престолонаследника. Правда, в родную Шотландию она возвратилась 18-летней вдовой и при этом католичкой.

Между тем повсюду в германском мире ширилась волна протестантизма, поднятая в 1517 году Мартином Лютером. В Шотландии самым известным ненавистником всего католического, включая юную королеву, был апологет протестантизма по имени Джон Нокс, дом которого мы с вами скоро увидим в Эдинбурге (кстати, самый старый из сохранившихся в городе, построенный, говорят, в 1450 году, где Нокс жил и даже умер).

Борьба с католиками была на руку кузине Марии – Елизавете I, чьи претензии на престол в другое время могли бы остаться незамеченными ввиду их сомнительности. Оказавшись дома, Мария снова вышла замуж (как водится в тех высоких кругах, за своего двоюродного брата) и шесть бурных лет была правительницей Шотландии. За это время муж успел убить её секретаря (вероятно, из ревности), а потом погиб сам в результате взрыва в своём имении. В его смерти винили Джеймса Хэпбёрна, но причастность его так и не была доказана, а через месяц после освобождения из-под стражи тот женился на Марии и стал её третьим и последним мужем.

Подобные гадости, шитые белыми нитками, раньше гораздо хуже сходили с рук, нежели сегодня. Возмущение общества и церкви оказалось настолько мощным, что любвеобильной Марии пришлось отказаться от престола в пользу своего маленького сына от второго брака – годовалого Джеймса (ведь и сама она стала королевой шотландцев в возрасте шести дней отроду после смерти своего отца, Джеймса V). После отречения Мария фактически была арестована, бежала из островного замка, попыталась вернуть себе трон, после неудачи пряталась в Англии и искала защиты у уже упомянутой выше кузины Елизаветы. Которая не могла забыть её прежних попыток отобрать у неё по праву крови английскую корону и отыгралась, как говорится, по полной программе: сначала 18 с

половиной лет гоняла по тюрьмам в Англии, а под конец обвинила в покушении и казнила.

Сыну Марии повезло гораздо больше. Заступив на пост короля Шотландии, когда ему было 13 месяцев, он благополучно перетерпел четыре регентства и дождался смерти бездетной Елизаветы английской, убийцы своей матери. В 1603 году он перенёс королевский двор в Англию и потом наведлся домой лишь однажды. Теперь его титул звучал как «король Великобритании и Ирландии». Он выступал за отмену собственного парламента в Шотландии, но при этом не слишком ладил с парламентом лондонским и чуть не погиб во время «порохового заговора», затеянного английскими католиками, когда-то поддерживавшими Марию, а теперь видевшими в её отпрыске лишь напыщенного хвастуна.

Хотя хвастаться было чем. 22 года его правления назывались не иначе как «якобинская эра»⁵³. При нём продолжался расцвет английской литературы в лице «Шекспира»⁵⁴, Джона Донна, Бена Джонсона и сэра Френсиса Бекона. Сам Джеймс тоже пописывал. Из-под его пера вышли такие фолианты, как «Демонология», оправдывавшая охоту на ведьм, «Истинный закон свободных монархий» и «Базиликон Дорон», что переводится с греческого как «королевский дар», в котором он в форме писем обращался с нравоучениями к своему старшему сыну, Генри. Когда Генри в 18 лет умер (эту цифру, если вы заметили, я использовал здесь уже трижды), он передал свой труд второму сыну, Чарльзу, ставшему впоследствии печально известным Карлом I, которого не смогли спасти от эшафота даже постаревшие на 20 лет четыре мушкетёра Дюма-отца. Современники называли Джеймса «мудрейшим дураком христианства», и только во второй половине XX века историки реабилитировали его как действительно серьёзного и думающего монарха.

Называя себя «королём Великобритании», Джеймс выдавал желаемое за действительное. Акт об унии был подписан лишь в 1707 году. Незадолго до этого Стюарты потеряли власть, когда последний король-католик, внук Джеймса и сын Карла I, был свергнут коварным зятем, правителем Нидерландов Вильгельмом Оран-

⁵³ Я долго не понимал, почему в некоторых справочниках вместо Джеймса фигурирует Яков, якобинцы и т.п., пока ни сообразил, так принято переводить его английское имя на латынь.

⁵⁴ О кавычках поговорим в должное время.

ским, ставшим новым королём под именем Вильгельма III, а сам дворцовый переворот вошёл в историю как «Славная революция».

Однако Стюарты твёрдо держались лозунга своего клана «Никто не оскорбит меня безнаказанно». Да и сторонников в Шотландии у них по-прежнему было предостаточно. Единственный сын последнего свергнутого короля, опять-таки по имени Джеймс, известный как «Старый претендент», уехавший на всякий случай в эмиграцию, воспользовался вспыхнувшим на родине восстанием против взошедшего на престол Георга I, почти без свиты высадился на шотландском берегу, был коронован в Сконе, но скоро снова был вынужден бежать на континент.

На смену ему пришёл «Молодой претендент», его сын «красавчик принц Чарли». Опираясь на верных клану Стюартов горцев, Чарли развернул знамя отца и начал очередное якобитское восстание.

Поначалу всё шло крайне удачно. Эдинбург удалось захватить без боя. Потом была разбита единственная находившаяся в Шотландии правительственная армия (в сражении при Престонпенсе). Окрылённый победами, Чарли во главе 6-тысячного войска двинулся на юг, в Англию. Неизвестно, чем бы всё кончилось, однако советники отговорили храброго короля вторгаться в страну, где якобитское движение бурной радости у народа не вызывало. Тем более что Георг II уже передумал бороться за австрийское наследство и перебросил сюда внушительную армию, вооружённую мощной артиллерией. 16 апреля 1746 года произошло решающее сражение при Куллодене, в котором шотландцы были наголову разбиты, а Чарли, решивший, что его предали, бросил товарищей и скрылся. Вероятно, он на счёт предательства ошибся, потому что, несмотря на полгода поисков и 30 000 фунтов, обещанных за его голову, горцы своего короля так и не выдали. Прах его и его отца покоится теперь в соборе св. Петра в Риме, центре католицизма. С тех пор род Стюартов пресекся, а разгром при Куллодене стал последним сражением на территории острова Великобритания.

За своё активное участие в восстании горцы жестоко поплатились. Их лишили права носить тартан⁵⁵, играть на волынках и иметь оружие. Начались чистки. Поджоги сочетались с мирными посулами и финансовыми компенсациями. Постепенно традиционный образ жизни горцев удалось разрушить. Вождей кланов превратили в

⁵⁵ Клетчатую ткань, узор и сочетание цветов которой обозначал принадлежность к определённому клану

заурядных феодалов, а некогда общая земля стала их частной собственностью. Выяснилось, что разведение овец выгодно. К власти пришли деньги и меркантильный интерес. Шотландия оказалась разорванной надвое – на весьма зажиточную южную, низинную часть и гордо загнивающую северную, горную.

И тем не менее, как не устаёт раз за разом убеждать нас жизнь, в каждой бочке дёгтя есть ложка мёда. Объединение Шотландии и Англии в одну державу позволило, например, убрать такую неприятную мелочь, как внутренние пошлины. При этом Англия получила выход к шотландским портам и прямой путь в Новый Свет. Через Глазго стали проходить большие партии хлопка и угля. Табак сделал многих предпринимателей настоящими магнатами. Шотландцы получили возможность доказать свою деловую хватку вне Шотландии, их мир расширился. Юг страны уже больше не был периферией, напротив, он стал чуть ли не центром Британии.

Начавшаяся промышленная революция во многом обязана именно шотландцам. Не кто иной, как Джеймс Уатт (или Ватт) усовершенствовал паровой двигатель настолько, что сегодня его фамилией называется единица измерения мощности. Именно шотландцам мы обязаны логарифмическими таблицами (1549 года), электрическим освещением на гальванических элементах, то есть лампочками (1834), велосипедом (1839), цветной фотографией (1861), антисептиком (1865), телефоном (1876), пневматическими шинами (1887) и термосом (1892). Уже в XX веке они порадовали нас пенициллином, телевизором, радаром и мифической овечкой Долли.

Без шотландца Адама Смита не было бы дурацкой политической экономии, до сих пор морочащей многим головы. Без Дэвида Юма не было бы не менее спорной философии агностицизма. Любители поэзии не смогли бы наслаждаться творениями Роберта Бёрнса, а на новогодних празднествах, а также по случаю и без случая никто бы не пел знаменитую “*Auld lang syne*”. Помните?

*Should auld acquaintance be forgot,
And never brought to mind?
We take a cup of kindness yet
For auld lang syne...*

Без шотландцев мы никогда не побывали бы на «Острове со-кровищ», не познакомились бы с Доктором Джекилом и мистером Хайдом и уж конечно не стали бы свидетелями дедуктивных чудес Шерлока Холмса. Правда, без них мы были бы избавлены и от Гарри Поттера.

Я умышленно не упомянул здесь Вальтера Скотта, о котором, думаю, у нас будет повод поговорить попозже.

Если отдельным выдающимся личностям благодаря единству с Англией удалось проявиться гораздо ярче, чем если бы они были ограничены одной Шотландией, у большинства этот постоянный «отток умов» и перемещение политической и светской жизни в Лондон не вызывало ничего, кроме апатии. Снова заговорили о шотландской гордости, шотландском характере, шотландском языке и народе. Наметившийся после мировых войн спад в экономике притормозила находка в 60-е годы залежей нефти и газа на шельфе в Северном море. Американцы и японцы стали инвестировать в экономику. Что-то явно стало происходить положительное, потому что, как мы уже знаем, в 1996 году в Шотландию вернулся королевский «Камень судьбы». А в 1999 году в Эдинбурге открылся собственный шотландский парламент, рядом с которым как раз и находилась наша гостиница. Собственно, к ней, заговорившись о насыщенной истории этой страны, мы сейчас незаметно и подъезжали.

Глава 29 – Первое знакомство с Эдинбургом – Шотландский английский – Королевская миля – О чертополохе и подтяжках

Наша эдинбургская гостиница называлась «Макдональд Холируд», находилась она на восточной оконечности города, в районе Холируд, на улице Холируд-роуд. И пусть эта топонимика вас не смущает, как не смутила она и меня ещё тогда, когда я перед поездкой сверялся по всем нашим размещениям с картой. Ибо Холируд прежде всего известен не только тем, что мы с женой провели там два не самых плохих дня, а тем, что здесь расположена шотландская резиденция британских монархов – Холирудский дворец. Здесь же, как я намекал выше, притаилось, потупив взор, и чудовищное здание шотландского парламента. Но давайте обо всём по порядку.

Первое впечатление из окна автобуса Эдинбург произвёл на меня примерно такое: «И это Эдинбург?». Прочитанные ещё в Москве книжки об этом городе взхлёб описывали его необычность, можно сказать, уникальность, а за стеклом покачивались попеременно серые и цветные дома, старые и новые, немаленькие, но и не слишком высокие, в общем-то весьма заурядные и какие-то не шотландские. Какими бывают шотландские дома, я не знал (и не знаю), но вид за окном с таким же успехом мог быть берлинским, рижским, стоковым, или пражским. Кроме того, я сразу отметил, что город стоит на многочисленных и довольно крутых холмах, так что пешие прогулки по нему не предвещали большого удобства.

Взгляд лишь однажды зацепился за нечто привлекательное, и это оказался рукотворный портрет какого-то беловолосого юноши во всю стену.

Гостиница расположилась у подножья улицы, вернее холма – современная, с относительно большим номером, однако при всей своей 4-звёздности лишенная столь важных элементов, как шампунь и мыло. Мне пришлось сразу же возвращаться на ресепшн и долго стоять, пока хорошенькая администраторша разбиралась с пожилой американской парой, обращая на меня не больше внима-

ния, чем на звонящий телефон. Когда, наконец, дошла очередь до меня, она долго размышляла над тем, чего же я хочу, потом окликнула какого-то расторопного швейцара неопределённого возраста, и тот с готовностью выполнил все мои команды, поскольку доверять ему думать я уже не стал. Мы зашли в служебное помещение, и он мне выдал прямо на руки всё необходимое, что хранилось у них из стирающих, моющих и ещё каких-то средств.



Эдинбург – город-призрак. Первое впечатление.

Вернувшись с победой в номер, я застал не разделившую моего веселья Алину, которая призналась, что чувствует себя из рук вон плохо, виной чему, разумеется, не автобусный сквозняк в Озёрном крае, а злосчастная соседка по путешествию, которая слегла с температурой ещё в Дублине. Температуру Алина обнаруживала сейчас и у себя, причём значительно выше положенной.

Поскольку вокруг был уже кромешный вечер (не помню точно, но думаю, что часов 18-19), а с режимом работы местных аптек я знаком не был, мне пришлось сунуть в карман карту и поспешить на поиски драг-дилеров.

Честно говоря, я рассчитывал на то, что мой марш-бросок не отнимет много времени, поскольку, судя по плану местности, параллельно нашей улице должна была идти основная торговая артерия города – Королевская миля. В самой гостинице ничего аптечного не оказалось, так что я, не долго думая, свернул направо и пошёл быстрым шагом вверх по Холируд-роуд, надеясь первым же проульком срезать дорогу и оказаться в оживлённой толпе туристов и эдинбургцев. К моему огорчению все ответвления были тупиками, так что я прошёл почти до самого верха улицы и воспользовался полноценным перекрёстком.

Хмурый узенький переулок, уходивший обратно под холм, никак не мог быть Королевской милей. И тем не менее это была она, моя надежда. Подозрительно пустынная. С многочисленными магазинчиками, да, но уже закрытыми. Никаких признаков аптек.

Я поспешил вниз, оглядываясь по сторонам и прикидывая, что если таков центр города, то каково в других местах. Неужели мы напрасно посмеивались над Дублином и ждали встречи с Шотландией как с чем-то по-настоящему своеобразным?

Единственным ещё не закрывшимся здесь на Королевской миле заведением, кроме нескольких ненужных мне кафе, оказался магазинчик сувениров. Молодой индус в чалме, заваленный китайскими поделками, ничем мне помочь не мог. По его словам, я был прав: все аптеки поблизости уже закрыты. Тогда я предложил ему поделиться информацией об аптеках не поблизости. Он задумался. Это уже был хороший признак. Спohватившись, я извлёк из кармана карту и вручил ему, предложив ткнуть пальцем в то место, где можно найти что-нибудь с лекарствами. Мой собеседник ткнул, но мимо карты, потому что карта заканчивалась окраиной центра.

- Туда нужно идти, - сказал индус, твердо уверенный в своей памяти. – Там большой центр. Там аптека должна быть.

- И далеко отсюда?

- Да нет, минут за пятнадцать сможете дойти. Там поздно закрываются.

Теперь я хотя бы знал направление.

Торопливо преодолев остаток склона к подножью Королевской мили, я бросил удручённый взгляд на красивую решётку, окружавшую монарший дворец и взял левее, на Эббихилл, в направлении железнодорожного моста. Где-то справа должны были находиться руины здешнего аббатства. На самом же деле руины были вокруг

меня в том смысле, что история закончилась где-то позади, а впереди удручающе темнели ну совсем не привлекательные дома, обшарпанные не веками, а не слишком радивыми жителями и со скрежетом падающей экономикой. Когда я недавно ходил получать новый охотничий билет и забрёл на задворки Шмидтовского проезда, та прогулка за лекарствами напомнила о себе схожим настроем безнадёжности.

С потолка арки железнодорожного моста текла вода. Дорога снова шла в гору. Пахло помоями, которые лежали здесь же, вероятно, с тех пор, как наш самолёт приземлился в Хитроу. Ничего, подбадривал я себя, всего каких-то два дня, и мы снова будем в Англии!

Взойдя на холм и обогнув очередной подозрительно жилой квартал по дуге Монтроз Террас, я оказался на краю карты. Уточнив у кого-то направление, я вышел на оживлённую в плане машин Лондон-роуд и смело двинулся дальше, предполагая увидеть обещанный торговый центр. И чуть не прошёл его благодаря интуиции, потому что центр оказался по другую сторону улицы да ещё в низине. Внешне он напоминал ангары типа «Метро», перед корпусами скучала парковка, но тут кое-где виднелись люди и люди входили внутрь! Я был у цели.

Сейчас, когда я рассматриваю этот маршрут с высоты птичьего полёта гугловской карты, мне видно, что индус почти не ошибся и расстояние, мною пройденное в одну сторону, едва ли больше двух километров, но, согласитесь, когда не знаешь, куда идёшь и чего ждать, всё кажется далёким и долгим.

Торговый центр был таким же бестолковым, как и во всех странах, тут было всё, что не нужно, вроде комнатных растений и посуды, но моя настойчивость под самый конец странствия из отдела в отдел оказалась вознаграждена парочкой стеллажей с медицинскими препаратами.

Произошёл содержательный разговор с продавщицей в белом халатике, которая сперва долго выискивала что-то на экране компьютера, но потом плюнула и пошла в моём сопровождении шарить по полкам. Задачу я ей поставил крайне простую и вместе с тем почти невыполнимую: что-нибудь безвредное от температуры, от горла и от головы, разумеется, не в одном флаконе. Поскольку отдельные предложения из уст девушки прозвучали, хотя и не повлекли за собой решительных действий, я решил взять всё упомя-

нутое, а заодно добавил что-то на свой вкус. Жена всё-таки, спутница, надо ставить на ноги, для неё ничего не жалко.

Возвращение моё в гостиницу было уже чуть более осознанным, я чаще смотрел по сторонам глазами туриста, и тем не менее всё равно не видел ничего заслуживающего внимания. Уже в номере я сгрузил содержимое пакета на стол и поведал и без того грустной Алине о неутешительных результатах моего вечернего променада. Есть хотелось только мне, так что я в гордом одиночестве и с книгой об Эдинбурге под мышкой заглянул в ресторан при гостинице, заказал сидра и чего-то мясного с картошкой, почитал, поболтал с Уиллом и Карен, которые тоже чувствовали себя не слишком здоровыми, и вернулся в номер. Было так тоскливо, что мы даже включили телевизор, но смотреть, как всегда, было нечего, а потому я скоро предпочёл отправиться в собственные сновиденья, которые развлекали меня до самого утра.

Утром Алине лучше не стало. Она спустилась на завтрак, однако ехать на автобусную экскурсию по городу, тем более что за окном было довольно пасмурно и градуса три тепла, отказалась. Знала, что всё самое интересное я сниму на видео и на фото.

Единственным неудобством за завтраком было то, что горячее нельзя было взять самому и приходилось ждать, пока его приготовят и принесут.

Когда я вышел на свежесть утреннего Эдинбурга, наш автобус как раз припарковывался. Кроме Вари и Кёрсти в нём сидел грузный рыжий дядька в пиджаке цвета хаки и килте. Сразу стало понятно, что это наш очередной местный гид.

Пока группа неспешно рассаживалась по местам, я прогулялся вокруг автобуса и отметил, что проезжавшие мимо кебы точно такие же чёрные и горбатенькие, как в Лондоне. Почему-то, несмотря ни на что, настроение у меня было приподнятым и я бы даже сказал бравурным. Вероятно, если бы термометр показывал сейчас плюс двадцать пять, я бы грустил и страдал от жары.

- Доброе утро, дамы и господа! – начал наш рыжий гид,правляя килт и принаравливаясь к микрофону. – Чуть не сказал «добро пожаловать в солнечный город Эдинбороу». Поскольку у нас тут официально уже лето. Началось вчера, 1-го мая. И всё-таки, добро пожаловать в Эдинбороу, столицу Шотландии и, полагаю, самый замечательный из городов, которые вам встретятся. – Вы-

ждав нашу реакцию, он прищурился и добавил: - Да ладно уж, что, и похвастаться нельзя? Я ведь тут живу.

Сразу стало понятно, что перед нами «наш человек», знающий и саркастичный, каким и должен быть настоящий собеседник. Звали его Кит (*Keith*).

- Сначала мы с вами прокатимся по Старому городу. Потом побываем в Новом. Взглянем на Королевский дворец и побродим по Эдинбургскому замку.

Кёрсти завела мотор, и мы медленно тронулись.

С правой, моей стороны обрисовался крутой склон отдельно стоящей горы, точнее холма со срезанной верхушкой и сплошь заросшего травой и кустами. В тот момент, каюсь, я не знал, что это и как называется, а потому выслушал краткое объяснение Кита.

- Мы проезжаем королевский парк, иначе называемый Холе-руд-парк, главный парк в нашем городе. Геологи называют его классическим образцом геологической формации. Понятия не имею, что это может значить. Так, поворачиваем. Теперь, друзья, старайтесь не смотреть налево вообще. Давайте лучше посмотрим направо.

Как вскоре выяснилось, Кит призывал нас пока не портить себе настроение видом Парламента, а обратить внимание на уже знакомый мне по вчерашнему вечеру королевский замок.

Если вы тоже были внимательны, то заметили, что город Эдинбург наш гид, говоривший по-английски с ярко выраженным шотландским акцентом, назвал Эдинбороу, а Холируд произнёс как «Холируд». Не мудрено. В наших вузах шотландцы и ирландцы (не говоря уж о самих коренных англичанах) наверняка имели бы по родному языку неудовлетворительные оценки. Если вы смотрите английские фильмы без дубляжа, то наверняка слышите, скажем, вместо обычного «вэри гуд» (*very good*) забавное «вэри гюд», а вместо «вэри мач» (*very much*), простецкое «вери муч». Кроме того, если нас учат, что “*h*” после “*w*” в английском вообще не читается, и потому “*what*” должно звучать как «уот», а “*where*”, как «уза», то шотландцы не просто “*h*” произносят, но и умудряются поставить ее перед “*w*”. В итоге они говорят «хуот» (что), «хуза» (где) и т.д. Так звучит речь и сэра Фергюсона, бывшего наставника «МЮ», и актёра Шона О’Коннори, и многих других известных личностей.

Своеобразен и сам шотландский выбор английских слов. Вместо расхожего вопроса “*Why not?*” (А почему нет?), шотландец ско-

рее скажет “*How no?*”, а фраза «Где ты живёшь?» прозвучит не ожидаемо “*Where do you live?*”, а “*Where do you stay?*”. «Статические» английские глаголы вроде глагола «хотеть» (*to want*), могут в Шотландии оказываться в форме «процесса», чего не бывает в обычном английском. Например, в том же Эдинбурге можно услышать в баре “*I’m wanting a drink*”, тогда как в Лондоне ограничатся обычным настоящим – “*I want a drink*”. Некоторые шотландцы предпочитают заменять наверняка знакомый вам «перфект», самостоятельной конструкцией: скажем, вместо “*He has gone*” (он ушёл), они скажут чудесное “*He is after going*”. Двойки шотландцы получали бы у нас и за употребление определённого артикля: фразы “*I have got the cold*” (я простудился) или “*He is at the school*” (он в школе) рассмешат любого моего студента, поскольку они точно знают, что «простуда» требует перед собой неопределённого артикля “*a*”, а если мы используем предмет по назначению, например, школу, которая создана для того, чтобы в ней учились, то никакого артикля не требуется вовсе. Если в английском «ждать кого-то», это всегда “*to wait for*”, шотландцы запросто говорят “*to wait on*”. Даже такой простенький вопрос, как английский “*How old are you?*” (Сколько тебе лет?) они умудрились переделать в “*What age are you?*” (буквально: Какого ты возраста?).

Однако, я отвлёкся (надеюсь, слегка вас позабавив).

За моим окном проплывала красивая ограда дворца Холируд. Сегодня он известен, как официальная летняя резиденция английской королевы Елизаветы II. Превратить эти приезды в традицию монархам помог самый любимый сын Шотландии, Вальтер Скотт, упиравший на то, что корни британского престола именно здесь, а не в Лондоне.

Для публики дворец и примыкающая к нему галерея, частично открыты, однако сразу скажу, что внутри никто из нас так и не побывал. Дворец довольно прост и лаконичен с точки зрения архитектуры и напоминает больше какой-нибудь средний замок на берегах французской Луары. Построен дворец на руинах аббатства, а аббатство было заложено здесь ещё в 1128 году королём Давидом (см. предыдущую главу), которого во время охоты в этих местах сбил с лошади олень. В руках короля таинственным образом возник крест, которым он и отогнал рассерженное животное. В благодарность Давид основал аббатство Холируд, то есть аббатство Священного креста.



Вид на дворец Холируд с соседнего холма.

Дворец не раз перестраивался. Одна из украшающих его башен называется башней Якова V и печально знаменита тем, что именно в ней беременная королева Мария стала свидетельницей убийства своего секретаря-итальянца Давида Риццо, павшего от 56 ран, нанесённых по приказу её ревнивого мужа, лорда Дарнли. Именно в этом дворце жил и закатывал роскошные балы последний из Стюартов, мятежный Красавчик Чарли.

Примечательная деталь: в стародавние времена в нижнем конце мили, то есть где-то тут, рядом с дворцом, размещался дом некой мадам Лаки Спенс, проще говоря, бордель.

На маленькой площади перед дворцом Кёрсти свернула налево, и наш автобус начал взбираться на холм по хоженной мною давеча Королевской миле. Кит всё-таки решил воздать должное справедливости, и мы на минуту притормозили перед зданием нового шотландского Парламента, открытого, как вы помните, в 2004 году, через семь лет, после общенародного референдума, сказавшего решительное «да» переносу части функций из Вестминстера обратно в Эдинбург.

Показателен тот факт, что в официальных путеводителях в лучшем случае будет помещена фотография его интерьеров, а в бо-

лее ли менее честных будет сказано примерно следующее: «Вопреки неожиданно высокой стоимости здание Парламента было воспринято как одно из наиболее интересных общественных зданий в Соединенном королевстве»⁵⁶.

Сразу скажу: бойтесь английского слова «интересный» (*interesting*). Если вам понравились фильм или книга, всегда говорите лучше “*exciting*” (захватывающий) и поберегите “*interesting*” до случаев, когда вам не захочется обидеть собеседника эпитетами вроде «ничего», «так себе» или «куда ни шло».

Так вот что поведал нам в этой связи Кит.

- Когда делалась смета и проект принимался, строительство оценивалось в 4 миллиона фунтов стерлингов. А когда это «чудо» архитектуры было, наконец, завершено, - сделал он многозначительную паузу, - оказалось, что оно обошлось в 500 миллионов.

Автобус ахнул. Ещё и потому, что если вас поставить перед этим строением и попросить угадать, что это, вы скажете, что под его скошенными сводами скрывается либо авангардистский музей современного искусства (кривые стены, вlepленные в бетон кое-где грубые камни в качестве украшения, залепленные не то ржавым железом, не то деревяшками несимметричные окна), либо тюрьма (железные решетки по периметру и на доме, работающие только на выход турникеты и т.п.), либо и то и другое (то есть пыточная для эзков, которых в качестве наказания заставляют любоваться этим самым авангардистским искусством).

Ожидавший нашу реакцию Кит хитро рассмеялся:

- Я говорю об этом так легко только потому, что построена эта жуть была исключительно на деньги англичан.

Говорить таким образом он мог смело, поскольку, кроме Кёрсти, англичан в автобусе не было, а она занималась исключительно своим рулевым делом.

Поехали дальше.

«Королевской», миля называется потому, что пять её участков (*Abby Strand, Canongate, High Street, Lawnmarket* и *Castlehill*) соединяют почти прямой линией дворец Холируд с Эдинбургским замком, венчающим собой вершину центрального городского холма. А «милей» она называется потому, что имеет протяжённость в 320 шотландских «падений» (*falls*), то есть в 8 шотландских «бо-

⁵⁶ «Шотландия», стр. 67 («Дорлинг Киндерсли», АСТ, 2008)

розд» или «фурлонгов» (*furlongs*), то есть в 1 976 имперских ярдов, то есть в 1 810 метров.

Кстати, вы когда-нибудь задумывались о том, что собой представляет наш метр и почему его количество в милях разных стран разнится? Причём разительно: от 580 м в миле Египетской, до 11 300 метров в миле старонорвежской. Будет досуг, поинтересуйтесь. Тема стоящая отдельной книги. Лично у меня Королевская миля сразу вызвала ассоциацию с Золотой милей – центральной торговой улицей, пересекающей пополам континентальный Гонконг. Не зря же он столько лет был под пятой Англии и до сих пор не слишком пытается стать китайским.



Если фасада Парламента следует остерегаться людям даже с крепкими нервами, то волнообразный фасад церкви с тремя красными дверями, открывающийся справа (как удачно я занял место в автобусе!), в обрамлении розовых деревьев и чуть утопленный в глубь полукруглой маленькой площади наведёт вас на радостные мысли. Называется она *Canongate Kirk* (*kirk* – схоже с немецкой кирхой и тоже подразумевает церковь) и построена в голландском стиле. Она тут находится с 1691 года и знавала как лучшие, так и худшие времена. До 1856 года Кэнонгейт считался отдельным городком между Эдин-

бургом и Холирудом и чувствовал себя неплохо, но в 70-е годы прошлого века здесь начался всеобщий упадок, и бедную церковь чуть было ни прикрыли. А ведь именно здесь, во дворе покоятся останки таких упоминавшихся выше людей, как экономист Адам Смит и убитый секретарь королевы Марии итальянец Риццо. Бронзовая статуя идущего прямо через площадь юноши (см. фото) –

дань памяти похороненному здесь же поэту Роберту Фергюссону, оказавшему посильное влияние на Роберта Бёрнса.

Имейте в виду, что не все, но многие здания на Королевской миле реконструированы, то есть восстановлены, то есть построены заново, но таким образом, что от старинных их не отличишь. Разве что они чуть менее чёрные и чуть более серые. Так, например, здание справа со статуей мавра при входе и называемое поэтом «Страна Марокко» (*Morocco's Land*) является репродукцией жилого дома XVII века.

Чуть выше, слева расположен, как выразился Кит, самый громкий музей. В путеводителях его называют Музеем Детства, однако в натуре он называется Музеем Игрушек. Забавно, что основал его городской советник, основал для взрослых, поскольку терпеть не мог детей. Вероятно, эти слухи он распустил о себе сам для пущей привлекательности, потому что только добрый Карабас-Барабас станет говорить, что «ест детей на завтрак». Так ли оно было на самом деле, не знаю, но музей сегодня считается весьма популярным именно у детворы.

Где-то там же, слева, по словам Кита заседает масонская ложа, однако я этого дома не заметил, а потом так и не нашёл, зато нашёл центральный масонский офис в Новом городе, но об этом чуть позже.

Упомянутый раньше дом протестанта Нокса, самый старый в городе, здесь же, справа. Соседний с ним дом, Мобрай Хаус, должен был в 1707 году стать местом подписания унии с Англией, однако разъярённая толпа заставила власти унести ноги и сменить дислокацию.

Нижняя часть Королевской мили, заканчивающаяся на Хай-стрит, исторически отличалась неухоженностью, теснотой и отсутствием элементарных понятий о гигиене. Не зря в лабиринтах её закоулков (66 алей и тупиков) то и дело вспыхивали эпидемии холеры, тифа и оспы. Если вы страдаете клаустрофобией, она охватит тут вас ещё сильнее, нежели в дворах Петербурга Достоевского. Только в XXI веке некоторые тупики были открыты для сквозного прохода. Но поскольку это, по сути, и были зады нашей гостиницы, я там ещё потом не раз хаживал и могу сказать, что если бы не постоянный уклон, ходить по узким закоулкам сегодня довольно уютно.

Переход Кэнонгейт в Хай-стрит отмечен площадью с церквушкой Трон-кирк. Когда в начале XVII века находящийся выше по Миле кафедральный собор св. Жилия попал под контроль епископа, сюда перебрались пресвитерианцы. Которые, как вы знаете, наученные, в частности, тем же Ноксом, учеником Кальвина, отрицали необходимость посредничества в общении с богом духовенства и своих священников, пресвитеров, прихожане избирали.



Вид на Трон-кирк и св. Жилия с Хай-стрит. Акварель Луизы Рэйнер (1832-1924)

Говорят, когда Красавчик Чарли вошел в Эдинбург, была суббота. На следующий день в церквях было разрешено справлять молебны, но при условии, что имена правящих монархов Британии произноситься не будут. Службу в Трон-кирк проводил преподобный Нил, приглашенный викарий церкви св. Катберта, поскольку двое священников-пресвитерианцев на всякий случай покинули свой приход. Народу набралось много, преподобный Нил смело помолился за короля Георга, назвав его по имени, а потом добавил:

- Что же до того молодого человека, который ныне среди нас ищет земного престола, молим тебя, господи, чтобы он обрёл престол куда более великий, престол небесный!

Когда об этом рассказали Чарли, тот рассмеялся и весьма уважительно высказался по поводу храбрости священника.

В 1697 году именно проходя мимо Трон-кирк, один 18-летний студент по имени Томас Айкенхед, будучи в сильном подпитии, пробормотал нечто вроде:

- Хотел бы я сейчас быть там, где Ездра метал громы и молнии, чтобы согреться.

Добрые товарищи настучали на бедного студента, и он вошёл в историю, как последний человек в Шотландии, которого казнили за богохульство.

А сама Трон-кирк вот уже много лет стоит без дела, закрытая и пустая. Одно время в ней находился туристический информационный центр, но теперь нет и его.

Через квартал от неё по той же левой стороне стоит ещё одно напоминание о временах борьбы за престол: Меркат-кросс – крест, некогда отмечавший центр города. Именно под ним Красавчик Чарли был провозглашён королём.

А вот и кафедральный собор св. Жилия, тоже слева. Если его обойти, то сзади обнаружится старое здание Парламента, распущенного после подписания унии. Не удивляйтесь французскому имени святого – св. Жиль считается покровителем Эдинбурга.

Прямо на булыжной мостовой в двух шагах от собора – мозаичное изображение сердца. Оно так и называется – Сердце Мидлтонииана, как окрестил это место ещё Вальтер Скотт. Правда, знаменитый писатель имел в виду то здание, которое стояло здесь и вход в которое сегодня отмечает мозаика. Было же это здание городской тюрьмой. Поэтому вас не должно удивлять, если вы заметите, как кто-нибудь из прохожих наклоняется и плюёт, стараясь попасть в самый центр «сердца». Гиды пытаются эту традицию обелить и говорят, что это, мол, плевок на счастье, однако не верьте им: шотландцы таким образом выражают своё отношение к властям.

Наиболее примечательным помещением внутри собора является часовня, которая носит необычное название – Часовня Чертополоха, а если совсем точно, то часовня Самого Древнего и Самого Благородного Ордена Чертополоха. Она небольшая, однако поражает готическим сводом и проработанностью витиеватой резьбы. Одна из фигурок изображает золотого ангела, играющего на шотландской волынке. Больше всего вас может удивить тот факт, что

построена эта замечательная часовня была всего лишь в 1911 году. За свою дизайнерскую работу архитектор Роберт Лоример получил рыцарский титул и стал сэром.

Сам же Орден был основан в конце XVII века шотландским королем Джеймсом VII, уверявшим, как водится, что воссоздаёт ещё более старый орден (помните историю с Андреевским крестом, который появился в небе и даровал победу королю Ангусу?). В состав его входил Соверен (*sovereign* – верховный) и шестнадцать Рыцарей и Леди, а также некоторое количество дополнительных рыцарей из числа британского королевского рода и заморских монархов. Только Соверен имел (полагаю, и имеет) полномочия принимать в орден новых членов (в большинстве других орденов это происходит только с согласия правительства). Небесное покровительство Ордена, как вы уже поняли, осуществляет св. Андрей. По влиятельности с ним может сравниться лишь Самый Прославленный Орден св. Патрика в Ирландии (ныне, говорят, сошедший со сцены) да Самый Благородный Орден Подвязки (“*garter*” переводится не только как «подвязка», но и как «кандалы», а в США так называют подтяжки).

И пусть упоминания в названиях столь серьезных организаций столь несерьезных вещей, как «подвязка» или «чертополох», не вводят вас в заблуждение и даже не вызывает улыбки, как у некоторых критиков монархий, масонов и прочих «взрослых игр». Вы ведь не вчера родились и прекрасно должны понимать, что пирамида власти уходит далеко в поднебесье, а то, что мы видим по телевизору, все эти папы римские, президенты, короли и королевы – лишь роли, которые занимают наиболее подготовленные к спектаклю актёры. Сценаристов и режиссёров на поклон выводят редко, вернее, они выше этих условностей и могут сами решать, выходить им к публике или нет.

Легенда, по которой именно чертополох стал национальным растением Шотландии, довольно идиотская. Рассказывают, что как-то викинги попытались под кровом ночи пробраться незамеченными к шотландскому лагерю. Дурни крались босиком и одного угрозило наступить на колючий чертополох. Его крики разбудили шотландцев, и вторжение было отбито. Впоследствии именно чертополох стал, наравне с красным тартаном, символом рода Стюартов.

Не доезжая главного замка и церкви св. Иоанна, которая превратилась просто в Центр (*the Hub*) – штаб-квартиру Эдинбургского фестиваля, мы свернули направо, на мост, и скоро уже колесили по северной части шотландской столицы, Новому городу.

Глава 30 – Новый город – Шотландский виски – Прогулка по замку – Тартан

Вы не удивлены, что я до сих пор ничего не рассказал о происхождении самого названия – Эдинбург? Я вот удивлён и потому готов немедленно восполнить пробел.

Считается, что его корни следует искать не то в кельтском, не то в кумбрийском языках. Когда-то здесь будто бы находился форт Дин Эйдин, принадлежавший королевству Гододдин, упоминаемому ещё в древневаллийских преданиях. Когда пришли скотты, они отбросили приставку Дин и добавили суффикс «бург», то есть всё тот же «форт». Известный нам уже Давид I, вручавший эти земли монастырю Холируд в 1124 году, назвал здешнее поселение Эдвинесбург. Когда Король Лев подтверждал решение своего предшественника 50 лет спустя, он уже писал его как Эденесбург.

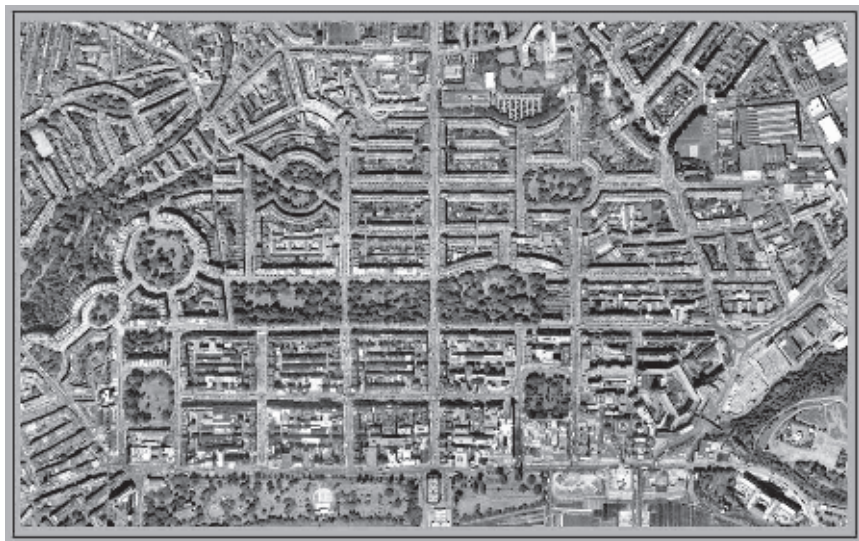
Вплоть до XVII века Эдинбург оставался зажатым в границах крепостных стен. Сегодня вам расскажут, что его рост, как непропорциональный рост сковываемых браслетами шей южноафриканских и некоторых азиатских девушек, происходил вверх, а не вширь. Причём настолько, что дома высотой в 11 и более этажей уже не считались диковинкой и поражали разве что иностранцев.

Таким образом, пространство Нового города (*the New Town*) начало застраиваться в XVIII веке как спасение горожан от перенаселённости и антисанитарии Старого города (*the Old Town*). Здесь всё подчинено пропорции и симметрии. Параллельные широкие проспекты пересекаются с чуть более скромными улицами под идеально прямыми углами. Никаких закоулков, никаких непроходных дворов, всё чинно, помпезно, дорого и ветрено.

Когда появилась такая возможность, те, кто мог себе это позволить, сразу же перебрались в новые элегантные резиденции «на одну семью». Произошло резкое расслоение общества. Как сокрушались современники: «Единство общественных чувств было некогда одним из самых ценных наследий старого Эдинбурга, а его исчезновение повсеместно и горько оплакивалось».

Кроме чисто практических соображений, власти Эдинбурга руководствовались ещё и желанием ни в чём не отставать от нового

старшего брата – Лондона. После сражения при Куллодене, национальной шотландской трагедии, шлюзы были открыты, и английские культура и мировоззрение устремились сюда мощной волной. Желая выказать свою лояльность короне, победившей Красавчика Чарли с его якобитами-горцами, городской совет распорядился называть центральные улицы Нового города не иначе как улица Розы (эмблема Англии), улица Чертополоха (эмблема вы уже знаете чего), улица Георга (нового короля), улица Королевы (его жены), улица Ганновера (в честь нового правящего в Великобритании рода), улица Фредерика (отца Георга) и улица Принцев (в честь двух сыновей Георга, хотя некоторые гиды и путеводители ошибочно переводят название *Princes Street* как улица Принцессы, что в корне неверно).



Так сегодня выглядит Новый город с высоты самолёта.

Победителем конкурса проектов стал план 26-летнего Джеймса Крэга.

Поначалу застройка нового пространства шла туго, настолько, что первому застройщику предложили целых 20 фунтов. Им оказался некто Джон Янг, который в 1767 году построил Двор Чертополоха на восточной оконечности одноимённой улицы. Планировалась пышная терраса, а он построил маленький дворик. Ну да лиха

беда начало. Те из вас, кто играл в стратегические компьютерные игры, где нужно строить дома, завлекать переселенцев и извлекать экономическую выгоду, знают, как быстро первые постройки обрастают фешенебельными теремами. То же самое произошло и с Новым городом.

Изначально он мыслился как сугубо жилой район. Первый этап строительства закончился в 1820 году открытием площади св. Шарлоты, вокруг которой размещались несколько особняков наиболее успешных торгашей, простите, торговцев. Однако потенциал нового района довольно скоро спутал первоначальные планы, и за какой-нибудь век большинство, как теперь у нас говорят, таунхаусов было заменено коммерческими зданиями. К слову сказать, площадь Шарлоты нынче окружают исключительно офисы.

Наш Кит сокрушался по поводу того, что перестройка в Новом городе никогда не прекращается. Так был снесён дом 11 на Пикарди-плейс, где родился Артур Конан Дойл. Зато северную оконечность Нового города заняли пустые Сады Королевы, где нет жилья, но куда избранные горожане сомнительных достоинств имеют исключительное право выводить опорожняться своих питомцев.

Глядя по сторонам, я уже понимал, что моё вчерашнее впечатление от Эдинбурга улетучивается и что по возвращению в гостиницу я предприму все усилия, чтобы поставить Алину на ноги и не позволить ей пропустить столь примечательное место. Благо и погода постепенно стала разгуливаться. Когда мы, сделав крюк, остановились и вышли на улицу возле красных дверей готической штаб-квартиры фестиваля, тучи разбежались, и выглянуло долгожданное солнце.

Превращение шотландцами своих церквей в туристические офисы напоминает советский подход к религиозным постройкам. У нас они, правда, славились как склады и общественные туалеты, так что будем считать, что действия шотландских церковных и светских властей отличаются своеобразием.

Насколько я мог судить внешне, Центр с его готическим шпилем здесь чуть ли не самое высокое здание. Уж в Старом городе точно. О вместимости его говорит тот факт, что когда в 2006 в Парламенте рухнула балка, на протяжении двух недель заседания проводились именно здесь. Спрашивается, зачем вообще нужно было тратить сотни миллионов фунтов, которые можно было использовать на помощь людям, на постройку страшного и небезопасного

здания, если в городе пустуют целые соборы? Вероятно, потому, что под постройку туристического бюро таких денег бы просто не выделили. Логично?

Мы обогнули Центр и стали подниматься по мощеной булыжником Каслхилл ко входу в замок. Кит притормозил нас лишь однажды, возле красочной витрины, уставленной бутылками. Над входом значилось *The Scotch Whisky Experience*, что буквально переводится как «Опыт шотландского виски», а в отечественных путеводителях вы найдёте его под пафосным названием «Центр наследия шотландского виски». На самом деле слово “*experience*” в названиях самых разных заведений я стал замечать всё чаще. Видать, мода такая пошла. Не просто поиграть в компьютерные игры, а приобрести опыт. Не просто наклюкаться вискаря, а стать опытнее и т.п. Правда, именно сегодня я не был столь скептически настроен по отношению к спиртному, как обычно, потому что жалел об отсутствии Алины. Вот кому сейчас точно не помешало бы осушить рюмашку и взбодриться.

Любому трезвеннику необходимо знать про виски следующее. Происходит само название, вероятно, от римской «воды жизни» (*aqua vitae*), что в кельтском стало “*uisce beatha*” (что звучит примерно как «ишке бяха»). Если вы внимательно присмотритесь к этикеткам, то быстро обнаружите, что существует два написания: “*whiskey*” и “*whisky*”. Первым обозначают виски, произведённое в Ирландии или Америке, вторым – в Шотландии, Канаде или Японии. Примечательно, что отдельного названия “*whiskey*” до 70-х годов XIX века не существовало.

Процесс производства виски несильно отличается от уже известного нам пива. Зерна ячменя как следует вымачиваются в воде и рассыпаются по полу. Как в Японии песок в дзэн-садах время от времени приглаживают граблями, так и зерно на полу то и дело перемешивают, чтобы оно проросло и получился «зелёный солод». Через 12 дней проращивание прерывается сушкой ячменя. Делается это в специальных печах, где топливом служит торф, дым от которого придаёт аромат полученному солоду. Высушенный солод перемалывают. Далее измельчённый солод попадает в чан с горячей водой. В процессе растворения солод образует сахарный раствор – сусло, который затем извлекают для ферментации. Ферментация происходит в деревянных бродительных чанах, где к охлаждённому суслу добавляют дрожжи (мертвечину). Образуется брага, которая

затем попадает в перегонные кубы и дистиллируется: брага закипает, спиртовые пары поднимаются, охлаждаются и снова конденсируются в жидкость. После двойной дистилляции получается спирт плотностью 70%. Наконец, наступает черёд самого важного процесса – созревания. Виски закупоривают в дубовые бочки и выдерживают не меньше трёх лет. Считается, что лучший виски получается после лет 15 такого хранения, однако есть бочки, которые открывают лишь через 50 лет. Таким образом, качество и разница во вкусах виски зависит от нескольких факторов: ингредиентов, качества хранения и зрелости. Разные купажи, насколько я понимаю, получаются в результате смешивания разных сортов. В целом виски можно разделить на просто солодовый, зерновой (который почти весь идёт на производство купажей, хотя в Шотландии одну марку такого виски вы всё же найдёте – *Choice Old Cameron Brig*) и купажированный (*blended whisky*). В Америке ещё изготавливают бурбон, но для этого используется несколько иная технология, а в качестве основного ингредиента берётся кукуруза. Да, и не забудьте, что в Шотландии в силу описанных выше правил виски следует произносить как «хуйски».

В Центр взрослых пускают за 12,75 фунтов, а детей с 6 лет – за 6,50. Очень демократично и никакого притеснения малолетних.

Порассуждав о виски, не стремитесь сразу же броситься в объятья замка. Последуйте моему примеру и обратите внимание на правую сторону подъема, где над входом в последнее перед эспланадой здание значится *Tartan Weaving Mill & Exhibition*. По выставленным на улице пледам, килтам и разным прочим предметам чисто шотландского костюма, вы понимаете, что внутри скрывается нечто вроде сувенирного магазина. Чутьё подсказало мне, что на обратном пути нужно будет непременно сюда заглянуть.

Я упомянул эспланаду. Это ничто иное как площадь перед замковым рвом. Чтобы войти в замок, вы должны миновать её и пересечь короткий мост, который охраняют два каменных рыцаря. Одного из них Кит подобострастно назвал Мэлом Гибсоном, поскольку, как я уже упоминал, именно его фильм «Храброе сердце» теперь работает на привлечение в Шотландию туристов и, следовательно, на карман Киту. Вообще же их установили здесь в 1929 году в память о Роберте Брюсе и Уильяме Уоллесе.

Вся эспланада заставлена строительными лесами. Тут днем и ночью кипит работа. Зачем, спросите вы. Очень просто. Ведь не зря

же целый собор был отдан местному фестивалю. Да-да, уважаемый читатель, Эдинбургский фестиваль, начинавшийся в 1947 году как Фестиваль искусств – это теперь целое мировое событие. Одновременно с ним сегодня проводится «Фриндж» – его альтернативный собрат, который в последние годы становится крупнее оригинального, а также военный парад, который как раз и проводится здесь, на эспланаде. К этому событию выстраивается импровизированный амфитеатр, на трибунах которого может разместиться, говорят, до 200 000 зрителей. Кит грустно пошутил, что сейчас май, парад в августе, но сооружение трибун уже в самом разгаре. Работа занимает у местных умельцев примерно полгода. И примерно столько же они потом трибуны разбирают. Кит, как нормальный русский человек, мысль свою продолжать не стал, предоставляя нам самим сообразить, зачем это делается.

Как вы уже поняли, в августе в Эдинбурге лучше не появляться. Кроме классического профессионального и альтернативного любительского, в это время здесь проводятся ещё фестивали кино, книжный и джаза с блюзом. Всё равно, что приезжать в Венецию в феврале, чтобы жить втридорога (в лучшем случае) в гостиницах, выстаивать очереди в рестораны и ничего не видеть из-за толп скользящих туристов. Ах, карнавал, удивительный мир!..

Растолкав строителей, военных и детей, вы проходите, наконец, внутрь замка. Каюсь, я не знаю, сколько стоил вход, потому что он был включён в стоимость тура, и нам просто раздали билеты.

Уже не помню, говорил ли я вам, но все пешие экскурсии по маршруту проходили не без помощи «шептунов». Так Вари в первый же день назвала маленькие пластмассовые коробочки, которые вешались на шею, настраивались на определённую волну и вы слышали всё, что гид рассказывает вам в маленький микрофон, через наушники. Единственное неудобство заключалось в том, что нужно было находиться не далее чем шагах в пятнадцати от источника звука, поскольку в противном случае начинались отвратительные помехи.

Облачённый в развивающийся плащ и придерживая предательский килт, наш колоритный Кит возглавлял восхождение к замку.

Чтобы попасть на самый верх, вы должны проделать полный оборот по спирали вдоль могучих высоченных стен (см. фото на следующей странице), стоящих на впечатляющем базальтовом основании потухшего вулкана.



Изначальная крепость была построена здесь королём Нортумбрии Эдвином, в честь которого и был назван город (помните, как писал его Давид I?). Нынешний комплекс представляет собой последовательную работу каменщиков с XII по XX век. Чем выше вы поднимаетесь, минуя батареи средневековых и не очень пушек, тем сильнее утверждаетесь в ощущении, что замок неприступен. С трёх сторон он защищён отвесными утёсами, а единственная дорога, по которой вы идёте, замечательно простреливается. Причём как минимум одна из пушек исправно действует до сих пор – Часовая (*One O'clock*

Gun). С 1861 года она оповещает горожан о том, что на их часах должно быть ровно 13:00⁵⁷. Однажды она выстрелила даже боевым снарядом: в апреле 1916 года по немецкому цеппелину, который сбрасывал на город зажигательные бомбы. Больше в XX веке артиллерия замка не использовалась по своему прямому назначению ни разу.

Между тем в действительности Эдинбургский замок переходил из рук в руки и не раз. Вот вам один из эпизодов. В 1296 году Эдвард I вторгся в Шотландию. Замок сдался после трёх дней осады и обстрела. Эдвард не преминул забрать все королевские реликвии и переправить их в Англию. В 1307 году Эдвард умер, и хватка Англии слегка ослабла. Через 7 лет этим воспользовался 1-й эрл Морея, Томас Рандолф. Подкупив некоего Уильяма Фрэнсиса, солдата гарнизона, который знал обходной путь вдоль северной стены и то место, где на неё удобнее всего забраться, дерзкий эрл проник внутрь, застал стражу врасплох и завладел замком. После этого он распорядился уничтожить все оборонительные сооружения. В этой связи

⁵⁷ Говорят, в этом проявляется скaredность шотландцев. Обычно пушки палят 12 часов, т.е. 12 раз. Шотландцы же отмечают час дня, чтобы тратиться всего на один выстрел.

некоторые наши путеводители пишут, будто он велел уничтожить вообще все постройки, после чего уцелела лишь часовня св. Маргариты, знаменитой матери того первого короля Давида, которому Эдинбург обязан своим существованием. Часовня, действительно, стоит и поныне – простенькое каменное здание (между прочим, оно считается самым старым в Эдинбурге, будучи возведённым в XII веке), на котором я не заметил даже креста.

Зато рядом с ней я увидел точно такое же серое каменное строение, распахнутые двери которого приглашали зайти и купить «лучший шотландский» виски. Предположив, что другого шанса купить Алине действенное лекарство у меня до самой гостиницы не будет, я заглянул внутрь и приобрёл не только 50-миллилитровую бутылочку «на сейчас», но и красивую жестяную упаковку, в которой помещалось сразу два таких односолодовых «пробника» под маркой *Glenfiddich* – 12 и 15 лет выдержки. Думаю, когда мои не менее дерзкие, чем Томас Рандолф, потомки их продегустируют, обeim перевалит за сотню.

Миновав здание военной тюрьмы, вы оказываетесь в высшей точке подъёма – на центральной площади замка. Кстати, именно тюрьма, а точнее, побег из нее в 1811 году 49 военных заключённых через дырку в стене, стал той последней каплей, которая убедила власти в необходимости преобразовывать замок в более светское заведение. Вскоре после того вопиющего случая Вальтеру Скотту позволили обыскать замок в поисках шотландской Короны, которую припрятали тут после подписания унии в 1707 году. Это того стоило, потому что шотландские королевские регалии по сей день считаются самыми старыми на Британщине, будучи изготовленными в XV-XVI веках. Получилось так ещё и потому, что ловкие шотландцы сумели надёжно спрятать их за полвека до унии, когда незабвенный Кромвель, назначенный лордом-защитником Англии, Шотландии и Ирландии, первым делом постановил все королевские цацки собрать и переплавить.

Итак, Вальтер Скотт нашёл «шотландские достоинства» в сундуке, а городские власти решили выставить их на всеобщее обозрение. Ну, разумеется, на всеобщее обозрение тех, кто готов заплатить за это один шиллинг.

Именно с тех пор в замке стали происходить знаменательные «открытия». Например, та же часовня св. Маргариты была «обна-

ружена», точнее, «узнана» в доме, служившем в то время обычным складом (очень по-советски).

Среди достопримечательностей замка можно отметить местную Царь-пушку, которая называется здесь Монс Мэг. На лафете стоит 6-тонный ствол, а рядом лежат каменные ядра по 150 кг каждое и явно большего диаметра, нежели калибр ствола. Как бы то ни было, говорят, что в 1558 году, в день помолвки королевы Марии и французского дофина Франсуа II, её первого мужа, из Монс Мэг устраивали торжественный салют, а рабочие потом дружно отыскивали ядра в более чем 3 километрах от замка, возле речки Форт. При той высоте, на которой стоит замок, это в общем-то немудрено. Менее удачно прошёл салют в честь прибытия герцога Албани, будущего короля Джеймса VII Шотландского и II Английского в 1681 году: ствол лопнул, и пушка навсегда замолчала. Правда, зачем-то после этого конфуза её пришлось перетаскивать в лондонский Тауэр, а домой она вернулась лишь в 1829 году по просьбе Вальтера Скотта.

Вернёмся и мы на верхнюю площадь. Она называется *Crown Square* или площадь Короны. Её образуют четыре здания: Большая зала, дом королевы Анны, Национальный военный мемориал и Королевский дворец.

Большая зала представляет собой залу большую относительно. Ну что такое 29 на 12,5 метров по нынешним меркам. Не верьте также путеводителям, которые пишут о том, что здесь проводились заседания шотландского парламента: никаких достоверных доказательств тому нет. Кромвель превратил Большую залу в казарму для своих солдат. А когда в конце XVIII века неподалеку построили Новую казарму, Большая зала стала госпиталем. Сегодня зала впечатляет деревянными дугами потолка, однако вас не покидает китайское ощущение недавно законченного евроремонта.

Что касается дома королевы Анны, то она там никогда не жила – просто так в её честь назвали кухню, сопряжённую с Большой залой. Теперь в нём музей военно-морских сил как продолжение экспозиции стоящего напротив Национального мемориала. Последний построили здесь после первой мировой войны на месте церкви св. Марии. Там есть склеп, в склепе стоит алтарь, на алтаре – опечатанная шкатулка, а в шкатулке хранятся так называемые «свитки чести»: список из 147 000 имён шотландских солдат, погибших в первую мировую и ещё 50 000, погибших во вторую. Свитки длин-

ные, так что свободного места для новых имён павших в Афганистане, Ираке и прочих «террористических» странах в них предостаточно.

Отдельного упоминания заслуживает Королевский дворец. Именно здесь предпочитали жить Стюарты. Отличительной его особенностью является центральная и единственная башня. У бедной королевы Марии, бывшей на сносях в день убийства её любовника-секретаря, как раз в ней родился сын Джеймс, ставший впоследствии шестым с таким именем на шотландском и первым на английском троне. К сожалению, внутри дворца снимать ни на что нельзя, так что витрину с шотландской короной, скипетром и державным мечом, куда теперь подложили ещё и Сконский камень Судьбы, я ни в какой цифре не запечатлел. Наверное, я слишком циничен, поскольку ничто из перечисленного не тронуло моего славянского сердца. Та же шапка Мономаха в Кремле остаётся в памяти гораздо отчётливее. Камень на вид производит впечатление бетонной плитки, которую за приделанные к ней проржавленные кольца могут без труда поднять двое шахматистов. Тем, кстати, интереснее, докопаться когда-нибудь до объяснения истинной причины того, почему с ним так носятся уже столько веков. Вот уж что точно можно подделать в два счёта!

Покинув площадь и насладившись лазанием по крепостным стенам, откуда открывается шикарный, бесплатный и неподдельный вид на город, я сверился с телефоном (часы на руке я уже много лет не ношу, дабы не производить впечатление человека, который недостаточно свободен, чтобы куда-то спешить) и устремился по спирали каменной мостовой вниз, к магазину тартанов.

Как и любой прохожий, не знакомый с историей этого примечательного заведения, я предполагал, что передо мной магазинчик сувениров средней руки. Каково же было моё приятное изумление, когда я обнаружил, что если на поверхности мы видим один этаж, но вглубь земли уходят ещё четыре. Более того, первый занят настоящей прядильной фабрикой, красноречиво доказывающей, что многие (конечно, не все) предлагаемые на лотках вещи созданы здесь, а не в Китае. Скажу даже больше. Судя по фотографиям, которые я делал на всём протяжении посещения замка, и тем циферблатам на башнях, что попадали мне в объектив, если подъем и осмотр главной достопримечательности занял у меня минут 35-40, то

на самостоятельную экскурсию по фабрике и магазину, с выбором сувениров и разговорами с продавцами, ушёл почти час.



Поначалу мне захотелось купить какое-нибудь шотландское оружие, благо прямо при входе некие молодые длинноволосые люди в перстнях предлагали любые виды щитов, мечей, доспехов и т.п. Однако при более внимательном рассмотрении я сделал предположение, что это не кто иной как выходцы из СНГ, быть может, даже из России, потому что говорили они с сильным знакомым акцентом, но далеко не шотландским. Одним словом, я их проигнорировал и не пожалел.

Глубина, если так можно выразиться, здания фабрики объясняется довольно просто: до открытия мага-

зина здесь размещался резервуар с водой, откуда она поступала в дома на Королевской миле. Теперь же вы можете увидеть здесь весь цикл производства тартанов и килтов из них.

Что такое шотландский тартан? Знаточи скажут вам, что, прежде всего, это не столько ткань, сколько орнамент. Можете с ними поспорить, потому что еще в 1830-х годах типичный тартан описывался как «одноцветный... без рисунка». Само слово «тартан» берёт своё начало во французском *“tiretain”*, хотя такого слова даже там вы не найдёте. На самом деле многоцветные ткани шотландских горцев назывались *“breacan”*. В какой-то момент оба названия слились в одно, и выиграл «тартан». Цветовой орнамент тоже имеет своё особое название – *“sett”*. Образуется он переплетением заранее окрашенных нитей, отчего получается клетчатый узор из перпендикулярных полос разной ширины. Знакомое нам слово «плед»

пришло к нам из Америки, где оно описывает тартан, причём само является по происхождению шотландским – *plaide*.

По цветам нынешние тартаны делятся на «современные» (яркие, с использованием химических красителей), «древние» (более блёклых, светлых оттенков, с натуральными красителями) и «приглушённые» (промежуточные между яркими и блёклыми). Считается, что сочетания цветов соответствовало определённому шотландскому клану. Более того, существует Всемирный Реестр Шотландских Тартанов, в который занесено более 3 300 видов рисунка, причём никакие новые виды уже не регистрируются. Гуляя по магазину, я тоже повёлся на все эти истории и хотя выбрал плед для моей родительницы за яркий красный, как она любит, колорит, а себе и детям кепки разных орнаментов, тем не менее, мне нравилось сознавать (ориентируясь по специальным биркам), что плед такого фасона носили Стюарты, а кепки могли бы украсить головы Макбетов и Маклаудов. Путешествовавший со мной путеводитель «Дорлинг Киндерсли» также на полном серьёзе пишет, что «уже в XII веке кланы носили клетчатую шерстяную одежду из ткани, которую позже называли тартаном». На самом же деле выясняется, что клановые тартаны появились на радаре истории не раньше битвы при Куллодене. Друзей от врагов отличали тогда вовсе не по орнаменту одежды, а по цвету ленты на «боннете» (мужской шапочке, похожей на широкий берет). Отождествление тартанов с отдельными кланами и их регистрация начались только в 1815 году по инициативе лондонского Общества Горцев. Решать эти вопросы должны были вожди кланов. Один из них, 2-й барон Макдоналд честно написал Обществу в ответ на соответствующий запрос: «Будучи совершенно несведущ в том, что в точности подразумевается под тартаном Макдоналдов, прошу вас о великодушии сделать всё в вашей власти, чтобы получить наиподлиннейший рисунок, который гарантировал бы мне его аутентичность с моим гербом». А вы говорите, XII век!

Сегодня, конечно, при моде на всё старинное и родовое (что на самом деле очень даже правильно и неплохо), тартаны стали предметом не только национальной гордости, но и всевозможных спекуляций. Поскольку новых видов Всемирный Реестр Шотландских Тартанов не принимает, был создан просто Реестр Шотландских Тартанов. В нём их уже больше 6 000, и регистрация новых про-

должается. Думаю, вы ещё можете успеть зарегистрировать кланы Макивановых, Фицпетровых и О'Сидоровых.

Весьма симпатичные покупки и бутылочки с виски меня обрадовали и вдохновили. Эдинбург уже не казался мне больше таким хмурым и неприветливым, как вчера вечером. Когда автобус доставил нас обратно до гостиницы, я поспешил с хорошими новостями к грустной Алине и чудом убедил её пригубить крохотную рюмашку национального лекарства. Чтобы ей не было скучно, я через не могу допил остатки пахучих 50 грамм и принялся ждать результатов.

А они проявились почти сразу, причём именно те, что я ожидал: Алина на глазах ожила и стала собираться на прогулку. Ещё бы, ведь даже я по сути ничего в городе пока не видел. Пешком, только пешком!

Глава 31 – Пешком по Эдинбургу – Два слова о холодном оружии – Национальная галерея – О памятниках и не только – Съедобные хаггисы – Шотландские высоты

Зная об ужасах и прелестях города исключительно с моих слов, Алина теперь с интересом присматривалась всё к той же Королевской миле, на которую мы вышли через укромный проулок (не зря же я уже считал себя здесь чуть ли не местным). На часах был полдень, времени ещё было вдоволь, хотелось жить и познавать, а потому маршрут я предложил с таким прицелом, чтобы сочетать полезное с приятным: осмотреть магазинчики Мили, заглянуть в Национальную галерею, про которую я был начитан ещё до поездки и о которой Кит упомянул лишь мимоходом, затем обследовать вторую главную торговую улицу города – Принцес-стрит, где-то пообедать чем-нибудь национальным, а потом действовать, исходя из нашего на тот момент самочувствия.

Даже среди дня в мае месяце Королевская миля не производит ощущения столпотворения. Люди есть, машины есть, но так же мало, как на Арбате 70-х годов. Когда погода хорошая, а рядом шагает повеселевшая жена, хочется в коем-то веке заняться долгожданным шопингом и не отказывать себе ни в чём. Осматривать город просто так или ходить по магазинам – это лично для меня всё равно, что перескакивать с одного иностранного языка на другой: ты меняешься полностью, становясь другим человеком, по-иному видящим окружающее. Вот и Королевская миля во мгновение ока стала как-то ближе и понятнее.

Сначала мы нашли магазинчик, который торговал главным образом украшениями из серебра. Предстояло купить почти традиционный подарок для тёщи. Помнится, в Милане мы с Алиной занимались ровно тем же, но относительный успех нам сопутствовал лишь на второй час поисков: таким всё нам казалось скучным и унылым. Здесь же выбор был большим и весьма занятным, на разные вкусы, возрасты и кошельки. Минут двадцати хватило, чтобы выйти на свежий воздух довольными и с чувством выполненного долга (нельзя же из заграницы приезжать с пустыми руками или с тем, что можно купить в ближайшем подземном переходе родного

города, что получается, когда вы едете в какой-нибудь Таиланд или Китай).

Во вчерашние сувенирные лавки индусов я заглянул лишь однажды, чтобы продемонстрировать Алине их самопальную дешёвку и больше не тратить на это время. Будете в тех местах, смело проходите мимо синих витрин с белыми надписями над входом типа *The Scotsman* (Шотландец).

Зато обратите внимание на те, что внешне почти не отличаются, но на которых (а их здесь всего-то парочка) написано *The Scot Shop*, а также имеются приписки типа *Celtic Crafts* (кельтские ремёсла). Зайдя внутрь, вы погрузитесь в пёстрый мир уже знакомых нам тартанов, которые представлены здесь в бесконечном разнообразии шарфов, килтов и прочей одежды. Можно заодно попрактиковаться с колоритными и ненавязчивыми продавцами в понимании их шотландского английского, рассказать о себе (О, из России! Здорово!), пожаловаться на погоду и почувствовать себя «своим в доску». Цены здесь, разумеется, подороже, но и качество не сравнить. При этом за два отличных шарфа вам обязательно дадут скидку (не предложат они – попросите сами, это в порядке вещей).



Следующая витрина привлекла меня старинными грабюрами, картами и всевозможным холодным оружием. Как вы уже, наверное, поняли, подобные вещи для меня являются лучшими сувенирами во всех поездках по миру. Из Бразилии я тоже в своё время привёз кинжал, но он интересен лишь необычной рукояткой и ножами, незатейливо выполненными из многоцветных камней. Из испанского Толедо в мою коллекцию приехал тяжёлый литой нож, с которым можно ходить хоть на медведя. Из японского Киото – тренировочная катана с настоящей тугой оплеткой по рукояти из

акульей кожи (знатоки поймут, что я имею в виду под «настоящей оплёткой», которая является извечным слабым местом наших умельцев), вакидзаси (короткий меч) и танто (кинжал). Из Англии, Италии и Германии я до сих пор предпочитал привозить старинные гравюры, которые там по-прежнему можно купить почти за бесценок (если без рамы). Теперь же у меня загорелись глаза при виде немного странных ножиц самых разных форм и размеров (как правило, небольших), но имеющих одну особенность – они производили впечатление слегка надломленных в месте стыка лезвия и рукоятки. В том смысле, что если вы, скажем, приложите такой нож к ровной поверхности, обоюдоострое лезвие будет лежать ровно, а вот рукоятка слегка отгибаться. Секрет объяснялся очень просто: такие кинжалы шотландские горцы носили засунутыми лезвием в высокие носки, так что отстающую от ноги рукоятку было удобнее прихватывать в случае необходимости. Называются эти ножи (или кинжалы) по-гаэльски *Sgian Dubh*, что произносится как «скин-ду» (в английских текстах вы его можете встретить в написаниях *skene-du* или даже *skean-du*). Первая часть этого сочетания, собственно, и означает «нож», тогда как вторая переводится либо как «чёрный», либо как «скрытый». Хотя считается, что скин-ду использовали главным образом в бытовых целях (отрезать ткань или почистить картошку), есть мнение, будто ношение маленького ножа в носке позволяло гостю, входя в чужой дом и складывая снаружи всё «видимое» оружие, продолжать чувствовать себя довольно уверенно.

Два слова о современном положении дел. Если вы турист и хотите провести такой ножиц на самолёте, разумеется, смело кладите его в чемодан, который сдадите в багаж. То же самое делайте со всем холодным оружием, которое покупаете. Никто его не тронет. Помнится, японцы при вылете упаковали мою катану в длинную картонную коробку и приторочили к чемодану – в Москве никто даже не пикнул и не поинтересовался. Что касается ношения скин-ду при себе, то, скажем в Шотландии его повседневное ношение узаконено, при условии, что вы облачены в национальный костюм. Правда, если школьники в национальных костюмах участвуют в танцах, скин-ду не допускаются. Про мой личный скин-ду я прочёл в прилагавшемся сертификате, что он ручной работы и изготовлен в высокогорной области Аргайл из настоящего оленьего и бычьего рога с лезвием из нержавеющей стали, а за основу была взята мо-

дель кинжала середины XVIII века, когда якобиты пускали кровь англичанам.

Не доходя готического Центра фестивалей и замка, мы свернули на северную Банк-стрит и спустились на Курган. Курганом (*The Mound*) называется искусственная насыпь, соединяющая Новый и Старый города. Когда-то здесь было озеро Нор-лох, но его осушили и засыпали замлём из-под фундаментов новостроек. Отсюда открывается вид на сверкающий панцирь железнодорожного вокзала и такие важные общественные учреждения, как Королевская академия Шотландии, Новый колледж, Зал генеральной ассамблеи церкви Шотландии, штаб-квартира Банка Шотландии и Национальная галерея – промежуточная цель нашей прогулки.

Плакат на неоклассическом фронтоне галереи сообщал равнодушным прохожим о том, что вход свободный. Ажиотажа это не вызывало. Когда мы спустились со склона и вошли во внутренний дворик между галереей и академией, выяснилось, что там нет не то что очереди, но даже посетителей. И это в полдень! Если бы я был заинтересован в судьбе галереи из корыстных побуждений, то предложил бы администрации свой взгляд на человеческую психику и распространенный у нас маркетинговый ход. Хочешь ажиотажа? Сделай вход платным. И не просто платным, а дорогим. Сразу выстроится очередь. Потому что если можно войти без билета, значит, там нечего смотреть.

Обыватели ошибаются. Если будете в Эдинбурге, выделите час-полтора вашего драгоценного времени и обязательно наведаетесь в Национальную галерею. Лично на меня она произвела впечатление даже не столько теми произведениями, которые там нас ждали, сколько продуманностью экспозиции и расположением залов. Когда попадаешь в любую галерею, согласитесь, хочется удостовериться в том, что повидал всё. Вот и приходится зачастую вместо того, чтобы просто получать удовольствие и размышлять, заниматься спортивным ориентированием. Здесь же этот вопрос был решён весьма изящно. Из прихожей вы попадаете в большой длинный зал, выдержанный в лучших традициях Эрмитажа. Поначалу вам покажется, что зала два, однако виной тому центральная перегородка, которая представляет собой сплошную стену с двумя спиральными лестницами по обеим концам и двумя маленькими залами посередине. Каждая из боковых стен общей залы включает в себя пять своеобразных эркеров, так что со стороны создаётся

впечатление, будто там тоже есть проходы, но нет, с первого этажа никуда уходить не нужно. Он, пожалуй, наиболее интересен, поскольку собрал произведения европейских мастеров с XVI по XIX век. Здесь вас ждёт новое знакомство с Боттичелли, Бернини, Эль Греко, Рембрандтом, Рафаэлем, Тицианом, Веласкесом, Ван Дейком, Моне, Гейнсборо, Сезанном, Пуссеном и другими, дружба с которыми никогда не утомляет взгляд, а всегда облагораживает мысли. Здесь же я неожиданно столкнулся со скульптурой трёх приятно обнажённых Граций, изумительное исполнение которых заставило наклониться над дощечкой с именем автора и убедиться в том, что художественное чутьё и на сей раз не подвело: перед нами было одно из творений, пожалуй, лучшего скульптора всех времён и народов – Антонио Кановы. Если вам почему-то это имя незнакомо, поезжайте в Рим, отыщите виллу Боргезе и осознайте, что до сих пор никогда в жизни не видели настоящую скульптуру. Один матрас под возлежащей на нём Полиной, сестрой Наполеона, в облике Венеры чего стоит! Можете себе представить мрамор, который на вид и на ощупь кажется упругим? Если не досуг ехать в Италию, загляните в Эрмитаж. Там тоже кое-что из Кановы есть. Кстати, и ещё одни «Три Грации», вышедшие из-под его резца. Что же до Граций эдинбургских, то, как я выяснил позже, вы их там можете не застать: они то и дело кочуют между Национальной галереей и музеем Виктории и Альберта в Лондоне.

Винтовые лестницы ведут в два верхних этажа, одна – в южный, где представлены импрессионисты, другая – в северный, с обранением средневековой живописи на сугубо религиозные темы.

Осмотрев всё это, не забудьте спуститься в цокольный этаж. Вы обнаружите то, чего больше не увидите в таком количестве нигде: произведения шотландских художников. Здешние сэры живописали не слишком оригинально, и мировых имён не родили, однако их труды стоят того, чтобы с ними познакомиться. Добавлю лишь, что и верхние и цокольный этаж довольно маленькие, так что едва ли вас утомят.

Не знаю, как обстоят дела на Принцес-стрит сегодня, а мы застали тут ремонтные работы, оранжевые жилетки и стук отбойных молотков, что значительно портило общее впечатление. Обещанное обилие магазинов также оказалось миражом. Нет, конечно, магазины были и кто-то в них даже что-то, наверное, покупал, однако главным образом всё сводилось к извечным китайским тряпкам не-

понятно на какой сезон, так что Алина снова погрузилась: хорошую вещь теперь нигде просто так не купишь, её сперва нужно отыскать. К счастью, моя жена не страдает обычными для женщин комплексами, а потому смотрит на шмотки как на шмотки и покупает только то, что действительно нравится. Впереди у нас были ещё центральные проспекты Нового города и надежда не уехать из столицы Шотландии с полупустыми руками.

Единственное, что действительно привлекает на Принцес-стрит и остаётся в памяти, так это Монумент Скотта. Беломраморный писатель сидит, как в беседке, между четырьмя колоннами внутри почти чёрной готической башни, взмывающей ввысь на 61 метр и видной со многих точек города.

Решение построить в честь своего знаменитого земляка памятник пришла в голову горожанам сразу после смерти Вальтера в 1832 году. Как водится, устроили конкурс, в котором победил проект архитектора под псевдонимом Джон Морво. На самом деле под ним скрывался некто Джордж Кемп, самоучка, боявшийся из-за



этого проиграть, как проиграл накануне с проектом собора в Глазго. Самого Вальтера Скотта поручили извлекать Джону Стилли. Стилл оказался не Кановой, его Скотт, на мой субъективный взгляд, имеет слишком маленькую голову и слишком здоровенные башмаки, но в целом с башней смотрится неплохо. Первый камень в фундамент был заложен в августе 1840 года, а последний – в августе 1844 сыном Кемпа. Сам Кемп на торжестве присутствовать не мог: за несколько месяцев до этого туманным мартовским вечером он возвращался домой со стройки, упал в канал и утонул.

Говорят, на монумент можно взобраться, преодолев 287 ступенек. Не знаю, не пробовал.

Пешая прогулка по Новому городу большого впечатления тоже не произвела. Виной тому, вероятно, была похожесть местных магазинов и ассортимента на тот, что можно застать в любом универсаме любой столицы. Детям мы какие-то стреляющие игрушки купили, но тем и ограничились.

Зато на самой помпезной улице, Джордж-стрит, переносящей вас в центр Лондона, в доме под номером 96 мы обнаружили настоящую масонскую ложу. Собственно, здесь квартирует «та самая» Великая ложа Шотландии, которая называется многими специалистами в этом тонком вопросе чуть ли не ведущей ложей каменщиков в современном мире. Как человек аполитичный и нерелигиозный я предоставляю рыться в этих вопросах любителям тайных обществ, а вам скажу, что если вы зайдёте на её интернет-сайт, то узнаете всё, что должен знать обыватель. Вплоть до ассортимента их тамошнего киоска с сувенирами, где вы можете приобрести всяческую символику, включающую две колонны, циркуль и мозаичный чёрно-белый пол (который вы, кстати, будете топтать в большинстве европейских церквей). Там же вы найдёте все подробности о членстве, благотворительности, структуре, мероприятиях и всём прочем, что связано с жизнью нынешних масонов. Правда, я обнаружил одну страницу, которая глючила и открывалась без текста. Она назвалась «Цель» (*Purpose*).

Не знаю, здесь ли принимали в братство Горбачёва, но двое седых джентльменов, беседовавших на ступенях крыльца, были чем-то неуловимым на него похожи. Мы поздоровались, и я спокойно сфотографировал висевшие тут же на стенах гербы. Однако глубже заходить не стал. До 33 градуса я со своей славянской кровью дотяну не скоро, а терять время, когда столь многое можно увидеть и узнать вне какой бы то ни было системы, после сорока лет уже совсем не хочется.

Не дойдя до площади св. Андрея, мы решили возвращаться к дому и по пути всё-таки пообедать. Снова оказавшись на Принсес-стрит только уже в другом месте, рядом с вокзалом, мы под зажигательную музыку латиноамериканского квартета прошли мимо внушительного фасада гостиницы «Балморал» (с ударением на «о»), названной так в честь знаменитой королевской резиденции в шотландском высокогорье, которую больше остальных монарших особ

любила королева Виктория (хотя, говорят, там даже дождь идёт горизонтально – такие ветры), свернули на Северный мост и направились обратно, на Королевскую милю.



Сооружения на холме Кэлтон.

С моста открывался хороший вид на ещё один район Эдинбурга, который часто фигурирует на фотографиях или с которого эти фотографии делаются. Я имею в виду холм Кэлтон.

Англичане этимологируют это название как *“cold town”* (холодный город), хотя у местных на этот счёт свои догадки. Своеобразен он тем, что производит издавна впечатление афинского Акрополя – с недостроенным Пантеоном, колонной и круглой беседкой. Пантеон задумывался как национальный памятник в честь погибших в Наполеоновских войнах, но денег, как водится, не хватило, и стройку бросили незавершенной. Башня, похожая на подзорную трубу, оказалась здесь в 1816 году в память о победе Нельсона при Трафальгаре. На самой вершине холма в лучших афинских традициях построены обсерватория и Королевская высшая школа. Здесь в конце 90-х годов прошлого теперь уже века проводились пикеты с целью добиться самоуправления страны. С того времени неподалёку от Национального монумента осталась пирамида из

каменной, напоминающая о тщетных усилиях. Почему пирамида? Не знаю. Почему здесь же раз в году проводится фестиваль Огня (судя по фотографиям, очень похожий на факельные шествия в нацистской Германии)? Понятия не имею. Почему это фестиваль носит название Белтейн? Ну, говорят, это либо название месяца мая, либо первого его дня. Почему факельные шествия неоязычников приходятся точно в ночь на 1 мая? Да кто ж их разберёт, видать, так совпало. Почему название праздника *Beltain*, записывается на разных вариантах гаэльского языка и как *Bealtaine*, и как *Boaltinn*, и даже как *Boaldyn*, из которых особенно последнее очень созвучно с русским «Ваал-день» (Базилио и Василий, тоже однокоренные слова) или день Ваала – одного из имён дьявола? Ну, это вообще бред и моя больная фантазия. Так что пошли дальше.

А дальше был ресторан на Королевской миле, названия которого я не запомнил, но зато любимое место у окна оказалось свободно, народу вообще мало, так что можно было сконцентрироваться на еде. Вообще считается, что, скажем, на завтрак типичный шотландец должен есть копчёную сельдь (киппер), а также кашу с ячменными или овсяными лепёшками, причём вместо сахара её следует посыпать солью. Раньше чан с кашей мог стоять неделями в железном котле, пока его ни съедали. На обед, говорят, принято есть похлёбку из капусты, из чечевицы, с мясом птицы и луком. Результат совместной варки назывался «кокилики»: от “*cock*” (петух) и “*leek*” (лук-порей). Остатки мяса шли на приготовление жаркого с картошкой и луком. Ужин в традиционной шотландской семье обычно начинался с копчёной рыбы (вероятно, оставшейся с утра или заготовленной для последующего завтрака), холодного мяса (с обеда, видать, успевало остыть) и пирога (ума не приложу, из чего). Затем в бой шли песочные печенья, фруктовый кекс и оладьи. Всё это счастье запивалось чаем.

Как вы уже поняли, заказывая типичное шотландское блюдо, я несколько нервничал. Тем более что с подсказки Алины, которая успела больше меня прочитать путеводителей, оно называлось «хаггис» (*haggis*). Хорошо ещё, что не «памперс». Мой лишь слегка замутнённый ассоциациями рассудок почти спокойно воспринял поставленное передо мной блюдо, состоявшее из круглого и политого чем-то скользким пирога, нижние три четверти которого составляло картофельное пюре, а верхнюю – подозрительно тёмное, протёртое до консистенции гранул, наверное, мясо. Сверху красиво

лежала бледная крохотная помидорка промеж двух сухих листиков. Алина ковыряла вилкой нашего вечного спутника – лосося, кстати, недурственно приготовленного, и наблюдала, как я шотландствую, запивая хаггис местным тёмным элем.

Я съел всё, но добавки не попросил. К счастью, рецепт хаггис я прочитал уже гораздо позже. Итак, вот вкратце, как и из чего его делают: берут бараньи потроха, то есть сердце, печень и лёгкие, рубят мелко с луком, толокном, салом, приправами и солью, и варят в бараньем желудке. Не в ресторане, а где-нибудь дома результат будет похож не на пирог, а на фаршированные животные кишки или домашнюю колбасу. То, что я принял за картофельное пюре, таким было лишь отчасти: вместе с картошкой шотландцы толкут брюкву. Хаггис можно при желании (если оно у вас ещё осталось) купить в магазине, где он фарширован не в овечьем желудке, а в искусственной оболочке или даже просто в консервной банке. Особенно часто про него вспоминают 25 января, в день рождения Роберта Бёрнса.

Пожалуй, о шотландской еде довольно. Пора снова на воздух.

Спустившись по Королевской миле до конца, до площади перед королевским дворцом, мы не стали сразу сворачивать на нашу улицу, а пошли чуть дальше, в парк Холируд. Вообще-то его обычно называют парком Королевы или парком Короля, в зависимости от того, кто сидит на престоле. Все 260 гектаров состоят из базальтовых скал, озёр, горных хребтов, узких долин и утёсов. Когда-то давным-давно, лет 800 назад это были охотничьи угодья. Здесь по-прежнему нет никаких заборов и как такового входа.

Моё внимание привлекла крохотная фигурка человека, сбегавшего под уклон вдоль обращённого к нам зелёным боком холма, который, как потом выяснилось, назывался Утёс Солсбери. Вспомнилось, что где-то перед поездкой я читал о том, будто шотландцы отличаются своей выносливостью. Чем я хуже, подумал я, следя за бегуном.

- Я пойду в гостиницу, а ты можешь ещё прогуляться, - сказала Алина, заметив мой слишком внимательный взгляд.

Не перестаю удивляться, как ей подчас удаётся понимать меня лучше, чем я сам. В итоге, я проводил жену до номера, сбросил на кровать наши немудрёные покупки, видео-камеру и с одним фотоаппаратом на груди отправился покорять местные вершины.

Медленно вечерело. Солнце светило, но обманчиво, так что градусов было не больше 5-6. На всякий случай я подтянул молнию на ветровке и тут увидел бегущих вдоль подножья утёса двух девушек. Они были в обтягивающих шортах и майках и явно разгорячены. Для начала неплохо, подумал я.

Запримеченная мною тропа, огибающая холм под углом в 30-40 градусов, начиналась неподалёку. Подойдя к ней, я убедился в том, что идти вверх следует осторожно, потому что при ширине метров в семь тропа представляла собой лишь слегка утрамбованное нагромождение торчащих в разные стороны камней разного размера. Не настолько, чтобы рассчитывать каждый шаг, но споткнуться можно было запросто.



Восхождение началось. Утром я оглядывал Эдинбург с высоты замка. Теперь мне хотелось запечатлеть его вечером, причём, похоже, с высоты ещё большей. Я то и дело останавливался, оглядывался, делал несколько снимков округи и шёл дальше. С земли мне казалось, что подъём будет тяжелее.

И тут я увидел старичка. Он догонял меня. Бегом. В гору. Ровно дыша и уверенно переступая кроссовками. Можно было, конечно, вообразить, что на самом деле старичку лет двадцать, и что он просто старо выглядит именно потому, что занимается бегом по утёсам, однако это было бы не-

справедливо по отношению к природе.

Старичок меня легко обогнал и, не сбавляя хода, побежал дальше. В смысле, выше.

Постепенно проезжавшие где-то внизу машины стали похожи на разноцветных жучков. Не скажу, до какой именно я взошёл высоты, но полагаю, что не менее метров ста пятидесяти. Отсюда Эдинбург представлялся в чем-то похожим на хаггис, только ингредиенты были не потроха, а дома и домики самых разных вре-

мён и стилей постройки. На фоне серо-зелёной массы старых строений на удивление живописно выделялись разноцветные кубики панельных новостроек, почти прижимавшихся к скале.

А вдали справа стал наконец-то виден порт, присутствия которого в городе совершенно не чувствовалось.

Вскоре подъём прекратился, и дальше дорога пошла ровно, продолжая огибать нависшие над ней глыбы базальта. Кстати, в некоторых местах я читал предупреждающие надписи заботливого государства о том, что возможен камнепад и что вообще стоит беречься. Вместе с концом подъёма поутих и мой интерес к продолжению путешествия. Я уже понял, что здесь можно замечательно проводить время в одиночестве, вдвоём или в приятной компании, чем и занимались немногочисленные шотландцы, сидя на камнях и на траве и наслаждаясь импровизированным пикником. Один, в тёмных очках, вразвалочку подошёл ко мне и с сильным русско-украинским акцентом попросил по-английски сфотографировать его на его же телефон, что я с любезностью Холмса и хитрым прищуром Штирлица охотно исполнил в двух экземплярах.



Импровизированный пикник с видом на Эдинбургский замок.

Если бы я прошел ещё дальше за угол, то увидел бы другой подобный моему холм, одна из двух вершин которого, самая высокая в парке (251 метр), называется Сидением Артура (*Arthur's Seat*). Хотя про легендарного короля Артура говорится на просторах Британии много и повсюду, а некоторые холмы и в самом деле получили имена Стул Артура или Камень Артура, со здешними местами его имя некоторые учёные связывают в силу чисто языковых совпадений. Вроде бы раньше этот холм мог называться на гаэльском *Ard-na-Said*, что означает «высота стрел». Со временем это название, мол, стало пониматься как *Archer's Seat*, то есть «сидение лучника», а уж от арчера-лучника до Артура рукой подать.

Между тем, эдинбургцы считают, что на этих холмах вполне мог располагаться Камелот – замок легендарного короля. Именно у подножья Сиденья Артура Давид I был выбит из седла оленем и получил божественный крест. Считается также, что если 1-го мая девушка умоется росой со склона Сиденья, то обязательно преобразится в красавицу.

В 1836 году пятеро мальчишек, охотившихся на кроликов, обнаружили в одной из пещер на склоне Сиденья Артура 17 миниатюрных гробиков, в которых, как мумии, лежали деревянные фигурки человечков. Откуда они там появились и зачем, не известно доподлинно до сих пор. Считается, что это предметы, которые, вероятно, использовались для какого-то колдовства. Современники же тех мальчишек сочли, что гробики связаны с нашумевшим делом Бёрка и Хэа (*Burke and Hare*), которые были ирландскими иммигрантами и серийными убийцами, и на протяжении десяти месяцев 1828 года убили 16 людей, чьи останки они отдавали доктору Ноксу (не путать с проповедником), а тот в свою очередь использовал их как наглядные пособия на лекциях по анатомии. Случай этот известен нам гораздо хуже, чем история лондонского Джека Потрошителя, однако в западной литературе и кинематографе нашёл своё отражение предостаточно. Правда жизни оказалась ещё более вопиющей. Достаточно сказать, что из всех сообщников, включая жён обоих убийц и доктора, на виселице повис один только Бёрк. Остальных в конечном итоге освободили, а Нокс вообще уехал в Лондон и преспокойно продолжал там преподавать. Зато Бёрка распотрошили до скелета, а из его кожи (я не шучу) сделали кошельки, которыми впоследствии торговали на улицах Эдинбурга.

Одну визитницу до сих пор можно увидеть в Музее эдинбургской полиции.

Возвращался я уже в лёгких сумерках.

Навстречу мне легко взбегала юная девушка. Теперь меня это уже не удивляло.

Вслед за девушкой крутил педали велосипедист в шлеме. Вот это уже было, как говорится, за гранью! К счастью, я заметил его заранее, так что успел переключить фотоаппарат в режим видео и заснять этот удивительный пример развития ножных мышц и лёгких. Проезжая мимо, велосипедист мне даже улыбнулся. Надеюсь, вы не забыли, что всё это происходило не только под хорошим градусом (сорри, наклоном) и на весьма приличной высоте, но ещё и на рывинах и булыжниках, а не на гаревой дорожке?

Вот такие они, эти шотландцы!

Поэтому, когда я спустился почти до конца, на меня уже никакого впечатления не произвела группа ребят лет семнадцати, которые под крики тренера сбегали прямо с крутого склона вниз, делали круг по полю и снова взбегали по склону метров на десять, чтобы в который раз начать всё сначала. Парни держались, девушки стонали, а тренер, недовольный их проворством, в конце концов созвал всех в кучу и велел отжиматься.

Когда-то давным-давно, в середине 90-х, когда я впервые посетил с дружеским визитом Лондон, моё юношеское воображение навсегда покорили рукотворные поделки из серии *Lilliput Lane*. При желании вы можете набрать это название в Интернете и попасть на сайт фирмы, которая вот уже много лет создаёт замечательные по детализации и уютные по виду всевозможные домики, крепости, башенки, одним словом, всё, где можно жить, вплоть до лондонского Тауэра. Причём, глядя на эти миниатюры, жить в них действительно хочется и порой даже очень.

К чему это я? А к тому, что утренняя поездка через юг Шотландии и виды за окном навели меня на мысль, что авторы «Перелука лилипутов», живущие в Кумбрии, на западе Англии, граничащей с Шотландией, черпают вдохновение именно здесь.

Когда мои подрастающие сыновья впоследствии вносили по очереди лепту в разрушение купленной тогда хорошенькой двойной башенки, я и предположить не мог, что они превращают её примерно в то, что в этой части Шотландии считается культурным достоянием страны, а именно «великий квартет» аббатств, разрушенных в разное время в результате постоянных конфликтов с Англией. Называются они Джедбург, Мелроуз, Драйбург и Келсо. Они отстоят друг от друга на многие километры, так что Вари обещала показать нам те, что не сильно отклонят наш маршрут от следующей точки – вала Адриана.

Справа за окном горделиво проплыли Эйлдонские холмы. На самом деле холм один, но у него три вершины, из-за которых ещё римляне, квартировавшие в этих местах, называли его Тримонтиум. У подножья протекает река Твид, давшая имя моему любимому материалу. Который, увы, сегодня совершенно вышел из моды и его можно увидеть разве что в сериалах об Англии XIX века.

Эйлдонский холм не стоит путать с Элдонским холмом, который расположен в английском графстве Дербишир и не имеет такой богатой истории.

Прежде всего, считается, что Эйлдонский холм полый внутри. Об этом, в частности, повествует знаменитая здесь легенда о Томасе Рифмаче (*Thomas the Rhymer*).

Говорят, Томас Рифмач умудрился поцеловать королеву эльфов (кто-то настаивает, что он этим не ограничился), за что был унесён в её страну. По пути фея будто бы превратилась в старую каргу, но поблизости от замка, где жил её муж, снова стала красавицей. Томас попал на тусовку эльфов и ушёл с неё лишь тогда, когда ему позволила это сделать его новая подружка. Оказавшись снова в нашем измерении, он обнаружил, что прошло семь лет. На прощанье Томас попросил дать ему что-нибудь на память об этом приключении. Королева предложила на выбор: дар арфиста или пророка. Томас Рифмач предпочёл второе. Прожив среди смертных несколько лет и напроорочив много всего интересного, Томас вернулся в страну эльфов, где и пребывает до сих пор.

Свою лепту в образ Томаса Рифмача внёс и сэр Вальтер Скотт. Он рассказывает историю о том, как один местный коневод получил в оплату старинную монету. Покупатель, пожилой человек в старомодном одеянии, пригласил нового знакомого прогуляться с ним ночью до Эйлдонского холма, а под конец и вовсе завёл его внутрь. Там удивлённому торговцу предстал отряд вооружённых рыцарей, которые спали у ног своих лошадей. Среди них спал и их предводитель, король Артур собственной персоной. Потрясённому торговцу предложили на выбор рог и меч. Он так смутился, что выбрал рог и дунул. Рыцари стали просыпаться, а чей-то громовой голос сообщил, что он трус, раз не взял меч. Вихрь подхватил беднягу и выбросил наружу, где он и поведал о своих злоключениях какому-то пастуху, после чего, вероятно, умер. По версии Скотта старик в старомодном одеянии и был Томасом Рифмачом.

Самое интересное во всех этих легендах и сказах то, что Томас Рифмач – персона историческая. Он родился в XIII веке и считается автором многих пророческих стихов. Слава о его сверхъестественных способностях одно время даже превосходила славу волшебника Мерлина. Рифмачом его прозвали потому, что, как вы уже поняли, дар пророка сочетался в нём с даром поэта. Говорили, что он настолько правдив, что просто не умеет лгать, и за это ему дали второе прозвище – Настоящий Томас (*True Thomas*). В действительности же у Томаса была фамилия, причём весьма знакомая русскому уху. По-английски она записывалась как *Learmonth*, *Lear-*

mount или даже *Learmont*. Теперь вы знаете, кому мы обязаны нашим «пророком» – Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

Трёхглавый холм остался далеко позади, а мы приблизились к аббатству Мелроуз. В тот день вход на его территорию был почему-то закрыт, и все наши спутники стали по очереди взбираться на разные искусственные возвышенности, чтобы хоть как-то запечатлеть руины через высокий каменный забор. Кстати, когда я говорю «каменный», вы не должны представлять себе то, что можно встретить, например, в окрестностях Москвы, где нувориши мастерят неприступные замки, используя для возведения изгородей кирпичи. Английский каменный забор, действительно, сделан из камня, природного, неровного, со сколами и зазубринами, того самого, что лежит под ногами. Камням аббатства Мелроуз без малого девять сотен лет. Удивительно, как защитным укреплениям удастся пережить то, что они защищают!

Интуиция повлекла нас дальше вдоль забора. Автобус остался на узенькой парковке рядом со зданием кассы и сувенирного киоска. Вокруг была маленькая спящая деревенька, явно не догадывавшаяся о нашем раннем присутствии, и потому со стороны мы, вероятно, напоминали жестоких посланцев Генриха VIII, проводившего по отношению к Шотландии политику «грубого ухода». Напомню, что вызвана она была тем, что шотландцы отказались ратифицировать брачный договор его сына с инфантой Марией, их королевой. Идеальный газон лужайки, окружавшей чистенькие руины центрального собора, свидетельствовал о том, что современным шотландцам аббатство нравится именно в таком виде, в каком оно есть, и о том, чтобы как-нибудь его, не дай бог, реставрировать и речи идти не может. Собственно, реставрировать тут почти нечего. Если только не российскими методами – в торговый или офисный центр. От аббатства, кроме некоторых внешних стен собора, остались каменные фундаменты монастырских построек да домик бывшей кухни. Всё это мы хорошо смогли рассмотреть, обойдя почти весь забор и найдя-таки место, где можно было возвыситься над ним на полтуловища.

Построенное ещё в 1136 году Давидом I, аббатство дожило до 1609 года. Последним аббатом в нём, говорят, был Джеймс Стюарт, незаконный сын Джеймса V, умерший в 1559 году. Последний монах упокоился здесь в 1590 году. А последний удар по аббатству

нанесли пушки Оливера Кромвеля. Если присмотреться, в некоторых местах можно заметить на стенах следы ядер.



Надгробные камни стоят во всю ширь лужайки, старые, побитые временем и перекошенные.

В 1996 году в ходе археологических раскопок на территории аббатства был найден свинцовый сосуд цилиндрической формы. Медная табличка на нём гласила: «Данная свинцовая шкатулка, в которой хранится сердце, обнаружена под зданием капитула в марте 1921 года Управлением общественных работ Его Величества». Вскрывать сосуд не стали. Но поскольку история сохранила упоминание лишь об одном забальзамированном сердце, похороненном здесь, было признано, что оно принадлежит легендарному Роберту Брюсу. На круглом надгробии, где оно теперь снова зарыто, написано: *A noble hart may have nane ease*, что в переводе с шотландского английского должно, вероятно, звучать как *A noble heart may have none ease*, то есть «Благородное сердце не может успокаиваться».

Следующей точкой на нашем маршруте было аббатство Джедбург. Фактически оно стало не точкой, а запятой. Вероятно, сказалось утомление от десятого дня поездки. На моих спутников накатилась лень, многие уже не расставались с носовыми платками, так что когда Кёрсти свернула с главного шоссе и вырулила на берег

речушки, на противоположной стороне которой, на холме, громоздилось подобие каменного остова корабля или обглоданного пираньями кита, из автобуса поснимать этот симпатичный вид вышел я один.



Построил аббатство всё тот же товарищ Давид. И судьба ему была уготована та же, что и Мелроузу. Правда, церковь прослужила вплоть до 1871 года, когда дальнейшее её использование было сочтено небезопасным.

До границы с Англией отсюда оставалось 10 миль. По пути к ней Вари указала нам на сомнительное дерево у дороги и сообщила, что оно считается самым древним в Британии. На вид дерево было разломившимся пополам дубом и никакого особого впечатления не производило. Думаю, подобные ему старожилы из мира флоры есть в каждой стране. Так на канарском острове Тенерифе вам обязательно покажут знаменитое Драконовое дерево (или Драго), которое, по словам нашей гидши в 2011 году, было чуть ли не самым древним в мире при возрасте в 900 лет. Если вы покопаетесь в Интернете сегодня, то узнаете, что мнение о тысячелетнем возрасте Драго признано ошибочным и что на самом деле ему не то 600, не то 250 лет. Мнение?! Хотя, конечно, мы с вами всё никак не привыкнем, что вся история, какой мы её знаем, это не факты, а чьё-то мнение. Что же касается обитателей Канарских островов, которые

успели сделать Драго чуть ли не своим национальным символом, то они придумали новую версию, мол, сильный шторм 1868 года уничтожил другое великое Драконово дерево. Оно имело 20 метров в высоту и прожило на тот момент... 6000 лет. Ну, как говорится, к этому уже никак не придаться!

Кстати, о деревьях. Граница между Англией и Шотландией, как вы понимаете, условна, однако в том месте, где мы её пересекали сегодня, она отмечена двумя вещами. Во-первых, здоровенным булыжником в два человеческих роста вышиной, на котором белой краской с одной стороны написано *Scotland*, а с другой, соответственно, *England*. Во-вторых, открывающимися вокруг просторами долин, поросших сосновыми лесами. Так вот, эти леса нещадно рубаются, отчего производят впечатление недостриженной овцы.

Судя по ровным рядам терпеливо стоящих сосен, их здесь и сажали на убой, на лесозаготовки. Склоны холмов, устланные коричневыми стволами, смотрятся почти сюрреалистично.



Заунывное прощание с Шотландией.

Возле камня бродил кругами облачённый во все возможные тартаны волынщик. Заметив долгожданный интерес публики (то есть нас, спешившихся, чтобы напоследок размять ноги), он заиграл что-то пронзительное и заунывное, а мы стали по очереди рядом с ним фотографироваться.

Не скажу, что прощание с Шотландией получилось скомканным, но из-за «шотландского стола» лично я вставал по-английски – с лёгким чувством голода.

Взглянуть на остатки стены (или вала, хотя “*wall*” это, конечно же, «стена») мы заехали в крохотную деревеньку Хэддон. Собственно полное её название, если вы захотите отыскать её на карте – *Heddon-on-the-Wall*, то есть, как раз «Хэддон на стене». Топоним “*Heddon*” означает «холм, где рос вереск».

Печально прославилась деревенька тем, что в феврале 2001 года именно в ней впервые, якобы, обнаружили ящур, который у нас, если я ничего не путаю, больше известен как какое-то «коровье бешенство». Пришлось с тех пор местным жителям перебиваться ловлей лосося в реке Тайн (моё любимое название для реки, тем более что это не перевод: она так и пишется по-английски – *Tyne*), добыванием угля, песчаника и известняка да обжигом кирпича.

Остановился наш автобус перед таверной «Лебедь» (*the Swan Inn*). Через весь фриз тянулась рифмованная надпись:

The swan doth like the water clear, so do men good ale and beer

В переводе со слегка устаревшего английского это означает:

Как лебедь любит воду чистую, так люди любят эль и пиво

Каюсь, лебедя я разыгрывать не стал и внутрь не пошёл. Меня интересовало другое, то, ради чего мы сюда приехали. Не скажу, что я ожидал увидеть подобие Китайской стенки, однако отсутствие видимых следов кладки меня сразу несколько смутило. Всюду были домики, кусты и узенькое шоссе. Вари указала нам путь и ушла в «Лебедь».

Пройдя вдоль современного забора (каменного, разумеется), мы обнаружили подобие калитки и почти незаметный указатель. Стена была где-то рядом. За калиткой обнаружился информацион-

ный стенд, на котором рассказывалось буквально следующее (цитирую по фильму):

«Адрианова стена была выстроена по приказу императора Адриана вскоре после его прибытия в Британию 122 году н.э. Она задумывалась как непрерывная стена с укреплением через каждую римскую милю (1,48 км) и двумя башнями на равном друг от друга расстоянии между укреплениями. Стена с её оборонительными рвами и большими фортами, протянулась от побережья до побережья, на 80 римских миль (120 км или 75 миль). Она представляла собой самое северное пограничье Римской империи».

С замиранием сердца обойдя последние кусты, я вышел на поле и первым делом увидел пасущихся неподалёку коров. Затем деревянные колышки изгороди. И только потом низенькую желтоватую кладку метров трёх шириной, не более полуметровой высоты и длины метров в сто с небольшим. Всё. Не знал бы, что это «та самая стена», прошёл бы мимо, не заметив. А так потоптал её минуты три, посидел, сфотографировался на фоне коров и повёл Алину обратно, к автобусу.



Всё, что осталось от былой римской мощи.

Разумеется, это был не единственный остаток стены в Англии. Есть и выше. Просто нам, я считаю, не слишком повезло, хотя по непрерывной протяжённости эта часть «стены» считается самой длинной из всех сохранившихся. Размеры оригинальной стены, говорят, варьировались в зависимости от того материала, из которого её строили. Каменная кладка обычно имела три метра в ширину и до шести метров в высоту. Местами в дело шёл торф (sic!), и тогда ширина доходила до шести метров, а вот высота опускалась до трёх с половиной.

В разное время стену приписывали разным строителям. На первых картах Джона Спида она описывается как «Стена пиктов». Другой картограф XVII века, Уильям Метью, следуя изысканиям древнего английского монаха и историка Беды (*Bede*), назвал её же «Стеной Севера» – не в честь северного её расположения относительно Лондона, а в честь Севера Септима, римского императора, жившего почти на сто лет позже Адриана.

Цель постройки стены тоже вызывает споры. Если вы посмотрите псевдо-исторические художественные фильмы, из них вы узнаете, что бедные, оторванные от родины римские легионы коротали на ней время, прячась от дикарей с севера, то есть шотландцев. И если кто из них отваживался перейти через стену и зайти чуть вглубь тамошних земель, его считали чуть ли не смельчаком. В менее пугающих справочниках вы также можете вычитать, что римский император, кто бы им ни был, подобно императору китайскому, хотел этой циклопической постройкой доказать величие своей империи. Вполне возможно, хотя и неразумно – уж лучше строить ввысь, чем вширь. Самым подходящим, на мой взгляд, объяснением является наиболее меркантильное. Никаких страхов перед жителями севера римляне не испытывали, те ходили туда-сюда на правах добрых соседей, но вот чтобы получать с этого хоть какую-то выгоду, император и велел возвести преграду «свободной торговли»: входя на территорию римской провинции Британия, торговцы «извне» должны были платить таможенный налог. Иначе с какого перепугу строить такое количество пропускных пунктов, если задача обратная – не пущать?

Кроме стены и «Лебеда» в Хэддоне имеется симпатичная церквушка св. Андрея. Стоило нам с Алиной зайти в ожидании отъезда в её зелёный дворик, как к нам с улыбкой вышел местный настоятель в полном смысле слова: он действительно пригласил нас войти.

Рассказал, что церковь эту строили ещё саксы в начале VII века. Показал каменный крест, оставшийся с той поры и на всякий случай теперь вмурованный во внутреннюю стену предела. Узнав, что мы из России, попросил расписаться в книге для гостей. Радостно воркуя, вывел на улицу и повёл в обход, на кладбище. По пути показал ту внешнюю часть стены, которая тоже существует вот уже почти 1400 лет. На кладбище самым примечательным наш импровизированный гид считал могилы австралийских лётчиков, которые сражались с немецкими бомбардировщиками в годы второй мировой и были сбиты в здешнем небе.



Вы можете спросить, причём тут австралийцы. Как при чём?! Мы ведь в самом начале говорили о том, что английский монарх монаршит не только над Великобританией. Если англичан посылают куда-нибудь воевать, это автоматически означает, что туда же бросают ни в чём не повинных канадцев, новозеландцев, австралийцев и всех тех, кто входит в так называемое Британское содружество наций (*the Commonwealth*), то есть бывших английских колоний, а теперь «как бы независимых» государств.

Посещение церкви и бескорыстное гостеприимство настоятеля подняли моё слегка удручённое стеной Адриана настроение. Вероятно, правы те, кто утверждает, будто на месте церкви, на том же холме исстари находилось языческое капище. Как бы то ни было, а

в отличие от атмосферы многих обычных церквей, ощущения там самые что ни на есть благодатные. И никакого вам ящура.

Глава 33 – Йорк

Если вы мечтаете о том, чтобы жить за городом и при этом оставаться горожанином, ваше место – в Йорке. Во всяком случае, так до сих пор кажется мне после того, как мы разместились тем вечером в гостинице *Hilton Inn* в нескольких километрах от центра, но при этом вокруг росли леса, по обе стороны совсем неживлённого шоссе стояли с распахнутыми калитками или вообще лишённые заборов дорогие уютные домики, птицы пели, а непуганные кролики бегали прямо по лужайке перед окнами нашего номера.

Оказавшись в такой идиллии, мы решили на время расстаться с остальной группой и провести вечер по собственному усмотрению, умиротворённо и созерцательно. Я не упомянул раньше, но дело в том, что, кроме обычного маршрута, прописанного в программе, почти в каждом городе Вари предлагала дополнительные развлечения. За дополнительную же, разумеется, плату. Как правило, то это была прогулка в лошадиной упряжке (и с лошадиными запахами) вокруг Голуэя, то ужин в ресторане с национальной ирландской музыкой, то просто какой-нибудь национальный концерт с танцами и выпивкой, а поскольку Йорк славится своими привидениями (скажу по секрету, как и все прочие города на нашем пути), то в первый же вечер большая часть нашей группы отправилась на их ловлю в специально организованный поход.

Мы же, оставив вещи в номере, переоделись в купленные по дороге сюда шотландские обновки (я, например, чудом усмотрел толстую рубашку-куртку, зелёную, в клетку, на хорошей подкладке и удобную в любой промежуточный сезон) и направились напрямик в замеченный неподалёку от гостиницы ресторан *Fox & Roman* («Лиса и римлянин»). Такое своеобразное название объясняется тем, что раньше в этом черно-белом здании (помните чёрно-белые дома в старой части Честера?) находился постоялый двор «Лисица» со стойлами для лошадей, участвовавшими в бегах на соседнем ипподроме, а в 1833 году при раскопках в этом месте была найдена могила какого-то римлянина. Где-то в зале эти артефакты выставлены на всеобщее обозрение, но мы их не заметили. Вероятно, потому, что залов на самом деле несколько. Нас проводили в дальний,

потому что, как в любом заслуживающем внимание заведении большинство столиков было занято, причём явно местной публикой, что ещё сильнее уверило нас в правильности выбора. Деревянные потолочные балки, деревянные столы, деревянные потрескавшиеся рамы настенных картин, в которых под стекло помещены засушенные листья, мелом написанные на грифельных досках предложения по меню, официант в очках, производящий впечатление компьютерного программера, но приветливый и расторопный, холодный сидр в пузатом бокале, кирпичная пасть камина, несмолкаемый гул голосов насыщающихся пищей и общением посетителей – всё это настраивало на умиротворённый лад и лишний раз говорило: ребята, вы не зря сюда приехали.

Ради разнообразия я попробовал, что скрывается под названием *Fish Pie*, то есть рыбный пирог. Подаётся в квадратной фарфоровой мисочке, как какая-нибудь лазанья, однако никакого теста в нём нет, а есть разные сорта варёной рыбы, картошка, что-то ещё, потом ещё что-то, а сверху всё это счастье залито расплавленным сыром.

Кстати, вы знаете, почему предложение типа «Сыр сделан из молока» переводится на английский как *Cheese is made from milk*, а «Стол сделан из дерева» – *The table is made of wood*? Я имею в виду употребление предлогов в сочетаниях “*made from*” и “*made of*”. Никогда не задумывались? Потому что стол состоит из дерева, и если мы его, скажем, разломаем, то он снова превратится в древесину, а не что-нибудь ещё. То есть предлог “*of*” используется, когда материал остается в своём первоизданном виде. А из сыра уже молоко не сделаешь. Поэтому используется предлог “*from*”. Ещё более наглядный пример с деревом: *Paper is made from wood* (Бумага делается из дерева). В бумаге мы дерева как такового не видим, поэтому ставим “*from*”. Ну, это так, вырвалось при взгляде на аппетитную сырную корочку...

После ужина⁵⁸, прошедшего в тёплой и дружественной обстановке, мы, не заходя в гостиницу, отправились гулять по той единственной улице-шоссе, по которой сюда приехали. Как я уже упомянул, вдоль неё на комфортном расстоянии друг от друга стоят частные домики. Все совершенно разные с виду и совершенно схожие по аккуратности, скромности и уюту. Насколько я мог судить

⁵⁸ Для особенно любопытных готов уточнить, что ужин на двоих с хорошими порциями горячего, холодным сидром и горячим чаем обошёлся во вполне божеские 30 фунтов.

по тому опыту оценщика, который приобрёл, когда по вечерам смотрел замечательную английскую передачу, в которой той или иной супружеской паре авторы предлагали на выбор три возможных варианта жилища в рамках их семейного бюджета, каждый из здешних домиков легко тянул на 400-500 тысяч английских фунтов. Некоторые, судя по найденным потом в гостинице риелторским каталогам, могли доходить до полутора миллионов. При этом, как мы вскользь заметили раньше, а теперь могли убедиться воочию, окружавшие их заборчики, точнее, изгороди, были более чем условным препятствием, а многие калитки вообще стояли распахнутыми. Раньше, в начале 90-х вся Европа была такая: открытая, доступная и не опасаясь злых людей. Боюсь, что если все эти рукотворные кризисы не доведут её до упадка и тем самым не притормозят наплыва иммиграции, очень скоро она будет выглядеть как дома честных граждан в той же ЮАР: за пятиметровыми (минимум) стенами с колючей проволокой.

Попавшийся по дороге железный вестовой столбик подтвердил правильность моей догадки: судя по нему, до центра Йорка отсюда было всего полторы мили.

Чуть дальше мы обнаружили потрепанный временем камушек, по форме напоминавший восходящие в никуда три ступеньки. Табличка рядом подсказывала, что он отмечает прежние пределы города. Судя по всему, камушку было лет триста.

На обратном пути, когда уже стало почти темно, многие окна в домах зажглись, и стала видна внутренняя жизнь под высоченными потолками и с минимальной мебелировкой. В Англии, как и в Дании, особенно сельской, похоже, считается плохим тоном зашториваться от взглядов соседей и прохожих. В одном из домиков обнаружился ещё один ресторан, где можно было сидеть прямо перед окном до пола. Столик был занят, да и нам туда уже и не хотелось.

Напоследок мы свернули на пустынную площадку, в маленький парчок, где напугали одиноко резвившуюся собаченцию и познакомились с её немногословным хозяином.

А теперь самое время поговорить о том, где же мы оказались.

О том, какому городу Йорк подарил своё название, мы с вами прекрасно знаем, но вот откуда появился сам Йорк? Считается, что частично мы обязаны этим всё тем же римлянам и их латинизированному «Эборакуму», которое могло записываться и как «Эбуракум», и как «Эбураки». Так оно звучало в первом веке нашей эры,

которым датирована деревянная дощечка, найденная в римской крепости Виндоланда. Кто здесь жил до римлян, доподлинно неизвестно, но предполагают, что кельты, говорившие на языке, схожем с нынешним валлийским. Поэтому Эборакум этимологизируют от бретонского слова «Эборакон», которое в свою очередь распалось на корень «эбурос» (дерево тис) и суффикс «ако(н)» – «место». В VII веке англй переименовали Эборакум в Эофорвик, в котором «вик» означало «деревню». Когда в 866 году Эофорвик заняли датчане, они переделали его в более удобный для себя Йорвик. В XIV веке его писали как *Yerk*, двести лет спустя – *Yourke*, а ещё через сто – *Yarke*. Как вы понимаете, никаких чётких правил правописания тогда в зарождавшейся английской грамматике не существовало, поэтому записывали так, как слышали. Кстати, первая запись в виде *York* была сделана ещё в XIII веке. Старый корень «Эбор» жив и поныне. В частности им подписывается как своей фамилией сам архиепископ Йоркский.

Официально первое поселение в виде деревянной крепости римлян возникло здесь в 71 году н.э. Позже крепость сделали каменной, и она, говорят, занимала площадь в 20 гектар и вмещала 6 000 солдат Девятого легиона. Её фундамент был найден на территории Йоркского собора. В Йорке жили все те императоры, которые принимали участие в возведении Стены, включая Константина. Именно Север назвал Йорк столицей провинции Британия и даровал ему привилегии «колонии», то есть по сути «сити». Константин вообще умудрился в Йорке умереть (306 год н.э.), а его сын, Константин Константинович Великий был объявлен здесь новым императором.

Реки Фосс и Уз, при слиянии которых и была заложена крепость, имели неприятное свойство время от времени разливаться. Так что в V веке римлян отсюда буквально смыло, а на смену им пришли англй. Но только через двести лет король Эдвин из Нортумбрии велел расчистить завалы и сделал Йорк своим главным городом. Следуя новомодному тогда поветрию – христианству, – Эдвин решил креститься и велел для этой цели построить в городе первую деревянную церковь. Позже он распорядился перестроить её в каменную, но умер в 633 году, и высочайшее поручение было выполнено уже при Освальде, его преемнике. Ещё через двести пятьдесят лет Нортумбрия пала под ударами викингов, которые превратили Йорк в порт и центр североευропейской торговли. Од-

нако меньше чем через сто лет последний правитель независимого Йорвика, Эрик Кровавый Топор, покинул город под напором короля Эдреда, решившего объединить Англию.

Когда Англию в 1066 году завоевали норманны, жители Йорка устроили восстание. Поначалу им даже сопутствовала удача, однако в город приехал сам Вильгельм Завоеватель, недовольных перебил, и распорядился построить две деревянные крепости на насыпных холмах на обоих берегах Уз. Холмы эти можно видеть до сих пор.

Поскольку во время восстания старая каменная церковь пострадала, норманны решили для приличия возвести в другом месте новую. Архиепископ Томас взялся за дело в 1080 году. Частично его труды воплотились в том, что сегодня предстаёт перед нами в облике Йоркского собора, самого большого готического сооружения в Северной Европе.

Благодаря удачному расположению Йорк постепенно начал прирастать торговлей. В 1212 году король Джон даровал городу статус сити. Затем, как вы легко можете себе представить, началась череда взлётов и падений, когда власть в городе становилась то купеческой, то военной, то церковной, городские стены сдерживали осады парламентаристов XVI века, росла торговая конкуренция со стороны соседнего Лидса, в которой Йорку помог Джордж Хадсон, точнее, его железная дорога, одним словом, в 2007 году Йорк по праву был назван Европейским Туристическим городом года, победив шведский Готенбург и испанскую Валенсию.

Наш осмотр начался на следующее утро с прогулки вокруг центра по средневековой стене, которая считается наиболее хорошо сохранившейся в Англии. Считается, что в ней сохранены участки римской стены, норманнских укреплений и средневековых участков. Идти по стене можно порядка четырёх километров. С северной стороны стена прерывается Прудом для королевской рыбалки. Пруд этот образовался ещё при норманнах благодаря разливу реки Фосс и превращению рва в заводь. Подниматься на стену и потом спускаться вам приходится по надвратным башням, которых в общей сложности насчитывается шесть. Здесь они называются «барамми», что производит не менее странное ощущение, чем название Тэмпл-бар. Так мы, к примеру, взошли на стену через башню, название которой можно перевести как «бар монаха» (*Monk Bar*), что, согласитесь, для русского уха звучит несколько странно. На самом

деле «бар» – это всего лишь составная часть слова «барьер», будь то между посетителями и выпивкой или адвокатами (барристами) и судом. Кстати, с собаками на стены не пускают. Монк-бар считается самыми красивыми из сохранившихся ворот. Подъёмная решётка до сих пор действует. В средние века надвратные помещения сдавались внаём, а в XVI веке служили тюрьмой. Почти незаметными с земли остаются декоративные ратники на самом верху, держащие камни, которые они готовы скинуть на головы нападающих.



Вид с городской стены на собор и старый Йорк.

Во время прогулки от «бара монаха» до Бутам-бара вы имеете прекрасную возможность пофотографировать внутренние садики старинных домов из красного кирпича, а постоянным фоном на ваших снимках будет оставаться трёхбашенное туловище Йоркского собора, который здесь называется просто Минстер. По церковной значимости он считается вторым в Великобритании. Западный фасад собора навевает воспоминания о парижском Нотр-Даме.

Вообще, иметь в городе собор такого масштаба, оказывается, довольно выгодно всем. Он не только привлекает туристов, подтверждая ценность визита, но и позволяет нажиться строительным кампаниям и связанным с ними организациям. Судите сами. В 1967 году власти провели исследование и выяснили, что центральная

башня собора вот-вот должна рухнуть. Чтобы её укрепить, потратили пять лет и 2 000 000 фунтов. В 1984 году с южной стороны собора сгорела крыша. Говорят, в результате попадания молнии. Как бы то ни было, на восстановление удалось за четыре года потратить 2 500 000 фунтов. А в 2007 году уже никаких обрушений и пожаров придумывать не стали и просто начали реставрационные работы. Через пять лет они ещё были в полном разгаре и, думаю, закончатся не скоро. Примерная смета на сегодняшний день составляет 23 000 000 фунтов. Всё это можно узнать на официальном сайте Йоркского собора, однако никому, кроме заказчиков и исполнителей, похоже, дела до этого нет.

Особенно знаменит собор своими средневековыми витражами, которых здесь больше, чем где бы то ни было в Британии, а некоторые из них датируются XII веком. Напомню, что для создания витража стекло окрашивалось ещё в процессе своего изготовления с помощью окисей разных металлов. Потом над ним работали художники и уже по готовому рисунку стекло разрезалось. Более мелкие детали рисовались краской опять-таки на основе окисей железа. После обжига краска плотно приваривалась к стеклу. Части витража соединялись между собой свинцовыми перемычками. Думаю, это было самой трудной частью работы, поскольку нужно было с одной стороны сохранить пропорции узора, а с другой, сделать многометровое полотно устойчивым к порывам ветра и прочим природным катаклизмам. Если некоторые витражи простояли здесь по 800 лет, можно смело сделать вывод, что в те времена строители думали не о барышах, которые можно получить при «гарантийном обслуживании», а о таком непопулярном нынче понятии, как совесть.

Отличительной особенностью старого Йорка являются его узенькие переулки. Сегодня они даже получили собственное название – *Snickelways*. Придумал его в 1983 году местный писатель Марк Джонс, написавший своеобразный путеводитель, ставший бестселлером и выдержавший десять переизданий. Он так и назывался «Прогулка по сникелвеям Йорка». Сам автор объяснил его как соединение слов “*snicket*” (проулок между стенами или заборами), “*ginnet*” (узкий проход между домами) и “*alleyway*” (узкий переулок). Самым коротким сникелвеем считается *Hole-in-the-Wall* (буквально: Дырка в Стене), проделанный прямо в стене бара (пив-

ного на сей раз). Самый длинный – *Coffe Yard* (Кофейный дворик) – имеет в длину порядка 67 метров.

Что касается Йоркских улочек и улиц, то вам обязательно нужно запомнить ещё два названия. Одно из них запоминается само собой – Уип-Ма-Уоп-Ма-Гейт (*Whip-Ma-Whop-Ma-Gate*). Это именно улица, а не проулок, и при этом самая короткая в городе. На специальной табличке вы можете прочитать, что в основу названия была положена саксонская фраза “*Whitnourwhatnourgate*”, которую современные англичане понимают как “*What a street!*” (Что за улица!). Другие источники трактуют перевод как «Ни то, ни сё». Народная этимология связывает название с находившимся здесь когда-то местом для публичной порки, а кнут, как известно, и есть “*whip*”.

Вторая примечательная улочка называется проще – Шамблс, или Шамблз, или даже Шамблес (*Shambles*). Если вы когда-нибудь захотите перевести толстовскую «Анну Каренину» на английский, то открывающую роман крылатую фразу «Всё смешалось в доме Облонских» можете выразить примерно так: “*The Oblonskys’ house was a total shambles*”. Наричательным название этой симпатичной улочки с нависающими над ней средневековыми фахверковыми домами стало потому, что “*shambles*” – это вообще-то «скотобойня». Не так давно здесь были лавки мясников. Железные крюки, на которые подвешивались туши, по-прежнему угрожающе чернеют над вашими головами. Поскольку с гигиеной Европа подружилась относительно поздно (а краны-смесители, как мы видели, Англия только-только осваивает), все потроха мясники выбрасывали в жёлоб, до сих пор прорезающий центр улицы. Отсюда и синоним хаоса и бедлама.

Свободное после короткой экскурсии время мы с Алиной посвятили бесцельной прогулке по Йорку с посещением открытого рынка на рыночной площади, где немногочисленные жители затаривались съестным, и всех попадающихся по пути магазинчиков, в которых так ничего заслуживающего покупки не обнаружили.

Уже хотелось ехать дальше: через Ковентри в Уорвик, оттуда – на родину «Шекспира» на Эйвоне, потом на могилу Черчилля в Блейдон, затем в Оксфорд и, наконец, обратно – в Лондон. До возвращения домой, в Москву, оставалось два долгих дня.

Глава 34 – Грустный Ковентри – Замок Уорик

Наверняка среди ваших знакомых есть люди, которым не везёт по жизни. Стоит им встать зимой на лыжи, начинается дождь. Стоит купить машину – либо объявляется дефолт, и машина стоит треть прежней стоимости, либо происходит глупая авария, и машину можно выбрасывать. За что бы они ни брались, всё валится из рук. Если же во избежание проблем они остаются дома, под ними ломается кровать или дом остаётся без электричества.

К таким же неудачникам можно отнести и английский город Ковентри. На заре прошлого века он решил, что может стать крупнейшим производителем моторов в Британии. И стал. Сначала на базе велосипедного завода «Ровер» открылось моторное предприятие, а затем и весь город начал перестраиваться под нужды вынужденной приходить в боеготовность английской армии. К 40-му году производство техники для войны достигло здесь такого размаха, что немецкая авиация 14 ноября устроила так называемый «Ковентри блиц» и сровняла с землёй три четверти заводских мощностей, не считая 4 000 жилых домов. В итоге Ковентри пострадал во вторую мировую больше, чем любой другой британский город. Поэтому сегодня, увы, ни исторического центра, ни истории как таковой вы в нём не увидите. Марка «Ровер», кстати, дожила до 2005 года. Другой известный брэнд – «Ягуар» – собирается там же, на заводе «Уайтли», правда, как вы, вероятно, знаете, теперь им владеют индусы из компании «Тата Моторс».

Любителям всего «самого-самого» замечу, что Ковентри, находясь почти посередине Британского острова, расположен от береговой линии дальше любого города (*city*) в Великобритании.

Так же Ковентри первым в мире стал городом-побратимым. Во время всё той же второй мировой ему в пару был выбран Сталинград, нынешний Волгоград. Сегодня он «брат» уже 23 городов, включая Дрезден, судьба которого была не менее удручающая.

Наверняка вы также слышали легенду XI века о некоей леди Годиве, которая голышом проехала на лошади по городу в знак протеста против повышения налогов, о котором распорядился её благоверный Леофрик. Почему семейную ссору необходимо было выставлять на всеобщее обозрение, непонятно, однако рассержен-

ный Леофрик поскромничал и запретил горожанам смотреть на свою настырную жёнушку. Один ослушался и в результате ослеп. Звали любопытного паренька Томом. С тех пор в английском языке живёт идиома – *Peeping Tom* (Подглядывающий Том, нечто вроде нашей Любопытной Варвары). Для тех, кто опоздал родиться 900 лет назад, на улице Бродгейт в 1949 году установили бронзовую леди Годиву на лошади. На зрении коventрян это, похоже, никак не сказалось.

Как вы помните по началу нашего путешествия, когда мы рассуждали насчёт лондонских такси, они по-прежнему производятся именно в Ковентри. Кроме них и «Ягуара», здесь также частично собирается «Пежо».

Наконец, в честь Ковентри была названа малая планета № 3009, обнаруженная советским астрономом Н.С. Черныхом в 1973 году.

Собственно, как оказалось, в город мы приехали лишь затем, чтобы пообедать. И повели нас за этим не куда-нибудь, а опять... в собор. Не пугайтесь. Столовая совершенно светская, хотя и чуток попроще, нежели в том же Солсбери. Все, кто стояли с нами в довольно длинной очереди, хотели отведать для разнообразия здоровенную картофелину в фольге, но она как раз перед нами закончилась. Пришлось спасаться привычным супом.

Фактически собора в Ковентри два, точнее, полтора. Тот, в котором мы столовались, жуткий и современный, построенный в середине прошлого века шотландцем Бэзилем Спенсом. Как водится, позднее его за эту работу произвели в рыцари. Хотя я бы на месте комиссии, отобравшей его проект, взял бы любой другой из двухсот присланных на конкурс и получил бы в итоге наверняка нечто более приличное. Представьте себе прямоугольную гармошку из рыжего кирпича с маленькими застекленными окошками, как пчелиные соты. Очень похоже на тюрьму или какой-нибудь подмосковный крематорий.

При входе, на стене, подёрнутая зелёной патиной фигура связанного голого мужчины, по которому очень удобно изучать внешние половые признаки (кстати, это дьявол с вырубленными глазами и коровьими рожками), а над ним – расправившая крылья железная муха, точнее, бэтман с копьём, а ещё точнее – зачем-то обмотанный бинтами св. Михаил, именем которого оба собора и называются. Автор сего чуда – некто Яков Эпштейн, тоже, кстати, сэр.



Былое величие Ковентри (который в средние века был одним из самых крупных и важных городов Англии) сегодня можно лишь при хорошем воображении представить себе, глядя на руины исконного собора св. Михаила, стоявшего здесь с конца XV века. Когда-то его шпиль уходил в высоту на 90 метров и считался третьим в Империи, уступая по этому параметру лишь соборам в Солсбери и Норвиче. Внутри руин можно войти, походить, по-вздыхать и даже попробовать разобрать сделанную сразу после бомбёжки дрожащей рукой настоятеля Ховарда надпись: “*Father Forgive*” (Отче, прости). Ве-

роятно, божий человек просил прощение и за все последующие издевательства над собором.

Чтобы развеять грустные мысли о зыбкости не только будущего, но и прошлого, и дать нам окунуться в мир настоящей средневековой Англии, Кёрсти взяла курс на Уорвик. Который, хотя он и пишется *Warwick*, на самом деле правильно называть Уорик. Таков, увы, английский язык. Простой в грамматике, он крайне сложен в чтении. Своим ученикам я на первом же занятии даю установку, что английский язык – это сплошная китайщина, потому что английские слова за очень небольшим исключением нельзя прочитать. Их можно только узнавать и озвучивать, как иероглифы. Ну, скажите на милость, почему какая-нибудь простенькая фраза типа «Поставь чашку» пишется “*Put the cup*”, а читается не «пат зе кап» и не «пут зе куп», а вовсе даже «пут зе кап»? Или почему глагол прошедшего времени “*gave*” (дал) читается по правилам – «гейв», а в форме настоящего времени “*give*” (даю) читается не «гайв», как следовало бы, а “гив”? И такие зловердные нестыковки попадают через слово. Как английский язык дошёл до жизни такой – тема отдельной книги, а нам же приходится лишь мириться с действительностью, почаще заглядывать в словарь и зубрить.

В Уорик туристы едут главным образом за тем, чтобы посетить тамошний замок. Начавший строиться, как говорят, ещё при Вильгельме Завоевателе в 1064 году⁵⁹, он через 910 лет был выкуплен у владельцев, семейства Гревилл, компанией «Тюссо Груп» и превращён в выставку средневековой жизни.



Замок Уорик. Кажется тихим и безлюдным, но лишь на первый взгляд.

Омывает замок река Эйвон, та самая, на которой стоит ожидавший нас завтра Стратфорд. Кстати, чтобы вы знали, “*avon*” произошло от “*abona*”, что на языке древних бретонцев означало просто «река». На современном валлийском она по-прежнему такой и остаётся, только пишется как “*afon*”.

Пройдя мимо стенда, ошетилившегося турнирными копьями, украшенного знамёнами и издающего звуки старинной музыки, и предъявив билет, вы огибаете кусты и выходите на уютную равнину, посреди которой, на зелёном холме стоит как будто не тронутый временем серо-жёлтый замок.

Через неглубокий ров внутрь ведёт каменный мост, который в былые дни должен был бы быть на всякий случай подъёмным, а по эту сторону рва раскинулся лагерь сине-белый шатёр, в котором

⁵⁹ Что, согласитесь, звучит несколько странно, ибо старина Вильгельм высадился в Англии лишь через два года после этого.

живёт, точнее, получает зарплату, облачённый в средневековый наряд не то кузнец, не то плотник.

Приближаясь к мосту, вы проходите мимо двух деревянных колодок, в которые удобно вставлять шею и руки. На одних написано “*Drunkard*” (пьяница), на других – “*Village Idiot*”, что понятно и без перевода. Предназначено явно для самокритичных туристов, которые любят фотографироваться где попало.

Надвратная башня построена по всем правилам военного времени. Она состоит из двух железных ворот-решёток с острыми зубьями. Если внешние вам удавалось проломить, то пока вы и ваши люди долбили в следующие, стоя в узком проходе, сверху на вас со всех сторон лили всякую горячую гадость, стреляли из луков и арбалетов и быстро убеждали в том, что вторгаться сюда – не лучшая затея.

Судя по полученной при входе программке, ребята из конторы мадам Тюссо взялись за дело активно. Весь год расписан мероприятиями, начиная от соколиной охоты и рыцарских турниров и заканчивая попытками взять замок штурмом или знакомством с местными духами. Одна из башен так и называется Башней Призрака, в которой по легенде бродит дух убитого слугой в 1628 году сэра Фулка Гревилла. В программу также входят «Шоу катапульты» и «Меч в камне».

Внутри замка вашим вниманием сразу же завладевает холм с живописными развалинами маленькой крепости. Холм этот назван в честь Этельфледы, дочери знаменитого короля Альфреда Великого, которая ещё в 914 году н.э. выступила с инициативой постройки здесь укреплённого «бурга», надеясь таким образом отбиться от мародерствующих датчан. Пришедший ей на смену норманнский Вильгельм лишь развил её здравую мысль. Он отстроил замок во всей его красе и передал под начало Генриха де Бомонта, ставшего 1-м эрлом Уорикским. Жена 2-го эрла, Роджера де Бомонт, решив, будто её супруг умер, отдала замок наступающей армии Генриха Анжуйского, впоследствии короля Генриха II. Именно от этой вести бывший до того в полном здравии Роджер умер на самом деле. Позднее король Генрих вернул замок эрлам Уорикским за то, что в трудный час те поддержали его мать, императрицу Матильду.

Если суммировать бурную историю Уорика, то за 950 лет он побывал во владении у 36 различных хозяев, кроме того четырежды находился в королевской собственности у семи разных монархов.

Он был семейным «гнездом» трёх не связанных между собой семейств эрлов Уорикских, а также резиденцией Бомонтов, Бошанов, Нэвиллов, Плантагенетов, Дадли и Гревиллов. Трижды во главе замка стояла женщина. Одиннадцать хозяев в пору владения замком были моложе 20 лет, включая двухлетнюю девочку и трёхлетнего мальчика. Трое владельцев погибли в бою, двое были казнены и один подло убит. Каждые сто лет замок переживал очередную «перестройку».

Из последних новшеств упомяну появившуюся здесь в 2005 году самую большую в мире катапульту-требуше высотой 18 метров и весом 22 тонны. На зарядку этой машины одним снарядом у восьми здоровых мужиков уходит полчаса. Расчетный вес снаряда равен 150 кг. Чтобы поднять 6-тонные противовесы четверым «катапультистам» приходится бежать, как белкам, в 4-метровых колёсах. В 2006 году эта дура установила мировой рекорд, выстрелив 13-килограммовым снарядом на 249 метров со скоростью 260 км/ч.

Рассказывают, что в том же 2006 году трое подростков во время школьных каникул разбили стекло стоимостью 20 000 фунтов и украли из замка церемониальный меч. Позднее меч был найден у изгороди дома неподалёку от замка. Дальнейшая судьба воришек лично мне неизвестна, однако думаю, что их родителям не поздоровилось.

А зимой того же года на территории замка было решено соорудить самый большой в Англии каток длиной 60 метров. Каток залили, а вот у природы спросить разрешения забыли. Зима выдалась необыкновенно тёплая, и каток замерзнуть отказался. Пришлось его переубеждать 14 тоннами специально привезенного из Гримсби льда.

Что касается приведений, то их в замке целое множество. Упомянутый Фулк Гревилл поплатился за то, что не включил в завешание своего слугу, Ральфа Хейвуда. И хотя фактически убит он был не здесь, а в Холборне, его дух по ночам исправно выходит из портрета хозяина и прогуливается по башне, а некоторые не только слышат его, но и видят. В подземной усыпальнице бродит привидение маленькой девочки. Есть ещё призрак собаки, которая воет в подземелье, а на уровне пола видны её красные глаза.

Я пошёл туда не ради призраков, которых мне хватает и на нашей подмосковной даче, а чтобы посмотреть сначала выставку «Сон о битве», в которой воссоздаются звуки и картины средневе-

ковья глазами спящего мальчика Уильяма, затем подземную тюрьму с пыточной камерой и, наконец, несколько зал восковых фигур, представляющих людей того времени, в частности, Ричарда Невилла, прозванного «Делателем королей» за его активное участие в войне Алой и Белой розы.

Последовательно переходя из помещения в помещение, вы обязательно окажетесь в Большой зале и парадных покоях, сплошь увешанных и уставленных рыцарскими доспехами и оружием. В 1871 году Большая зала пережила пожар, но была восстановлена на общественные пожертвования в размере скромных 9 651 фунта (что по нынешним меркам составляет порядка 670 000 фунтов). Если вы любите копья, пики, шлемы, щиты, железных коней, олени рога, сабли и шахматный пол – вам сюда. Мне же больше остального запомнилась посмертная маска Оливера Кромвеля в стеклянном ящике на стене.

В одной из комнат вас встретит восковой Генрих VIII и все его шесть жён. Дамы, надо признать, скучные, все на одно лицо и лишённые малейших признаков косметики.

Очень симпатично смотрится столовая, где мне удалось красиво сфотографировать вазу с цветами и где между рыцарями в доспехах стоит в ожидании гостей дама в нежно-жёлтом платье и с голубой лентой через плечо – не королева, но явно той же закваски.

Оказавшись снова на улице, вы можете теперь пройти по указателям и подняться на одну из башен. Только имейте в виду: обратной дороги нет. Вам придётся карабкаться на стены, спускаться и подниматься, преодолеть на своём пути 530 ступеней и, если всё сложится удачно, вы спуститесь за башней Цезаря. Прodelать это путешествие стоит, поскольку со стен и башен открываются замечательные виды на замок и окружающий город.

Туда мы, кстати, тоже наведались. Уорик – городок маленький. Тот десяток жителей, которых мы видели по пути, составляют часть его нынешнего 30-тысячного населения. Основной достопримечательностью является церковь св. Марии. Хотя бы потому, что в ней вы увидите красивые надгробья большинства владельцев замка.

В основном пределе священник проводил инструктаж группы веселящихся прихожан, двоим из которых вскоре предстояло пройти здесь обряд бракосочетания.

В маленьком закутке при выходе вы обнаружите деревянные полочки, на которых лежат чёрствые булки: раньше здесь было принято оставлять хлеб для бедняков.

Запомнился также ресторан на улице, над входом в который висела табличка с лежащей вверх копытами бурёнкой. Ресторан так и назывался – «Ленивая корова». Второй раз нам обедать не хотелось, и потому львиную долю времени до отъезда мы провели в антикварных лавочках.

Отъехали мы, правда, недалеко, в местный «Хилтон», где нас ожидала ночёвка, а до неё – праздничный прощальный ужин. Я специально не утомлял вас подробностями наших внутригрупповых взаимоотношений, поскольку они мало сказывались на восприятии поездки. Постоянный хохот австралийцев в автобусе был куда приятнее звуков, издаваемых астматичным товарищем из штатов, которого мы с Алиной по-доброму прозвали Харкушей. Он раздражал до крайности всех, кроме своей жены. Так получалось, что мы, как и остальные, старались избегать их за завтраками и в ресторанах, но то и дело оказывались соседями, что самим Харкушей воспринималось как знак благородной толерантности, и потому и он, и его жена выказывали нам с Алиной всяческие знаки уважения. На последнем ужине мы вообще оказались сидящими рядом и, как ни странно, внезапно перестали испытывать какое-либо отвращение. Харкуша совсем размяк и поведал нам о своей жизни, о детях, о службе морпехом во Вьетнаме, о том, что все, кроме нас, в группе – никудышные люди и т.п. Как я понял, именно эта пара отказалась скидываться на подарки Вари и Кёрсти. Зато мы и тут случайно оказались на высоте, сдав больше других (что, скажу по секрету, было всё равно гораздо меньше того, что мы собирались выложить за подарки, которые купили бы сами, если бы не спасительная «складчина»). Короче, могу вас уверить, что 41 англосакс теперь знает наверняка: русские – славные ребята, и на них можно положиться.

Глава 35 – Домой к «Шекспиру» – Могила Черчилля и мысли о прератностях жизни и смерти

Вот и настало время рассказать, почему я столь навязчиво заключаю фамилию самого знаменитого англичанина в кавычки.

Наутро мы в последний раз собрали чемоданы и поехали из Уорика в соседний Стратфорд. На том же Эйвоне.

По дороге нас завезли в какую-то симпатичную деревеньку, расставили и рассадили на лавках во дворике на фоне дома шекспировской жены, и фотограф с треножником запечатлел наши групповые улыбки.



Вари сидит в первом ряду крайняя слева. У неё за спиной – Кёрсти. В центре – негр Уилл с женой. Алина опять оказалась между мной и Харкушей. Брюс – во втором сверху ряду, второй слева, в кепке.

Даже если бы в Стратфорде-на-Эйвоне вообще никто не родился, городок этот стоило бы посетить. Он маленький и уютный, на его осмотр с заходом в магазинчики у вас едва ли уйдёт больше ча-

са. Нам, правда, выделили целых два. Ещё бы, ведь один дом, где родился гений английской литературы чего стоит!

А вот как это выглядит глазами очевидца, то есть моими.

На широкой по местным меркам улице Хенли-стрит вас выстраивают в очередь в современное здание Шекспировского центра. Вокруг домики куда более приятные, чёрно-белые, фахверковые, аптеки здесь называются на слегка старинный лад “*chemist*” (буквально, «химик»), в начале улицы стоит статуя шутов, словно насмехающемуся над нами, а вокруг развеваются рекламные баннеры с фотографией, на которой грязная доярка собирается поцеловать в пятак ещё более грязного поросёнка.

В самом Шекспировском центре вас в сопровождении женского голоса проведут по нескольким залам, на стенах которых висят самые разнообразные изображения «великого барда». Главным образом, искорёженные, абсурдистские, на которых всем знакомый портрет предстаёт то тем же шутком, то чёртом, то цветной кляксой. На плоском экране телевизора вам покажут фрагменты из фильмов, снятых по бессмертным пьесам.

Минут через пять вы оказываетесь в прелестном внутреннем дворике и, пройдя между кустиками и цветами, встаёте в очередь на вход в сам Дом – определённо старое, чуть покосившееся двухэтажное здание. К вам выходит хмурый привратник с открытым ртом, потухшим взором и видом любителя расчленённых маленьких девочек. Он угрожающе сообщает, что внутри дома любые съёмки запрещены. Я послушно выключаю технику и ещё минут шесть хожу по совершенно пустым комнатам, по сравнению с которыми любая из избушек в той деревне-музее, что мы посещали под Лимериком, покажется вам Эрмитажем.

Внутри нас встретил молодой смотритель, который поначалу решил, что может меня чем-то удивить, и предложил ответить на любые интересующие нас вопросы по поводу экспозиции. Я не стал спрашивать его о причинах отсутствия каких-либо книг в доме равно как и всего, что хоть как-то может намекнуть на то, что здесь жил не бомж, а маломальский писатель. Я сформулировал вопрос проще:

- Не могли бы вы мне показать хотя бы одну страничку, хотя бы одно слово, написанное рукой Уильяма Шекспира.

Смотритель задумался и, сохраняя весьма серьёзную мину, ответил:

- Здесь, в доме, нет, но вы можете обратиться в сам Шекспировский центр, там есть архив. – Он снова задумался и добавил: - Но вас туда, скорее всего, не пустят. Для этого нужно специальное разрешение.

Ларчик, как вы уже поняли, открывался довольно просто.



Сад и дом «Шекспира».

Выйдя на улицу, в тот же дворик, и помедлив у бюста непонятно каким ветром занесенного сюда Рабиндраната Тагора, индийского поэта, писателя, композитора, художника и вообще крупного общественного деятеля, я оглянулся на пустой дом-музей и припомнил всё то, что когда-либо читал по этому вопросу.

Начну с того, что сам дом, где 23 апреля 1564 года якобы родился «Потрясающий копьём» (именно так переводится торговая марка *Shakespeare*), был «восстановлен», а точнее будет сказать, построен лишь в XIX веке в стиле тюдоровского оригинала. Думаю, если вы читали эти мои записи с самого начала, то несколько не удивлены. Но посмотрим на другие факты.

Официально установлено, что автор произведений «Шекспира» обладал феноменальным активным словарём – порядка 25 000 слов, тогда как даже самые одарённые его современники типа философа Френсиса Бэкона использовали не более 10 000.

Кроме этого «Шекспир» неплохо владел французским, итальянским и латынью, разбирался в греческом, на пятерку знал историю Англии и античности, цитировал Монтеня, Ронсара, Ариосто, Боккаччо, Гомера, Плавта, Овидия, Сенеку, Плутарха. Причём как в переводе, так и в оригинале. Наконец, «Шекспир» знал юриспруденцию, риторику, музыку, ботанику, медицину, военное и морское дело.

Не я первый, как вы понимаете, задался вопросом «а дайте-ка глянуть на оригиналы почерка и хотя бы подпись» великого драматурга. Задолго до меня этим исследованием занялись маститые учёные, которые пришли к выводу о том, что вся его семья, то есть отец, мать, жена и дети были... безграмотными. О получении Уильямом образования тоже нет ни малейших свидетельств. Смотритель напрасно отправлял меня в архив: там тоже нет ни единого клочка бумаги с «автографом» поэта. Есть, правда, его завещание (которое обнаружили через сто лет после его смерти), но и оно писано рукой нотариуса. Кстати, в завещании расписаны все предметы вплоть до ложек и кровати, но нет ни одного слова хоть о какой-нибудь книге, тогда как уже в то время его потомки могли бы сделать на рукописях неплохое состояние.

Как вы думаете, какие похороны устроили Великому Барду соотечественники? Провезли в золотой карете до Букингемского дворца? Захоронили в Тауэре? Палили в его честь из пушек? Знаменитые писатели написали элегии на смерть коллеги по цеху? Были изданы десятки памятных сборников? Не угадали. В стратфордском приходском реестре была сделана короткая запись о его кончине. Можно также найти документы, подтверждающие, что Шекспир был мелким ростовщиком и постоянно судился со своими соседями на предмет взыскания долгов. Никакого великого поэта Шекспира современная ему Англия вообще не знала!

Если мои наблюдения заинтересовали вас и если вы не из тех, кто готов верить каждому слову учебников и хрестоматий, вы можете копнуть этот вопрос глубже сами. На тему шекспировского мифа, «мистификации тысячелетия» написано немало книг, а сегодня ещё и выходят фильмы-версии. Кто именно писал за него, был

ли это граф Рэтленд с супругой или целый сонм талантливых литераторов, подписывавшихся брэндом «Потрясающий копъём», до сих пор не установлено и едва ли когда-нибудь будет официально разглашено.

Свои выводы я сделал. И в итоге перешёл к написанию фамилии Шекспира в кавычках. «Гамлет», «Макбет», сонеты и множество других, весьма разножанровых произведений, безусловно, были, есть и будут. Чтение их в переводах познакомит вас с сюжетом и некоторыми мыслями, чтение в оригинале – с тонкостями оборотов и непереводаемыми внутренними смыслами английского языка. И если авторы этих вещей посчитали необходимым скрыть свои истинные лица, на то их полное право. Настоящее искусство, как писал ещё Уайльд, скрывает художника. Но при этом я тоже оставляю за собой право не принимать на веру всего того, что вдалбливают нам в головы и на чём всегда кто-нибудь делает себе капитал, будь то денежный, политический или культурный.

Однако нам пора двигаться дальше. Скоро полдень, вечером мы должны оказаться в Лондоне, а нам ещё нужно успеть осмотреть Оксфорд. Но для начала давайте сделаем небольшой круг, заедем в городок Блейдон и посетим ничем внешне не приметное кладбище возле церкви св. Мартина.

Начнём с небольшого исторического разбега.

Исаак родил Леонарда, Леонард родил Дженни, Дженни вышла замуж, сменила фамилию Джером и впредь называлась... Спенсер-Черчилль. В ноябре 1874 года она стала матерью Уинстона, будущего премьер-министра Великобритании, которого Адольф Гитлер называл не иначе как «пьяницей». И произошло его рождение неподалёку от блейдонского кладбища, во дворце Бленхейм (что должно произноситься как «Бленим»), который мы, увы, проехали мимо и лишь увидели на дальнем конце аллеи, тянущейся от распахнутых ворот.

Надобно заметить, что это единственный в Англии дом, который, не будучи резиденцией ни короля, ни епископа, называется «дворцом». Дом (по-прежнему один из самых больших в Англии) был подарен в начале XVIII века Джону Черчиллю, 1-му герцогу Мальборо «благодарной нацией» за победу над французами и баварцами при Блениме. Строительством дома-дворца занималась его жена, герцогиня Мальборо, в девичестве Сара Дженнингс, близкая подруга королевы Анны. Черчилли обитали в нём все последую-

щие 300 лет, добавляя, убирая, надстраивая, разрушая до тех пор, пока в конце XIX века от полного упадка его не спас своевременный брак 9-го герцога Мальборо с наследницей американского железнодорожного магната Консуэлой Вандербильт (где-то нам уже попадалась эта фамилия или мне кажется?). Дженни Джером, на которую всю жизнь буквально молился Уинстон, считавший, как примерный сын, что обязан ей всем, была в молодости писаной красавицей, жгучей брюнеткой, «со взглядом пантеры» по словам восхищённых современников. Тем удивительнее казался её мезальянс с лордом Рандолфом Черчиллем, далеко не красавцем со слабым здоровьем и умершим в возрасте 45 лет. Знававший его лично известный журналист и редактор Фрэнк Харрис считал, что Рандолф умер от банального сифилиса, который тщетно пытался вылечить на протяжении последних 20 лет своей жизни.



Папа и мама

У четырнадцатилетнего Уинстона появился брат, полное имя которого было Джон Странный «Джек» Спенсер-Черчилль. Мне до сих пор не удалось обнаружить причин возникновения этой клички Странный «Джек», однако по воспоминаниям сестры Дженни известно, что биологическим его отцом был 7-й виконт Фалмут, Ивлин Боскавен. Уинстон пережил младшего брата на 18 лет.

В 1904 году он познакомился с некой Клементиной Хозиер, мать которой, леди Бланш, по её же словам зачала девочку не от мужа, с которым в результате возникшего скандала развелась, а от

капитала Мидлтона, известного наездника. В 1908 году Уинстон сделал Клементине предложение, причём произошло это на территории дворца Бленхейм, в летнем домике под названием «Храм Дианы». Через год родился первый ребёнок (из пяти) – Диана. В 51 год Диана, сама родившая троих детей, развелась с мужем, а ещё через три года умерла.

Что касается Уинстона Черчилля, то про него вы и сами можете многое прочитать, если захотите. И о том, как он страдал шепелявостью (но ведь никто же, кроме меня, не обращает внимание на шепелявость поющей Мэрайи Кери); и как ненавидел Ганди за его пассивное неповиновение империи; и как сразу после войны не был переизбран англичанами (по весьма странной официальной версии исключительно потому, что подул «ветер перемен», и народ хотел идти не за тем, кто привёл его к победе, а за тем, кто приведёт его к миру); и как в 1953 году получил Нобелевскую премию «за мастерство исторического и биографического описания»; и как с лёгкой руки Джона Кеннеди стал первым в истории почётным гражданином Соединенных Штатов; и как его именем уже в конце XX американцы в лице Билла Клинтона называли один из эсминцев, нарушив старую традицию не называть свои корабли в честь не граждан США⁶⁰. Говорят, на старости лет у него усилилась болезнь Альцгеймера (проще говоря, слабоумие), хотя многие это отрицают. Как бы то ни было, прожил он 90 лет и умер в воскресенье 24 января 1965 года, день в день через 70 лет после смерти своего нездорового отца.

Похороны Черчилля стали самыми пышными государственными похоронами в мировой истории. Съехались представители 112 наций (кроме китайцев). Из европейских стран одна только Ирландия не транслировала это мероприятие по телевизору. Вообще же за процедурами наблюдало 350 миллионов зрителей.

По распоряжению королевы Елизаветы II тело пролежало в лондонском соборе св. Павла три дня – пока шло прощанье. Сама королева тоже явилась на церемонию, что в Великобритании вообще-то считается необычным явлением. После 19-кратного салюта гроб на вокзале Ватерлоо загрузили в специальный вагон, пристегнули к составу паровой локомотив № 34051 «Уинстон Черчилль» и отправили в последний путь. Эти похороны также вошли в историю

⁶⁰ Для любителей совпадений замечу, что этот эсминец относится к так называемому классу Алей Бёрк. Ничего не говорит? Тогда вспомните эдинбургское дело двух убийц – Бёрка и Хаза.

как самое представительное собрание государственных деятелей в истории.



Какое же удивление ждёт вас на кладбище, где вы увидите просто серый камень с рельефными именами Уинстона Спенсера-Черчилля и его жены Клементины. Никаких гор цветов или венков, никаких бюстов или скульптур, всё тихо, скромно и со вкусом. Присмотревшись, вы обнаружите, что все лежащие здесь камни также носят фамилию Спенсер-Черчилль, начиная от отца и матери Уинстона и заканчивая его племянниками и внуками.

Спенсер, Спенсер... уж больно знакомая фамилия, вы не находите? Ах, да, ведь так звали первую жену сына королевы, Чарльза, принца Уэльс-

ского, которая погибла в автокатастрофе в Париже в 1997 году! Точно, Диана Спенсер! Уже третья Диана за две последних страницы. Когда Чарльз за ней ухаживал, все домохозяйки охали, мол, какое счастье бедной девочке подвалило: простая учительница – и в принцессы! Потому что так её позиционировали тогдашние СМИ. Теперь уже всем (кто хочет) давно известно, что Диана происходила из одного из самых прославленных аристократических родов Англии, обязанных своей фамилией норманнскому дому Лё Деспенсеров. Свой герб этот род получил ещё в 1504 году. Правда, его связь с Деспенсерами некоторыми историками оспаривается. Называют даже имя некоего Ричарда Ли, который сфабриковал эту преемственность на геральдическом уровне, однако официально ничего не доказано (причём как в одну, так и в другую сторону). Кстати, на гербе Спенсеров вы можете увидеть три черно-белые ракушки, весьма похожие на ракушку нефтяной компании «Шелл». Но это так, к слову. Вообще же к предкам нынешних Спенсеров историки

относят такие известные фамилии, как Стюарты, Бурбоны, Медичи, Виттельсбахи, Гановеры, Сфорца и даже Габсбурги. А вы говорите – простая учительница!

О том, что незадолго до своей трагической смерти (или убийства, как считают некоторые исследователи, умеющие сопоставлять факты) Диана развелась с Чарльзом, вы наверняка знаете. И тут, хотите верьте, хотите сами думайте, сыграла свою роль дурная наследственность. Ведь и её мать тоже развелась, когда девочке было восемь лет. Одно горе с этими королевскими кровосмесительными, ой, я хотел сказать межродственными браками! Диана увлеклась своим тренером по верховой езде Джеймсом Хьюиттом. Её второй сын, принц Генри (которого все почему-то называют Гарри, хорошо ещё, что не Странным «Джеком», как водится у этих Спенсеров), родился точной копией тренера и не только за счёт своих рыжих волос, как принято говорить теперь, когда мальчика всё-таки приняли в королевскую семью. Глазастые фотографии нашли ракурсы, где Хьюитт и Генри-Гарри улыбаются: идентичность мимики в полном смысле на лицо. Хьюитт, правда, смалодушничал (или не хотел подводить подругу) и отрёкся от сына, сказав, что стал знаком с Дианой уже после того, как рыжий мальчуган начал ходить. Не будем спорить. Тем более, что Диана не стала ограничиваться этим «предателем», и скоро уже вся Великобритания читала записи её трепетных телефонных разговоров с бывшим артистом, а ныне креативным директором «Дискавери», Джеймсом Джилби. Озадаченный Чарльз был вынужден вспомнить свою давнишнюю пассиву, стареющую Камиллу Паркер Боулз, и сразу же в других «независимых» газетах были опубликованы цитаты из их приватных бесед. Кончилось тем, что Диана получила 17 миллионов фунтов отступных, свободу и обязалась хранить королевские тайны.

Примечательно, что когда герцог Эдинбургский попытался припугнуть принцессу Уэльскую, сказав: «Если ты будешь плохо себя вести, моя девочка, мы лишим тебя титула», Диана ему спокойно ответила: «Мой титул (т.е. леди Диана Фрэнсис Спенсер) гораздо старше вашего, Филип». Принц Уильям, к счастью тоже мало похожий на Чарльза внешне, хотел, чтобы к ней по-прежнему обращались «Ваше королевское высочество». Говорят, он пообещал: «Не беспокойся, мам, они снова будут так тебя величать, как только я стану королём». Уже после смерти Дианы выяснилось, что примерно в то же время она встречалась с пакистанским хирургом

Хаснатом Ахмадом Ханом. Что-то у них не заладилось, и тогда она переключилась на Доди Фаеда, сына египетского магната Аль-Фаеда, владельца самого дорогого магазина – «Хэрродс» (в который мы с вами ещё успеем заглянуть), а заодно и парижского отеля «Риц», откуда влюблённые отправились навстречу вечности. В последний день августа 1997 года оба погибли в автомобильной аварии. Аль-Фаед на протяжении десяти лет нехотя пытался доказать что Диану и его сына убили, выдвигая обвинения как против МИ6, так и против злопамятного герцога Эдинбургского, однако в итоге был вынужден свернуть знамёна со словами о том, что делает это только ради её сыновей.

Не знаю, куда он смотрел, но явно не на те странные факты, которые известны многим. Например, на то, как после аварии живую ещё Диану доставляли в больницу. От моста, где случилась авария, до больницы мы с вами дошли бы не спеша минут за 15. Диану везли на скорой помощи, ночью, когда движения очень мало. Представляете, сколько у них ушло на дорогу? Правильно – 30 минут. Раз ты скорая помощь, то должна возить умирающих пациентов тихо, осторожно, наверное, чтобы не расплескать. Авось по пути поправятся. Зато Диану почти мгновенно мумифицировали. Мол, она была в плохом состоянии, было жарко, кондиционеры плохо работали, а на неё пожелал взглянуть сам Жак Ширак, тогдашний президент Франции, да и безутешный разведённый муж с сестрами покойной мог с минуты на минуту нагрянуть. Аль-Фаед, правда, проявил наблюдательность и усмотрел в этом удачную попытку удалить из тела Дианы все признаки новой беременности. Кому хочется, чтобы у твоих царственных белых (и немного рыжих) внуков ни с того ни с сего появлялся родной чёрный брат, и даже не негр, а форменный арапчонок? Да, кстати, я, кажется, забыл напомнить, что герцог Эдинбургский, это тот самый муж королевы и отец Чарльза (скорее всего), который мечтает в новой жизни вернуться на землю в форме смертельного вируса.

Вот такое милое семейство, не худшая часть которого покоится на уютном кладбище в крохотном Блейдоне.

Глава 36 – Оксфорд – Как туда поступить и зачем?

Оксфорд напоминает почтенного профессора, который в силу возраста и интеллигентности уже не может угнаться за своими юными учениками. Они его слушают, кивают, но поступают по-своему.

Обычно, когда говорят «Оксфорд», имеют в виду старейший в англоязычном мире университет, хотя вообще-то Оксфорд – это полноценный город. Первыми здесь поселились саксы, которые и назвали своё поселение «бычьим бродом» – *Oxenforda*. В X веке броды были распространены гораздо больше мостов. Как и все города того времени, Оксфорд играл роль крепости, занимая стратегическое положение между двумя королевствами – Мерсия и Уэссекс. Бывали под его стенами и датчане. Однако наибольшее влияние на будущий центр образования оказало норманнское вторжение 1066 года, когда во главе города встал Роберт Д’Олили, распорядившийся первым делом построить замок. Замок никогда не использовался в военных целях, и остатки его дожили до наших дней. Зато в замке поселились монахи, один из которых, Джефффри Монмутский, в 1139 году написал здесь свою знаменитую «Историю королей Британии», опираясь, главным образом, на легенды о короле Артуре. Генрих II пожаловал Оксфорду статус «сити», чем лишний раз повысил его престиж и способствовал росту.

О том, когда именно Оксфорд стал университетским городом, нет однозначного мнения. Если вы захотите проверить правоту моего изначального утверждения, что это «старейший в англоязычном мире университет», и найдёте в Интернете список самых старых университетов в мире, то узнаете любопытную вещь: в графе «основание» против Оксфорда стоят две даты – 1167 и 1254 год. Кстати, знайте, что самым старым университетом в мире считается основанный в 1088 году университет в итальянской Болонье. Но в чём же дело с Оксфордом?

Говорят, что преподавание в Оксфорде на регулярной основе началось ещё в 1096 году, однако впервые в этой связи город был упомянут именно в 1167 году Генрихом II, который запретил английским студентам учиться в Парижском университете (в некото-

рых источниках сообщается, что иностранных студентов из Парижского университета в это время просто выгоняли). В 1209 году двоих студентов Оксфорда городские власти казнили. Чем именно эта жестокость была вызвана, увы, доподлинно мне выяснить пока не удалось, однако подозреваю, что «болезнью роста». Студентов стало много, они объединялись в группы, жили, кто где хотел, и, разумеется, враждовали между собой. Объединение происходило преимущественно по национальному признаку. К английским «северянам» примыкали шотландцы, к «южанам» – ирландцы и валлийцы. В конце концов, был издан указ, разрешающий студентам проживать исключительно в утверждённых залах. Так постепенно стало формироваться то, что мы сегодня знаем как отдельные колледжи, составляющие университет.

Упомянутый инцидент с городскими властями в 1209 году привёл ещё и к тому, что часть преподавателей покинула стены «альма матер» и основала ныне не менее знаменитый университет в Кембридже. С тех пор между обоими ВУЗами закрепились репутация непримиримых противников, которая раз в год выливается в знаменитое состязание по гребле между двумя восьмёрками. По состоянию на 2013 год представители Оксфорда выигрывали этот заезд на 6,8 км по Темзе 77 раз, представители Кембриджа – 81.

Развитию колледжей как таковых способствовало то, что в это время Европа открыла для себя греческих философов. Их труды теперь переводились (или писались?) на национальные языки, что стало катализатором научной мысли и познания мира через искусства. Церковь забила тревогу и начала предпринимать попытки примирить античную философию с христианской теологией. С тех пор в английском языке даже существует устоявшийся рифмованный термин – “*town and gown*”, подразумевающий под первым словом городских жителей, а под вторым – облачённый в чёрные мантии (*gowns*) школяров.

Конфликты, как вы понимаете, были неизбежны. Самым крупным до сих пор считается так называемый Бунт в день св. Сколастика, то есть 10 февраля 1355 года, когда двое оксфордских студентов повздорили с владельцем таверны «Суиндлсток» Джоном Кройдоном из-за качества тамошней выпивки. На мой взгляд, ничего иного и нельзя было ожидать в заведении, в названии которого стоит слово “*swindle*” (мошенничество). Как бы то ни было, перепбранка переросла в потасовку, и в голову Джона полетели недопи-

тые кружки. Вскоре драка переросла в вооруженное противостояние между горожанами и студентами. Мэр Оксфорда велел ректору арестовать обоих зачинщиков. Вместо этого двести студентов напали на самого мэра. Подтянулся и народ из пригородов, скандировавший «Ломай! Круши! Задай им дрозда!» (*Havoc! Havoc! Smyt fast, give gode knocks!*). Уличные бои продолжались два дня и унесли жизни 63 студентов и 30 местных. В результате спор был улажен в пользу университета. С тех пор на протяжении 470 лет каждое 10 февраля отмечалось проходом мэра и членов городского совета по улицам Оксфорда с непокрытыми головами и вручением университету по одному пенни за каждого погибшего. Традиция была нарушена в 1825 году, когда тогдашний мэр отказался участвовать в этом публичном покаянии.

Преподавание в Оксфорде прерывалось только в упомянутые 1209 и 1355 годы. Даже в гражданскую войну XVII века университет, вставший на сторону роялистов, спокойно работал.

Что касается второй даты основания, то в 1254 году папа римский Иннокентий IV вручил Оксфорду свою буллу, в которой наконец-таки признавал это ВУЗ (хочется сказать «этот ВУЗ», но ведь раз «заведение» – значит «это») университетом.

Кёрсти высадила нас на улице св. Жилия, а Вари довела до пересечения улиц Магдалины и Широкой и сказала, что теперь у нас есть ровно сорок пять минут на обед, после чего мы встречаемся именно в этой точке и идём смотреть достопримечательности. Только представьте! Бросить нас в центре наводнённого весёлыми толпами молодёжи незнакомого города, дать задание перекусить и быть пунктуальными! Притом, что Широкая улица (*Broad-street*) сразу же поманила меня многочисленными магазинчиками, в которых я рассчитывал купить какой-нибудь оксфордский сувенир – хотя бы рубашку с символикой. Увы, все магазины оказались китайскими барахолками, одну серую рубашку-поло я всё-таки ухватил (её после первой же носки пришлось заштопывать по швам, которые стали дружно расходиться), однако к радости познания нового и знаменитого примешивалось раздражение по поводу того, что нас зачем-то полдня продержали в пустом Стратфорде, а здесь, вместо того, чтобы дать вволю погулять, гонят по строгому расписанию.

В надежде быстро где-нибудь перекусить, мы свернули на улицу Зернового рынка (*Cornmarket-street*), проšliсь вместе с ожив-

ленным людским потоком мимо музыкантов, нашли какую-то не совсем переполненную забегаловку, получили на кассе деревянную ложку с цифрой 4, означавшей номер нашего заказа, долго ждали, быстро ели, а когда минут через 46 после расставания с Вари вернулись в точку сбора, обнаружили, что след нашей группы простыл...

Это была довольно неприятная неожиданность по двум причинам: во-первых, до сих пор всех опаздывающих спокойно минут по десять ждали (а тут одна лишняя минута, и «до свиданья, друзья, до свиданья»), а во-вторых, мы с Алиной ровным счётом не представляли куда идти, поскольку маршрут экскурсии знала только Вари. Пришлось полагаться на мою интуицию и подключение вечного студента к местному эгрегору⁶¹. В итоге мы спокойно прошли до конца Широкой улицы, с любопытством осмотрели очередь возбуждённых студентов в мантиях и их взволнованных родителей с фотоаппаратами и дежурными улыбками, свернули на Катте-стрит (*Catte-street*), полюбовались местным «Мостом вздохов», построенным в 1914 году по точному образу и подобию венецианского, свернули в первую попавшуюся арку и оказались внутри прямоугольного дворика Бодлеианской библиотеки, одной из старейших в Европе и называемой на местном студенческом жаргоне просто «Бод». Посреди дворика как ни в чём не бывало стояла Вари и вся наша группа. Вот уж точно тесен мир!

- А я уж почти вас потеряла, - сказала Вари.

- Мы тоже думали, что потеряли вас, - отшутился я и не стал развивать эту мысль дальше.

«Бод» относится к разряду так называемых депозитарных библиотек, которых в Великобритании всего шесть. В частности, по закону сюда направляется один экземпляр каждой книги, напечатанной в Ирландии. На дом она читиво не выдает и функционирует исключительно как читальный зал. Вообще-то исторически у каждого оксфордского колледжа есть собственная библиотека, однако в последнее время по каким-то причинам было решено собирать все издания под одной крышей⁶². Говорят, сегодня в ней находится порядка 11 миллионов книг. Уже к концу XVIII века библиотека настолько разрослась, что пришлось занимать соседнее здание —

⁶¹ Под которым я понимаю информационное поле коллективного разума.

⁶² Вероятно, если бы в своё время Александрийская библиотека была не одна, глядишь, от сгоревшей в ней мудрости предков что-нибудь бы да осталось.

замечательную ротонду Рэдклиффа (*Radcliffe Camera*), которая по праву считается самой заметной постройкой на территории университета и расположена на уже упомянутой Катте-стрит. Что касается последней, то в XIII веке её название писалось как *Kattestreete*, а ещё через двести лет она стала «переулком мышеловов» (*Mousecatchers' Lane*). В середине XIX века её переименовали в улицу Кэтерины, но потом спохватились, что такая улица в городе уже есть, и остановились на названии сегодняшнем.

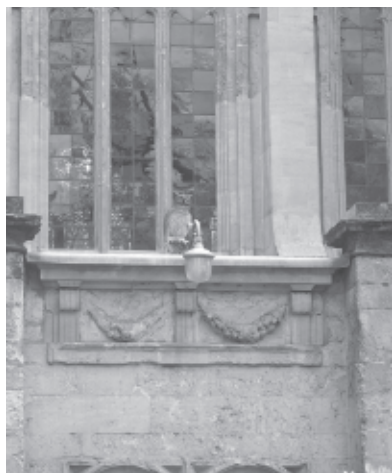
Студенты называют ротонду «Рэд Кам». Она огорожена низенькой изгородью, а вдоль изгороди стоят колесо к колесу и ждут хозяев издававшие виды велосипеды. Преподававший в Оксфорде Толкиен сравнивал ротонду с храмом Саурона.

Если посмотреть на план оксфордских колледжей, то все они представляют собой каре: четыре здания с площадью в центре. Помещения заняты под общежитие, столовую, классы, часовню для ежедневных молитв (а вы как думали!) и всякие мало кому нужные библиотеки.



Прямо напротив ротонды находился вход в колледж Бесстыжего Носа. Да, не удивляйтесь, как я уже неоднократно говорил, английские названия оставляют желать лучшего. Чего стоят одни только предметы одежды вроде знакомого всем джемпера (“*jumper*” = «прыгун») или свитера (“*sweater*” = «потелка»). Из отечественных странностей такого рода я могу вспомнить разве что водолазку (вероятно, названную так за плотное облегание бюста). Потому что телогрейка – вещь правильная во всех отношениях. Однако, вернёмся к Носу. Сегодня он не настолько выделяется, потому что название

колледжа пишется в одно слово – *Brasenose*. Но мы-то с вами любим иногда копнуть поглубже и знаем, что изначально это был именно *Brazen Nose*. На самом деле слово “*brazen*” имеет и более прозаический перевод – «бронзовый». Считается, что из бронзы был сделан нос, точнее, морда не то леопарда, не то льва, к которой крепилась дверная ручка, служившая заодно и дверным молотком. Было это в далёком XIII веке, когда на этом месте стоял ещё не колледж, а его предтеча, один из тех залов, в которых было велено селиться всем студентам. Официально считается, что колледж бесстыжего, простите, бронзового Носа открылся в 1509 году. Внутри все его помещения (а мы побывали в столовой и часовне) производят вполне благородное впечатление, ибо в убранстве преобладает любимое мною дерево, а в украшениях – гербы и портреты известных здесь личностей. Которых за 500 с лишним лет вышло их этих стен, сами понимаете, немало.



Во внутреннем дворике, кроме настенных солнечных часов, можно ухитриться увидеть фигурку филина (или совы). Подобные изображения, которые, если помните, мы встречали ещё в Кардиффе, удивляют своей кажущейся неуместностью. Однако для кого-то это явно определённый сигнал. Достаточно вооружиться лупой и рассмотреть однодолларовую банкноту, которую рисовал для молодых американских штатов сам Николай Рерих⁶³, чтобы обнаружить там крохотного совёнка, вплетённого в

узор в изгибе обрамления цифры 1. Или взглянуть на план улиц города Вашингтон, чтобы увидеть очень чёткий контур совы с яйцевидным телом, цепкими лапками и большими круглыми глазами. Так что черно-белый шахматный пол в часовне уже никоим образом не должен вас удивлять.

Часовня, разумеется, действующая, а воскресная молитва, четырёхжды прерываемая восклицанием «Амен» (т.е. «аминь» – не то от еврейского «да будет так», не то как воззвание к общему богу

⁶³ Хотя это утверждение считается «уткой».

всех основных религий – а слово это используется без перевода и в христианстве, и в мусульманстве, и в буддизме, – известному в Египте под именем Амон), насчитывает шестнадцать строк мелким шрифтом. Её произносят здесь по воскресеньям и на ежегодных обедах в честь бывших учеников.

Кстати, а как вообще становятся студентами Оксфорда?

Начнём с того, что нашего аттестата о среднем образовании для поступления туда будет недостаточно. Даже если у вас есть папа или мама, которые готовы выложить за своё чадо от 13 200 до 27 500 фунтов в зависимости от выбранного вами курса. В год, разумеется. Потому что таких как вы желающих с более весомыми сертификатами и при больших деньгах всякий год набирается порядка 20 000 желающих, из которых до ученических скамей доходит всего 3 500. В среднем, если разобраться, получается не слишком много: 5-6 человек на место. Помнится, в 80-е годы конкурс на мой «ромгерм» в МГУ составлял 11 человек на место. И ничего, даже такие недалёкие, как я, люди прошли. Было бы желание!

Но одного желания мало. Для того, чтобы вашу заявку в Оксфорде вообще рассмотрели, вы должны подтвердить свою «квалификацию», то есть иметь за плечами *A-levels* (на уровне *A*A*A** или *AAA*), *IB* (на уровне 38-40), *SAT* (в общем не менее 2100 баллов) или *ACT* (при 32 из 36). Не знаете, что это такое? Всё, вам крышка. На полном серьёзе. Потому что это некие международные образовательные стандарты, которые совершенно не говорят о том, какой вы умный или начитанный, а являются некой универсальной отмычкой к западным вузам). Кроме того, само собой, вы должны доказать уровень знания английского, поскольку учиться вам придётся без словаря и переводчиков. И уровень этот должен быть не менее 7.0 по всем четырём тестам *IELTS* или 110 по *TOEFL (internet-based)*, или 600 по тому же *TOEFL (paper-based)*. Нюансы опустим.

Сколько вам должно быть лет? От 17 и старше. Это по опыту. Хотя минимальных и максимальных ограничений вроде бы нет. Есть колледж Харрис Манчестер, куда принимают с 21 года и старше. С другой стороны, известны случаи, когда студентами Оксфорда становились дети 13 лет (Суфия Юсоф в 1997 году) и даже в 12 (Руфь Лоуренс в 1983 году). Кстати, бойкая Руфь, математический вундеркинд, закончила бакалавриат за два года вместо положенных трёх лучшей на курсе. Доктором математических наук она стала в том же Оксфорде, когда ей стукнуло 17. Диссертация

называлась «Гомологические представления групп кос». Говорят, ей удалось доказать, что эти группы кос на самом деле линейные. Кто бы мог подумать! В итоге в 27 лет она вышла замуж за израильского математика и теперь благополучно растит четверых детей.

Итак, если всем вышеперечисленным критериям вы соответствуете, смело вперёд. Первым делом нужно выбрать курс, который вы хотите изучать. И здесь, как и в женитьбе, нельзя прогадать. Вот из чего вы можете выбрать: археология и антропология, биохимия, биологические науки, биомедицинские науки, химия, классическая археология и древняя история, классические языки, компьютерная наука, науки о земле (имеются в виду разные геологии, географии и геоморфологии), экономика и менеджмент, инженерные науки, английский язык и литература, изобразительные искусства, география, история (древняя и современная), история искусств, гуманитарные науки, право, материаловедение, математика, медицина, современные языки и лингвистика, музыка, изучение Дальнего и Ближнего Востока, политика, философия и экономика (последние три как один курс), физика, психология (экспериментальная) и, наконец, теология. Понравилось? Выбирайте тщательно. Во-первых, сделав выбор однажды, вы уже не сможете его изменить. Во-вторых, в Оксфорде соблюдается строго академический подход, при котором вы всё время изучаете только избранный предмет и никакие другие. Это также означает, что, как видно из перечня курсов, вы, к примеру, не сможете в Оксфорде выучиться, скажем, на журналиста. Поскольку считается, что полученные академические знания позволят вам впоследствии этим журналистом стать самостоятельно. Помнится, поступив в МГУ, я тоже довольно быстро осознал, что получу там некоторые знания, но не профессию. Выбрав курс, лишний раз убедитесь, что ваша квалификация по данному предмету соответствует нормам, то есть, что вы, например, понимаете разницу между географией и геологией. После этого зайдите на сайт университета и проверьте, не нужно ли вам заранее регистрироваться и проходить тест по выбранному курсу. Решите, в каком колледже хотите учиться, или оставьте заявку «открытой». На самом деле разница невелика, поскольку, как я понимаю, деление на колледжи и принадлежность к ним никак не связаны с самим курсом, который вы будете изучать.

Теперь поспешите. Вам нужно направить заявление до 15 октября. Это притом, что учебный год начнётся в... октябре следую-

щего года. Да, да, на рассмотрение ваших бумажек и всё дальнейшее Оксфорд берёт 12 месяцев. Заявление, кстати, нужно заполнять по указанной форме вовсе не в Оксфорде, а в организации под названием UCAS, через которую проходят все, кто хочет учиться где бы то ни было на территории Великобритании. Именно она потом направляет заявки дальше.

Если на вашу заявку почему-то обратят внимание и не бросят в помойку сразу, то в декабре вам придётся пройти собеседование. Оно может быть очным, в Оксфорде, по телефону или через Интернет. Если вы – будущий светило точной науки, вам могут дать решить какое-нибудь уравнение; если вы выбрали гуманитарную дисциплину – прочитать и проанализировать какое-нибудь стихотворение. Предупреждаю: Пушкина, Лермонтова или Маяковского тамошние профессора если и знают, то понаслышке, так что учите Шекспира, Бёрнса, Уайльда и т.п. В январе результаты собеседования будут обнародованы, и вы получите (или не получите) извещение. К августу должны быть готовы все сертификаты, подтверждающие ваши способности (см. выше). После этого вам дают окончательный зелёный свет на расставание с деньгами, любимыми родителями и советской, простите, теперь уже российской действительностью. В октябре вас ждут за партой. Ура!

Или не ура? Ну, это кому как. Не забудьте напомнить родителям, что годовая сумма, указанная выше, это только тот минимум, после оплаты которого с вами станут разговаривать. Кроме неё им придётся платить по 6 200 фунтов в год конкретному колледжу, который вас решит взять под свою опеку. Ваше проживание в Оксфорде при минимуме запросов обойдётся вам ещё в 9 500 фунтов в год. Итого, если сложить все цифры, то получится где-то миллиона два с половиной рублей с хвостиком (при курсе 60 рублей за фунт). Занимает учёба в среднем 3 года. Если хотите кормить профессоров и дальше, идите в аспирантуру. Можете даже доктором стать. А потом укажите в резюме, что у вас диплом Оксфорда и ждите, когда вас позовут на высокооплачиваемую работу. Хотите поспорим, что даже в Москве на это никто внимания не обратит, а если и обратит, то только улыбнётся и вы пойдёте собеседоваться на общих равных.

Потому что вашу дальнейшую карьеру определит не столько образование, сколько связи и знакомства – вас и ваших многострадальных родителей. Либо вы должны чётко понимать, что домой

уже не вернётся, а будете пытаться зацепиться где-нибудь на погрязшем в кризисах Западе. Почему я говорю с такой насмешкой? Ну, во-первых, из зависти, во-вторых, не от большого ума, а в-третьих, вот вам ещё одно моё уже не связанное с той поездкой личное наблюдение.

Посетил я тут недавно выставку британского образования, проходившую в отеле «Риц», что на Тверской. Место пафосное, народу много, приятная английская речь, интересные персонажи, пища для ума, одним словом. Параллельно с выставкой, как водится, в нескольких залах идут презентации британских ВУЗов, преподаватели рассказывают о методиках, предметах, короче, любо-дорого послушать.

И вот слово взял очередной докладчик, оказавшийся профессором как раз из Оксфорда. Рассказывает профессор живо и интересно. Говорит весьма интеллигентно. Произносит слова более чем внятно. О том, что существуют в разных странах разные подходы к экзаменам, где-то, мол, предпочитают экзамены устные, а у них, мол, в Оксфорде, уже давно делают ставку на письменные: эссе. И пошёл дальше объяснять, как студентам приходится эти эссе писать, на что профессора обращают внимание при выставлении оценок и т.п.

В конце профессор задал аудитории задачку. Попросил мысленно расставить в порядке значимости следующие критерии оценки студенческих работ: *Answer the question* (ответ на вопрос), *Relevant information* (существенная информация), *Understanding* (понимание), *Content / knowledge* (содержание, знания), *English / spelling* (английский, грамотность), *Presentation / style* (изложение, стиль), *Argument* (аргументация), *Evaluation / own view* (оценка, собственное мнение), *Wide reading* (начитанность), *Structure / organization* (структура, организация).

Попробуйте, не заглядывая в нижеследующий ответ, представить себя на месте учителя и подумайте, что бы вы хотели найти в работах ваших студентов. Пробежитесь ещё раз по списку. Профессор из Оксфорда предложил называть хотя бы первые четыре пункта. Народ стал выкрикивать разные версии. Я знал, что без подвоха тут не обойтись (сказался опыт получения американского МВА и самый парадоксальный предмет – Право, где всё наоборот, если следовать человеческой логике), но почему-то взгляд мой зацепил-

ся за такой критерий, как «знание» (*knowledge*). Ну, устроен я, наверное, так криво, по-старинке.

Ну, как, подумали? Получилось? А вот вам начало правильного (по мнению профессоров Оксфорда, которому скоро 1000 лет стукнет) рейтинга критериев оценки:

1. *Answer the question* (ответ на вопрос)
2. *Understanding* (понимание)
3. *Argument* (аргументация)
4. *Relevant information* (существенная информация)

Дальше идут:

5. *Structure / organization* (структура, организация)
6. *Evaluation / own view* (оценка, собственный взгляд)
7. *Presentation / style* (изложение, стиль)
8. *Wide reading* (начитанность)
9. *English / spelling* (английский, грамотность)

И всё! А где же критерий под полюболюбившимся мне названием *Content / knowledge* (содержание, знание)? Профессор с улыбкой (но совершенно без иронии) объяснил, что этот критерий вообще не попал в рейтинг. И, как ни в чём не бывало, продолжил свою презентацию...

Какова мораль, спросите вы? Об образовании пишут много, очень много. Мало только толку. Наше, которое ещё где-то кое-как осталось, сближают с западным. Увы, как понимает бесправное большинство, этот процесс состоит в опускании нашего до уровня «ихнего». А определяющее общую температуру по больнице меньшинство продолжает посылать своих чад учиться на запад. Крестики ставить при выборе правильного ответа из трёх. И водить «фингерами» по «гаджетам». Ну, и конечно, писать умные эссе для оксфордских преподавателей. Которых ваши знания, оказывается (*surprise!*), даже не интересуют. Главное – правильно ответить на вопрос. А что есть «правильно», когда нет знаний? Разумеется, то, что вы услышали от профессоров, проявив *understanding* той *relevant information*, которая едва ли выходит за рамки пройденного, и выстроив всё это в правильный *argument*. Одним словом, если

про белое, вам сказали, что это чёрное, то правильным будет ответ «чёрное». Хороший *student*!

Из Оксфорда, чего греха таить, я уезжал с лёгким чувством голода. Не хватило каких-то пары часиков, чтобы не спеша погулять, пообщаться с народом, послушать, осмотреться. На прощанье наш автобус обогнул готический Мемориал Мучеников, двух епископов и одного архиепископа, которые в 1555 году за свои смелые мысли на тему порочности католической церкви были в этом самом месте сожжены заживо. Благодарные потомки вспомнили о них через 300 лет. Что ж, значит, всё-таки сегодняшняя ересь имеет шанс когда-нибудь оказаться той самой правдой, за которую стоило идти на костёр.

Глава 37 – Виндзор – Где деньги Лиз? – Итон и его нравы – «Хэроудс»

Если вы приехали в Лондон, осмотрели его в достаточной степени, чтобы потом сказать знакомым «Я там был», и у вас ещё осталось время, сядьте на электричку (самый простой, удобный и наиболее регулярный вид транспорта в Англии) и прокатитесь с ветерком в Виндзор. Посвятите этому полдня (а лучше – день), и вы сможете с полным правом заявить: «Я видел не только Лондон».

От центра столицы до городка Виндзор немногим более 30 километров. Собственно, если вы человек в меру любознательный, то наверняка не ограничитесь осмотром одного лишь Виндзорского замка, а перейдёте по мостику протекающую здесь Темзу и навеситите крохотный Итон, в котором расположена одна из самых знаменитых «независимых школ»⁶⁴ на свете. Заблудиться трудно, тем более что станция, на которой вам следует покинуть электричку, так и называется – *Windsor & Eton Central*. Отправляться удобнее всего с вокзала Пэддингтон и сделать одну пересадку в Слау (*Slough*).

В хрониках англосаксов Виндзор называется *Windles-ore*, что следует переводить как «лебёдка у реки». Теперь это место называется Старым Виндзором. Первый замок здесь выстроил неутомимый Вильгельм Завоеватель. Практически все последующие английские короли и королевы внесли свою посильную лепту в его перестройку. Вероятно, не зря Виндзорский замок называют «самым дорогим проектом мирского здания всего английского средневековья». Достаточно сказать, что последняя серьёзная реставрация, вызванная относительно крупным пожаром 1992 года обошлась англичанам в 36 с половиной миллионов фунтов. Сегодня он считается самым большим в мире обитаемым замком.

Я не знаю, сколько в нём насчитывается комнат, окон и дверей, однако предполагаю, что по размерам он сопоставим с двумя Версаями, да простят меня французы. В центре плана находится

⁶⁴ «Независимыми» называются школы, не получающие финансовых дотаций ни от государства, ни от местного правительства. Ещё такие школы именуют в Англии «публичными», и всего их насчитывается девять на всю страну.

Круглая Башня, датируемая 1080 годом, хотя осмелюсь предположить, что Вильгельм строил здесь первое оборонительное сооружение из дерева, и оно не сохранилось. Стена вокруг Башни образует Средний двор. А если призвать на помощь воображение, то это – центр огромного пропеллера с двумя лопастями. Одна лопасть называется Верхним двором, другая – Нижним. К Верхнему двору примыкает Сад Восточной террасы, созданный для короля Георга IV в начале XIX века.



Кстати не всем архитекторам разнообразие стилей застройки замка, сочетающих готику, рококо, георгианство, викторианство с мотивами барокко, приходится по вкусу. У вас тоже может возникнуть ощущение, что всё это лишь гигантская декорация для какого-нибудь спектакля под открытым небом, а не излюбленная резиденция британских монархов, где они живут с завидным постоянством, начиная с Георга V, переселившегося туда со всей семьёй в славном 1917 году. Именно он довёл количество местного персонала до 600 человек. И он же распорядился сменить потерявшее популярность в первую мировую войну с Германией немецкое династическое имя Сакс-Кобург-Гота на более благозвучное Виндзор.

Ехать в Виндзор лучше с утра, поскольку последнего посетителя в замок пускают в 15:15.

Что можно увидеть внутри? Довольно много всего. Главный вход (и ближайший к вокзалу) находится в башне Генриха VIII. Отсюда вы попадаете в Верхний двор и первым делом заходите в рыжую готическую церковь XVI века – часовню св. Георга. Здесь в гробницах покоятся десять британских монархов. Здесь же расположена мемориальная часовня принца Альберта, любимого и единственного мужа королевы Виктории.

Виктория, надо сказать, поначалу предпочитала сквозняки шотландского Балморала, а Виндзор считала «тюрьмой, скучной и утомительной». Вероятно, она вспоминала судьбу одного из своих предков, Карла I, для которого Виндзорский замок и в самом деле поначалу стал тюрьмой, а в конце жизненного пути – местом погребения.

Однако в Виндзорском замке было гораздо удобнее, чем в Лондоне, принимать заморских гостей, количество которых в ту пору резко увеличилось в связи с ролью Великобритании как крупнейшей империи, заинтересованной, в частности, в развитии железных дорог и всяких океанских пароходов. А уж спален для разных изобретателей, дипломатов, коммерсантов и государственных деятелей в замке хватало всегда. Ничего странного поэтому нет в том грустном обстоятельстве, что муж Виктории Альберт умер не где-нибудь, а именно здесь, в Синей спальне, в 1861 году, в возрасте 42 лет. Комната эта осталась в том же самом состоянии, в каком была при его жизни. Безутешная Виктория на несколько долгих лет обрекла Виндзор на траур. Редьярд Киплинг так и назвал её в одном своём стихотворении – «виндзорская вдова». Она совершенно забросила Букингемский дворец и перебралась сюда.

В центральной Круглой башне сегодня находятся королевские архивы и коллекция семейных фотографий. Достаивали её уже в XIX веке, главным образом наращивая и придавая более импозантный вид. Поскольку в действительности она далека от совершенства, в частности, из-за неровности ландшафта, так что идеально круглой её назвать можно лишь с известной натяжкой.

При входе в Верхний двор стоит конная статуя бронзового Карла II, который потратил немало своего времени и казённых средств на экстравагантные барочные интерьеры замка. Раньше статуя стояла в центре двора, но потом она стала мешать строи-

тельными работам, и её передвинули к подножью крепостного холма. По периметру Верхнего двора выстроены жилые и парадные апартаменты. Именно в парадных апартаментах, точнее, в зале св. Георга в 1992 году при ремонтных работах вспыхнул злосчастный пожар, бушевавший 15 часов и затронувший в итоге более сотни помещений. 200 пожарных потрудились на славу, то есть, ущерб от пролитой ими воды, как то часто бывает, оказался больше, нежели от самого пламени. После пожара разгорелся спор о том, на какие шиши, простите, фунты, ремонтировать замок. Традиционно все имущество Короны должно оплачиваться британским правительством. Тем более что, как и прочие государственные здания, Виндзорский замок не был застрахован. Когда народ осознал, что его в очередной раз собираются обворовать в пользу власть предержащих, которые владеют народами и странами не потому, что умные, а потому что родились от правильных родителей, в СМИ поднялась лёгкая буча: наиболее отчаянные журналисты требовали, чтобы за ремонт платила единственная квартирантка замка – королева. Компромисс нашёлся простой. Королева согласилась несколько раз в году открывать часть Букингемского дворца для туристов (с билетами, разумеется), а цены на вход публики в Виндзорский парк были подняты. Ремонтные работы велись шесть лет и стоили нации, как я уже говорил, почти 37 миллионов фунтов. В нынешних ценах, десять лет спустя, эта сумма соответствует порядка 50 миллионам. Как вы поняли, у королевы возник лишний PR-повод выставить себя эдакой бедной старушкой, которой приходится наскребать на ремонт по сусекам, чуть ли не идти в народ с протянутой рукой.

В самом деле, содержание Елизаветы II обходится государству (людям) в большие, но, в общем-то, вполне осознаваемые суммы. Так за свою «работу» она получает порядка 8 миллионов фунтов в год. Из которых она вынуждена отстёгивать зарплату персоналу, обслуживающему все её дома, домики, дворцы и замки. Кроме того, из неё же она выплачивает зарплату в размере 350 000 фунтов своему мужу за то, что он ходит за ней, жмёт руки гостям и хочет стать смертоносным вирусом. Упомянутые 8 миллионов, правда, должны скоро вырасти, потому что тори приняли закон, по которому зарплата бедной Лизе не может ограничиваться конкретной суммой, а должна быть пропорциональна королевским доходам. Каким? Ну, хотя бы за счёт инвестиций в ветряные мельницы-генераторы, которыми нынче уставлены все прибрежные воды во-

круг Великобритании. Мельницы принадлежат Короне. В ближайшие годы прибыль от них должна утроиться, а, следовательно, и зарплата монарха.

Кроме того, королева получает ежегодно порядка 30 миллионов фунтов «на булавки»: на поддержание дворцов и командировочные. Не может же она платить в дьюти-фри из своего кармана!

Кроме того, на государственном довольствии состоят все члены её большого семейства.

Ещё 100 миллионов выбрасывается каждый год на охрану королевского семейства. Вероятно, этого очень мало, потому что в резиденцию королевы постоянно проникают какие-нибудь подозрительные типы. Так в июле 1982 года безработный Майкл Феган без больших проблем пробрался не просто в Букингемский дворец, а в спальню Елизаветы II. Залезал он во дворец грубо, разбил по пути стеклянную пепельницу и спровоцировал сигнализацию. Кто-то из сотрудников дворца решил, что тревога ложная, и сигнализацию выключил. Королева проснулась, когда Феган задел шторы в её спальне. В газетах писали, что минут десять он сидел у неё на кровати и разговаривал. Недавно он уточнил, что на самом деле королева сразу вышла и попыталась вызвать охрану. Она дважды позвонила в полицию, однако никто не приехал. Феган попросил закурить, и служанка принесла ему сигареты. Поскольку служанка долго не возвращалась на своё обычное место, неладное первым заподозрил ливрейный лакей Пол Уайбрю. Оказалось, что вооружённый полицейский, которой должен был дежурить возле королевской спальни, отлучился: он выгуливал королевских собачек. В итоге Фегана обвинили в воровстве бутылки вина и полгода держали в психушке.

Между прочим, именно за ливрейного лакея выдавал себя журналист «Дейли Миррор» по имени Райан Перри, который два месяца провёл во дворце и потом разразился кучей забавных зарисовок из частной жизни королевского семейства. Его статьи сопровождались фотографиями. С одной стороны, откровения Перри англичан позабавили, с другой, заставили почесать в затылке и попытаться понять, на что же идут вышеупомянутые деньги, если личность и истинные намерения нового слуги мог установить любой, кто удосужился бы просто навести справки в Интернете.

Итак, на чём мы остановились? Ах, да, на том, что королева 10 лет собирала 36,5 миллионов фунтов. Если мы суммируем даже

официальные затраты налогоплательщиков на содержание её хозяйства, у нас получится порядка 176 миллионов фунтов. В год. Думаете, это большие деньги? Тогда пристегнитесь. Знаете, во что обошлось англичанам недавнее празднование бриллиантового юбилея супружеской жизни Елизаветы II с её вирусом? В 3 миллиарда фунтов. Радостное, конечно, событие, но мы с вами только что проехали по стране и видели много нищеты, забытых руин замков, пустые магазины (заполненные китайскими товарами, но не обнищавшими покупателями), выставленные на продажу дома, дома брошенные не от хорошей жизни, так что потратить даже 1 миллиард, даже 1 миллион тут тоже есть на что. Тем более что «по должности» королева так печётся о голодающих в Африке и вообще о том, чтобы мир стал радостным и справедливым. Продай она какую-нибудь свою булавку (не говоря уж о какой-нибудь из корон) на аукционе, запросто могла бы разом покрыть расходы на восстановление собственных виндзорских покоев после пожара. Ну да ведь не секрет, что в английском языке нет слова «совесть»⁶⁵...

В таких вот размышлениях мы с вами прошли по внутренностям Виндзорского замка, снова вышли в сады и теперь готовы идти дальше. Если у вас достаточно времени, рекомендую совершить приятный променад по длинной аллее парка, которая так и называется – Долгая прогулка (*the Long Walk*). Её протяжённость – 5 километров между ровными рядами каштанов и платанов. Раньше тут росли вековые вязы, но их после войны порубили.

Мы же с вами сегодня выберем другой маршрут, перейдём по Виндзорскому мосту Темзу и заглянем ненадолго в городок Итон. На мосту нет автомобилей – только мы с вами да велосипедисты. Мост существовал тут ещё с XII века, когда с проплывавших кораблей брали мзду в размере 4 фунтов, о чём свидетельствуют соответствующие записи в архивах. Современному мосту чуть меньше двухсот лет. С него открывается отличный вид на замок.

Прямо с моста мы попадаем на центральную улочку Итона – снова Хай-стрит. Название Итон со старого английского переводится довольно просто – “*Ea-tun*”, то есть “*river-town*”, иначе говоря «речной город».

⁶⁵ Знатки могут мне возразить, что есть слово “*conscience*”, но, увы, оно означает всего лишь «сознание». И потому когда речь заходит о вызывании именно к совести, англосаксы используют другие слова. Например, «Имей совесть!» будет буквально переводиться как «Имей сердце!» (*Have a heart!*), «потерять совесть» – «не иметь стыда» (*to have no shame*), а «делать на совесть» – «делать лучшее» (*to do one's best*) или вообще «делать хорошую работу» (*to do a good job*).

Сегодня, когда произносят «Итон», обычно имеют в виду не город, а знаменитую частную школу, основанную ещё в середине XV века королём Генрихом VI. По легенде, он хотел помочь мальчикам из малоимущих семей получить достойное образование и затем продолжить его в стенах Кембриджа, в Кингс-колледже. За образец Генрих взял Винчестерский колледж (основан в 1382 году), позаимствовав оттуда Устав, директора и нескольких учёных мужей.

Король носился со своим детищем, как с писаной торбой: дарил новой школе земли, готовил планы застройки (в частности, он хотел, чтобы у часовни был самый длинный в Европе неф, даровал различные религиозные реликвии, среди которых, говорят, были части Истинного Креста и Тернового Венца.

Сменивший его на троне Эдвард IV отобрал у колледжа все привилегии, а что мог, перетащил в Виндзор, в часовню св. Георга. Если бы не смелое вмешательство его любовницы, Джейн Шор, Итонский колледж вообще пошёл бы по миру. Дальнейшее существование заведения всецело стало зависеть от оборотистости стоявших в его главе прохвостов, иначе говоря – ректоров. Именно они занимались тем, что находили богатых спонсоров и на их деньги продолжали обустривать территорию.

Уже знакомый нам герцог Веллингтон, сам бывший итонец, любил приговаривать:

- Победа в битве при Ватерлоо была предопределена на игровых площадках Итона.

Это не совсем точно. На самом деле, считают историки, Веллингтон сказал:

- Там растут те, кто победил при Ватерлоо.

И в этом нет ни малейшего сомнения. Судите сами. Среди «старых итонцев», как здесь называют выпускников: 19 премьер-министров; писатели уровня Генри Филдинга, Олдоса Хаксли, Перси Биши Шелли и Джорджа Оруэлла (есть среди них и Ян Флеминг, автор «Джеймса Бонда»); ученые с мировым именем, владельцы и работники СМИ, актёры (в частности, Хью Лори – знаменитый Доктор Хаус); оба внука нынешней королевы.

Правда, не всё воспринимается так однозначно. Известный в Англии артист Доменик Уэст, говорят, настолько разочаровался в карьерных преимуществах, которые якобы дарует учёба в Итоне, что сравнил звание «старого итонца» с «позорным пятном, которое

в галерее дурной славы чуть выше по статусу, чем звание педофила».

Отличить маленького итонца на улице очень просто: ученики обязаны носить чёрные фраки с жилетками, фальш-воротничок и брюки в тонкую полоску. По первоначальной задумке форма (включая цилиндр и трость) предусматривалась для официальных мероприятий, но сегодня она одевается на все уроки.

В среднем на одного учителя приходится 8 учеников, мальчиков от 13 до 18 лет. В начале учёбы классы состоят из 20-25 человек, но к концу обучения это цифра падает до 10 и ниже.

Изначально в Итоне преподавали классические дисциплины – латынь и античную историю, а кто мог, брал ещё и древнегреческий. С конца XIX века набор предметов стал расширяться. Сегодня больше сотни учеников изучают, например, китайский. Есть и те, кто учит русский.

Кроме обычных классов, ученики имеют возможность вступать во всевозможные внутренние организации, называемые здесь «обществами». В таких обществах дискутируются разные темы, предлагаемые классным руководителем. Это могут быть вопросы музыки, религии, языкознания и т.п. На заседания обществ приглашаются сторонние лекторы. Среди последних были, в частности, замечены композитор Эндрю Ллойд Уэббер, Роуэн Аткинсон (известный нам как мистер Бин) и даже покойный Борис Березовский. Это тем более примечательно, что в прошлом Итон отличался крутым антисемитским нравом. Вплоть до того, что всех новичков какое-то время принято было называть «жидами». В 1945 году в школьный устав было введено предписание, по которому в Итон принимались лишь те, чей отец родился в Великобритании (про мать, разумеется, ни слова). Но в 60-е годы даже это ограничение отменили после того, как «ущемление прав на национальной почве в Итоне» попало под руку оксфордскому профессору логики Альфреду Аеру, еврею и, кстати, «старому итонцу».

Если ваш сын учится в Итоне (что обходится вам примерно в 30 000 фунтов год), его успехи вознаграждаются оценкой “*Show Up*”, что с натяжкой можно перевести как «превосходно». В редких случаях действительно замечательную работу ученика могут «повысить навсегда» (*Sent Up For Good*), то есть сдать на хранение в школьный архив. Плохую работу, напротив, оценивают как “*Rip*” (что я бы перевёл как «рвань»). Работу ученика физически надры-

вают сверху листа и в таком виде отдают классному руководителю на подпись. Ученики, получающие «рвань» с завидным постоянством, становятся кандидатами на «белый билет» (*White Ticker*). После получения которого ученика наказывают, что может включать работу по школе или бесконечное написание одних и тех же слов и предложений (раньше для этих целей обычно использовались латинские гексаметры). Введённая в последнее время более мягкая форма оценки называется “*Info*” (или «уведомление»), в чём тоже расписывается классный руководитель.

Учебный год делится на три «половины». Михайловская половина (*Michaelmas Half*) продолжается с начала сентября по середину декабря, Постная половина (*Lent Half*) – с середины января по конец марта и Летняя половина (*Summer Half*) – с конца апреля по начало июля. Название «половина», как вы понимаете, историческое, поскольку раньше учебный год действительно состоял из двух половин, между которыми ученики могли уезжать на каникулы домой. Экзамены, называемые здесь «испытаниями» (*Trials*), происходят в конце Михайловского семестра для всех учеников и в конце Летнего семестра для учеников первого и второго года.

Если ученик опаздывает на урок, или «секцию» (“*division*” или даже сокращенно “*div*”), ему велят три последующих дня с 7:35 до 7:45 расписываться в специальной «Книге опозданий» (*Tardy Book*). За более серьезные провинности ученика вызывают с урока к классному руководителю на разговор, который называется “*Bill*” (что я бы перевёл скорее не как «счёт», а как «иск»). В экстренных случаях ученика могут отстранить от занятий или исключить из школы. Если же на урок опаздывает учитель, его ждут ровно 15 минут, после которых ученики могут быть свободны. Ну, прямо как было у нас в Универе!

Раньше Итон был знаменит своими телесными наказаниями. Последнее «битьё» состоялось в январе 1984 года. Кстати, попавший тогда под горячую руку Себастьян Доггарт впоследствии сделал блестящую карьеру как артист, писатель, режиссер и... борец за права человека.

В октябре 2004 года Итон и Британию всколыхнуло дело Сары Форсайт, учительницы школы, которая сочла, что её уволили несправедливо, а именно: после того, как она не уступила нажиму старшего преподавательского состава и отказалась... писать курсовую работу для Генри-Гарри, рыжего внука королевы. Свой иск она

подкрепила в тайне сделанной аудиозаписью разговора. В результате суд встал на сторону бедной Сары, пожурил преподавателей Итона за недосмотр, но и отчитал саму Сару за запись частной беседы. В ответ руководство Итона выступило с заявлением, в котором, разумеется, отрицало свою вину по этому «необоснованному иску». Рыжего Генри-Гарри, разумеется, удалось полностью отбелить и сделать чуть ли не потерпевшей стороной.

В марте 2008 года четырёх учеников в возрасте от 13 до 14 лет исключили из школы за нападение на игровой площадке на постороннюю девочку. В результате нападения у неё не только была украдена сумка, но и сломано ребро. Было также выяснено, что незадолго перед нападением мальчишки крепко выпили и употребили наркотики. Ну да, зато Итон гордится тем, что если в 70-годы на всю школу был один компьютер, то теперь во все жилые комнаты и классы проведён Интернет. Интересно, что будет, если когда-нибудь феминистки возьмут верх, и в Итон станут пускать девочек?

Предоставляю вам самим возможность обдумать прочитанное, а я, пожалуй, вернусь к описанию заключительного этапа нашего путешествия. Ибо Виндзор и Итон уже остались далеко позади, и Кёрсти уже лавировала в лабиринте лондонских улиц и переулков. Автобус развозил нас только по тем двум гостиницам, в которых квартировали основные части нашей группы. Поэтому нам с Алиной пришлось брать кэб (что заняло положенные 2 минуты) и отправляться снова в район Пэддингтонского вокзала, в отель «Норфолк Плаза», расположенный на одноименной площади. Поскольку, заказывая заранее жильё, я предполагал, что близость к вокзалу будет стратегически важна для скорейшего переезда в Хитроу.

Откуда мне было знать, что напоследок Вари сделает нам поистине королевский подарок, а именно – продиктует номера телефонов двух контор, которые занимаются исключительно трансферами в аэропорт. Войдя в новую гостиницу, я первым делом попросил улыбчивого юношу на стойке регистрации позвонить по одному из них и попробовать заказать такси на завтрашнее утро. Первый же телефон сработал великолепно, и вопрос был решён без проводов.

Поясню, что я имею в виду.

Про 48 фунтов в один конец на экспрессе вы помните. Если вам претит толкаться с чемоданами в обычном поезде за меньшие деньги, вы можете поймать обычный кэб. В таком случае 25-минутное

путешествие обойдется вам фунтов в 65-75 в зависимости от того, где вы сядете. Нам же изначально была подтверждена сумма в 31 фунт. И ровно столько мы наутро водителю заплатили. Вот этот заветный телефон: 0208-723-64-**. Последние две цифры я готов сообщить всем желающим, кто напишет мне по адресу, указанному в конце книги.

Номер оказался большим и просторным, с видом на Лондон с 6-го этажа.

Слегка придя в чувство и испив невкусный кофе, мы взяли себя в руки, я сунул в карман самую крупную за всю поездку сумму наличности и повёл Алину на вечернюю прогулку в давно обещанное место – магазин «Хэрродс».

Ходить в «Хэрродс», как и смотреть на Эйфелеву башню в Париже, лучше вечером, когда всё шестиэтажное здание на улице Бромптон-роуд в районе Найтсбридж, что в западной части Лондона, превращается в огромную ёлочную игрушку, озарённое мириадами жёлтых лампочек. Там стоит побывать, даже если у вас нет ни денег, ни желания их потратить, если бы они были. Хотя бы для того, чтобы потом сказать, что побывали в самом большом универмаге Европы. Торговые площади занимают 90 000 квадратных метров. Второй по величине магазин в Великобритании, «Селфриджес», ровесник «Хэрродса», расположенный на Оксфорд-стрит, почти в два раза меньше. Девизом «Хэрродса» стало латинское высказывание *Omnia Omnibus Ubique*, что следует перевести как «Всё для всех и всюду». В подтверждение тому – 330 отделов, из которых самым известным (и посещаемым) является занимающий почти весь первый этаж Зал Продуктов.

Мы зашли в «Хэрродс», как ни странно, с определённой целью: купить подарок Алине, поскольку наш последний вечер в Лондоне совпал с её днём рождения. Мой карман грела кругленькая сумма в тысячу фунтов, из которых большую часть я готов был с удовольствием потратить. Тем более что моя жена относится к тому редкому типу женщин, которые не станут покупать всё подряд или, следуя девизу «Хэрродса», всего и побольше. Она обычно точно знает, чего хочет, и если не находит именно этого, то не покупает ничего. На протяжении всей нашей поездки она обращала внимание на укороченные куртки с тканевыми вставками. Обращала – громко сказано, поскольку ни единой подобной куртки, рождённой её во-

ображением, мы нигде не видели. «Хэрродс» был последней надеждой.

До закрытия было ещё часа полтора, так что мы решили совместить полезное с приятным и просто прогуляться по всем этажам, зайти во все отделы и в итоге составить себе полное представление о том, что даже в Лондоне считается «последним писком».

Проходя сквозь толпу, осаждающую красочные стеклянные прилавки Зала Продуктов, мы первым же делом столкнулись лицом к лицу с двумя нашими недавними спутницами, новозеландкой и австралийкой. Обменялись понимающими улыбками, пожелали доброго вечера, и пошли дальше.

Собственно, толпы народу вы встретите в «Хэрродсе» только здесь. Во-первых, потому что витрины действительно роскошные (кстати, тут, как в музее, запрещено фотографировать, а бдительные стражи притаились повсюду), а во-вторых, цены на еду всё-таки не такие страшные, как на всё остальное, так что можно купить какую-нибудь плитку редкого шоколада или головку эдакого сыра (не будете же вы покупать вон ту аппетитную свиную рульку, которая потянет килограммов на сто) и дальше идти по Лондону, помахивая бросающимся в глаза тёмно-зеленым пакетом с золотой узнаваемой надписью “*Harrods*”.

Хэрродсом звали основателя магазина, 25-летнего Чарльза Генри, который ещё в 1824 году основал свой бизнес, но не здесь, а на южном берегу Темзы, в районе Саутуарк (который на самом деле произносится почти как Сатек), где в те времена была фактически лондонская промзона. Фирма тогда торговала тканями и галантереей. Через десять лет, расставшись с бывшим партнёром, дважды сменив адрес и увлекшись продуктами питания (особенно чаем), Хэрродс решил воспользоваться приближающейся Великой Выставкой 1851 года, которая должна была проходить в Гайд-парке, и занял маленький магазинчик в районе Бромптона. Это и было место нынешнего гиганта. Начинался он с одной залы, двух помощников и одного мальчика на побегушках. К этому времени за дело взялся сын Чарльза – Чарльз Дигби Хэрродс. Именно он добавил в ассортимент лекарства, парфюмерию, канцтовары, фрукты и овощи. К 1880 году фирма уже скупала соседние дома, а в штате была добрая сотня сотрудников.

В декабре 1883 года произошло то, что сегодня мы назвали бы катастрофой – магазин сгорел дотла. Правда, мы с вами уже обсу-

дили немало пожаров, которые почему-то всегда оказывались кому-нибудь на руку. То же произошло и с Хэрродсом: Чарльз-сын умудрился выполнить все рождественские заказы и получил рекордную прибыль. В кратчайшие сроки и на том же месте было построено новое здание. «Хэрродс» впервые стал торговать в кредит с такими знаменитыми клиентами как Оскар Уайльд, Чарли Чаплин, Лоуренс Оливье, Вивьен Ли, Зигмунд Фрейд, а также с членами королевского семейства.

В 1898 году «Хэрродс» удивил Англию первой «движущейся лестницей» – эскалатором. Особенно нервным покупателям на верху эскалатора предлагали глоток бренди.

К тому времени Чарльз-сын уже почти десять лет как отошёл от дел, а магазин был продан на торгах Лондонской биржи. В современном виде здание предстало перед публикой в 1905 году. До середины века «Хэрродс» как фирма разрастался, покупая универмаги по стране и даже в далёкой Аргентине. Однако в 1959 году он сам не избежал той же участи и был продан холдингу Фрейзеров. В 1983 году ирландцы заложили в старенький Остин 14 кг взрывчатки, припарковали его возле магазина и предупредили о взрыве аж за 37 минут. Несмотря на это, погибли трое полицейских и трое гражданских.

Через два года братья Фаед перекупили «Хэрродс» за 615 миллионов фунтов. Вскоре Аль-Фаед, тот самый, что вяло пытался выяснить истинные причины гибели Дианы, обнаружил, что в Новой Зеландии есть городок Отороганга, в котором один из магазинчиков также называется «Хэрродс». Со свойственной египтянам настойчивостью он возбудил против владельца магазина уголовное дело за использование чужого брэнда. Он не хотел принимать во внимание того факта, что фамилия ответчика была Хэррод. В результате жители городка настолько возмутились происками Аль-Фаеда, что многие предприниматели переименовали свои магазины в «Хэрродсы». Закончилась тяжба тем, что сегодня сам город официально называется Хэрродсвилль. Под давлением прессы Ал-Фаед отозвал иск.

А в 2010 году Аль-Фаед объявил, что выходит из дела. Магазин за 1,5 миллиарда фунтов был продан холдингу Катара. Незадолго до этого Аль-Фаед поднимал в торжественной клятве два пальца и заверял общественность, что «Хэрродс» не продаётся, потому что «Мекка может быть только одна». Новый управляющий директор,

Майкл Уорд, недавно высказался за то, чтобы осваивать просторы Китая. Не знаю, получится ли у него эта затея, поскольку англичане (и арабы, которых в правлении львиная доля, включая премьер-министра Катара с бесконечно долгим именем) ориентируются на лондонских покупателей, среди которых, действительно, в последнее время отмечается преобладание китайцев. Я же лично желаю им успехов в Поднебесной, поскольку по моим наблюдениям средний китаец в Китае за много лет не заработает на то, чтобы пожить в «Хэрроде» какой-нибудь безделушкой.



Не знаю, как пойдут дела дальше, но в 2012 году из Зала Продуктов «уплыли» обе русалки, подпиравшие гигантскую Раковину: их продали с молотка на аукционе.

Не будет преувеличением сказать, что в «Хэрроде» можно купить всё – от изысканных продуктов, до игрушек и мебели. К услугам посетителей 32 ресторана, спасалон, аптека, парикмахерская, банк, портной, ремонт часов и многое другое. В праздничные дни, говорят, магазин посещают до 300 000 человек (для сравнения: это порядка 50 Государственных Кремлёвских дворцов). Их сегодня обслуживают более пя-

ти тысяч продавцов из более чем пятидесяти стран мира.

Прогуливаясь по залам первого этажа магазина, вы увидите два мемориала, посвящённые Диане и Доди. Один находится возле Египетского эскалатора. В пирамидальной витрине вы обнаружите фотографию обоих, винный бокал со следами губной помады Дианы и обручальное кольцо, которое Доди купил ей накануне гибели. Второй мемориал тоже расположен у эскалатора возле 3-го входа и называется «Невинные жертвы». Две бронзовые фигуры танцуют на пляже под крыльями альбатроса.

С 1989 года в «Хэрродсе» введён дресс-код. Из за него в магазин в свое время не пустили: солдата в форме, скаута, женщину с «могиканом» на голове, 95-килограммовую женщину и футболистов донецкого «Шахтёра», пришедших в тренировочных костюмах. Сегодня эти правила формально отменили, так что можете приходить, в чём хотите, но если вы не понравитесь местным зрителям, они имеют полное право вывести вас на свежий воздух. Одевайтесь опрятно, не ходите босиком или в шлёпках и избегайте спортивной формы, будь то плавки, купальники, шорты или велосипедное обмундирование.

В свою очередь «Хэрродс» тоже не уходит от критики. Главным образом за то, что сегодня это единственный в Британии магазин, продающий настоящие меха. Кроме того, руководство магазина обвиняли в сексизме и знаете, на каком основании? Мол, сотрудниц заставляют носить шесть видов макияжа, а сотрудников – нет! В последнее время выяснилось также, что в «Хэрродсе» под вымышленным именем отоваривается Асма Аль-Асад, жена президента попавшей под экономические санкции Сирии. Да как она смеет, вопиют журналисты. Тем более что официально деньги всего семейства заморожены послушными банкирами.

Поскольку я банками не пользуюсь принципиально, а в мае шорты ещё не ношу, нас с Алиной никто из магазина не попросил, и мы постепенно дошли до верхних этажей, где продавалась женская одежда. Надо сказать, что покупателей здесь значительно побавилось, и мы могли лениво ходить от бутика к бутику, трогая куртки и прицениваясь. Не буду вас томить, и скажу, что в итоге мы так ничего и не выбрали. То есть, я бы что-нибудь ей выбрал, но Алина не смогла найти то, что искала. Она признала, что висит здесь, действительно, «фирма» (чего я никогда, наверное, не пойму), хотя вся эта фирма, разумеется, сшита на Китайщине и не стоит и десятой части того, что за неё просят. Из тех двух курток, которые Алине в итоге приглянулись больше остальных, одна в наш бюджет вписывалась, но была в итоге забракована из-за цвета, а другая стоила 1 700 фунтов и не имела никакой практической ценности, поскольку доходила разве что до пупа, не грела и была девственно белой.

Несолоно хлебавши и не слишком впечатлённые (на мой взгляд, необычны в «Хэрродсе» только цены на обычные вещи), мы решили прогуляться по вечернему Лондону до центра, заходя

попутно в подобные магазины. Увы, нас и здесь ждало разочарование. Соседи старались держать ценники на высоте, но при этом не выдерживали конкуренции по ассортименту.

Вместе с часом закрытия неотвратно приближалось чувство голода, и мы махнули рукой, решив, что лучше провести вечер с толком в каком-нибудь ресторане, нежели тешить себя несбыточной надеждой купить нечто пригожее, когда этого просто нет в природе. Только поймите меня правильно: если бы моей жене было лет 15, и она гонялась бы за модными «шмотками», чтобы поразить подружек, я уверен, она бы наверняка себе что-нибудь присмотрела. Однако за тинэйджера её, слава богу, можно принять только внешне, а так она человек вполне взрослый и независимо мыслящий и потому привыкла думать своей головой, не слишком ориентируясь на мнение окружающих, которое, как мы с вами знаем, формируется теми же магазинами через журналы и телевидение.

Уютный магазинчик «Хэрродс» мы нашли на следующее утро в аэропорте Хитроу, где я в качестве приятного сюрприза, пока Али-на ждала в кафе с вещами, купил ей необычный шарф из разноцветных шелковых нитей, а себя побаловал симпатичным итальянским кошельком из серой кожи какой-то сложной отделки, отчего она на ощупь казалась почти пластмассовой. Главное, что на обеих покупках был нанесён лейбл многострадального магазина, а упаковала их пожилая продавщица в долгожданные зелёно-золотые пакетики.

Вместо эпилога

Я не знаю, какое впечатление оставила у вас эта книга.

Удивила ли причудливыми историческими совпадениями. Или позабавила схожестью глупостей и мудростей с теми, которые мы привыкли замечать у себя дома. Нашли ли вы в ней ответы на вопросы, что раньше занимали ваши мысли. А может быть, вы представляли себе описанные здесь области и города совершенно другими и теперь разочарованы или, напротив, пакуете чемоданы, чтобы самим всё увидеть и составить собственное представление.

Не знаю.

Я запечатлел здесь то, что видел, и потому несколько не претендую даже на малейшую объективность. Я лишь оставляю за собой право надеяться на то, что кому-нибудь эта книга поможет сэкономить время и деньги, и они в тысяча пятисотый раз отправятся в Турцию или Египет, а кто-то, напротив, решит, что вересковые пустоши, зелёные луга и продуваемые ветрами скалистые утёсы с полуразрушенными замками – вот то, что он всегда хотел увидеть в объективе фото- и видеокамеры, потрогать рукой и показать подрастающему потомству.

А быть может, кто знает, вам захочется стряхнуть с себя изнурительные цепи офисной жизни, выучить наконец-то столько раз не дававшийся вам английский язык, и свободным... нет, неправильно... вольным человеком отправиться смотреть мир, который гораздо больше Англий и прочих Шотландий с Уэльсами, но гораздо меньше, чем нам кажется, стоит только сделать первый шаг.

Удачи вам и до новых встреч на ограниченных лишь нашим воображением и знаниями просторах бесконечной в своей округлости Земли!

P.S. Если у вас после прочтения моих записок возникли какие-нибудь вопросы, а после просмотра фильма и фотографий на сайте *photo-britain.jimdo.com* появились интересные предложения, не стесняйтесь, пишите по адресу *shatilof@yandex.ru*.

P.P.S. Заранее прошу простить, если в тексте вам попались досадные опечатки. Всю жизнь с ними борюсь в своих книгах, но они неистребимы, как человеческая глупость...

В этом путешествии вас сопровождали и слегка направляли...



... Алина и Кирилл



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1 - Из которой вы узнаете о том, зачем для поездки в Англию нужно знать английский язык и иметь стальные нервы</i>	<i>3</i>
<i>Глава 2 – Из которой вы узнаете, что такое лондонский аэропорт Хитроу, и вынесете для себя несколько важных уроков по пользованию местным транспортом</i>	<i>16</i>
<i>Глава 3 - В которой мы увидим из окна гостиницы Гайд-парк и отправимся на первую прогулку по Лондону</i>	<i>25</i>
<i>Глава 4 - О Гайд-парке, Мраморной Арке, Оксфорд-стрит и, конечно, о виселицах</i>	<i>31</i>
<i>Глава 5 - В которой я буду разглагольствовать об искусстве, навещать Холмса, позировать среди мировых знаменитостей и облучаться лазером.....</i>	<i>40</i>
<i>Глава 6 – В которой мы ужинаем обедом, говорим о кладбищах, гуляем в Риджентс-парке и под дождём возвращаемся в гостиницу</i>	<i>52</i>
<i>Глава 7 – Второй день в Лондоне: английский завтрак и английская топонимика, Веллингтон, Букингемский дворец, Мэлл, Трафальгарская площадь, Национальная и Портретная галереи.....</i>	<i>59</i>
<i>Глава 8 – От Уайт-Холла до Вестминстерского аббатства под дождём.....</i>	<i>73</i>
<i>Глава 9 – От Биг-Бена до Тауэра</i>	<i>81</i>
<i>Глава 10 – Сити.....</i>	<i>94</i>
<i>Глава 11 – Стрэнд, Ковент-Гарден, Черинг-Кросс и Сохо, а также несколько советов тем, кто любит ночную жизнь</i>	<i>109</i>
<i>Глава 12 – Лондонские такси и первая встреча с группой.....</i>	<i>120</i>
<i>Глава 13 – Прочь из Лондона – Отчего в Англии ездят слева – Стоунхендж</i>	<i>128</i>
<i>Глава 14 – Солсбери: о готике и не только</i>	<i>146</i>
<i>Глава 15 – Бат.....</i>	<i>154</i>
<i>Глава 16 – Первое знакомство с Уэльсом</i>	<i>161</i>
<i>Глава 17 – Кардифф.....</i>	<i>170</i>
<i>Глава 18 – В которой мы гуляем по городку Пембрук, учим валлийский, садимся на паром и отправляемся к берегам Ирландии</i>	<i>179</i>
<i>Глава 19 – Ирландия: первое знакомство, ночёвка и посещение хрустального завода</i>	<i>189</i>

<i>Глава 20 – Красноречивый Бларни – Самый-самый ирландский – Кенмэр – Ирландское рагу и кое-что ещё</i>	201
<i>Глава 21 – По Кольцу Керри – Несколько слов о погоде, сказочных существах и ирландском кофе</i>	213
<i>Глава 22 – Лимерик. А также стихи, суп, Бунратти и немножко деревни.</i>	226
<i>Глава 23 – Голуэй и суд Линча – Замок у дороги – Вечер в Дублине</i>	236
<i>Глава 24 – Грустное очарование Глендалоха – Феникс-парк – Георгианский дом – Тринити-колледж и Келльская книга – Оскар Уайльд и Национальная галерея – «Толстяк» и «Гиннесс»</i>	253
<i>Глава 25 - В которой меня, наконец, укачает на корабле, мы прочитаем самое длинное название в мире, проедемся по Сноудони и влюбимся в Честер</i>	274
<i>Глава 26 – Вечер в Ливерпуле: о диалекте, инновациях, культурной каше, футболе, доках и одном очень странном здании</i>	283
<i>Глава 27 – Утро в Ливерпуле: о рекордах, соборе, «Титанике» и «Битлах»</i>	294
<i>Глава 28 – Через Озёрный край в Шотландию – Гретна-Грин – Шотландский флаг – Совсем немного истории</i>	308
<i>Глава 29 – Первое знакомство с Эдинбургом – Шотландский английский – Королевская миля – О чертополохе и подтяжках</i>	322
<i>Глава 30 – Новый город – Шотландский виски – Прогулка по замку – Тартан</i>	337
<i>Глава 31 – Пешком по Эдинбургу – Два слова о холодном оружии – Национальная галерея – О памятниках и не только – Съедобные хаггисы – Шотландские высоты</i>	350
<i>Глава 32 – По югу Шотландии – Вал Адриана, лебедь и церковь</i>	364
<i>Глава 33 – Йорк</i>	375
<i>Глава 34 – Грустный Ковентри – Замок Уорик</i>	383
<i>Глава 35 – Домой к «Шекспиру» – Могила Черчилля и мысли о превратностях жизни и смерти</i>	391
<i>Глава 36 – Оксфорд – Как туда поступить и зачем?</i>	401
<i>Глава 37 – Виндзор – Где деньги Лиз? – Итон и его нравы – «Хэрродс»</i>	413
<i>Вместо эпилога</i>	429



По поводу занятий английским языком обращайтесь на сайт:

best-repetitor.jimdo.com

Если у вас появились вопросы или предложения к автору, смело пишите по адресу:

shatilof@yandex.ru

Другие произведения автора:

- *«Осенью осенённая»*
- *«Английский язык в миниатюрах»*
- *«Английский язык: от правил к исключениям»*
- *«Торлон»*
- *«Торлон. Война разгорается»*
- *«Торлон. Зимняя жара»*

Кирилл Шатилов

Ш28 Солнечный Альбион.—М.: «Сам Полиграфист», 2014—436 с., ил.

ISBN 978-5-499-00609-2

Кирилл Шатилов
Солнечный Альбион

*Честный путеводитель
по Великобритании и Ирландии*

Подписано в печать 10.11.2014 г.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Заказ № 49691.

Отпечатано в типографии «OneBook»
ООО «Сам Полиграфист».
129090, г. Москва, Протопоповский пер., д. 6.
www.onebook.ru

ISBN 978-5-499-00609-2



9 1785499 006092

Эта книга для тех, кто любит думать и путешествовать. Её автор, побывавший во многих уголках света, от Швеции до ЮАР и от Японии до Бразилии, в живой и познавательной форме описывает свои странствия по Англии, Уэльсу, Шотландии и Ирландии. Прочитав её, вы, наконец, узнаете:



- как получить английскую визу и не получить воспаление мозга;
- кого берут в лондонские таксисты и почему у них левостороннее движение;
- сколько зарабатывает и тратит королева;
- как поступить в Оксфорд и что творится в Итоне;
- зачем целуют ирландские камни;
- кто, когда, а главное – зачем построил Стоунхендж;
- зачем устроили Великий пожар, и кому это было нужно;
- чем английский язык отличается от шотландского, ирландского и валлийского;
- в каких соборах вкуснее готовят;
- как правильно пить «Гиннесс», из чего варят самогон в Ирландии и в чём особенность шотландского виски;
- что случилось с «Титаником»;
- отчего шотландцы едят хаггис;
- почему фамилию «Шекспир» нужно писать в кавычках;
- чего нельзя купить в самом большом магазине Европы;

и многое, многое другое...